

ISSN 2072-8549

В

ЕСТНИК

Московского
Государственного
Областного
Университета

*Психологические
науки*

Том 1

№ 2 / 2010

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2010**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель редсовета, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя редсовета, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – кандидат философских наук, профессор
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Психологические науки»:

Булгаков А.В. – ответственный редактор, доктор психологических наук, профессор
Барабанчиков В.А. – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор
Кондратьев М.Ю. – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор
Ханс Бигерт – почетный доктор МГОУ (Германия)
Орлова Е.А. – доктор психологических наук, профессор
Шнейдер Л.Б. – доктор психологических наук, профессор
Шульга Т.И. – доктор психологических наук, профессор
Ясвин В.А. – доктор психологических наук, профессор
Фирсов М.В. – доктор психологических наук, профессор
Крук В.М. – кандидат психологических наук, доцент
Резванцева М.О. – кандидат психологических наук, доцент
Вайндорф-Сысоева М.Е. – кандидат педагогических наук, доцент
Иванова М.Е. – кандидат педагогических наук, доцент

Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». – № 2. – 2010. – М.: Изд-во МГОУ. – 180 с.

“Вестник МГОУ” (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., с. 5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК в редакции 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010
© Издательство МГОУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

КУЗЬМИНА Е.И., МОРОЗ О.С. Свобода от фрустрации и жизнестойкость	5
ЦВЕТКОВ А.В., ГАВРИЛОВ С.В. Апробация методики разработки символа к исследованию образной сферы профессионала	9
СЛАВГОРОДСКАЯ Е.Л. Концепция психической регуляции О.В. Дашкевича	13
СЕРДЮКОВА Е.Ф. Особенности структур интегральной индивидуальности студентов с различным выходом из тяжелых жизненных ситуаций	19
СОЛДАТОВ Д.В., ЖИЛЬЦОВА О.Н. Оптимизм и пессимизм в образе будущего подростков	22
ЦЫГАНКОВА П.В. Взаимосвязь перфекционизма с особенностями самосознания при аутодеструктивном поведении	28
НИКИШИНА Н.А. Способ изучения структуры функциональных систем познавательных способностей	33
ПАНИНА Е.В. Анализ отечественных концепций структуры самосознания	39
ИВАНОВА А.Р. Медико-психологические аспекты женского бесплодия	42

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЕВЕНКО С.Л. Социально-психологическая концепция отклоняющегося поведения: основные детерминации психологические механизмы	47
ФИЛИНKOBA Е.Б. Некоторые социально-психологические характеристики современных исполнителей	52
СИТНИКОВ А.П. Функции и направления деятельности «фабрик мысли» в политической жизни стран	66

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПОТАНИНА Л.Т., ИЛЬЯСОВ И.И. Изучение уровней сформированности образно-символического языка у педагогов	80
КРЫЖАНОВСКАЯ И.В. Психологические особенности формирования профессиональных интересов студентов вузов экологической направленности	85
ШЛЯПНИКОВ В.Н. Перспектива формирования волевой компетентности личности в системе вариативного образования	90
ФИЛАТОВА А.Ф. Типология характеров подростков	98
КОМКОВА Е.И. Корреляционный анализ когнитивно-личностного развития детей, воспитывающихся в разных условиях	103
БУЛГАКОВА Е.А. Психологическая диагностика моральных представлений современной российской молодежи	107
ВОРОБЬЕВА К.А. Влияние внутрисемейных особенностей на формирование агрессивных установок личности у подростков из полных и неполных семей	117

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДМИТРИЕВА Л.М. Психологическая модель гендерных конфликтов женщин-военнослужащих	124
КАЗЬМИНА А.В. Формирование навыков профессионально-социальной безопасности в процессе подготовки социальных педагогов в вузе	129
НОСС И.Н. Влияние личностных особенностей на виртуальную коммуникацию	132
СКВОРЦОВА И.Б. Особенности психических ресурсов старших школьников (14-17 лет): интеллект, защитные механизмы личности, эмпатия	140

РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

ШИБАКОВА Т.Л. Психологическое консультирование семей, зависимых от психостимуляторов	146
ТОКАРЕВА Ю.А. Формирование эффективной воспитательной практики отца	150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы научной дискуссии: проблемы охраны авторских прав в психологии	156
БАТУРИН Н.А., МИНБАЛЕЕВ А.В. Проблемы охраны авторских прав на психологические продукты	157
НАШИ АВТОРЫ	173

CONTENTS

SECTION I. THE GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

E. KUZMINA, O. MOROZ. Freedom from frustration and hardness	5
A. TSVETKOV, S. GAVRILOV. Symbol elaboration test approbation to studying of professionals' image sphere	9
E. SLAVGORODS'KA. Concept mental regulation O. Bashkevich	13
E. SERDJUKOVA. The feature of structures of integrated individuality of students with various escaping from heavy vital situations	19
D. SOLDATOV, O. ZHILTSOVA. Optimism and pessimism in juvenile imagination of the future ...	22
P. TSYGANKOVA. Interrelationship of perfectionism and peculiarities of self-consciousness with auto-destructive behavior	28
N. NIKISHINA. Peculiarities of structural organization of functional systems realizing cognitive abilities	33
E. PANINA. The analysis of Russian concepts of self-consciousness structure	39
A. IVANOVA. Medical and psychological characteristics of women during infertility treatment ...	42

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

S. EVENKO. Theoretic-methodological basis of deviant behavior	47
E. FILINKOVA. Some socio-psychological characteristics of modern workers	52
A. SITNIKOV. Functions and activity directions of "think tanks" in countries' political life	66

SECTION III. PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

L. POTANINA. A study of the figurative-symbolical language development in school teachers	80
I. KRYZHANOVSKAYA. The psychological peculiarities of forming professional interests of ecologically oriented institutes students	85
V. SHLYAPNIKOV. Prospects for a strong-willed competent individuals in the system variable education	90
A. FILATOVA. The typology of the characters of the teenagers	98
E. KOMKOVA. Correlation analyse cognitive-personal development primary scholer's and juveniles, raising in different conditions	103
E. BULGAKOVA. Psychological diagnostics of moral representations of modern Russian youth ...	107
K. VOROBYOVA. Intrafamily features influence on the genesis of aggressive personality attitudes in teenagers from complete and incomplete families	117

SECTION IV. PROFESSIONAL WORK PSYCHOLOGY

L. DMITRIEVA. The oretical principles of gender conflicts' model of female military personnel. Conditions of conflict resolution	124
A. KAZMINA. Forming skills of professional social security in the preparation of social workers in the university	129
I. NOSS. Influence of personal features on the virtual communications	132
I. SKVORTSOVA. Psychic resources in senior high scholars (14-17 years old): intellect, defense mechanisms, empathy	140

SECTION V. PSYCHOLOGICAL CONSULTATION

T. SHIBAKOVA. Counselling families dependent on stimulan	146
Y. TOKAREVA. The formation of an effective father's upbringing practice	150

SCIENTIFIC LIFE

Materials of scientific discussion: problems of protection of copyrights in psychology	156
N. BATURIN, A. MINBALEEV. Problems of protection of copyright on psychological products ...	157
OUR AUTHORS	173

РАЗДЕЛ I.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922

Кузьмина Е.И., Мороз О.С.

СВОБОДА ОТ ФРУСТРАЦИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ*

Аннотация. В статье рассматривается соотношение жизнестойкости и свободы от фрустрации, приводятся результаты эмпирического исследования детерминант свободы от фрустрации, а также данные, свидетельствующие о том, что жизнестойкость способствует освобождению от фрустрации.

Ключевые слова: свобода, жизнестойкость, фрустрация, свобода от фрустрации.

Действительно ли *жизнестойкость* способствует преодолению *фрустрации*, которая определяется «как психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания... Высокий уровень фрустрации приводит к дезорганизации деятельности и снижению её эффективности. Возникновение фрустрации обусловлено не только объективной ситуацией, но зависит и от особенностей личности» [1, 580]. Данное состояние возникает в ситуации разочарования, неосуществления значимой для личности цели, потребности. Оно проявляется в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности. Защитные реакции при фрустрации могут проявиться в агрессивности, апатии, уходе от трудной ситуации (в т.ч. переносе в воображаемый план, в мир фантазии, изменении деятельности на ту, в которой человек успешен), компенсации – когда удовлетворяются другие потребности в иной сфере жизнедеятельности, снижении сложности поведения (иногда до уровня глубокой регрессии, так как в результате возросшего напряжения затормаживаются более тонкие и сложные структуры регуляции деятельности), вытеснении – неприятные мысли устраняются из сознания. Нередко наблюдается остаточная неуверенность в себе, проявление коупинг-реакций в результате фиксации предпринимаемых в ситуации фрустрации способов действия. То, как человек переживает фрустрации, отражается на его характере.

Фрустрация выступает одним из источников неврозов.

Свобода, с позиций рефлексивно-деятельностного подхода [1] – осознание, переживание и изменение человеком границ пространства своих виртуальных возможностей. В ходе осознания и деятельности, в единстве процессов рефлексии, переживания и деятельности человек достигает свободы, которая понимается как состояние человека, возникающее в результате самоопределения – построения такого отношения к границам пространства своих виртуальных возможностей или изменения этих границ, где преодолеваются препятствия самореализации. Человек свободен, когда при столкновении с препятствием в значимой деятельности осознаёт противоречие и поступает по внутреннему убеждению в соотношении с принятыми в обществе нормами, правами, законами – в соответствии с долгом, ответственностью. Отечественный философ И.А. Ильин полагал, что долг и дисциплина, верно и глубоко поняты человеком, суть лишь видоизменения его внутренней свободы, которая добровольно принимает их и свободно определяет себя к внутренней и внешней связанности.

Одним из феноменов свободы можно считать *освобождение от фрустрации*. Преодоление препятствия в деятельности выступает особым этапом достижения свободы, на котором человек разрешает противоречие между «Я-ограничено» и «Я-безгранично», осуществляет прорыв к новым возможностям.

Что же способствует освобождению от фрустрации? Ответ на этот вопрос нацеливает родителей, психологов, педагогов на формирование фрустрационной толерантности, развитие индивидуальных качеств личности и особенностей ума, жизнестойкости, которые позволяют человеку противостоять фрустрирующим факторам, осуществлять саморегуляцию, не доводить себя до аффекта.

* © Кузьмина Е.И., Мороз О.С.

Личностное качество *жизнестойкость* (англ. *hardiness*) предложено и изучается С. Мадди и С. Кобаса с 80-х годов XX в. С. Мадди определяет жизнестойкость как интегральную личностную черту, ответственную за успешность преодоления личностью жизненных трудностей; она рассматривается в тесной связи с проблемами совладания со стрессом. Жизнестойкость включает в себя три компонента: вовлеченность – степень интегрированности субъекта в деятельность (в широком смысле – в жизнедеятельность); контроль – степень осознанности действий, признание ценности самоконтроля; принятие риска – готовность идти на риск, прогнозирование затрат на достижение цели, убежденность человека в том, что всё то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, опыта. Выраженность этих компонентов в жизнестойкости препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами, восприятия их как менее значимых. Получается, что жизнестойкие не доводят себя до фрустрации и аффекта, а если и попали во фрустрирующую ситуацию, то стремятся как можно скорее найти конструктивный выход из неё, добиться своей цели с минимальными потерями.

При изучении свободы как сложного многостороннего явления было проведено на студенческих группах эмпирическое исследование одного из её феноменов, а именно, свободы от фрустрации, в результате чего обнаружены детерминанты свободы (и несвободы) от фрустрации [4]. На основании проведения фрустрационной методики С. Розенцвейга, экспертного опроса, множества личностных тестов, корреляционного и факторного анализа выявлено следующее:

- Доминирование необходимо-упорствующего (NP) типа реакций является показателем свободы от фрустрации. Необходимо-упорствующие реакции отражают потребность человека найти конструктивное решение конфликтной ситуации.

- Более свободны от фрустрации люди с высоким уровнем интеллекта, способные быстро находить главное и переключаться от незначительного к наиболее ценному в ситуации принятия решения, способные глубоко осознавать противоречие, ситуацию фрустрации, понять её причины, мотивы деятельности, предвосхитить возможные пути поведения и их последствия и выбрать оптимальный вариант, а также уверенные в себе, ответственные, хорошо контролирующие свои эмо-

ции и поступки, дипломатичные, активные, с высоким жизненным тонусом, позитивным отношением к другим.

- Поскольку на конструктивный выход из фрустрирующих ситуаций влияют не только интеллект, но и импунитивность (тенденция никого не обвинять в случившемся), высокий уровень субъективного контроля (интернальность), высокое супер-эго, высокая самооценка по фактору свободы, то можно утверждать, что человеческое в человеке, духовное “Я” (ответственность, нравственность, совесть, доброта, самоуважение, уважение прав других людей) помогают ему освобождаться от фрустрации. Глубокие размышления о духовной составляющей, помогающей человеку преодолеть жизненные трудности, мы встречаем в текстах мыслителей, поэтов. Так, в статье “Вольтер” (1836 г.) А.С. Пушкин пишет: “...Независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы”.

Дальнейшее исследование (в рамках научного руководства конкурсной работой курсанта четвертого курса О.С. Мороза) было направлено на изучение связи между свободой от фрустрации и жизнестойкостью. Гипотезой выступило предположение о том, что для людей с высоким уровнем жизнестойкости характерен необходимо-упорствующий тип выхода из ситуации фрустрации.

Профессиональная деятельность военнослужащих – полководцев, командиров часто проходит в экстремальных условиях, когда необходимо быстро принять верное решение и незамедлительно выполнить приказ, сохранить жизнь своих подчиненных [2; 3]. Категория жизнестойкости в той или иной трактовке военных специалистов выделялась как значимое качество военнослужащих. Русские полководцы, выдающиеся командиры понимали роль жизнестойкости солдат в бою; в личности солдата и офицера они поощряли, по сути дела, компоненты жизнестойкости – вовлеченность, принятие риска, контроль.

Ниже приводятся результаты исследования жизнестойкости и путей выхода из ситуации фрустрации, проведенного среди курсантов военно-психологического факультета Военного университета (28 человек).

Этапы эмпирического исследования:

- I. Исследование путей выхода из ситуации фрустрации по тесту С. Розенцвейга.

- II. Определение уровня жизнестойкости по тесту С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой) [5].

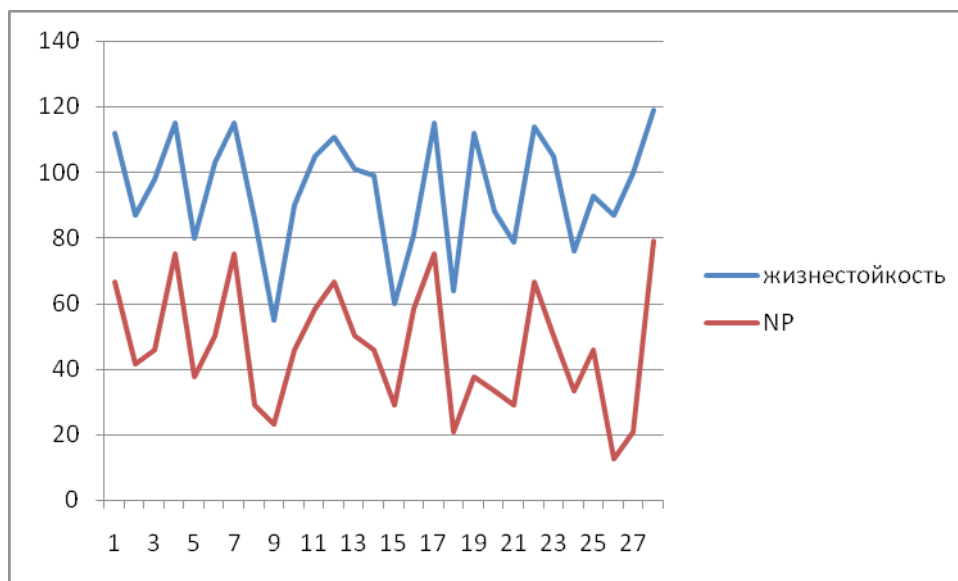

Рис. Соотношение показателей жизнестойкости и необходимо-упорствующего типа реакций

III. Контент-анализ определений курсантами понятия «Жизнестойкость».

Оказалось, что коэффициент корреляции показателей жизнестойкости и NP-типа реакций в ситуации фрустрации равен 0,77, что свидетельствует о сильной прямо пропорциональной зависимости между этими феноменами. Эмпирические данные, приведенные на рисунке, отражают соотношение показателей жизнестойкости и NP-типа реакций.

Математический анализ позволил получить и другие интересные результаты:

– Коэффициент корреляции показателей жизнестойкости и OD-типа реакции равен 0,57, что говорит о средней обратно пропорциональной зависимости между ними: менее жизнестойкие люди «зависают» на препятствии в ситуации фрустрации, переживают негативные эмоции без попыток достичь цели.

– Коэффициент корреляции показателей жизнестойкости и ED-типа реакции равен 0,47, что свидетельствует об умеренной обратно пропорциональной связи между ними: жизнестойкие люди не тратят свои силы лишь на защиту (себя или другого) в ситуации фрустрации.

– Коэффициент корреляции между показателями жизнестойкости и импунитивной (М) реакции равен 0,65, что говорит о средней прямо пропорциональной зависимости между этими шкалами: жизнестойкие никого не винят в случившемся.

– Коэффициент корреляции показателей жизнестойкости и интропунитивной (I)

реакции равен 0,49, что говорит об умеренной обратно пропорциональной зависимости между этими шкалами: жизнестойкие люди не занимаются самообвинением в ситуации фрустрации.

– Коэффициент корреляции показателей жизнестойкости и экстрапунитивной (Е) реакции равен 0,33, что свидетельствует об умеренной обратно пропорциональной зависимости между этими шкалами: жизнестойкие люди не склонны проявлять агрессию по отношению к окружающим.

– Коэффициент корреляции между жизнестойкостью и индексом социальной адаптированности («GCR») равен 0,66, что говорит о средней прямо пропорциональной связи между шкалами: жизнестойкие более приспособлены к среде, лучше адаптируются к ситуации.

Итак, жизнестойкие в ситуации фрустрации, как правило, не проявляют растерянность или агрессию, никого не обвиняют, не тратят силы на защиту себя или другого; им свойственно искать и находить конструктивный выход из сложной ситуации, достигать своих целей.

В результате проведения регрессионного анализа получен коэффициент регрессии между показателями жизнестойкости и NP-типом реакции, равный 0,81, что свидетельствует о наличии прямой связи между изучаемыми факторами. Коэффициент детерминации R квадр. равен 0,58, т.е. 58% вариации шкалы NP обусловлено вариацией фактора «жизнестойкость», следовательно,

Факторы (компоненты) жизнестойкости, выявленные в результате контент-анализа определения курсантами понятия «жизнестойкость»

Факторы	Число выборов	Общее количество (в процентах)
Адаптивность	4	14%
Преодоление трудностей	8	29%
Принятие проблемы	2	7%
Вовлеченность	5	17%
Принятие риска	3	11%
Контроль	6	22%

жизнестойкость влияет на тип выхода из фрустрирующей ситуации.

Таким образом, мы подтвердили гипотезу: для людей с высоким уровнем жизнестойкости характерен поиск конструктивного выхода из ситуации фрустрации; а также выявили следующие закономерности:

1. Для людей с высоким уровнем жизнестойкости характерен импунитивный тип выхода из ситуации фрустрации.

2. Чем выше уровень жизнестойкости, тем выше уровень социальной адаптации военнослужащего.

В группе испытуемых определено следующее процентное соотношение: курсантов с низким уровнем жизнестойкости – 7%, средним – 47%, высоким – 46%.

Для уточнения понятия «Жизнестойкость», его специфики в военной среде (у курсантов) был проведен контент-анализ. Курсантам предлагалось дать определение жизнестойкости. В результате анализа полученных ответов было выделено шесть факторов (табл. 1).

Помимо «вовлеченности», «принятия риска», «контроля» при определении понятия «жизнестойкость» курсанты отмечают «адаптивность», «отношение к проблемам», «преодоление трудностей». Очевидно, понятие «жизнестойкость» требует уточнения за счет изучения этого феномена и с позиций профессиональных требований к специалисту, и в феноменологическом плане, в широком контексте «Человек – Мир», в единой системе переходов «единичное – особенное – всеобщее», что даёт возможность включения в его анализ сущностных составляющих, нравственной основы, свободы и ответственности. Человек именно в своем личностном, субъектном духовном измерении обладает такой характеристикой, как жизнестойкость. Как пишет В. Франкл, «...даже в нечеловеческих условиях человек может выбирать, отстаивать свою внутреннюю сущность – духовную свободу, которая даёт ему возможность до пос-

леднего вздоха наполнять свою жизнь смыслом» [7]. Понимание жизнестойкости как интегральной личностной черты, способствующей освобождению от фрустрации, стрессоустойчивости, сбалансированности, силе эго, устойчивости личной позиции, станет более глубоким в результате выявления ее особенностей – поступательного творческого движения человека в своей жизни, устремленности к общечеловеческим ценностям, самоопределения и самореализации с сохранением чувства собственного достоинства, действенной силы духовной свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ.ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – ЕВРОЗНАК, 2003.
2. Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л. История русской военной психологии. – М., 2000.
3. Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г. История отечественной военной психологии: Учебник. М.: Военный университет/ Под ред. Л.А. Кандыбовича. – М.: ОАО «Московская типография №2», 2009.
4. Кузьмина Е.И. Психология свободы: теория и практика. – СПб: Питер, 2007.
5. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006.
6. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.

Е. Kuzmina, O. Moroz

FREEDOM FROM FRUSTRATION AND HARDINESS

Abstract. in clause the parity hardiness and freedom from frustration is considered, results of empirical research determinants of freedom from frustration, and also the data, testifying that hardiness promotes clearing from frustration are resulted.

Key words: freedom, hardiness, frustration, freedom frustration.

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ РАЗРАБОТКИ СИМВОЛА К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛА*

Аннотация. Описана российская адаптация теста разработки символа (процедура, материал, результаты апробации на группе студентов вуза) и возможности его применения к исследованию образной сферы профессионала.

Ключевые слова: символ, образ, профессионал, психодиагностика, адаптация теста.

Образ мира – важная составляющая сознания и область регуляторов повседневного поведения, пишет Е.А. Климов, причем представления профессионала об окружающем мире и о себе – существенная область саморегуляции его активности [2, 4]: частные, конкретизированные образы-регуляторы поведения и деятельности возникают только в контексте целостного образа мира, как его актуализированная часть [2, 8]. Далее автор оговаривается, что выделение из окружающего мира тех или иных признаков и их интеграция в образ мира зависит не столько от реального стечения обстоятельств, сколько от общности человека с определенным образом жизни и типом профессиональной деятельности [2, 18]. В соответствии с объектом деятельности Е.А. Климов выделил 5 типов профессий [2, 52] (человек – природа, техника, человек, знаковая система, художественный образ) и проанализировал их познавательную деятельность (по смысловым единицам в профессиограммах). В результате выяснилось, что профессии типов «человек-природа» и «человек-человек» ориентированы на более целостную познавательную активность – в их описаниях доминируют познавательные действия и общие характеристики гнозиса, в то время как у 3 других типов профессий – частные характеристики когнитивной активности (восприятие, внимание, память, мышление) [2, 100]. На основании анализа этих данных Е.А. Климов приходит к выводу, что тип познавательной активности субъекта труда задается объектной системой, которая в случае работы с природой и людьми хуже поддается дифференцированному анализу, требует комплексных реакций, в то время как техника или знаковые системы требуют детального анализа [2, 102].

По мнению Э. и А. Бехтелей, уточняющих понимание А.Н. Леонтьева об образе как многомерном психологическом образовании, образ – результат синтеза восприятия и активированного представления, кратковременное образование, живущее ровно столько, сколько происходит упомянутый синтез, причем доля перцептивного и когнитивного компонентов в формировании образа меняется с каждым повторным восприятием, а общая стратегия восприятия биологических существ видится авторам в сокращении перцептивного компонента образа за счет наращивания роли когнитивного [1, 36].

Также в теории Э. и А. Бехтелей присутствует понятие внутренней картины мира (ВКМ) – отражение субъектом пространственно-временных характеристик физического окружения (на принципе смежности), в которую «помещаются» все представления, сформированные в процессе восприятия объектов с приданием им пространственной адресации и функции движения [1, 169]; роль ВКМ состоит в систематизации когнитивного материала относительно хронотопа жизни субъекта [1, 170].

Пространственно-временная локализация объектов, по мнению авторов, является тем фоном, без которого процесс восприятия вообще невозможен, т.к. объект оказывается вне системы интрапсихических связей [1, 169].

Внутренняя картина мира формируется не только на основании непосредственного сенсорного опыта, но и путем конструирования при помощи воображения, из информации, полученной в ходе общения, научения и приобретения знаний [1, 170]. Однако следует учитывать, что непосредственно субъекту представлена не вся ВКМ, а ее часть – внутреннее оперативное пространство, т.е. отражение того участка внешнего мира (и, соответственно, тех объектов и их взаимосвязей), с которым непосредственно имеет дело субъект [1, 171-173].

Это дополнение к авторской концепции, близкой по духу к «образу мира» А.Н. Леонтьева, представляется вполне обоснованным, т.к. просто «узаконивает» различие общего и актуально-доступного объема знаний в

* © Цветков А.В., Гаврилов С.В.

отношении самосознания.

А.Н. Леонтьев считал, что субъект со всеми своими состояниями, в т.ч. образами, представлениями, находится изначально не «перед миром», а в самом мире, внутри самой действительности [3, 139], т.е. субъект существует в едином материальном мире.

Модальности, по мнению А.Н. Леонтьева, образуют «единые факты, включенные в действительность», и в силу своей связи с действительностью субъект и обретает «модальности ощущений», поскольку мир амодален по своей природе, он лишь выступает перед субъектом в той или иной своей модальности [3, 140]. Любые свойства объекта открываются лишь в каких-то взаимодействиях, в т.ч. – взаимодействиях с рецепторами живого существа [3, 140]. В этом взаимодействии обнаруживаются и связи модальностей [3, 141]. Если же, пользуясь органами восприятия, субъект устанавливает свойства объекта опосредованно, путем рассуждений, то это будет следующей, «мыслительной» ступенью познания [3, 141]. Трудный вопрос состоит в связи восприятия и мышления в данном случае [3, 142], поскольку именно здесь вскрывается суть цикла превращения амодального мира в модальный образ – и далее, в амодальную целостную картину мира.

Восприятие предметной действительности всегда строится полимодально [3, 144] и всегда строится как бы подлинная картина, воспринимаемая не как результат размышления, а в форме непосредственного чувственного выражения.

Эдуард и Александр Бехтель [1], предлагая новую, названную авторами «контекстуальной», теорию восприятия, выделяют следующие базовые конструкты данного психического процесса: бинарность, кумуляция, символизация, аперцепция и антиципация [1, 8].

Бинарная концепция восприятия [1, 8] заключается в том, что образ понимается как синтетическая конструкция, состоящая из периферического информационного потока (про-образа) и ко-образа, формирующегося при активизации контекста. Восприятие при этом должно быть, во-первых, активным, опираться на предвидение взаимодействия с теми или иными объектами (антиципацию), во-вторых, должна происходить кумуляция воспринимаемой информации, выделение существенного признака и сокращение числа эталонов, необходимых для опознания.

Далее авторами вводится понятие «признака-символа» – деталь или свойство объ-

екта, ключевое в процессе его опознания [1, 335]. Впрочем, по мнению Э. Бехтеля и А. Бехтеля, значение признака-символа выходит далеко за пределы механизма оптимизации опознания, являясь частным проявлением универсального механизма, лежащего в основе психической деятельности. Этот универсальный механизм можно назвать «символизация», и его суть – в выделении наиболее типичных признаков при группировании информации для обозначения (маркирования) всей группы [1, 312]. Немаловажным представляется роль символизации в обеспечении жизнедеятельности организма, так как, согласно позиции авторов, выделение признаков-символов сопровождается определением значимости объекта [1, 313].

Как видно, в целом эта концепция пересекается с представлениями Л.С. Цветковой об образе-представлении как о носителе существенного признака предмета или класса предметов и о процессе выделения существенных признаков как одном из базовых принципов работы мозга (см. Цветкова Л.С., [6]).

В описанной выше теории контекстуального опознания понятие «эталона» хотя и используется, однако ему уделено сравнительно немного внимания, что косвенно подтверждается отсутствием такого термина в словнике. Однако проблема роли эталонов в процессе опознания подробно разрабатывается М.С. Шехтером и его сотрудниками [8, 121-126]. В частности, ими вводится различие понятий «мягких», целостных и «жестких» эталонов. Если эталон жесткий, то положительный ответ при сличении с ним дается лишь при тождественности объекта и эталона. В случае, если эталон «мягкий», то положительное решение или, как пишут М.С. Шехтер и А.Я. Потапова [8, 121], «гипотеза о категориальной принадлежности объекта» принимается в случае *близости* эталона и объекта. Целостным является эталон, не расчленимый на ряд элементов и участвующий в процессах сличения как «слитная», неделимая атомарная единица [8, 121]. По мысли авторов, форма геометрической фигуры в целом является не комплексом элементов, а представляет собой такую целостную, «слитную» единицу. При этом, уточняют М.С. Шехтер и А.Я. Потапова [8, 122], речь идет, во-первых, о высшей стадии микрогенеза процесса опознания, во-вторых – о достаточно простых геометрических фигурах (в частности, в обсуждаемой статье в эксперименте используются в качестве моделей деформированные прямоугольники).

По мнению В.П. Серкина, в большинстве методов исследования и моделирования систем значений используется вербальная стимуляция, что не позволяет провести четкую границу между методами субъективной семантики, психосемантики и психолингвистики [4, 66], разделение происходит по области исследования – так, психолингвистика исследует функционирование системы языковых значений в речевой деятельности, психосемантика – во всех видах деятельности [4, 66]. Метод изображения понятий [4, 67] и ассоциативный эксперимент [4, 72] автор относит к классическим и наиболее разработанным методам исследования системы значений.

Тест разработки символа (СРТ) был впервые опубликован Д. Кроут в 1950 г. и до настоящего времени в российской психодиагностической практике существенно распространения не получил. В качестве стимульного материала в СРТ используются абстрактные графические знаки, инструкция испытуемому: «Пожалуйста, дорисуйте изображенные объекты до каких-то реально существующих предметов или ситуаций и обозначьте их», в оригинальной версии теста требуется также ответить на ряд вопросов (трудно или легко было рисовать; какое настроение выражает рисунок; что делают изображенные на рисунке люди или животные и т.п.).

Знаки: 1. полукруг; 2. две полуокружности, расположенные напротив друг друга (по виду напоминает круг с двумя разрывами по диаметру); 3. пара полуокружностей, одна из которых меньшего диаметра и находится внутри большей; 4. прямая вертикальная линия; 5. перекрещивающиеся прямые линии; 6. прямая вертикальная линия «накрыта» полуокружностью (аналогичной по размеру меньшей из п.3); 7. две прямые параллельные линии и полуокружность над ними; 8. знак в виде буквы «U» с разрывом внизу; 9. аморфная заштриховка (примерно половина поля); 10. хаотично расположенные по полю знаки в виде перевернутой буквы «V»; 11. линия с зубцами («молния»); 12. свободный стимул (пустое поле) [7, 380-381].

Для количественной оценки результатов СРТ была адаптирована балльная шкала теста символической аранжировки Т. Кана [7, 382], позволяющая ранжировать реакции по их оригинальности (относительно культурной нормы) [9, 493].

Система оценки рисунков (в баллах, начисляются за каждый рисунок): 0 – нет отве-

та/ отказ от ответа; 1 – аутистичный, странный ответ, описывающий объект, который не может существовать в реальности (например, «магнит на палочке»); 2 – повторение ранее данного ответа, только если этот ответ получил одну из высоких оценок, от 5 до 7, и если есть реальное сходство символа с данным ему наименованием – например: полуокружности во всех вариантах – «магниты», «U» с разрывом и полукруг – «чашка»; 3 – простое описание или наименование тестового объекта вместо символизации, например: «молния»; 4 – в ответе подчеркивается внешний вид тестового объекта и отношение к нему: «старый телефон», «большой и малый магниты», «то, что я рисую, когда сплю на лекции – лес» и т.п.; 5 – в ответе представлено нечто, выходящее за рамки непосредственной ассоциации с тестовым объектом, но имеющее с ним общую форму или сразу представляемое при виде объекта (например: прямая накрыта полуокружностью – «летит стрела»); 6 – рисунок по форме отличается от тестового объекта (добавлены существенные детали, полукруг – «корабль»), ответ реален, имеет пространственно-временные границы; 7 – рисунок представляет абстрактное понятие, например, нарисован лес и завод (перевернутые «V»), обозначение – «цивилизация».

Апробация методики проводилась на студентах 3-5 курсов факультета информационных технологий одного из вузов г. Москвы, всего 20 испытуемых (15 м / 5 ж).

Ниже представлены реакции испытуемых на стимулы СРТ, в скобках приведено количество повторяющихся реакций, в кавычках – оригинальные наименования, в квадратных скобках – наименования, данные психологом при интерпретации, если таковое отсутствовало (6 анкет).

1. Полукруг: корзина, «ночь, луна» (дорисованы море и звезды), сумка, «впадина на дне океана», сыр, НЛО, хлеб, нет ответа, люстра, сумка, чашка, яйцо, «светильник (бра)», «щит на стене», «чашка горячего чая под разговор», арбуз, корабль, [еда в тарелке], кружка, долька яблока;

2. две полуокружности, расположенные напротив друг друга: мышка (компьютерная), телефон (3), диск (CD), «телефонная база» (часть телефонного аппарата, на которую кладут трубку), НЛО, дверь, [зажим], нет ответа (3), «круглое нечто», дыня, магниты (3), автомобильный руль, [болид формулы один], баранка;

3. пара полуокружностей, одна из которых меньшего диаметра и находится внутри

большой: магниты (3), большой и малый магниты, волны, коридор, мост, радуги (2), телефон (3), старый телефон, тоннель (3), в т.ч. «метро», «тоннель метро», нет ответа (4);

4. прямая вертикальная линия: монитор, дверь (3), компьютер (2), угол, книга, дорога, нет ответа (2), дерево (3), телевизор, [футбольные ворота], забор, фонарь, флаг (России), елка;

5. перекрещивающиеся прямые линии: подарок, рыба, воздушный змей (3), знак фашизма, игра, крест, нет ответа (2), песочные часы, «время» (3), [шпаги], бабочка, геометрические графики, снежинка, бумеранг, самолет, [кленовый лист];

6. прямая вертикальная линия «накрыта» полукругностью: книга с закладкой, пакет, магниты, «магнит на палочке», самолет, зонт (2), нет ответа (5), стрела летит, дорожный знак (2), телефон, колонна, гриб, дверь дома, «мост через водопад»;

7. Полукругность над двумя параллельными прямыми: нет ответа (6), дорога (4), в т.ч. [дорога и магазин], [дорога и машины], [дорога и здание], сумка, конвейер, закат (3), в т.ч. «море, заходящее солнце», «пляж, море, солнце»; замОк, звонок, дом, красная кнопка, «море, восход»

8. Буква «У» с разрывом внизу: чашка (стакан, чаша, бокал) (8), лицо/человек (5), рампа (для скейтборда) (2), нет ответа, хлеб, яма, сердечко;

9. аморфная заштриховка: дождь (14), в т.ч. «выглядывает солнце», «...и тучи», «снег с дождем», «...и лужи», «идет дождь», «с тучами», «то, что я рисую на бумажке на лекции»; «деревня, дорога, церковь», ежик, телевизор, нет ответа;

10. Перевернутые «V»: горы (4), «цивилизация» (нарисован лес и завод), лес (14), в т.ч. «лес, тайга», «лес, вид сверху», «лесная дорога», «лес, горы, подъемник для лыжников», «тайга», нет ответа;

11. Молния: молния (с тучей) (3), «дверь «Осторожно!», «нет ответа», молния бьет человека, кофта, удар тока, гроза (6), трансформатор, «не влезай убьет», елка, дом с громотводом, лицо монстра;

12. Свободный стимул: «интерес» (лицо), нет ответа (11), «дерево, трава, солнце, облака», улыбка (2), счастье, вечность, машина, человек.

Можно отметить, что оригинальность ответов сильно варьирует в зависимости от стимула, несмотря на их, казалось бы, одинаковый абстрактно-символический характер. Так, №№ 9 и 10 практически всей выборкой

были характеризованы одинаково (при совершенно отличном выполнении рисунка – от простого наименования имеющейся геометрической фигуры до прорисовывания целостной ситуации). В то же время №№ 1-4 дали широкий разброс ответов, который позволяет оценить не только богатство индивидуальной образной сферы испытуемого, но и ряд особенностей, привнесенных его профессиональной деятельностью. Так, высокая встречаемость «технических» ответов – магниты, телефон, CD, компьютер и т.д. могут быть отнесены (данное предположение нуждается в проверке на группе сравнения) к особенностям профессионального сознания испытуемых.

В целом же методика представляется перспективной для дальнейшей стандартизации в целях изучения образного компонента профессиональной идентичности. Предполагается сопоставить результаты, полученные по СРТ, с результатами изучения образных и вербальных ассоциаций по методике А.В. Цветкова [5], а также опросным методам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бехтель Э., Бехтель А. Контекстуальное опознание. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.
2. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. – М.: МГУ, 1995. – 224 с.
3. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
4. Серкин В.П. Методы психосемантики. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 207 с.
5. Цветков А.В. Методика ассоциативной диагностики личности и познавательных процессов. – М.: Спутник +, 2008. – 51 с.
6. Цветкова Л.С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. – М.: Просвещение, 1995.
7. Шапарь В.Б., Шапарь О.В. Практическая психология: проективные методики. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 480 с.
8. Шехтер М.С., Потапова А.Я. Новые экспериментальные данные о функциях «мягких» эталонов в опознавательном процессе. // Вопросы психологии, 2004. № 5.
9. Projective Techniques in Personality Assessment: A Modern Introduction // A. I. Rabin (ed.). – New York: Springer Publishing, 1968.

A. Tsvetkov, S. Gavrilov

SYMBOL ELABORATION TEST APPROBATION TO STUDYING OF PROFESSIONALS' IMAGE SPHERE

Abstract. Symbol elaboration test adapted to study image sphere is described – procedure, material, reactions (on group of university students).

Key words: symbol, image, professional, psycho-diagnostics, adaptation test.

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ О.В. ДАШКЕВИЧА*

Аннотация. В статье изложена целостная концепция психической регуляции деятельности субъектом, показана значимость различных компонентов в этом процессе: содержательных и психодинамических особенностей характера, воли, интеллекта, особенностей общения. Выявлены возрастные особенности психической регуляции. Показаны пути совершенствования психической регуляции в школе.

Ключевые слова: субъектный уровень психической регуляции деятельности, направленность деятельности, мотивы, нравственность, самооценка, психодинамические свойства нервной системы, общение, коммуникация, психодиагностика, формирование.

Наиболее интересны в данном отношении из работ самого О.В. Дашкевича, на наш взгляд, тезисы доклада «Психическая регуляция деятельности и характер ее субъекта» к международной научной конференции «Образ в регуляции деятельности» к 90-летию со дня рождения Д. А. Опшанина» (Москва, ПИ РАО, 1997), в котором автор излагает свои взгляды на механизмы субъективного уровня психической регуляции деятельности [3].

Опираясь на тезисы этого выступления и дополняя их данными из диссертационных исследований учеников О.В. Дашкевича, мы попытаемся изложить суть концепции психической регуляции субъектом деятельности.

В многолетних, проведенных с конца 80-х гг. XX века по 2002 г. исследованиях, объектом изучения авторов являлись учебная деятельность школьника, студента педагогического вуза, спортивная деятельность, педагогическая деятельность учителя школы. Особое внимание уделялось подростковому этапу развития и этапу становления профессионала, характерологическим предпосылкам высокой продуктивности и творческой активности деятельности.

Применение единой методологии и использование базового единого комплекса методик, дополняемого в зависимости от специфики изучаемого предмета, дает возможность сравнивать и сопоставлять результаты исследований разных учеников О.В. Дашкевича.

В работе принимала участие большая группа ученых, выполнявших исследования

под руководством О.В. Дашкевича и с его непосредственным участием (В. Абрамова, Л.Д. Бихехтина, Л. Бортникова, И.В. Галактионов, К. Дьяченко, В.А. Зобков, П.Н. Обухов, В.Ю. Петров, Р.С. Рахматулина, Е.Л. Славгородская, Е.Е. Соловцова, Т.М. Тихолаз, А.Ф. Филатова, Л. Черных, М. Чумаков и др., всего более 20 человек.) Исследования проводились на кафедре психологии Московского педагогического областного университета (ныне – Московский государственный областной университет).

Можно выделить ряд направлений разработки концепции психической регуляции деятельности субъектом, вытекающих из результатов проведенной экспериментальной работы:

1. О целостных механизмах психической регуляции различных видов деятельности и общения.

2. О значимости различных индивидуальных особенностей субъекта в едином механизме психической регуляции деятельности.

3. О возрастных особенностях психической регуляции деятельности.

4. О системе формирующей работы по совершенствованию управления психической регуляцией деятельности субъектом.

Рассмотрим данные направления подробнее.

1. Целостные механизмы психической регуляции различных видов деятельности.

Большая часть исследований в области педагогической и возрастной психологии посвящена изучению *психической регуляции учебной деятельности и делового общения подростков*. Рассмотрим результаты этих исследований, опираясь на данные М. Чумакова, А. Филатовой, Е. Соловцовой, К. Дьяченко, В. Абрамовой, Л. Черных.

В регуляции учебной деятельности участвует целостный субъект – подросток. В этой регуляции представлены как личностные, так и индивидуальные сферы индивидуальных особенностей субъекта (морально-нравственная, коммуникативная, интеллектуальная, эмоциональная и волевая, биологические особенности). Механизм психической регуляции деятельности представляет собой целостное структурно организованное образование, всесторонне характеризующее субъекта и выходящее за рамки собственно волевых и эмо-

* © Славгородская Е.Л.

циональных свойств.

Целостный механизм психической регуляции деятельности включает в себя следующие *компоненты*: направленность личности и мотивация (комплекс мотивов просоциального и делового содержания), самооценка, нравственный, волевой (которые можно объединить понятием «содержательные качества характера»); коммуникативный, интеллектуальный, а также структурно организованные психодинамические свойства личности (свойства нервной системы, генетически обусловленные особенности эмоциональности). Этими характеристиками определяется специфика целеполагания, уверенности в успехе и уровень мобилизации волевого усилия субъекта деятельности (М. Чумаков, К. Дьяченко, А. Филатова).

Структура объективно-психологических проявлений психической регуляции иерархически организована. Организующие и направляющие проявления воли обладают более выраженными системообразующими свойствами, чем динамические особенности регуляции (К. Дьяченко). Также выявлено доминирование компонента направленности. Однако с середины 90-х годов в экспериментальных исследованиях учебной деятельности подростков были зафиксированы низкие ранговые места нравственных качеств в структуре психорегуляции учебной деятельности, что отражало кризисное состояние воспитательной работы в школе на момент проведения исследований (А. Филатова, Е. Соловцова, К. Дьяченко).

Структурные компоненты механизмов психической регуляции учебно-физкультурной и учебно-трудовой деятельности подростков существенно не отличаются от описанных выше схем. Они включают сферы направленности, самооценки, профессиональной направленности, коммуникативную, эмоциональную, волевою, а также свойства нервной системы (П. Обухов). При этом отмечается, что особое значение для психической регуляции учебно-физкультурной деятельности, в отличие от учебно-трудовой, имеют такие качества, как эмоциональная устойчивость, самообладание и волевой контроль, особо важные для обеспечения надежности деятельности в экстремальных условиях [8].

Нами выявлена значимость тех же структурных компонентов: морально-нравственных, эмоционально-волевых, коммуникативных, интеллектуальных, самооценки, особенностей темперамента и для успешной психорегуляции подростков в общественно-

организационной деятельности. Специфика же психорегуляции заключается в наличии особых интегрирующих, наиболее значимых для данного вида деятельности показателей внутри этих компонентов. Так, для мотивации и направленности личности подростков важны их зависимость от группы, лидерство, конформность, ответственность, серьезность, сниженная деликвентность, ориентация на профессии «человек-человек», «человек-знаковая система», «человек-художественный образ». Достаточно значимыми показателями являются также адекватная самооценка, волевые качества и абстрактное мышление. Важен также комплекс свойств нервной системы и эмоциональности: эмоциональная устойчивость, уравновешенность, сниженная тревожность, лабильность, сила торможения и подвижность нервной системы [11].

Механизмы психической регуляции делового общения (В. Абрамова) не отличаются существенно от механизмов регуляции деятельности. Они включают те же компоненты (нравственный, эмоционально-волевой, когнитивный и коммуникативный), что и регуляция учебной деятельности. Системообразующими свойствами психорегуляции общения являются проявления самостоятельности, дисциплинированности, низкая выраженность показателей конфликтности и лживости [1].

Изучению механизмов психической регуляции педагогической деятельности и педагогического общения учителей школ посвящены исследования Т.М. Тихолаз, Р.С. Рахматуллиной, Д.В. Журавлева, Т.Н. Морозовой.

В ходе факторного анализа экспериментальных данных были выявлены те же структурные компоненты механизмов психической регуляции, что и при исследовании подростков: направленность, интеллектуальные, коммуникативные, эмоционально-волевые качества, биологически обусловленные особенности. Выявлена ведущая роль характеристик направленности (просоциальной, деловой) как в психорегуляции педагогической деятельности, так и в психорегуляции педагогического общения [6; 7; 9; 13]. Системообразующими свойствами в каждом блоке качеств являются: в блоке направленности – просоциальные, деловые мотивы, низкая ориентация на престижные виды деятельности; в блоке психодинамических свойств нервной системы – стенические качества (гипертимность, смелость, дипломатичность), чувствительность; в коммуникативной сфе-

ре – доминантность в общении (радикализм, лидерство, выраженность прямолинейно-агрессивного стиля общения), а также развитое логическое мышление [6]. Выявленные особенности психорегуляции характеризуют развитую личность в процессе специфичной деятельности и общения.

Таким образом, можно сделать заключение о существовании единого механизма психической регуляции, значимого для разных видов деятельности и общения. Этот механизм структурно организован и включает в себя содержательные (направленность, самооценка) и психодинамические (свойства нервной системы и эмоциональности) особенности характера, волю, интеллект и коммуникативные качества. Системообразующими являются содержательные характеристики характера и воля (их можно объединить общим понятием – «характер»). В психорегуляции различных видов деятельности и общения внутри структурных компонентов выделяются интегральные показатели, на которые можно ориентироваться при проведении мониторинга субъективной успешности в этих видах деятельности и общения и коррекционно-развивающей работе.

2. Значимость различных индивидуальных особенностей субъекта в едином механизме психической регуляции.

Опираясь на результаты исследования А.Ф. Филатовой, О.В. Дашкевич приходит к выводу, что целесообразно рассматривать характер как психорегулирующий механизм, обеспечивающий (на уровне целостной личности) высокую эффективность конкретной общественно значимой деятельности или же существенно снижающий ее характер.

Содержательные свойства характера, среди которых ведущую роль играет просоциальная или индивидуалистическая направленность личности и связанные с ними система нравственных свойств личности и адекватная или неадекватная самооценка являются ведущим и системообразующим фактором психической регуляции деятельности. Позитивное влияние на общественно значимую деятельность оказывают просоциальные мотивы (деловые, коллективистические и связанная с ними адекватная самооценка), а негативное влияние – негативно-индивидуалистические мотивы (лично-престижные, эгоистические, асоциальные по своему содержанию).

Психодинамические свойства характера, в большей степени биологически обусловленные, имеют системную организацию

и функционируют в качестве стенического (повышающего активность субъекта) или астенического (понижающего активность субъекта) компонентов его структуры. Условно-положительно влияют на деятельность стенические психодинамические свойства и условно-негативное воздействие оказывают астенические психодинамические свойства. Наиболее значимыми для эффективности учебной деятельности являются сила нервных процессов торможения, подвижность и уравновешенность.

Системообразующую и управляющую функции в едином механизме учебной деятельности по отношению к психодинамическим войствам и их проявлениям в деятельности выполняют системы нравственных свойств характера.

Нравственные качества представлены системой свойств личности, представляющей собой целостное образование. Центральным компонентом этого образования является мотивационно-смысловая сфера личности, а ведущей сферой приложения – деловое и межличностное общение.

Наряду с проявлениями собственно нравственных характеристик общения в нравственное поведение включены многочисленные фрагменты поведения эмоционально-волевой, коммуникативной и интеллектуальной природы, поведенческие корреляты самосознания и самоотношения. Такое многообразие проявлений и является доказательством системообразующей роли нравственности в целостном механизме психической регуляции [4].

Нравственная зрелость личности включает просоциальные деловые мотивы, обеспечивающие ответственный и сотрудничающий типы общения, компромиссный стиль разрешения конфликтных ситуаций. В состав нравственности включен также когнитивный и эмоциональный комплекс свойств личности, обеспечивающий самооценку, адекватную требованиям общественно-значимой деятельности и делового общения. Функционирование данного механизма обеспечивает постановку адекватных целей, выраженную активность исполнительских операций, высокую эффективность результатов (Е. Соловцова). Целеполагание нравственных людей отличается высоким уровнем перспективных целей, своевременным принятием решений, решительностью, задачи формируются ими с высокой и стабильной уверенностью, адекватно отражающей уровень их трудности, исполнительские операции отличаются высо-

ким уровнем мобилизации и стабильностью, результативность их деятельности высокая (К. Дьяченко).

Нравственно незрелые личности отличаются лично-престижной и эгоистической мотивационными установками, порождающей направленность личности на себя, недоверчивый, агрессивный, независимый и властный типы общения. Психодинамические коммуникативные свойства общения, такие, как лидерство, социальная смелость и т.п., еще более усугубляют дезорганизующее влияние такого рода направленности личности, так как они способствуют активному проявлению указанных выше мотивов. Помимо широкого спектра деструктивных нарушений общения, отмечены неблагоприятные особенности психорегулирующих функций (склонность к неоправданному риску). Ригидность целевых установок при неуспехе, недостаточное осознание опыта неудач, чрезмерная тоническая активация исполнительских операций, частота импульсивных действий существенно снижают устойчивость нравственно незрелых людей (Е. Соловцова).

Компоненты эмоциональной и волевой регуляции также включены в единый механизм психической регуляции деятельности. Эмоциональная регуляция осуществляет оценку субъективной трудности выполняемых задач, формирование эмоций уверенности – сомнений в достижении целей, эмоциональную оценку результатов действий. Энергетизирующим ядром являются основные эмоции радости и страха, находящиеся в реципрокных отношениях. Кроме того, здесь представлены производные от них эмоциональные свойства, характеризующие проявления основных эмоций в условиях повышенной экстремальности (эмоциональная устойчивость, напряженность, а в общении – теплота и социальная смелость). Существенной особенностью данного компонента является функция восприятия эмоциональных сигналов, которую выполняет чувствительность. Благоприятной является адекватно высокая выраженность эмоций радости и адекватно низкий уровень страха. При чрезмерной выраженности эмоций радости или страхе возникают негативные тенденции в функционировании механизма психической регуляции деятельности (М. Чумаков).

Волевые особенности субъекта обеспечивают стабильность регуляции. Со стороны содержания они связаны с неустойчивостью личности, свидетельствующей об ее асоциальной направленности. Отсутствие асоциаль-

ности является условием устойчивой регуляции. Психодинамическими предпосылками устойчивости являются сниженный уровень астеничности и астено-невротичности, находящиеся в реципрокных отношениях. Особенно трудно формируется волевой контроль у подростков с гипертимной акцентуацией характера. Для высокого уровня психической регуляции деятельности характерен высокий уровень притязаний и уверенности в успехе, выраженности целеустремленности при разумной осторожности в принятии решений, высокая мобилизация исполнительских функций, адекватная трудности решаемых задач (М. Чумаков). Воля обладает большей организующей и направляющей системообразующей силой, чем динамические проявления поведения субъекта (К. Дьяченко).

Коммуникативные качества, проявляющиеся в общении, также участвуют в психической регуляции деятельности. Здесь важен компонент самостоятельности в общении, в котором проявляется активность самого подростка в реализации социальных норм в деятельности и общении. Здесь важны их просоциальная направленность и активность в общении (М. Чумаков).

В психической регуляции принимают участие логические и креативные компоненты мыслительной деятельности, находящиеся в противоречивых отношениях друг с другом. Подросткам с выраженным логическим компонентом свойствен комплекс стенических свойств личности, включающий выраженные волевые качества, эмоциональную устойчивость, преобладание положительных эмоций, интернальный локус контроля. Перечисленный стенический комплекс психодинамических свойств поддерживает и развивает нравственные качества личности. Подростки с преобладанием креативного компонента мышления характеризуются незрелостью волевых качеств, ослабленной волевой активностью, комплексом астенических черт характера, преобладанием эмоций отрицательной модальности (Л. Черных). Выявленная Л. Черных отрицательная корреляция креативности подростков с учебной обусловлена недостатками организации учебной деятельности, ее малым творческим характером. Специально организованная формирующая работа позволила преодолеть выявленные недостатки, добиться регулирующей миссии креативности.

Для успешности педагогической деятельности выявлена значимость как логики, так и креативности (творчества).

Структурный компонент субъекта	Роль в психорегуляции	Влияние на эффективность деятельности	
		Положительная	Отрицательная
Содержательные характеристики характера - Направленность личности, системы нравственных ценностей - Мотивация - Самооценка	Системообразующие характеристики, определяющие направление приложения усилий	Просоциальная, деловая, коллективистическая Адекватная требованиям деятельности Адекватно высокая	Направленность на себя, эгоизм, недовольство, агрессивность Неадекватная требованиям деятельности Неадекватная
Воля	Системообразующий фактор, стабилизирует усилия, определяет специфику целеполагания, уровень мобилизации	Сильная воля, сочетание разумной осторожности, решительности и настойчивости в целеполагании, адекватной уверенности в успехе, высокий уровень активности исполнительских действий, эффективности результатов	Ослабленная воля
Психодинамические характеристики характера - Эмоции - Биологически обусловленные особенности (темперамент: сила нервных процессов, уравновешенность)	Обеспечивают степень активности и эмоциональности действий	Высокая и адекватная уверенность в постановке задач, адекватная уверенность, уверенность в успехе, адекватная реакция на эмоциональную оценку Стенничность (сила процессов торможения, подвижность, уравновешенность)	Тревожность, сомнения в правильности выбора, страх неудачи Астенничность (слабость торможения, ригидность, неуравновешенность)
Интеллект	Дает полную отражения хода выполнения деятельности	Логический компонент Креативный компонент (в некоторых конкурентных видах деятельности)	Креативный компонент (в некоторых конкурентных видах деятельности)
Общение	Сфера приложения	Ответственный, сотрудничающий, бесконфликтный в общении	Агрессивный, подозрительный, независимый

Креативность обеспечивает разнообразие используемых средств обучения, видов учебной деятельности (Т. Тихолаз и др.).

Систематизированно **механизм психической регуляции учебной деятельности подростками** представлен в табл. 1.

3. Возрастные особенности психической регуляции деятельности.

О.В. Дашкевич говорил об особой роли подросткового возраста в становлении характера, когда интериоризируются социальные нормы нравственного содержания, происходит активное системообразование характера как целостной структуры личности, ориентированной на ведущую деятельность [4]. Именно в этот период происходит формирование механизмов психической регуляции деятельности.

Механизмы психической регуляции на этапе перехода от младшего школьного к подростковому возрасту находятся в стадии становления и характеризуются недостаточной зрелостью. Моральные свойства воли (нравственные качества) оттеснены на второй план, самооценка еще только складывается, и даже у волевых подростков имеется тенденция к неадекватному завершению действия, активность психодинамических свойств личности еще продолжает у них доминировать (К. Дьяченко).

Механизмы психической регуляции в юношеском (студенческом) возрасте изучены к настоящему времени недостаточно.

Субъект профессиональной деятельности, с точки зрения О.В. Дашкевича, является носителем характера, представленного целостной системой свойств личности, принимающих активное участие в регуляции профессиональной (педагогической, спортивной) деятельности. По интегральным, системообразующим показателям для данного типа деятельности в системе психической регуляции можно судить о личностных психологических условиях продуктивности профессиональной деятельности [4]. У профессионалов механизм психической регуляции деятельности более зрелый и является эталонной моделью для организации профессиональной подготовки.

4. Система формирующей работы по совершенствованию управлением психической регуляцией деятельности.

В исследовательских работах учеников О.В. Дашкевича выделены психодиагностические критерии, на основе которых целесообразно строить и контролировать ход деятельности, а также психическую регуляцию

субъектом этой деятельности. Разрабатывались эталонные (модельные) характеристики параметров, участвующих в психической регуляции деятельности. Так, в учебной деятельности значимыми являются показатели: эмоциональная устойчивость, лидерство, ответственность, волевой самоконтроль, абстрактное мышление. На базе стандартизированного многофакторного опросника личности Р. Кетелла разрабатывались способы диагностики готовности к учебной деятельности.

Проводилась и апробировалась система формирующей работы по улучшению эффективности различных видов общественно полезной деятельности путем активного включения субъекта в них. Эта работа велась в рамках психологической службы образования как путем сотрудничества с другими педагогами, так и в непосредственной самостоятельной работе исследователей с испытуемыми. Основной упор при организации такой работы делался на формировании просоциальной направленности личности подростка как в процессе учебной деятельности, так и за счет специальных тренингов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамова В.Е. Психическая регуляция нравственно-делового общения подростков: Автореферат дис.... канд. псих. н. – М., 2001.
2. Дашкевич О.В. Эмоциональная регуляция деятельности в экстремальных условиях: Дис. ...д-ра псих. наук. – М., 1985.
3. Дашкевич О.В., Славгородская Е.Л. Общественно-организационная деятельность подростка (опыт изучения) // Педагогика. № 5. – 1994. – С. 25-29.
4. Дашкевич О.В. Психическая регуляция деятельности и характер ее субъекта. Тезисы конференции «Образ в регуляции деятельности» к 90-летию со дня рождения Д.А. Ошанина. – М., ПИ РАО, 1997.
5. Дьяченко К.И. Эмоционально-волевая регуляция учебной деятельности младшего подростка: Автореферат канд. псих. н. – М., 1999.
6. Журавлев Д.В. Особенности психорегуляции педагогической деятельности учителя-мастера: Диссертация... канд. псих. н. – М., 1999.
7. Морозова Т.Н. Особенности психорегуляции педагогической деятельности учителя физики: Диссертация канд. псих. н. – М., 2001.
8. Обухов П.Н. Личность подростка и особенности механизмов психической регуляции учебно-трудовой и учебно-физкультурной деятельности: Автореферат ... канд. псих. н. – М., 1999.
9. Рахматулина Р.С. Структура свойств личности и особенностей черт характера и их роль в психической регуляции педагогической деятельности учителя на уроке: Диссертация канд.

- псих. н. – М., 1996.
10. Соловцова Е.Е. Механизм психической регуляции нравственных аспектов деятельности младшего подростка: Автореферат.... канд. псих. н. – М., 1999.
 11. Славгородская Е.Л. Личностные предпосылки активного включения подростков в общественно-организационную деятельность: Дис... канд. псих. наук. – М., 1992.
 12. Славгородская Е. Л. Научно-исследовательская работа под руководством О.В.Дашкевича в Московском областном педагогическом университете (Московском государственном областном Университете). В сборнике «Проблемы взаимодействия в психологии и социальной работе. «Материалы международной научно-практической конференции 111 Левитовские чтения в МГОУ, 21 апреля 2008 года. – М., 23008. – С. 15-33.
 13. Тихолаз Т.М. Личность учителя как субъекта педагогического общения: Дисс... канд. псих. н. – М., 1995.
 14. Чумаков М.В. Эмоционально-волевая сфера личности подростка как предмет работы школьного психолога: Автореф.... канд. псих. н. – М., 1993.
 15. Филатова А.Ф. Характер подростка как субъекта учебной деятельности и делового общения: Автореф. ... канд. псих. н. – М., 1997.
 16. Черных Л.Н. Личностная модель механизма регуляции мыслительной деятельности в учебной работе школьника-подростков: Дисс... канд. псих. н. – М., 2002.

E. Slavgorods'ka
CONCEPT MENTAL REGULATION OV
DASHKEVICH

Abstract. The article concerns the holistic concept of mental regulation of the subject, shows the importance of various components in this process: content and psychodynamic features of character, will, intelligence, communication features. Revealed age-appropriate mental regulation. The ways of improving mental regulation in the school.

Key words: Subjective level of mental activity regulation, direction, motivation, morality, self-esteem, psychodynamic properties of the nervous system, communication, communication, psycho-diagnostics, formation.

УДК 152.3

Сердюкова Е.Ф.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУР ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ВЫХОДОМ ИЗ ТЯЖЕЛЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению особенностей индивидуальности студентов, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. В статье дается краткий анализ ситуации, возникшей в образовании Чечни в связи с военными действиями, а также приводятся данные исследования интегральной индивидуальности студентов, проведенного на базе филологического факультета ЧГУ.

Ключевые слова: система образования, интегральная индивидуальность, межуровневые связи, факторный анализ, системообразующая функция, констатирующий эксперимент, формирующий эксперимент.

В результате перемен, происходящих в экономической, политической и духовной сферах нашего общества, реформ в системе образования особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в

сознании современной молодежи. Переоценка ценностей, которые являются сложным социально-психологическим феноменом, характеризующим направленность и содержание активности личности, является составной частью системы отношений личности и определяет общий подход человека к миру, к себе, придает смысл и направление личностным позициям и поведению человека.

Развитие и функционирование образования как социальной структуры общества обусловлено как экономическими, политическими, так и социокультурными условиями существования общества в целом. Кризисные явления, происходящие в обществе, отражаются, в первую очередь, на сфере образования. С другой стороны, общество в кризисные периоды предъявляет более высокие требования к образованию, выполняющему его социальный заказ в плане подготовки специалистов, обладающих глубокими устойчи-

* © Сердюкова Е.Ф.

выми знаниями в своей профессиональной области, быстро ориентирующихся в меняющихся условиях жизнедеятельности, умеющих быстро обучаться и переобучаться, готовых к социальным контактам, к общению с другими людьми.

В конце 20 – начале 21 века в связи с боевыми действиями в Чеченской Республике сложилось тяжелое положение во всех областях жизни общества. Система образования Чеченской Республики не только учила и воспитывала детей, она вынуждена была заниматься вопросами реабилитации, заботиться о безопасности и здоровье учащихся и студентов. В то время, как образовательные учреждения России работали в режиме инновационных технологий, эксперимента по ЕГЭ, Чеченская Республика стала экспериментальной площадкой по восстановлению мира на чеченской земле, своеобразной зоной будущего, где формировались такие надпредметные понятия, как борьба за выживание, умение оставаться толерантным, любовь к ближнему, ответственность за восстановление имиджа своего народа, будущего нации и своей республики. Возрождающаяся Чеченская Республика нуждалась в высококвалифицированных специалистах. Общество требовало качественно нового студента – успешного, способного к самореализации, коммуникабельного, смело вступающего в новую жизнь, способного брать на себя ответственность за будущее республики [4]. Такое положение дел задало тему нашего исследования, которое посвящено изучению структур интегральной индивидуальности студентов с различным выходом из затруднительных жизненных ситуаций.

В дифференциальной психологии способ взаимодействия с миром определяется понятием «стиль человеческого поведения». Определенный стиль поведения у человека начинает формироваться в детстве и далее присутствует всегда, но особенно отчетливо он проявляется при столкновении человека с жизненными трудностями.

У студентов Чеченского государственного университета, участвующих в эксперименте, детство совпало с периодом боевых действий, а ситуация угрозы организованного насилия и потери своих корней оказала крайне негативное воздействие на их развитие в целом и на формирование стиля поведения в частности, поскольку на тот момент они были физиологически, эмоционально и социально незрелыми. В результате боевых действий они сталкивались с теми же проблемами,

что и взрослые, были вынуждены приспособиться к новому образу жизни и выработать новые формы поведения, которые удовлетворяли бы их родителей и новое сообщество, в котором они оказались. Речь идет о формировании определенного стиля взаимодействия индивида с окружающим миром, который, при большом количестве разновидностей, тем не менее, может оцениваться либо как адаптивный, приспособительский, либо как развивающийся, преобразующий мир вокруг себя. Охарактеризовать стиль поведения индивида возможно, только лишь изучив все уровни его индивидуальности [3].

Изучение интегральной индивидуальности в трактовке В.С. Мерлина предполагает рассмотрение интегральной индивидуальности как синтеза подсистем действительности, начиная от биохимических и заканчивая общественно-историческими (организм, индивид, личность, статус и т.д.) [4]. «В.С. Мерлин рассматривает интегральную индивидуальность человека по образцу большой саморегулируемой системы, состоящей из относительно замкнутых иерархических уровней, выделенных по критерию многозначности: биохимического, общесоматического, психодинамического, личностного и метаиндивидуального. Данные уровни рассматриваются как генетические ступени развития индивидуальности, возникающие на разных этапах филогенеза и онтогенеза и соответствующие автономности подсистем – наличие промежуточных переменных между сравниваемыми явлениями действительности, играющих связующую, гармонизирующую или системообразующую функцию» [1]. В Пятигорской психологической школе под руководством В.В. Белоуса осуществляются экспериментальные исследования, рассматривающие интегральную индивидуальность либо в зависимости от свойств субъекта деятельности и общения, либо раскрывающие их место в структуре интегральной индивидуальности. Изучение структур интегральной индивидуальности студентов под руководством В.В. Белоуса представлено достаточно широко в научных трудах Нгуен Кхак Тхан, Михитарьянц Е.Я., Сероштан В.И., Ширяева И.Ю. и т.д. [2].

Проблема внутренней детерминации исследовалась с позиций взаимосвязи особенностей структур интегральной индивидуальности и мотивационной сферы личности; с позиций изучения особенностей формирования интегральной индивидуальности в зависимости от специфики ценностных ори-

ентаций в студенческом возрасте. Также изучалась характеристика структур интегральной индивидуальности студентов с полярным отношением к ценностям: расточительные и бережливые студенты [6].

Наше экспериментальное исследование проводилось в 2007-2008 году в Чеченском государственном университете. Цель исследования – рассмотреть динамику развития структур интегральной индивидуальности студентов в зависимости от специфики выхода из психотравмирующей ситуации. Говоря о специфике выхода из психотравмирующей ситуации, мы говорим о стратегии поведения в тяжелой жизненной ситуации. Чтобы помочь человеку справиться с последствиями тяжелой ситуации, нужно иметь представление о психологических последствиях пребывания человека в подобной ситуации, а также об общих закономерностях ее преодоления.

Испытуемыми были студенты второго и третьего курсов филологического факультета (18-19 лет).

Все испытуемые впервые принимали участие в психологическом эксперименте. Исследование проходило в эмоционально положительной атмосфере.

Предметом изучения являлись изменения, происходящие в структурах интегральной индивидуальности после преобразующего эксперимента в сравнении с констатирующим. Экспериментальное исследование проходило в несколько этапов.

На первом этапе осуществлялась диагностика по ведущей методике (Немов) и формировались группы («борцы» и «соглашатели»), затем проводилась диагностика свойств нейродинамического, психодинамического, личностного и метаиндивидуального уровней интегральной индивидуальности студентов 2 и 3 курсов. Было выяснено, что структуры интегральной индивидуальности группы «борцов» обладают более высоким приспособительным потенциалом к изменяющимся условиям окружающей действительности в сравнении со структурами интегральной индивидуальности группы «соглашателей». Исходя из полученных результатов, было решено группу «борцов» определить как эталонную, а группу «соглашателей» разделить на контрольную группу (КГ) и экспериментальную группу (ЭГ).

Второй этап был посвящен подготовке к формирующему эксперименту: подбирались материал для тренинга.

Третий этап заключался в организации формирующего эксперимента в эксперимен-

тальной группе (ЭГ) с применением 3 блоков:

- тренинг повышения самооценки,
- тренинг уверенного поведения,
- тренинг позитивного целеполагания и последовательности действий.

Для проведения формирующего эксперимента была разработана специальная программа тренингов. Интегрированная методика тренинга выполняет системообразующую и опосредованную функцию в гармонизации разноуровневых свойств интегральной индивидуальности студентов, переживших психотравмирующую ситуацию.

На четвертом этапе проводилась повторная диагностика свойств четырех уровней экспериментальной (ЭГ), контрольной (КГ) и эталонной групп.

Благодаря дискриминантному анализу создаются условия для суждения о структурах интегральной индивидуальности «борцов» и «соглашателей» не только по комплексным показателям отдельных уровней или по парному сочетанию их (низших и высших), но для представления о структурах интегральной индивидуальности в целом. При этом комплексный показатель-дискриминатор четырех уровней в целом «борцов» значительно выше, чем показатель-дискриминатор «соглашателей».

Общая межуровневая плотность структур интегральной индивидуальности группы «борцов» составляет приблизительно 23,2%.

В целом межуровневая структура группы «соглашателей» представлена меньшим количеством значимых показателей при общей межуровневой плотности структур интегральной индивидуальности и составляет приблизительно 16%.

Согласно факторному анализу в структуре интегральной индивидуальности группы «борцов» обнаруживаются 8 облических и 11 ортогональных зависимостей, интегральная индивидуальность группы «соглашателей» отличается большим количеством ортогональных (15) и малым количеством облических (4) связей. Эти данные свидетельствуют о том, что структуры интегральной индивидуальности «соглашателей» отличаются более низкой приспособительной возможностью к изменяющимся условиям внешней среды, чем у «борцов».

Статистически значимые различия по отдельным показателям свойств четырех уровней интегральной индивидуальности в экспериментальной группе (ЭГ) до и после эксперимента составили 18 %. Факторный анализ показал, что в структуре интегральной

индивидуальности экспериментальной группы (ЭГ) после формирующего эксперимента насчитывается 14 гибких облических связей и 7 жестких ортогональных связей. В то время как в контрольной группе (КГ) количество облических связей почти не изменилось (5), а количество ортогональных зависимостей составило 11. Сравнение с эталонной группой показывает, что структура интегральной индивидуальности студентов экспериментальной группы (ЭГ) приблизилась к эталонной группе. А структура интегральной индивидуальности контрольной группы (КГ) отличается более низкой приспособительной возможностью к изменяющимся условиям внешней среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белоус В.В., Боязитова И.В. Системное познание индивидуальности человека [Текст] / Коллективная монография. В.В. Белоус, И.В. Боязитова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009.
2. Боязитова И.В., Нгуен Кхак Тхан, Белоус В.В. Особенности структур интегральной индивидуальности у студентов с различной адаптированностью к требованиям высшей школы [Текст] / Тезисы докл. Третьего Международного Конгресса. Симпозиум 8: Интегральная антропология. Когнитивная психология. Этнопсихология. И.В. Боязитова, Нгуен Кхак Тхан, В.В. Белоус. – Пятигорск, 2001. – С. 29-32.
3. Дифференциальная психология: Учебное пособие / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2003. – 280 с. С. 234-235.
4. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности [Текст] / В.С. Мерлин. – М.: Педагогика, 1986.
5. Музаев А.А. Программа развития образования Чеченской Республики. Доклад [Электронный ресурс] / А.А. Музаев www.kpmo.ru/kpmo/info/13674.html
6. Ширяева И.Ю. Развитие структур интегральной индивидуальности студентов с полярным отношением к ценностям: расточительные и бережливые студенты [Текст]: Автореф. дисс. д-ра психол. наук. – Ставрополь, 2005. – 31 с.

E. Serdjukova

THE FEATURE OF STRUCTURES OF INTEGRATED INDIVIDUALITY OF STUDENTS WITH VARIOUS ESCAPING FROM HEAVY VITAL SITUATIONS

Abstract. The Article under the title is written by Elena Fedorovna Serdjukova. The given work is devoted to studying the features of individuality of the students who have appeared in a heavy vital situation. In the article we give the brief analysis of the situation which took place in the education of the Chechen Republic because of military actions, and also we bring the results of the research of integrated individuality of the students, which was carried out on the basis of philological faculty of CHSU.

Key words: an educational system, integrated individuality, interlevel connections, the factorial analysis, systemgenerating function, ascertaining experiment, forming experiment.

УДК 159.922.8

Солдатов Д.В., Жильцова О.Н.

ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО ПОДРОСТКОВ*

Аннотация. Приведены результаты сравнительного исследования представлений подростков о позитивных и негативных событиях их вероятного будущего. Экспериментально выявлено, что оставшиеся без попечения родителей подростки статистически реже прогнозируют в будущем положительные события и чаще обнаруживают пессимистические взгляды на будущее, чем подростки, воспитывающиеся в семьях. Образ будущего является важным фактором формирования личности подростка в настоящем.

Ключевые слова: формирование личнос-

ти в подростковом возрасте; образ вероятного будущего; оптимизм; нереалистический оптимизм; пессимизм; амбивалентное прогнозирование будущего; актуальные психические состояния.

Одной из главных составляющих полноценного психического развития личности является наличие у нее образа ближайшей и более отдаленной перспективы, жизненного плана. В современной психологии исследованиями представлений человека о своем будущем занимались многие ученые: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович,

* © Солдатов Д.В., Жильцова О.Н.

И.В. Дубровина, И.С. Кон, М.Р. Гинзбург, Е.М. Головаха, А.А. Кроник, В.С. Хомик, И.И. Штеренберг и другие. Между тем трудов, посвященных вопросам формирования у подростков жизненных планов, построения образа своего будущего, сравнительно немного [Прихожан А.М., Толстых Н.Н. 2007; Мамедова Ж.С. 2007; Борисова Ю.В. 2005; Боголюбова О.Н. 2004; Камнева Е.В. 2002; Федоров А.И. 1996]. При этом многие психологи, рассматривая жизненную перспективу юношей и девушек, как правило, связывают ее с профессиональным самоопределением. На наш взгляд, проблема формирования жизненной перспективы нуждается в более глубоком и расширенном понимании. Известно, что поведение человека определяется не только положением дел в настоящем, но также событиями прошлого и образом будущего, представленными во временной ретро- и перспективе субъекта. Для нашего исследования принципиально важным является мнение о том, что уровень реалистичности перспективы будущего у человека является базовым условием его позитивного поведения [2]. А наличие у человека протяженной и содержательно насыщенной временной перспективы является важной составляющей его психологического здоровья [7].

1. Феномен нереалистического оптимизма

Общественное сознание, нравственные приоритеты общества формируют в детях определенные качества личности, “диктуют”, какими нужно вырасти. Особенно подвержены этому влиянию дети и подростки, оказавшиеся, в силу тех или иных обстоятельств, без надлежащего попечения родителей. Это связано с тем, что кто-то из них слишком рано остался без семьи, один на один с миром. Но даже если у них есть семья, то их родители часто способствуют формированию таких негативных личностных особенностей, которые впоследствии приводят к социальной дезадаптации. В так называемых “неблагополучных” семьях взрослые зачастую живут “сегодняшним днем” не задумываясь о том, что будет завтра. Этот стиль жизни свойствен и их детям. Поэтому отличительной чертой подростков, оставшихся без попечения родителей, среди прочего, является отсутствие мотивов и ценностей, связанных с более или менее отдаленным будущим. Их эмоциональное состояние и поведение определяется, главным образом, сиюминутными событиями. Здесь сказывается и опыт жизни в семье,

где жили “одним днем”, но не последнюю роль играет и опыт их автономной жизни, когда решение сиюминутных проблем было решающим для выживания.

Прежде чем поступить в государственное учреждение (приют или детский дом), дети сполна “хлебнули” жизни, столкнулись с проблемами, которые порой и взрослый человек решает с трудом. Но воспитатели, социальные педагоги, педагоги-психологи, все те, кто общаются с подростками, оставшимися без попечения родителей, отмечают, что они, несмотря на трудности и неудачи в настоящем, на будущее смотрят вполне оптимистично. Педагоги удивляются, как, не имея ничего сейчас, не предпринимая никаких усилий, можно говорить, что: “Когда я вырасту, у меня все будет...”. Так, беседа с воспитанником Женей В. (14 лет), легко убедиться, насколько подросток оптимистичен в отношении своего будущего: “Мне только выйти отсюда (имеется в виду приют) и тогда у меня будут деньги. Я вообще хочу начать свой бизнес. Да при чём тут учеба!? Да не нужно мне учиться, чтобы стать богатым...”. И все эти замечания – при том, что подросток не хочет ходить в школу, прогуливает уроки, не посещает кружки и секции, из увлечений имеет лишь игру в карты на деньги. А из беседы с Машей М. (13 лет) узнаем, что, когда она подрастет и выйдет из детского дома, то встретит миллионера, который на ней женится. Он купит ей норковую шубу и машину.

Педагоги в один голос говорят о том, что практически у всех их воспитанников очень высокая самооценка. В научной литературе это явление получило название нереалистический оптимизм (*unrealistic optimism*). Вообще под оптимизмом понимают бодрое и жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в светлое будущее, в успех. Следовательно, оптимизм отражает общий позитивный взгляд на жизнь.

Нереалистический оптимизм – это особая форма самооценки будущего, которая дается человеком через социальное сравнение. Феномен проявляется в склонности людей полагать, что с ними вероятнее произойдет что-то хорошее, чем с равными им по возрасту и положению. А плохое, вероятнее всего, произойдет с другими людьми, а не с ними. Считается, что психически здоровый, нормальный человек должен оценивать себя адекватно. Однако исследования показывают, что это не совсем так.

Нейл Вайнштейн (Weinstein, Neil D.) провел среди студентов колледжа опрос. Он

просил студентов дать оценку вероятности событий, которые могут произойти как с ними, так и с их сокурсниками. Анализ опроса показал, что большинство студентов чересчур оптимистичны. Каждый из них думал, что с ним, скорее всего, произойдет что-то только хорошее, а плохое скорее случится с кем-то из сокурсников, а не с ним [9].

Аналогично мы можем рассматривать и явление нереалистического пессимизма. Нереалистический пессимизм проявляется в склонности людей полагать, что с ними вероятнее всего произойдет больше плохого, чем с равными им по возрасту и положению.

По мнению Дж. Вуда (Wood, J. V.), прибегая к социальному сравнению, люди могут преследовать три различные цели: сформировать о себе правильное представление (критерий точного отражения реальности); улучшить свое поведение или личностные свойства (критерий повышения эффективности последующего действия); повысить собственные самооценку и самоуважение (критерий улучшения эмоционального состояния). Кроме того, Вуд отмечал, что, если человек считает, что кто-то другой лучше его самого в некотором отношении, то это служит ему мощным стимулом для самосовершенствования, улучшения собственного поведения (“Если кто-то может лучше, то и я могу”). С другой стороны, осознание того, что ты в чем-то лучше других, повышает самоуважение и улучшает эмоциональное состояние (“Я хороший, я лучше многих других”). В связи с этим есть основания полагать, что феномен нереалистического оптимизма связан со стремлением субъекта улучшить свое эмоциональное состояние [10]. В то время как нереалистический пессимизм будет связан с негативными эмоциональными переживаниями.

В целом среди психологов нет согласия в понимании влияния оптимистического или пессимистического взгляда человека на его жизнь и личностное развитие. Так, К. Меннингер (K. Menninger) заметил, что оптимизм подразумевает некоторую дистанцированность от реальности [8]. С позиций гуманистической психологии оптимизм рассматривается как вера в позитивную, добрую и конструктивную сущность человека, заложенную в виде потенциала, который раскрывается при соответствующих условиях. Однако А. Маслоу, описывая черты “самоактуализирующейся” личности, отмечал, что наиболее универсальной чертой этих людей является способность видеть жизнь ясно, такой, какова она есть, а не такой, какой ее

хотелось бы видеть. Такие люди не позволяют надеждам и желаниям искажать свои наблюдения, они точнее предсказывают будущие события. А. Маслоу считает, что “актуализированный человек” отталкивается в своих суждениях от фактов, а не от личных пессимистических или оптимистических установок, желаний, страхов, надежд и тревог [3; 4].

Довольно широкую известность в зарубежной психологии приобрела теория “выученного” оптимизма-пессимизма Мартина Селигмана (Martin Seligman). Объяснение механизмов появления оптимизма-пессимизма возникло в ходе экспериментов по изучению причин формирования “выученной беспомощности” [5].

М. Селигман в экспериментах на собаках обнаружил, что они сохраняют или теряют способность активно сопротивляться болезненным внешним воздействиям при определенных условиях.

И у животных, и у человека неспособность оказывать существенное положительное влияние на ход событий ведет к появлению пессимистического мировосприятия, преобладанию пассивных форм реагирования. Однообразные как позитивные, так негативные последствия ведут к ощущению беспомощности.

Оптимистическая позиция у человека формируется лишь в ситуациях возможности успешной “борьбы с реальностью”, когда он понимает, что за «неправильным поведением» следуют негативные для него события, а если вести себя «правильно», то и изменения в мире происходят в лучшую сторону. Таким образом, неудачи неизбежны, но не имеют всеобщего характера, любая ситуация в результате соответствующих усилий может быть изменена к лучшему. М. Селигман считает, что все сводится к одному важному моменту: нужно дать человеку почувствовать неслучайную связь между его активностью и последующими событиями [5].

Несмотря на имеющиеся различия во взглядах психологов на роль оптимизма и пессимизма в развитии личности, мы можем отметить, что все они связывают эти понятия с прогнозированием будущего. По нашему мнению, изучение образа вероятного будущего позволяет глубже понять процессы развития личности в настоящем. Психодиагностика образа будущего представляет собой малоразработанную, но самостоятельную и перспективную область изучения личности и закономерностей ее формирования.

2. Методика исследования образа вероятного будущего

Гипотеза экспериментального исследования состояла в том, что неодинаковое прошлое и, главное, настоящее подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков, живущих в семье, определяет своеобразие оптимистических и пессимистических тенденций в их представлениях о вероятном будущем.

Для проверки гипотезы были изучены представления о своем будущем подростков, оставшихся без попечения родителей, в сравнении с подростками, воспитывающимися в семье. В исследовании приняли участие 192 подростка, объединенные в две группы. Первая группа – 54 подростка из детских домов, приютов – получила условное название “экспериментальная группа”. Вторая группа – 138 подростков, воспитывающихся в семьях, – условно названа “контрольная группа” или группа сравнения. Выборки испытуемых не имели значительных различий по гендерным и возрастным признакам.

Для оценки отношения испытуемых к своему будущему была специально разработана анкета “Мысли о будущем”, которая включала 18 утверждений о позитивных событиях и 18 утверждений о негативных событиях, которые могут произойти в их жизни. Например: “Я закончу школу”, “Я буду долго жить”, “У меня будет слабое здоровье”, “Я буду несчастлив”.

Испытуемым необходимо было выбрать те из положительных и отрицательных событий, которые, по их мнению, могут произойти в будущем с ними (“со мной”). После этого,

они должны были выбрать те события, которые могут произойти с их сверстниками (“со сверстниками”). Количество выбираемых событий не ограничивалось.

3. Результаты экспериментального исследования

Сначала обратимся к анализу оценок испытуемых вероятности положительных и отрицательных событий в будущем, которые могут случиться как с ними (“со мной”), так и с другими (“со сверстниками”). Результаты по методике “Мысли о будущем” были проанализированы по 4 показателям. Во-первых, учитывалась оценка испытуемыми вероятности положительных и отрицательных событий “со мной” в будущем. Во-вторых, рассматривалась оценка испытуемыми вероятности положительных и отрицательных событий “со сверстниками” в будущем. В-третьих, анализировалась оценка положительных событий, которые вероятнее всего могут случиться как “со мной”, так и с “моими сверстниками” в будущем. Наконец, в-четвертых, определялась оценка испытуемыми вероятности отрицательных событий, которые могут случиться как “со мной”, так и с моими “сверстниками” в будущем. Но следует отметить, что при подсчете оценок испытуемых не учитывались амбивалентные выборы (о чем речь пойдет ниже).

Были получены статистически значимые различия по критерию Пирсона ($\chi^2 0.01 = 7.99$; $v = 1$) между выборами испытуемых экспериментальной и контрольной групп отрицательных и положительных событий, которые вероятнее всего могут слу-

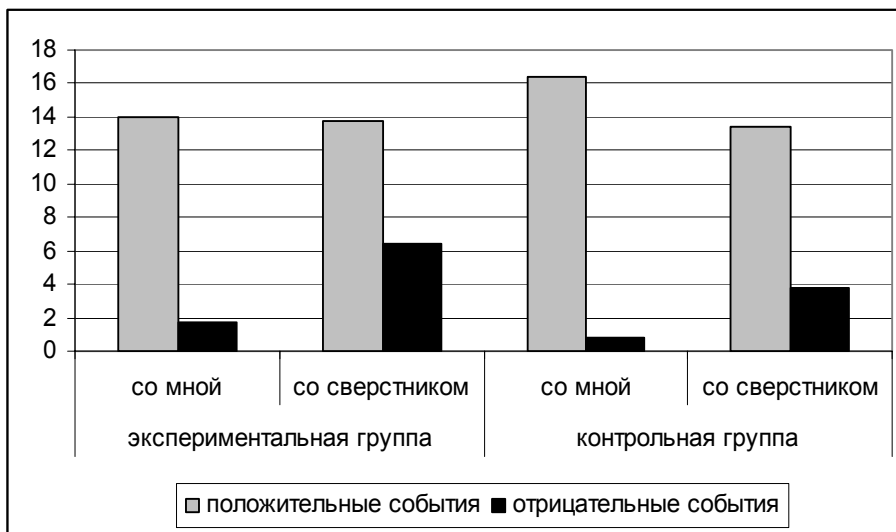

Рис. 1. Среднее арифметическое оценок подростками вероятности событий будущего

читься в будущем с ними самими (“со мной”). Подростки экспериментальной группы оказались менее оптимистичны в отношении себя, чем подростки контрольной группы (рис. 1).

Испытуемые экспериментальной группы прогнозируют себе в будущем значительно меньше положительных событий и больше негативных по сравнению с предположениями испытуемых контрольной группы о вероятности тех же событий в их жизни. Нами были получены статистически значимые различия по критерию Пирсона ($\chi^2 0.01 = 33.97$; $\nu = 1$) между выборами испытуемых экспериментальной и контрольной групп отрицательных и положительных событий, которые вероятнее всего могут случиться “со сверстниками”. Несмотря на то, что испытуемые экспериментальной и контрольной групп проявляют солидарность в оценках положительных событий, предполагая, что в жизни их сверстников таковых произойдет приблизительно одинаковое количество, во взглядах на отрицательные события между ними наблюдается разногласие. Так, подростки экспериментальной группы по сравнению с испытуемыми контрольной группы значительно чаще считают, что негативных событий в жизни их сверстников будет больше.

Интересны результаты, которые были получены при анализе ответов, касающихся прогнозирования себе (“со мной”) и другим (“со сверстниками”) положительных событий будущей жизни. Статистически значимые различия по критерию Пирсона ($\chi^2 0.01 = 9.9$; $\nu = 1$) получены при сравнении и по этому показателю прогнозов подростков экспериментальной и контрольной групп. Полученные данные позволяют говорить, что подростки экспериментальной группы в целом прогнозируют и себе, и сверстникам приблизительно одинаковое количество положительных событий. А испытуемые контрольной группы прогнозируют себе значительно больше хороших событий, чем сверстникам. Следовательно, у испытуемых контрольной группы относительно больше выражены оптимистические тенденции в прогнозе событий будущего.

В прогнозировании же отрицательных событий другим по сравнению с собой статистически значимых различий между группами по χ^2 -критерию Пирсона не выявлено. Это значит, что распределения вероятности отрицательных событий в собственном будущем и будущем сверстников случайны, различия между ними статистически недостоверны и различия результатов в группах по данному показателю не существенны.

В целом подростки как экспериментальной, так и контрольной групп обнаружили общую тенденцию: прогнозировали себе значительно меньше отрицательных событий, чем сверстникам.

Кроме того, данная методика позволила выявить такой феномен, как амбивалентное прогнозирование будущего. Выявить этот феномен с помощью анкеты “Мысли о будущем” стало возможным благодаря тому, что ряд положительных утверждений имели противоположное значение. Положительные утверждения, например, “Я буду много зарабатывать”, имели противоположные варианты: “Я буду мало зарабатывать”. Амбивалентными мы считали одинаковые выборы на противоположные по смыслу высказывания. Так, например, если ребенок, сделав выбор на высказывание “Я буду много зарабатывать”, во второй части анкеты выбирал и противоположное высказывание “Я буду мало зарабатывать”, то это мы считали амбивалентным выбором. Амбивалентное прогнозирование будущего – это взаимоисключающее, противоречивое прогнозирование. Другими словами, именно неопределенность, двойственность прогнозов свидетельствовала о проявлении амбивалентности.

Результаты анализа показали, что подростки экспериментальной группы, в целом, примерно в два раза чаще дают амбивалентные ответы, чем подростки контрольной группы. По нашему мнению, это может свидетельствовать о противоречивости, недифференцированности образа будущего у подростков экспериментальной группы.

4. Обсуждение результатов экспериментального исследования

Анализируя результаты проведенного исследования, можно утверждать, что оптимистические тенденции в оценках будущего характерны для большей части подростков как экспериментальной, так и контрольной группы. Однако помимо этого выявлены испытуемые, проявляющие другие тенденции: пессимистические и амбивалентные. И таких подростков тоже не мало. Мы можем предполагать, что в ряде ситуаций (например, некорректное высказывание, вопросы педагога) и эти испытуемые могут “демонстрировать оптимизм и уверенность”, создавая у окружающих иллюзию, что они оптимистичны, уверены в себе и своем будущем. Такой “оптимизм”, на самом деле, является скорее бравадой, маской, защитной реакцией, которую подростки сформировали в своем прошлом

и которую обнаруживают в настоящем в ответ на провокационную ситуацию. Именно эти подростки в первую очередь нуждаются в превентивной коррекции жизненных перспектив.

Кроме того, наше исследование показало, что оптимистические и пессимистические тенденции в оценке вероятного будущего неоднородны по своей структуре. Экспериментально выявлено, что у подростков экспериментальной группы оптимистические взгляды на будущее выражены в целом в меньшей степени, чем у испытуемых контрольной группы. А пессимистические тенденции они проявляют более завуалировано: прогнозируют сверстникам намного больше отрицательных событий, чем это делают подростки контрольной группы. Кроме того, уверенность многих подростков экспериментальной группы в том, что с ними ничего плохого произойти не может, создает предпосылки для формирования девиантных форм поведения.

Также свидетельством психологического неблагополучия является феномен «амбивалентного прогнозирования будущего», требующий дополнительного исследования. Склонность к амбивалентному прогнозированию у подростка может свидетельствовать о противоречивости, неопределенности его представлений о будущем. Полагаем, что подростки, склонные к амбивалентным прогнозам, нуждаются в особом педагогическом внимании и психологическом сопровождении.

Анализ результатов эксперимента позволяет ответить на вопрос о том, как влияют ожидания будущего на актуальное личностное развитие подростка. Это влияние происходит посредством формирования пессимистических и оптимистических взглядов подростков на вероятное будущее. Оптимистические тенденции, видимо, выступают механизмом уменьшения тревожности и способом улучшения эмоционального состояния в настоящем, повышения самооценки, самоуважения. А пессимистические тенденции приводят к обратному эффекту и проявляют себя в таких психических состояниях как беспомощность и опустошенность, неуверенность в собственных силах. Кроме того, ярко выраженные оптимистические и пессимистические тенденции могут являться признаками эгоцентричной личности, когда человек не способен адекватно отнестись к будущим событиям с точки зрения другого человека, не способен реалистично оценить вероятность

событий, которые могут произойти с ним и с другими.

Выводы

1. Наряду с оптимистическими, у подростков значительно представлены также пессимистические и амбивалентные тенденции в прогнозировании позитивных и негативных событий будущего.

2. Для подростков, оставшихся без попечения родителей, оптимистические взгляды на будущее характерны в целом в меньшей степени, чем для подростков, воспитывающихся в семьях. Пессимистические тенденции они проявляют более завуалировано, посредством компенсаторных реакций, за счет прогнозирования сверстникам большего количества отрицательных событий, чем себе.

3. Оптимистические и пессимистические тенденции в оценках событий вероятного будущего могут принимать участие в механизмах коррекции актуальных психических состояний подростков. Возможно, оптимистические тенденции приводят к уменьшению тревожности о будущих событиях и повышению самооценки, а пессимистические тенденции вызывают негативные переживания неуверенности и беспомощности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. – М.: Смысл, 2008.
2. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004.
3. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. 3-е изд. – Питер, 2008.
4. Маслоу А.Г. Новые рубежи человеческой природы: Пер. с англ. – М.: Смысл, 1999.
5. Ромек В.Г. Теория выученной беспомощности Мартина Селигмана // Журнал практического психолога, 2000. № 3-4. – С. 218-235.
6. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – СПб.: Питер, 2007.
7. Толстых Н.Н. Временная перспектива и психологическое здоровье // Руководство практического психолога: психологическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И.В. Дубровиной. – М.: Академия, 1995.
8. Menninger K. Hope // The American Journal of Psychiatry. 1959. – Vol. 116. – P. 481-491.
9. Weinstein Neil D. Unrealistic optimism about future life events // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 39 (5), Nov. 1980.
10. Wood J. V. Theory and research concerning social comparison of personal attributes // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 106. P. 231-248.

D. Soldatov, O. Zhiltsova

OPTIMISM AND PESSIMISM IN JUVENILE IMAGINATION OF THE FUTURE

Abstract. There are some findings of the comparative research of juvenile imagination of positive and negative events of their probable future. According to experimental data the juveniles who are left without parents' care display pessimistic views about their future statis-

tically more often than juveniles from nuclear families. The imagination of the future is one of the main factors of the forming of juvenile's personality in the present life.

Key words: the forming of the personality at juvenile age; the imagination of the probable future; optimism; unrealistic optimism; pessimism; ambivalent prognostication of the future; actual psychic state.

УДК 159.9.072.43

Цыганкова П.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА С ОСОБЕННОСТЯМИ САМОСОЗНАНИЯ ПРИ АУТОДЕСТРУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ*

Аннотация. Осуществлен переход от узкого поведенческого понимания саморазрушения к системной аффективно-когнитивно-коммуникативной модели аутодеструктивности. На материале исследования суицидальных пациенток и больных нервной анорексией выявлена ключевая роль перфекционизма в дисфункциональной системе особенностей самосознания аутодеструктивной личности.

Ключевые слова: самосознание, перфекционизм, саморазрушительное поведение, аутодеструктивность, суицидальное поведение, нервная анорексия.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема исследования психологических механизмов человеческой аутодеструктивности, выраженный рост разнообразных проявлений которой явился одним из отличительных признаков начала XXI в., является **высокоактуальной**, поскольку до сих пор не имеет единой теоретико-методологической и исследовательской базы, нуждается в разработке адекватных теоретических и практических средств изучения.

В когнитивно-бихевиоральном направлении развивается преимущественно узкое симптоматическое понимание саморазрушения как причинения намеренного вреда собственному телу без помощи другого лица и без сознательных суицидальных намерений [15], при котором проблема психологических механизмов и факторов, обуславливающих аутодеструктивное поведение, раскрывается путем установления эмпирически выявлен-

ных взаимосвязей отдельных изолированных переменных и линейных причинно-следственных отношений между ними. Представление об аутоагрессивности в работах психодинамически ориентированных авторов [3; 4] и в отечественной традиции существенно шире: под аутодеструктивным поведением понимается осознанное или неосознанное неблагополучие в различных жизненных сферах – соматической, психосоциальной и духовной [6; 10].

На наш взгляд, более полного понимания природы аутодеструктивности можно достичь на основе системного подхода, учитывающего вклад познавательных, эмоционально-регуляторных и межличностных факторов в формирование особой «искаженной» структуры самосознания, серьезно деформирующей всю систему взаимоотношений с социальной реальностью [5; 6; 7; 8; 9].

Спектр саморазрушительного поведения весьма широк и разнообразен. Очевидными и явными его формами являются такие, как суицидальное поведение, различные виды самоповреждений, злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами. Многими исследователями признается самодеструктивный характер аддиктивного поведения (игромания, шоппинговая зависимость, интернет-зависимость), а также различных видов рискованного поведения.

Помимо очевидных форм аутодеструкции, следует отметить особое положение и распространенность в современном обществе форм саморазрушения, которые являются результатом не знающего меры, бесконечного стремления к совершенству – перфекциониз-

* © Цыганкова П.В.

ма (например, злоупотребления пластической хирургией, экзотические виды модификаций тела, физические или интеллектуальные перегрузки, нервная анорексия).

Обзор литературных источников позволяет сформулировать предположение о важной роли перфекционизма в качестве фактора возникновения и хронификации саморазрушительного поведения как в его прямых, так и в косвенных формах. Несмотря на выделение рядом авторов такого конструкта, как «позитивный» или «здоровый» перфекционизм [14], большинство создаваемых современными исследователями моделей прямо или косвенно связывают перфекционизм с аутодеструкцией [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 11; 12; 13].

На основании приведенных теоретических посылок проведено эмпирическое исследование, объектом которого стали лица, характеризующиеся самодеструктивным поведением: 71 женщина в возрасте от 18 до 25 лет, из которых 24 испытуемые совершили суицидальную попытку, 22 пациентки страдали нервной анорексией (НА), 25 девушек составили группу сравнения.

Предметом исследования послужила аутодеструктивность в ее системном строении.

Научная новизна работы заключается в реализации комплексного сравнительного исследования структуры и динамики саморазрушения при различных формах психической патологии и выявлении влияния такой личностной особенности, как перфекционизм, на аутодеструктивность.

Основная **гипотеза** исследования: аутодеструктивность является системно организованным феноменом, относительно неспецифичным в отношении нозологической принадлежности психического расстройства, проявляющимся в ряде интерпсихологических и интрапсихологических особенностей субъекта, ключевую роль среди которых играет **перфекционизм**.

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Модифицированный Е.Т. Соколовой вариант методики «Самооценка» Дембо-Рубинштейн с проективными шкалами (1989);

2. Методика «Рисунок человека» с использованием шкалы Марленс (Marlens 1958);

3. Тест Роршаха с использованием контент-шкал: Шкалы Взаимозависимости-Автономии Юриста (Urist 1977); Шкалы Враждебности Илизура (Elizur 1975); Шкалы

Барьерности-Проницаемости Фишера (Fisher 1986).

4. Модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Сакса-Леви (Sacks & Levy 1950).

5. Опросник «Мотивация аффилиации» А.А. Меграбян в модификации М.Ш. Магомед-Эминова (1988);

6. Опросник «Шкала перфекционной самопрезентации» Хьюитта и Флетта (Hewitt, Flett, et al. 2001).

Для количественной обработки результатов исследования применялись программы SPSS 13.0. и Microsoft Excel. Межгрупповые различия вычислялись с помощью однофакторного дисперсионного анализа one-way ANOVA.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты методики «Самооценка»

Формальный анализ результатов методики позволил выделить основные типы самооценки испытуемых:

по уровню самооценки:

1) адекватная самооценка: 80% испытуемых группы нормы; 16,7% суицидальных пациенток; 13,6% больных НА;

2) заниженная самооценка: 4% испытуемых группы нормы; 33,3% суицидальных пациенток; 4,5% больных НА;

3) завышенная самооценка: 16% испытуемых группы нормы; 12,5% суицидальных пациенток; 36,4% больных НА;

4) «пилообразная» самооценка: 0% испытуемых группы нормы; 37,5% суицидальных пациенток; 45,5% больных НА.

по дифференцированности:

1) дифференцированная самооценка: 88% испытуемых группы нормы; 45,8% суицидальных пациенток; 45,5% больных НА;

2) аморфная самооценка: 4% испытуемых группы нормы; 33,3% суицидальных пациенток; 31,8% больных НА;

3) «полюсная» самооценка: 8% испытуемых группы нормы; 20,8% суицидальных пациенток; 22,7% больных НА.

Содержательный анализ результатов методики позволил выявить ряд качественных особенностей самооценки самодеструктивных испытуемых, которые в целом могут быть охарактеризованы как дефицит ее внутренних критериев: опора на внешние признаки; аморфность; противоречивость; категоричность; «слипание» критериев; чрезмерная зависимость от оценок других людей, в ряде случаев - эхо-самооценка [5].

Результаты теста Роршаха

Статистическая обработка данных позволила выявить значимо ($p < 0,05$) более высокий уровень как абсолютного, так и относительного (с учетом общего числа ответов) показателей враждебности суицидентов по сравнению с группой сравнения; аналогичная тенденция больных нервной анорексией выражена на уровне, не достигающем статистической значимости.

Показатели как барьерности, так и проницаемости по шкале Фишера в обеих клинических группах значимо выше, чем в группе контроля ($p < 0,05$).

Больные нервной анорексией демонстрируют значимо ($p < 0,05$) более высокий балл по шкале Юриста, чем испытуемые группы контроля. У суицидальных пациенток аналогичная тенденция представлена на уровне, не достигающем статистической значимости, при этом они значимо чаще ($p < 0,05$), чем испытуемые группы сравнения, дают ответы с упоминанием явной или условной самостоятельности, автономности образов.

Результаты методики «Рисунок человека»

Суицидальные пациентки отличаются значимо более низким уровнем дифференцированности концепции тела по шкале Марленс, чем испытуемые других групп ($p < 0,05$), 41,6% их рисунков могут быть оценены ниже промежуточного уровня усложненности.

Результаты методики «Незаконченные предложения»

Количественная обработка результатов производилась с помощью специально разработанной контент-аналитической методики, направленной на установление частоты упоминания испытуемыми категорий, связанных с межличностными отношениями, перфекционными тенденциями и арсеналом стратегий совладания.

Испытуемые клинических групп значимо чаще, чем испытуемые контрольной группы, используют сверхобобщения, упоминают избегание неудач, деструктивные копинг-стратегии, негативные эмоции, дефицит коммуникативных навыков; значимо реже – стремление к достижению, антиперфекционные категории, конструктивные копинг-стратегии, совместные действия и взаимные чувства, понимание, инициативу в общении.

Результаты опросника «Шкала перфекционной самопрезентации»

Средний балл испытуемых контрольной группы по данному опроснику – 99; суицидальных пациенток – 116; больных НА – 122 балла. Выявлен значимо более высо-

кий уровень перфекционизма у испытуемых клинических групп, чем у группы сравнения ($p < 0,01$).

Результаты опросника «Мотивация аффилиации»

Средний показатель силы стремления к людям: контрольная группа – 148; суициденты – 110; больные НА – 129 балла.

Средний показатель боязни быть отвергнутой: контрольная группа – 97; суициденты – 127; больные НА – 122 балла.

Группа суицидальных пациенток демонстрирует самый низкий уровень силы стремления к людям ($p < 0,01$). Больным НА свойствен значимо более низкий уровень силы стремления к людям, чем испытуемым группы сравнения ($p < 0,01$), но значимо более высокий, чем суицидальным пациенткам ($p < 0,01$). Высокую актуальность аффилятивной потребности демонстрируют 36% испытуемых группы сравнения, 13,6% больных НА и ни одна из суицидальных пациенток. У испытуемых группы сравнения значимо более низкий уровень боязни быть отвергнутой, чем у испытуемых клинических групп ($p < 0,05$). Среди суицидальных пациенток низкая боязнь быть отвергнутой вообще не наблюдается.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сопоставительный анализ результатов методик позволяет выделить комплекс взаимосвязанных характеристик, свойственных самодеструктивным пациенткам и дифференцирующих их от группы сравнения.

В качестве центральной особенности самосознания аутодеструктивных испытуемых может быть рассмотрен **перфекционизм**, являющийся мощным ценностно-смысловым образованием. При этом стремление к **избеганию неудач** преобладает над **стремлением к достижению** и практически отсутствуют суждения о невозможности и бессмысленности достижения идеала, о принятии собственных и чужих недостатков и неудач.

При высоком показателе перфекционизма **самооценка** и **самоотношение** могут проявляться двояко: либо как выраженная склонность к самоидеализации и нарциссическому самолюбованию, открытое или завуалированное хвастовство своими достижениями, либо как тотальное самоуничижение и утверждение собственной никчемности. О нарциссическом компоненте образа «я» пациенток свидетельствует содержательный анализ самооценки, позволяющий выявить позицию собственной исключительности,

уникальности, подчас превосходства над другими. Отмечается особая значимость для самооценки впечатления, производимого пациентками на окружающих, **перфекционной самопрезентации**.

Высокий уровень перфекционизма у испытуемых клинических групп связан с низким уровнем **когнитивной дифференцированности**. Суицидальные пациентки характеризуются более низкой **артикулированностью телесных границ**, чем девушки группы контроля, более низким уровнем дифференцированности образа тела, выраженным дефицитом **полоролевой идентичности**. Лишенная единства, целостности, чётких внутренних критериев, самооценка пациенток может быть описана как противоречивая, фрагментарная.

Сочетание перфекционизма с недостаточно структурированностью образа Я, «чёрно-белым» мышлением приводит к крайней неустойчивости самооценки под влиянием чужих оценок и ситуативных влияний, легкости и резкости перехода от переживания собственного совершенства к переживанию своей ничтожности, ущербности, неполноценности.

Неудачи и вызываемые ими негативные эмоции на пути безграничного самосовершенствования неизбежны. Установлена корреляция перфекционизма с упоминанием собственного неуспеха (0,381) и негативных эмоций. В целом высокий уровень перфекционизма связан с показателем **общего психологического неблагополучия**.

Каждая частная неудача переживается перфекционистом как полный крах, что сопровождается мучительными эмоциями разочарования в себе и других. В этом контексте саморазрушительное поведение может быть понято как вариант деструктивного совладания с мучительными, непереносимыми эмоциями разочарования в себе и других. Согласно эмпирическим данным, испытуемые клинических групп значимо реже, чем девушки группы сравнения, упоминают об использовании конструктивных стратегий совладания (-0,377) и значимо чаще (0,321) – о применении **деструктивных копинг-стратегий**.

В результате проведенного исследования были установлены связи уровня перфекционизма с **особенностями представлений об окружающих людях** и степенью **удовлетворенности межличностным общением**. Высокий показатель перфекционизма отрицательно коррелирует с позитивной характеристикой своих межличностных комму-

никаций (-0,253); упоминанием наличия в отношениях помощи, поддержки (-0,33) и понимания (-0,249). Эта связь может объясняться как завышенными требованиями, предъявляемыми по отношению к партнеру по общению, так и общей «ненасыщаемостью» потребности в эмоциональной «подпитке», которую испытывают стремящиеся к безграничному совершенству пациентки. Анализ проективной продукции испытуемых клинических групп свидетельствует о наличии частично или полностью бессознательных конфликтов между противоположно направленными установками и стремлениями: между идеализацией и обесцениванием себя и другого; между стремлениями к полной независимости, автономии и столь же нераздельной симбиотической слитности.

Наряду с описанными выше особенностями самосознания самодеструктивных испытуемых, в результате исследования была описана конструктивный паттерн организации самосознания, свойственный большинству испытуемых группы контроля. Он характеризуется такими взаимосвязанными характеристиками, как: слабая выраженность перфекционных тенденций (в противовес которым представлено здоровое стремление к достижениям при адекватном отношении к собственным неудачам и несовершенствам), стабильная позитивная самооценка, высокая степень когнитивной дифференцированности, четкая артикулированность телесных границ, целостность образа-Я и заинтересованность в партнере по общению как в уникальной личности, широкий арсенал конструктивных стратегий совладания со стрессом, способность к осознанию и регуляции собственных эмоций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Результатом теоретического и экспериментального исследования проблемы аутодеструктивности явилось подтверждение гипотезы о ее системном строении и создание корреляционной и объяснительной мультифакторной модели, относительно неспецифичной в отношении нозологической принадлежности пациенток. В качестве центрального компонента предложенной модели рассматривается **перфекционизм**, продемонстрирована его взаимосвязь с **когнитивными дисфункциями** (низкая когнитивная дифференцированность, недостаточная артикулированность телесных границ, дефицит внутренних критериев самооценки, ее монолитность или фрагментарность), эмо-

ционально-регуляторными нарушениями (общее эмоциональное неблагополучие, недостаточное развитие символического плана самосознания, дефицит навыков вербализации эмоций и чувств, неустойчивость самооценки, дефицит арсенала конструктивных стратегий совладания со стрессом и преобладание деструктивных копинг-стратегий, использование примитивных защитных механизмов) и **коммуникативным неблагополучием** (неудовлетворенность общением, наличие частично или полностью бессознательных конфликтов между противоположно направленными установками и стремлениями).

Среди испытуемых контрольной группы были выявлены случаи более «стертого», чем в клинических группах, проявления паттерна аутодеструктивных характеристик, в частности ригидных перфекционных установок. Таких испытуемых можно отнести к «группе риска», характеризующейся повышенной вероятностью саморазрушительных действий в кризисных жизненных ситуациях.

Полученные в рамках проведенной работы результаты могут найти практическое приложение в сфере диагностики риска саморазрушительного поведения, его превенции и реабилитации пациентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Моск. психотерапевт. журн. – 2001. № 4. – С. 18-48.
2. Гоготадзе И.Н., Самохвалов В.Е. Нервная анорексия: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2002.
3. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. – М., 1998.
4. Меннингер К. Война с самим собой. – М., 2001.
5. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М., 1989.
6. Соколова Е.Т. Особенности личности при пограничных расстройствах // Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах личности и соматических заболеваниях. – М., 1995.
7. Соколова Е.Т., Баранская Л.Т. Клинико-психологические основания эффективности эстетической хирургии // Социальная и клиническая психиатрия. – 2007. Т. 17. № 3. – С. 26-33.
8. Соколова Е.Т., Коршунова А.Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я—Другой у лиц с суицидальным поведением // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2007. № 4. – С. 48-63.
9. Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Проблема суицида: клинико-психологический ракурс // Вопросы психологии. – 2006. № 2. – С. 103-116.
10. Шустов Д.И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. – М., 2005.
11. Ясная В.А., Ениколопов С. Н. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы // Вопросы психологии. – 2007. № 4. – С. 157-168.
12. Blatt S.J. The destructiveness of perfectionism: Implications for the treatment of depression // Amer. Psychologist, 1995, Vol. 49. №12. P 1003-1020.
13. Perfectionism: theory, research, and treatment / ed. G.L. Flett & P.L. Hewitt/ American Psychological Association. Washington, 2002.
14. Stoeber J., Otto K. Positive Conceptions of Perfectionism: Approaches, Evidence, Challenges // Personality and Social Psychology Review, 2006, Vol. 10, No. 4. P. 295-319.
15. Winchel R.M., Stanley M. Self-injurious behavior: a review of the behavior and biology of self-mutilation // American Journal of Psychiatry. March 1991, Vol. 148, Issue 3. P. 306-317.

P. Tsygankova

INTERRELATIONSHIP OF PERFECTIONISM AND PECULIARITIES OF SELF-CONSCIOUSNESS WITH AUTO-DESTRUCTIVE BEHAVIOR

Abstract. In the present article the transition from narrow behavioral conception of self-destruction to systematic affective-cognitive-communicative model of auto-destruction is made. The key role of perfectionism in the dysfunctional system of self-consciousness of auto-destructive personality is found out on the material of research among suicidal patients and patients suffering with anorexia nervosa.

Key words: self-consciousness, perfectionism, self-destructive behavior, auto-destruction, suicidal behavior, anorexia nervosa.

СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ*

Аннотация. В представленной работе выявлены сенсомоторные корреляты познавательных способностей у студентов с разной эффективностью аттенционных способностей. Сущность метода состояла в регистрации лево- и правополушарных реакций на световые, звуковые и кожные раздражители. Каждый опыт включал измерение времени реакции до и после работы с корректурной таблицей.

Предлагаемый экспериментальный подход позволяет рассматривать выделенные сенсомоторные параметры как звенья функциональных систем познавательных способностей.

Ключевые слова: сенсомоторные показатели, познавательные способности, функциональные системы, время реакции.

Актуальность исследования. Анализ природы познавательных способностей в психологической науке представляет значительные трудности, обусловленные отсутствием единого понимания способностей [4; 9] и единых показателей их внешних проявлений. Попытки такого анализа приводят к выделению основных проблем психологии способностей, одной из которых является изучение структуры реализующих их функциональных систем мозга [9].

Учитывая, что функциональная система любой познавательной способности включает в себя ряд подсистем (сенсорные, моторные, эмоциональные, нейрогуморальные и др.) [7], её структурную организацию логично соотносить, прежде всего, с активностью сенсорных отделов коры больших полушарий, проявляющих свою деятельность на всех этапах поведенческого акта, включая восприятие, стадию афферентного синтеза, контроль и корректировку процессов выполнения принятого решения.

В настоящее время наиболее распространенными способами оценки функционального состояния сенсорных зон мозга являются методы регистрации времени двигательной реакции, ЭЭГ и ВП [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8]. В клинике локальных поражений головного мозга было установлено, что хорошим индикато-

ром функционального состояния сенсорных структур мозга является метод измерения времени реакции [1; 2; 7].

Однако с помощью известных модификаций методов измерения времени реакции в рамках одного эксперимента можно регистрировать только лево- или правополушарные реакции на один вид стимула. Отсутствие специального устройства не дает возможности предъявлять испытуемому в рамках одного эксперимента сигналы разной модальности и латерализации. Одним из существенных недостатков известных способов является необходимость использования громоздких и дорогостоящих дополнительных комплексов к прибору, что затрудняет проведение психодиагностических исследований познавательных способностей при массовых обследованиях (дети дошкольного возраста, школьники, студенты, лица пожилого и старческого возраста).

Методы исследования.

1. В качестве показателя эффективности познавательных способностей использовались результаты корректурной пробы. Доказано, что внимание облегчает, «оптимизирует» все этапы познавательной деятельности: начальный – ввод информации, основной, центральный – ее анализ, оценку значимости и конечный результат – фиксацию нового знания в индивидуальном опыте, и адекватные поведенческие реакции, включающие двигательные действия.

Нейрофизиологической основой процессов внимания являются изменения функционального состояния коры и ее отдельных областей, проявляющиеся не только в переходе на более интенсивный и оперативный режим работы, но и в создании на этом фоне избирательных констелляций активированных структур, в т.ч. и сенсорных, специфичных для осуществления деятельности.

2. До и после изучения эффективности процессов внимания производилось измерение времени простой сенсомоторной реакции на зрительные, слуховые и кожные сигналы, предъявляемые в правое и левое полушария. Такой методический прием, при котором производится сопоставление продолжительности реакций, моторные и регуляторные

* © Никишина Н.А.

компоненты которых, независимо от модальности стимула, остаются неизменными, способствует вычленению сенсорной компоненты времени реакции, которая определяет различия измеряемых показателей и отражает функциональное состояние конкретной сенсорной зоны мозга.

С целью выявления активности сенсорных зон в процессе познавательной деятельности способ осуществляется в два этапа.

Первый этап состоит из трех последовательных циклов, каждый из которых включает в себя измерение показателей времени право- и левополушарных реакций на попарное предъявление зрительных, кожных и звуковых сигналов (этап «фон»). На этом этапе регистрируются показатели активности зрительных, кожных и слуховых зон правого и левого полушарий, определяющих перцептивные процессы в состоянии относительного покоя.

Следующий этап эксперимента – «умственная нагрузка», заключается в регистрации показателей времени реакции (ВР) в промежутках между диагностикой эффективности процессов внимания. Число таких циклов должно быть не меньше трех. Только при таком условии предлагаемое тестовое задание приводит к формированию в центральной нервной системе новой функциональной системы.

Логично ожидать, что данная функциональная система сформированная тестированием познавательной способности приведет к созданию относительно устойчивой «констелляции» активности сенсорных зон в правом и левом полушариях, характер которой определяется особенностями выполняемого тестового задания.

На основании показателей право- и левополушарных реакций на зрительные, кожные и слуховые сигналы на этапах «фон» и «умственная нагрузка» рассчитываются следующие показатели структурной организации функциональных систем реализующих процессы внимания:

1. Усредненные показатели времени лево- и правополушарных реакций на зрительные, кожные и звуковые сигналы.

2. Характер и величина активации показателей времени реакции на умственную нагрузку.

3. Внутриполушарное соотношение активности сенсорных зон.

4. Показатели межполушарной асимметрии зрительных, слуховых и кожных сенсорных зон.

5. Изменение времени реакций на 1-е и 2-е предъявление сигналов на этапе «умственная нагрузка» по сравнению с этапом «фон».

Испытуемые. В эксперименте принимали участие 220 студентов Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета в возрасте 19-20 лет. Все испытуемые были разделены на две группы с учетом эффективности процессов внимания.

Результаты исследования и их обсуждение. Усредненные показатели скорости лево- и правополушарных реакций и степень их асимметрии до и после умственной нагрузки (табл. 1, 2) можно рассматривать в качестве интегральных показателей уровня возбудимости нервных центров. Студенты с более высокой эффективностью процессов внимания, как правило, изначально отличаются и более высоким уровнем активированности сенсорных центров. Так, на первом этапе опыта (до нагрузки) у студентов – с высокой эффективностью процессов внимания усредненные величины левополушарных и правополушарных реакций составили $230,5 \pm 14,7$ мсек и $238 \pm 11,8$ мсек. Для студентов с низкой эффективностью процессов внимания величины этих показателей составляли, соответственно, $370,8 \pm 12,5$ мсек и $343,3 \pm 15,1$ мсек.

Характер активации на предъявление умственной нагрузки связан с особенностями перераспределения уровня активности сенсорных зон. Предъявление умственной нагрузки, как правило, сопровождается изменением сенсомоторных показателей. Общее ускорение сенсомоторных реакций является показателем «мобилизационного» потенциала коры или, иначе говоря, «нейрофизиологической цены» усилий, затраченных на выполнение умственной нагрузки. У студентов с более высокой эффективностью процессов внимания этот показатель всегда выше.

Высокая эффективность познавательных способностей чаще сопровождалась активацией левополушарных сенсорных образований. Остальные варианты: активация или повышение активности лишь правополушарных центров наблюдались у студентов с низкой эффективностью процессов внимания. Прогностически наиболее неблагоприятным представлялся вариант, при котором или отсутствует ускорение регистрируемых реакций, или они угнетаются.

Внутриполушарное соотношение активности сенсорных центров в норме имеет

Таблица 1

**Показатели лево- и правополушарных реакций ($M \pm m$) до и во время умственной нагрузки (корректирующая проба)
у студентов 18-19 лет с разной эффективностью процессов внимания**

Модальность раздражителя	Левополушарные реакции				Правополушарные реакции			
	свет		вибрация		звук		свет	
	1	2	1	2	1	2	1	2
студенты с высокой эффективностью внимания								
Этап "вработывания"	237,1±16,78	211±19,95	227,2±17,28	240,1±17,02	254,2±18,22	250,6±19,76	293,1±20,76	210,1±18,41
Этап "умств.нагрузка"	234±15,39	224,2±16,22	188±18,46	183±19,51	201,6±18,66	177,2±17,97	233,2±17,97	212,3±15,28
студенты с низкой эффективностью внимания								
Этап "вработывания"	390,1±20,02	332,8±18,15	371,5±18,56	288,2±18,27	350,8±20,59	295,3±18,04	353,8±19,72	326,3±20,79
Этап "умств.нагрузка"	318,8±19,19	244,2±17,6	277,1±17,2	264,6±17,46	266±19,26	265±18,69	313,9±18,94	244,3±19,47
студенты с высокой эффективностью внимания								
Этап "вработывания"	390,1±20,02	332,8±18,15	371,5±18,56	288,2±18,27	350,8±20,59	295,3±18,04	353,8±19,72	326,3±20,79
Этап "умств.нагрузка"	318,8±19,19	244,2±17,6	277,1±17,2	264,6±17,46	266±19,26	265±18,69	313,9±18,94	244,3±19,47
студенты с низкой эффективностью внимания								
Этап "вработывания"	390,1±20,02	332,8±18,15	371,5±18,56	288,2±18,27	350,8±20,59	295,3±18,04	353,8±19,72	326,3±20,79
Этап "умств.нагрузка"	318,8±19,19	244,2±17,6	277,1±17,2	264,6±17,46	266±19,26	265±18,69	313,9±18,94	244,3±19,47
студенты с высокой эффективностью внимания								
Этап "вработывания"	390,1±20,02	332,8±18,15	371,5±18,56	288,2±18,27	350,8±20,59	295,3±18,04	353,8±19,72	326,3±20,79
Этап "умств.нагрузка"	318,8±19,19	244,2±17,6	277,1±17,2	264,6±17,46	266±19,26	265±18,69	313,9±18,94	244,3±19,47
студенты с низкой эффективностью внимания								
Этап "вработывания"	390,1±20,02	332,8±18,15	371,5±18,56	288,2±18,27	350,8±20,59	295,3±18,04	353,8±19,72	326,3±20,79
Этап "умств.нагрузка"	318,8±19,19	244,2±17,6	277,1±17,2	264,6±17,46	266±19,26	265±18,69	313,9±18,94	244,3±19,47

Таблица 2

**Показатели лево- и правополушарных реакций ($M \pm m$) до и во время умственной нагрузки (корректирующая проба)
у студентов 18-19 лет с разной эффективностью процессов внимания**

Модальность раздражителя	Левополушарные реакции				Правополушарные реакции							
	свет		вибрация		звук		свет		вибрация		звук	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
студентки с высокой эффективностью внимания												
Этап "вработывания"	371±17,04	316,9±17,21	333,9±15,02	320,8±18,09	327,7±19,81	287,8±17,71	344,4±22,09	323,1±23,59	371,2±24,66	335,3±22,48	333,8±21,59	280,2±17,74
Этап "умств.нагрузка"	351±20,55	316,8±21,48	321,3±22,39	279,1±19,78	303,3±19,08	251,1±17,16	371,4±21,84	297,6±19,12	304,2±22,33	305,8±23,43	312,5±20,02	292,3±19,09
студентки с низкой эффективностью внимания												
Этап "вработывания"	435,2±24,74	427,9±23,56	416,7±25,83	382,8±22,45	387,9±22,99	359,7±21,48	473±25,11	413,7±25,47	421,9±25,52	361,5±21,65	367,8±21,38	314,9±20,49
Этап "умсвт.нагрузка"	408,2±22,31	379,2±20,18	374,5±20,93	356,7±19,73	374,4±20,2	317±20,26	403,2±23,84	335,9±21,32	340,1±21,03	346,7±21,34	308,2±20,03	307,8±20,9

следующий характер: $ВР_{звук} < ВР_{кож} < ВР_{свет}$ [2]. Однако при регистрации отдельно полушарных реакций в условиях предъявления умственной нагрузки это соотношение у студентов с низкой эффективностью процессов внимания нарушалось. Для студентов с высокой эффективностью процессов внимания ведущей сенсорной системой всегда оставался слуховой анализатор. Межполушарное соотношение реактивности изучаемых анализаторов в наибольшей степени указывает на структурную организацию функциональной системы изучаемых когнитивных процессов. Межполушарное соотношение активности изучаемых анализаторов определяется специализацией полушарий и зависит от характера выполняемой деятельности. Так, например, у студентов с высокой эффективностью процессов внимания под влиянием умственной нагрузки среди правополушарных реакций ускорялись ответы на свет и тормозились реакции на кожные стимулы. Среди левополушарных – ускорялись реакции на кожные и, особенно, на звуковые раздражители и тормозились – на зрительные стимулы. С точки зрения рациональности системной

организации изучаемых функций картина наступивших изменений активности корковых центров представляется целесообразной. Работа с корректурной таблицей, связанная с узнаванием отдельных знаков (а не слов), требовала повышения активности правополушарных зрительных центров. Столь же логично повышение активности левополушарной сенсомоторной зоны, вследствие постоянного зачеркивания необходимых знаков правой рукой. И, наконец, можно предположить, что в силу необходимости удержания в памяти словесной инструкции и ее постоянного проговаривания, повышается активность левополушарных зон слухоречевой памяти. Интересно, что у студентов с низкой эффективностью процессов внимания на этом этапе эксперимента черты межполушарной асимметрии изучаемых зон, по сравнению с другой группой, носили диаметрально противоположный характер. В правом полушарии отмечалась более высокая активность слуховых и кожных зон, а в левом – зрительных.

Известно, что величина реакции на 1-е предъявление стимула связана с динамичностью нервных процессов, легкостью и быс-

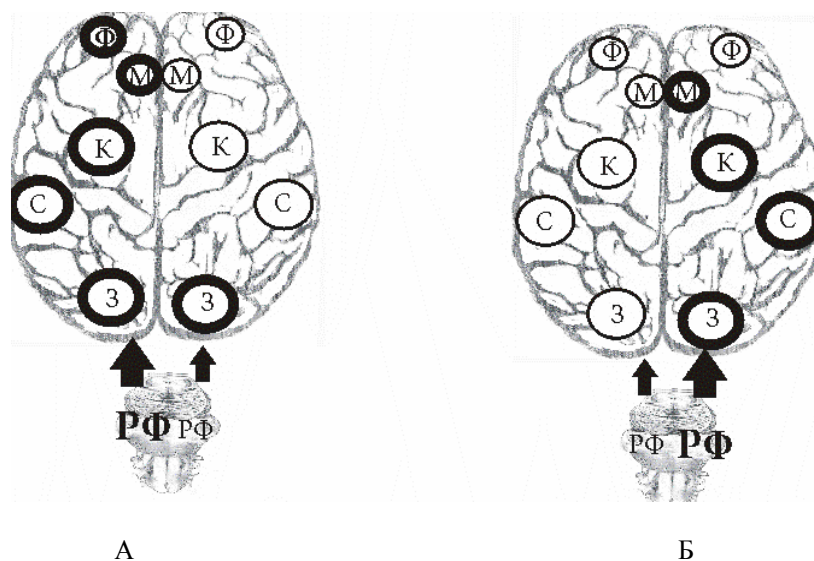

Рис. 1. Схема перцептивных звеньев в структуре функциональной системы, реализующей аттенционные способности с высокой (А) и низкой (Б) эффективностью у испытуемых 19 лет ($N=230$)

Условные обозначения: К – кожные сенсорные зоны; С – слуховые сенсорные зоны; З – зрительные сенсорные зоны, РФ – ретикулярная формация, Ф – конвекситальные зоны префронтальных долей, М – медиобазальные зоны фронтальных долей. Величина активности сенсорной зоны на схеме обозначается диаметром круга (чем выше активность, тем больше диаметр круга). Светлым фоном обозначены зоны, активизирующиеся в процессе умственной нагрузки, темно-серым цветом – зоны, заторможенные предъявленной умственной нагрузкой. Доминирующий анализатор при межполушарном сопоставлении обозначается жирной оболочкой круга.

тотой процессов переключения внимания [2], или, иначе говоря, «перепрограммированием» поведения, что сопровождается некоторым замедлением ВР.

В тоже время установлено, что в подавляющем большинстве случаев после предупредительного сигнала повторное его предъявление вызывает значительное ускорение ответных реакций, поэтому этот факт стал объектом специальных исследований [6; 8]. С точки зрения современных представлений об организации мозговых функций, есть серьезные основания рассматривать ВР на 1-е предъявление сигналов как показатель функциональных возможностей конвексимальных «программирующих» механизмов префронтальных отделов коры, а степень ускорения реакций на повторную стимуляцию – как критерий состояния медиобазальных механизмов «экстренной» активации корковых зон.

Таким образом, специфика предлагаемого экспериментального метода позволяет рассматривать выявленные сенсомоторные показатели как результат деятельности различных звеньев сложноорганизованной функциональной системы когнитивных способностей, включающей показатели реактивности сенсорных зон обоих полушарий, а также их активационные и регулирующие механизмы.

Выводы

1. Предлагаемый способ позволит отражать структуру функциональных систем познавательных способностей с целью выявления нейробиологических факторов, обуславливающих их разную продуктивность.

2. Поскольку каждый из выделенных сенсомоторных показателей познавательных способностей связан с деятельностью определенных образований мозга, их можно рассматривать в качестве нейробиологических задатков познавательных способностей.

3. Структурная организация функциональных систем эффективных аттенционных способностей характеризуется:

- высоким уровнем активированности нервной системы;
- левополушарной степенью асимметрии;
- доминированием активности зрительной системы в правом полушарии, слуховых и кожных афферентных образований – в левом.

У студентов с низкими аттенционными способностями, напротив, в правом полушарии

отмечалась более высокая активность слуховых и кожных афферентных образований.

Полученные данные позволяют предположить, что способность психики формировать функциональные системы познавательных способностей с оптимальной структурной организацией является ещё одной из важнейших предпосылок когнитивного развития человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд / Г. Ю. Айзенк // Вопросы психологии. – 1995. № 1. – С. 111-131.
2. Бойко, Е.И. Время реакции человека / Е.И. Бойко. – М.: Медицина, 1964. – 247 с.
3. Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2 т. – Т. 1 / Б.М. Величковский. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – 448 с.
4. Голубева Э. А. Способности, личность, индивидуальность / Э. А. Голубева. – Дубна: Феникс, 2005. – 512 с.
5. Коренкова Н.Е. Психомоторика в структуре интегральной индивидуальности человека / Н. Е. Коренкова, Ю. Н. Олейник // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. № 1. – С. 54-66.
6. Никишина Н.А. Диагностика эффективности познавательных способностей с помощью сенсомоторных показателей / Н.А. Никишина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. № 3. – С. 218-222.
7. Тонконогий И.М. Клиническая нейропсихология / И.М. Тонконогий, А. Пуанте. – СПб.: Питер, 2007. – 528 с.
8. Чуприкова, Н.И. Время реакции и интеллект: почему они связаны / Н.И. Чуприкова // Вопросы психологии. – 1995. – № 4. – С. 65-81.
9. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека / В. Д. Шадриков. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.

N. Nikishina

PECULIARITIES OF STRUCTURAL ORGANIZATION OF FUNCTIONAL SYSTEMS REALIZING COGNITIVE ABILITIES

Abstract. In the submitted work was studied the sensomotor korrelaters of cognitive abilities. The essence of the method has consisted registration of left and right hemispheres reactions on light, sound and skin irritants.

With the help of this technology were studied the sensomotor korrelaters of cognitive abilities as parameters of activity of separate parts of brain/

Key words: sensomotor parameters, cognitive abilities, cognitive ability, reaction time.

АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ СТРУКТУРЫ САМОСОЗНАНИЯ*

Аннотация. В статье представлен анализ отечественных концепций структуры самосознания. Его результатом является выделение трех групп концепций, описывающих структуру самосознания как совокупность процессов, как иерархию уровней и как последовательность содержательных звеньев.

Ключевые слова: структура самосознания, саморегуляция, самоотношение, самопознание, уровни самосознания, содержание самосознания.

В современной психологии проблема самосознания является достаточно актуальной и представлена широким кругом исследований. Изучая этот феномен, ученые стремятся понять и описать его. Следствием этого явилось создание множества различных концепций, характеризующих понятие, структуру, содержание и особенности функционирования самосознания. Вместе с тем можно отметить, что у исследователей нет единого мнения в этом вопросе.

Изучая взгляды отечественных ученых на проблему самосознания, мы пришли к выводу, что разнообразнее всего представлена его структура. Поэтому мы задались целью несколько упорядочить это многообразие.

Приступая к критическому осмыслению концепций, стоит указать, что большую их часть можно сгруппировать, исходя из того, какой критерий явился основанием той или иной концепции. В результате все рассмотренные нами подходы можно представить в виде нескольких групп.

Первая группа (наиболее многочисленная) представлена концепциями, в основу которых заложены *процессы*, протекающие в самосознании. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего, представим наиболее цитируемую, на наш взгляд, концепцию, автором которой является *И.И. Чеснокова*. Она представляет структуру самосознания как единство трех сторон:

- познавательной, что находит выражение в самопознании;
- эмоционально-ценностной, что проявляется в отношении к себе;
- действенно-волевой, отражающей саморегуляцию [8, 33].

Данная концепция явилась истоком

множества научных исследований.

Подобный взгляд на структуру самосознания описан и *Б.Б. Айсмонтасом*. Он указывает, что самосознание состоит из трех основных компонентов:

- самопознание (закрывающее в себе самоощущение, самонаблюдение и самоанализ);
- самоотношение (выражающееся в самочувствии, самолюбии, скромности и гордости);
- саморегуляция, которая разделяется на краткосрочное (самооценка поступка) и стратегическое (самовоспитание) саморегулирование. Саморегуляция в целом выражается в сдержанности, самообладании и самоконтроле.

А.Р. Петрулите выделяет два компонента структурной организации самосознания: когнитивный и эмоциональный, каждый из которых имеет процессуальную и результативную сторону. Первый разделяется на процесс самопознания и результат самопознания и представляет собой систему знаний личности о себе. Второй – на переживание «Я» и отношение к «Я». Результатом такого пересечения этих компонентов является обобщенный образ «Я» [3].

О.В. Селезнева считает, что самосознание включает ряд таких взаимосвязанных компонентов, как: когнитивный, эмоционально-ценностный и регуляторный.

Основу когнитивного компонента составляют интеллектуальные операции: сравнение себя с другими людьми, сопоставление своих качеств с внутренними эталонами или результатами деятельности других; оценка степени рассогласованности этих двух величин. Эмоционально-ценностная сторона самосознания представляет собой своего рода сплав общего эмоционального отношения к себе (самоотношения) и отношения собственно оценочного (самооценки). Регуляторная сторона обеспечивает согласованное единство остальных структурных составляющих, и тем самым дает возможность реализовывать представление о себе в деятельности и общении, управлять своим поведением, контролировать себя, отвечать за тот или иной выбор, а также обеспечивает возможность саморазвития [8].

А.К. Болотова указывает, что в осно-

* © Панина Е.В.

ве самосознания лежит все более усложняющаяся деятельность самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и способности к саморегуляции поведения. Следовательно, в структуре самосознания личности развиваются и функционируют три образования – образ себя, самооценка и самоотношение [4, 116-125].

К данной группе мы считаем целесообразным отнести и концепцию И.С. Кона. Описывая структуру самосознания, он выделяет три основных компонента:

1. экзистенциальное «Я» – субъектно-деятельностное начало, регулятивно-организующий принцип индивидуального бытия;

2. категориальное «Я» – представления индивида о самом себе, его «образ Я», или «Я-концепция»;

3. переживаемое «Я» – этот термин употребляется для обозначения чувства «самости», не отливающегося в понятийные формы.

Каждому из названных элементов соответствуют определенные специфические психические процессы: экзистенциальному «Я» – саморегуляция и самоконтроль; переживаемому «Я» – самоощущение; категориальному «Я» – самопознание, самооценка и т.д.

Как видно из этого обзора, чаще всего учеными упоминаются такие процессы, как саморегуляция, самоотношение и самопознание. К такому же мнению пришли и А.В. Иващенко, В.С. Агапов и И.В. Барышникова, проводившие контент-анализ понятия и структуры самосознания [5, 88].

Отметим некоторые достоинства и недостатки «процессуальных» концепций. Прежде всего, нам представляется проблематичным практическое изучение самосознания в русле данных подходов. Связано это с тем, что понятия, характеризующие процессы самосознания, являются достаточно обширными. В результате многие исследователи ограничиваются изучением какого-либо отдельного компонента самосознания в ущерб целостной картины самосознания. Вместе с тем данное положение может явиться одновременно и достоинством, т.к. углубленное изучение отдельных процессов (самоотношения, самопознания и саморегуляции) оградит последующих исследователей от дефицита научной информации.

Еще одним недостатком большинства концепций данной группы является недостаточная проработанность взаимосвязи компонентов самосознания. К примеру, не ясно, при каких условиях со стороны самоотношения и

самопознания запускается саморегуляция и что является результатом ее работы. Кроме того, некоторые современные концепции не отличаются от концепций, созданных еще в 70-х годах XX века. Возможно ли это? Мы считаем, что на сегодняшний день возможна их большая конкретизация.

Вторая группа представлена концепциями, авторы которых описывают структуру самосознания как *иерархию уровней*. И первой в данном списке можно указать концепцию В.В. Столина. Он выделил следующие уровни в структуре самосознания:

1. уровень органического самосознания – это отражение субъекта в системе его органической активности (активность разворачивается в системе «организм-среда»);

2. уровень индивидуального самосознания представляет собой воспринимаемую оценку себя другими людьми и соответствующую самооценку, свою возрастную, половую и социальную идентичность (активность детерминирована социальной деятельностью, в которую включен индивид);

3. уровень личностного самосознания предполагает внутреннюю активность по «сшиванию швов» между различными деятельностями человека [9].

А.А. Меграбян выделяет следующие уровни самосознания: сенсорно-перцептивный; мыслительно-логический; уровень овладения двигательными функциями и практической деятельностью; уровень сознательного управления витальными влечениями, аффективностью, эмоциями; уровень разумно-нравственного самоуправления поведением [2, 31].

А.А. Тихонова предлагает рассматривать следующие уровни самосознания:

1. высший, теоретический и метатеоретический уровень – философское познание (онтологические, гносеологические, аксиологические и праксеологические подходы к изучению самосознания). Этот уровень образует коллективное самосознание человечества;

2. уровень разработки психологии, акмеологии и педагогики, призванные создавать эффективные способы самопознания и самопреобразования. Они конструируют идеальную модель самосознания личности – модель отношения к себе внутри «акмеологической модели личности»;

3. эти же научные разработки призваны направлять развитие третьего уровня – самопознания и самосознания зрелой личности;

4. последний уровень – мировоззренческие, когнитивные ценностные и деятельност-

ные представления о самом себе, существующие часто в виде хаотичного, избыточного стереотипами «наивного онтологизма», в обыденном сознании индивида. Они могут более или менее приближаться к системе предыдущего «зрелого» уровня в зависимости от представленности в них как более высоких уровней, так и всего богатства культурного опыта человечества [10, 22-25].

Е.Н. Лебеденко считает, что структура модели самосознания включает в себя четыре уровня: центральный («Какой Я?»); социальный («Кто Я?»); интегрирующий («Я это Я»), уровень «Я – концепции» («Какими Я вижу их, каким они видят Меня»).

Первые три уровня этой модели, образующие «Образ Я», пронизывают следующие понятия: представление о себе, самочувствие, самооценка, рефлексия, иерархия мотивов, ценностей, внутренние позиции, базовые и высшие потребности индивида.

Содержание первого уровня включает: образ тела (мой портрет); моё имя; мои чувства; темперамент; черты характера; мои мысли, желания, возможности; мои фантазии; моё прошлое, настоящее, будущее. Второй уровень включает в себе следующие роли: Я – ребенок; Я – мальчик/девочка; Я – член семьи; Я – ученик/ученица; Я – друг; Я – друг/часть природы. Содержание третьего уровня интегрирует первый и второй уровни в целостный «Образ Я», на нем происходит осознание своей индивидуальности, внутренних ресурсов, ценности и достоинства, а также возможности самоактуализации.

Четвертый уровень выделен как уровень «Я – концепции». Понятие «Я – концепция» в рамках представленной модели трактуется как результат, итоговый продукт процессов самосознания, сквозь призму которого происходит восприятие окружающего мира и контакт личности с микро- и макросредой. В основе содержания четвертого уровня – индивидуальная система взглядов, поведения, установок и оценок [6, 33].

Как мы видим, помимо описания уровней структуры самосознания, Е.Н. Лебеденко раскрывает и их содержание. Это позволяет данному подходу занимать промежуточное положение между второй и третьей группой концепций (особенности которой мы раскроем ниже).

Обратимся к анализу концепций данной группы. Достоинством этих подходов является тот факт, что они позволяют изучать самосознание в контексте степени представленности в нем того или иного уровня. Это

позволит разработать определенную типологию самосознания, что делает концепции данной группы достаточно перспективными для дальнейших научных исследований.

Недостатком данных концепций является тот факт, что авторы не указывают, когда и при каких условиях личность переходит с одного уровня самосознания на другой и в какие возрастные периоды это происходит.

Третья группа представлена концепциями структуры самосознания, в основу которых заложено *содержание* самосознания или его звеньев. Помимо уже указанного подхода Е.Н. Лебеденко, рассмотрим взгляд видного отечественного ученого В.С. Мухиной. Она определяет структуру самосознания как совокупность пяти звеньев:

1 – эмоционально-ценностное отношение к себе телесному, к своему имени и к своему индивидуально-типическому психическому Я;

2 – притязания на признание;

3 – половая идентификация;

4 – психологическое время личности (индивидуальное прошлое, настоящее и будущее);

5 – психологическое пространство личности: права и обязанности.

Звенья самосознания развиваются и изменяются по своему содержанию в зависимости от особенностей индивидуального развития личности, ее внутренней позиции и социального окружения, а следовательно, отражают общие тенденции – культурную, этническую, конфессиональную, возрастную, гендерную и половую принадлежность человека, а также его индивидуальные позиции в мире. Звенья самосознания по своей структуре не изменяются во времени и в истории человечества, во всей протяженности населяемого человечеством пространства [11].

Бесспорным достоинством концепций данной группы является подробное описание особенностей содержания каждого компонента структуры. Вместе с тем авторы указывают на важность для изменения самосознания таких аспектов, как социальные роли, пол и возраст личности, ее культурная и религиозная ориентации. Кроме того, В.С. Мухина и Е.Н. Лебеденко, работая в рамках своих концепций, занимаются и эмпирическим исследованием самосознания, что нашло отражение в создании инструментария. Например, Валерией Сергеевной создан метод депривации структурных звеньев самосознания [12]; а Елена Николаевна разработала методическое руководство и творческие тетради по раз-

витию самосознания и индивидуальности [6]. Это еще раз подтверждает их практическую направленность.

Таким образом, большинство концепций структуры самосознания можно разделить на три группы в зависимости от основания: концепции, основанные на процессах, концепции, описывающие самосознание как иерархию уровней, концепции, в основе которых – содержание самосознания. Представленные концепции имеют как достоинства, так и недостатки. Кроме того, сравнивая описанные концепции, можно отметить наличие некоторой терминологической рассогласованности. В частности, ученые по-разному смотрят на такие понятия, как «Я-концепция», «образ Я», «рефлексия» и на их место в теории самосознания. Это и дает нам основания считать, что изучение феномена самосознания все еще остается актуальным для современного исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айсмонтас Б.Б. Общая психология: Схемы. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – 288 с.
2. Алексеев В.А. Развитие самосознания на рубеже подросткового и юношеского возрастов. Дисс. канд. пс. наук. – М., 1985. – 147 с.
3. Богданова О.В. Самосознание как фактор профессионального самоопределения практического психолога: Диссертация канд. психол. наук. – М., 2003.
4. Болотова А.К. Развитие самосознания личности: временной аспект // Вопросы психологии. №2. – 2006. – С. 116-125.
5. Иващенко А.В., Агапов В.С., Барышникова И.В. Я-концепция личности в отечественной психологии. Монография. – М.: МГСА, 2000. – 155 с.
6. Лебеденко Е.Н. Развитие самосознания и идентичности. Выпуск 2. Кто Я?!. Методическое руководство. – М.: Книголюб, 2007. – 40 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2004. – 713 с.
8. Селезнева О.В. Динамика становления когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов самосознания на протяжении подросткового и юношеского возрастов: дисс. к. пс. н. – Комсомольск-на-Амуре, 2006.
9. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 286 с.
10. Тихонова А.А. Самосознание и прогнозирование: акмеологические аспекты. Монография по психологии. – Ульяновск: Вектор-С» 2008. – 96 с.
11. <http://www.vfly.ru/school.htm>
12. <http://rl-online.ru/articles/2-02/92.html>

E. Panina

THE ANALYSIS OF RUSSIAN CONCEPTS OF SELF-CONSCIOUSNESS STRUCTURE

Abstract. The article under consideration contains the analysis of Russian concepts of self-consciousness structure. Three groups of the concepts describing structure of self-consciousness as set of processes, as hierarchy of levels and as sequence of substantial links appear as the result of the analysis.

Key words: self-consciousness structure, self-regulation, self-attitude, self-knowledge, self-consciousness levels, the self-consciousness maintenance.

УДК 159.9

Иванова А.Р.

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕНСКОГО БЕСПЛОДИЯ*

Аннотация. В работе проведено комплексное медико-психологическое обследование пациенток с различными формами бесплодия (трубно-перитонеальное, эндокринное, сочетанное). Установлена причинно-следственная связь степени выраженности психоэмоциональных реакций женщин от формы и длительности бесплодия, особенностей соматического здоровья, социальных факторов и внутрисемейных отношений. Доказано, что у подавляемого большинства женщин с бесплодием имеют место психоэмо-

циональные нарушения, представленные, в основном, в виде тревожных, тревожно-депрессивных и депрессивных реакций. Определены психогенные факторы медицинского и немедицинского характера, оказывающие благоприятное влияние на исход лечение бесплодия. Установлено, что включение психокоррекции в комплексное лечение бесплодия с учетом патогенеза инфертильности, характера психоэмоциональных нарушений, этапов и видов лечения позволяет значительно снизить удельный вес и степень выраженности психоэмоциональных реакций и повы-

* © Иванова А.Р.

ситель эффективность лечения.

Ключевые слова: медико-психологическое обследование пациенток с различными формами бесплодия, психоэмоциональные нарушения, психогенные факторы медицинского и немедицинского характера.

По данным ВОЗ, проблема бесплодия является в современном обществе в условиях депопуляции одной из наиболее актуальных медико-социальных и психологических демографических проблем, которая обусловлена сочетанием социального, психического неблагополучия и, практически всегда, физического нездоровья и психологического напряжения в семье.

Частота бесплодных браков колеблется в широких пределах и не имеет тенденции к снижению во всех странах мира. Так, по данным различных авторов, распространенность бесплодия в европейских странах в среднем составляет около 14%, в Российской Федерации колеблется от 8 до 17,8%, а эффективность лечения данной патологии представляется явно недостаточной [2].

По мнению ряда авторов [3,4,5] большое влияние на фертильность и, соответственно, на результат лечения бесплодия имеет психическое состояние пациенток и, в большей степени, их психологические и психоэмоциональные особенности. В связи с этим все большую актуальность приобретает проблема психоэмоциональных реакций у женщин с бесплодием, что обусловлено как широкой распространенностью этих нарушений в популяции, так и недостаточной изученностью влияния психического здоровья на репродуктивную систему человека, что значительно повышает относительный риск развития бесплодия [1, 6].

Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению формирования психоэмоциональных нарушений, до настоящего времени остаются недостаточно изученными ряд вопросов, касающихся взаимосвязи патогенетических особенностей женского бесплодия и психологических характеристик пациенток, что послужило основанием для проведения данного исследования.

Целью исследования являлось установление взаимосвязи различных форм женского бесплодия и психологических характеристик пациенток с учетом длительности бесплодия, а также определение психологических факторов, достоверно ухудшающих исходы лечения.

Отбор женщин для проведения данно-

го исследования осуществляли на базе профильных отделений родильного дома № 2 г. Калининграда в период с января 2005 года по ноябрь 2008 года. Под нашим наблюдением находились 102 бесплодные женщины, которые по результатам проведенного обследования были представлены с точки зрения причин первичной и вторичной стерильности следующим образом:

- трубно-перитонеальное бесплодие – 30 женщин;
- бесплодие эндокринного генеза (ановуляция, гиперандрогения) – 47;
- бесплодие сочетанного происхождения – 25.

Исходя из характера работы, были проведены специальные клинико-психологические и социологические обследования.

Социологическое исследование проводилось методом активного анкетирования женщин по специальным тестам (анкета общего состояния здоровья), отражающих длительность бесплодия, социальные, семейные и производственные аспекты жизни пациенток.

Оценка психоэмоционального статуса проводилась с помощью тестов Бека и Спилберга. Методика Бека (1998 г.) служит для выявления депрессии и состоит из 21 группы утверждений. В каждой группе пациентка выбирала одно утверждение, наилучшим образом отражающее ее самочувствие в течение последней недели.

Методика Спилберга (2000 г.) предназначена для диагностики тревоги. Состоит из двух частей, служащих для определения тревожности в данный момент и обычно. Каждая часть включает 20 утверждений, которые сопровождаются четырьмя видами комментариев. Пациентка выбирала любой в зависимости от своего самочувствия.

Статистическая обработка полученных результатов и проверка достоверности различий проводилась для параметрических вариантов при помощи t-критериев Стьюдента, а непараметрических – с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

Оценка психоэмоционального состояния обследованных женщин с различными формами бесплодия выявила его нарушение у 81 из 102 пациенток (79,4% наблюдений).

Психоэмоциональные нарушения были представлены достаточно широким кругом психологических реакций – тревожные – 46,1%, тревожно-депрессивные – 24,5%, невротические – 2,9%.

Следует отметить, что при трубно-пери-

тонеальном бесплодии удельный вес женщин с психоэмоциональными нарушениями был наименьшим – 70,0% с преобладанием тревожных и тревожно-депрессивных реакций, наличие депрессивного компонента в этой группе не отмечено.

При бесплодии эндокринного и сочетанного генеза удельный вес психоэмоциональных реакций составил соответственно 85,1% и 80,0%, что достоверно выше, чем при трубно-перитонеальном бесплодии. Необходимо подчеркнуть, что в этих группах пациенток по сравнению с бесплодием трубно-перитонеального генеза имела место также тенденция к углублению психоэмоциональных реакций в сторону тревожно-депрессивных и депрессивных компонентов. Целесообразно отметить, что в возрасте старше 35 лет удельный вес тревожно-депрессивных реакций составил почти половину наблюдений.

Присоединение депрессивного компонента у 3 (2,9%) женщин, вероятно, связано с особенностями реагирования во время обследования и лечения бесплодия, которые зависят от типа личности длительности бесплодия и целого ряда социальных факторов.

В нашем исследовании преобладали женщины старше 35 лет, составив более половины случаев наблюдения – 53,9%, в связи с чем определённый интерес представляют данные их социально-демографических характеристик и взаимосвязь с длительностью лечения бесплодия.

Удельный вес служащих при бесплодии составил 44,1%, из них – одна треть занимали руководящие посты. Высшее образование имели более половины женщин с бесплодием, среднее специальное – одна треть. Подавляющее большинство женщин с бесплодием имели средний достаток (47,6%) или выше прожиточного минимума (45,5%) на каждого члена семьи, т.е. были материально обеспечены. Отдельное или собственное жильё имели 40,2% женщин с бесплодием, большая часть из них проживали с родителями и/или родственниками (44,1%), а 15,6% женщин – в коммунальных квартирах или общежитии. Состояли в браке, имели постоянного полового партнёра около 80,0% женщин с бесплодием, в то же время каждая пятая пациентка была одинокой и хотела родить ребёнка «для себя».

При сравнении инфертильных женщин с группой контроля по социально-экономическому статусу различия носили достоверный характер по следующим показателям: уровень образования, материальный доста-

ток, работа служащей, пребывание в брачных узах или наличие постоянного полового партнёра.

Как правило, развитию психоэмоциональных реакций предшествовали разнообразные психогенно-травмирующие ситуации, анализ которых позволил выделить следующие типы психогенных факторов у инфертильных женщин: отсутствие детей, лечение от бесплодия, смерть и/или болезни близких родственников, неустроенность личной жизни, неудовлетворённость во взаимоотношениях с супругом и/или его родственниками (свекровь), жизненные проблемы у детей, проблема возраста.

Проведённое исследование позволило прийти к заключению, что психогенные моменты выполняли роль триггерного фактора и непосредственно участвовали в формировании психопатологической симптоматики.

Как было отмечено выше, средняя длительность лечения у женщин с бесплодием составила $6,9 \pm 2,1$ лет, причём, наименьшая средняя длительность лечения отмечена при трубно-перитонеальном бесплодии ($4,5 \pm 1,7$ лет), достоверно наибольшая – при сочетанном и эндокринном бесплодии (соответственно $6,8 \pm 1,7$ и $6,1 \pm 1,7$ лет). Вероятно, это можно объяснить большой популярностью в настоящее время методов эндохирургического лечения и вспомогательных репродуктивных технологий у пациенток с непроходимостью маточных труб, с которыми они связывают надежды на скорейшее наступление беременности.

Анализ взаимосвязи психоэмоционального состояния пациенток с длительностью лечения показал, что при длительности лечения до 5 лет характерны тревожные реакции (более 60,0% наблюдений). По мере увеличения продолжительности лечения бесплодия удельный вес тревожных реакций снижался за счёт углубления, трансформации симптоматики и присоединения депрессивного компонента, что свидетельствует о неблагоприятном влиянии длительного лечения бесплодия на частоту и характер психоэмоциональных нарушений.

Необходимо отметить, что наиболее наглядно эта закономерность проявлялась при эндокринном бесплодии, при котором психоэмоциональные реакции появлялись в более ранние сроки лечения и были более выраженными, чем при трубно-перитонеальном бесплодии.

В процессе обследования и лечения бесплодия нами определены наиболее значимые

факторы с точки зрения психогенного воздействия медицинского и немедицинского характера. Из психогенных факторов медицинского характера около половины пациенток выделили оперативные и инвазивные методы обследования и лечения (лапароскопия, гистероскопия, гистеросальпингография), примерно 40,0% ультразвуковое исследование органов малого таза, а каждая третья – гормональное лечение и даже процедуру взятия проб крови.

Необходимо отметить, что число пациенток, которые в качестве психогенных факторов отметили факторы немедицинского характера было достоверно выше (более 70% наблюдений). К указанным факторам отнесли переживания в связи с неопределённостью относительно успешного наступления беременности, возможного влияния негативного результата лечения в плане наступления беременности на семейно-супружеские взаимоотношения, а также – ожидание наступления беременности.

Таким образом, проведённое исследование показало, что у подавляющего большинства (79,4%) женщин с бесплодием имеют место различные психоэмоциональные нарушения, которые, в основном, представлены в виде тревожных, тревожно-депрессивных и депрессивных реакций. Частота и степень выраженности психоэмоциональных реакций у бесплодных женщин находятся в прямой зависимости от длительности лечения бесплодия, его патогенетических форм и социального статуса женщины. По мере увеличения длительности лечения бесплодия (более 5 лет) отмечается снижение частоты тревожных реакций и трансформация симптоматики за счёт ее углубления и присоединения депрессивного компонента. Психогенные факторы, оказывающие неблагоприятное влияние на исход лечения бесплодия, могут быть немедицинского и медицинского характера. Психогенными факторами немедицинского характера являются длительность лечения бесплодия, возраст пациенток (старше 35 лет), проблемы в семейно-супружеских отношениях (совместное проживание с родителями или родственниками мужа, наличие золовки с детьми), неопределённость относительно успешного наступления и вынашивание беременности. Психогенными факторами медицинского характера следует считать оперативные вмешательства, инструментальные методы обследования и лечения, гормональную терапию.

Результаты проведённого нами иссле-

дования свидетельствуют о настоятельной необходимости обследования женщин с бесплодием различного генеза в процессе комплексного лечения на предмет выявления наличия психоэмоциональных нарушений путём проведения психологического тестирования. Кроме этого, целесообразно выявление психогенных факторов немедицинского и медицинского характера, оказывающих отрицательное влияние на психологическое состояние пациентки, и, следовательно, исход лечения.

При выявлении и оценке психоэмоциональных нарушений целесообразно решение вопроса о проведении психокоррекции с учётом генеза бесплодия и этапа лечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вознесенская Т. Г. Эмоциональный стресс и профилактика его последствий // РМЖ. – 2006. Т. 14. № 9. – С. 694-697.
2. Кулаков В. И., Хритинин Д. Ф., Гарданова Ж. Р., Кулакова Е.В. Тревожно-депрессивные расстройства у женщин в процессе проведения экстракорпорального оплодотворения. Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. № 3 (7). – 2006. – С. 29-35.
3. Кулакова Е. В. Коррекция психоэмоциональных нарушений у пациенток с бесплодием в программе вспомогательных репродуктивных технологий: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2007. – С. 27.
4. Лаврова Т.Н. Психогенные депрессии невротического уровня у женщин (клинико-типологические, психосоматические, иммунохимические аспекты) // Автореферат дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2001.
5. Draye M. A. Emotional aspects of infertility // Current care for women: Diagnostic and Treatment / Ed. Lemchke D. P., Pattison J., Marshal L. A., Cowley D. S. – Lange medical books / McGraw-Hill, 2004. – P. 572-577.
6. Filder A. T., Bernstein J. Infertility: from a personal to a public health problem // Public Health Rep. – 2000. – Vol. 115 1. – P. 6.

A. Ivanova

MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF WOMEN DURING INFERTILITY TREATMENT

Abstract. We carried out a comprehensive medical and psychological examination of patients with various forms of infertility (tubal-peritoneal, endocrine, combined). It is proved that the overwhelming majority of women with infertility have a place of psychoemotional disorders, presented mainly in the form of anxiety, depressive and anxiety-depressive reaction. Psychogenic factors identified medical and

non-medical nature, have a favorable influence on the outcome of infertility treatment. Found that the inclusion of psychological correction in the complex treatment of infertility in the light of the pathogenesis of infertility, the nature of psychoemotional disorders, stages and treatments can substantially reduce the weight and

severity of psycho-emotional reactions and improve the effectiveness of treatment.

Key words: medical and psychological examination of patients with various forms of infertility, psychoemotional disorders, psychogenic factors identified medical and non-medical nature.

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6.159.9.01

Евенко С.Л.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ*

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических проблем исследования отклоняющегося поведения. На основе теоретико-методологического анализа отклоняющегося поведения автор приходит к выводу о том, что изучаемое явление детерминировано конфликтным взаимодействием дисфункциональной личности с дисфункциональными условиями социальной среды. В статье предложена авторская модель детерминации отклоняющегося поведения личности. Основным социально-психологическим механизмом совершения отклонений в поведении выступает конфликт взаимодействия личности с условиями социальной среды, в основе которого лежит рассогласование взаимодействия в системе «личность – социальная среда», обусловленное дисфункциональностью личности и дисфункциональностью условий социальной среды.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, модель детерминации отклонений в поведении, дисфункциональная личность, дисфункциональные условия социальной среды.

В настоящее время категория «отклоняющееся поведение» относится к числу активно исследуемых психологической наукой. Вместе с тем рассмотрение проблемы отклоняющегося поведения в современной психологии остается неоднозначным, что наблюдается в различном толковании данного феномена. Обобщение имеющихся в психологии взглядов, раскрывающих сущность отклоняющегося поведения, позволило выделить следующие подходы, характеризующие современное понимание его сущности:

- отклоняющееся поведение как следствие психобиологических особенностей личности, связанных с анатомическим строени-

ем человека, хромосомными аномалиями, которые выступают в качестве врожденных личностных характеристик, формирующих девиации [Н.П. Дубнин 1982; Г. Кайзер 1970; И.И. Карпец 1982; Ч. Ломброзо 2003; П. Прайс 1970; М.В. Черноруцкий 1953; У.Г. Шелдон 1949; Д. Уиткин 2001 и др.];

- отклоняющееся поведение как результат внутреннего конфликта сфер личности [З. Фрейд 2000; А. Фрейд 1949];

- отклоняющееся поведение как интегративное явление, в основе которого лежат нарушения развития и социализации индивида, связанное с дисфункцией процесса интериоризации институционализированных и стихийно сложившихся норм [Н.В. Бондаренко 2005; А.Д. Висло 2001; Я.И. Гилинский 2004; Л.В. Грузд 2004; Е.В. Змановская 2006; Ю.А. Клейберг 2003; Т.Н. Смотров 2005 и др.];

- отклоняющееся поведение как последствие расстройства жизненных планов, связанное с возникновением непреодолимой преграды [Л. Берковиц 2001; Г. Оллпорт 1999 и др.];

- отклоняющееся поведение как следствие девиантного развития личности, связанного с деформацией мотивационно-смысловой сферы, психопатией, акцентуацией характера, нарушающих регуляцию поведения [А.Г. Белобородов 2001; Б.С. Братусь 1988; Ю.А. Васильева 1999; К.В. Карпинский 2002; В.Т. Кондрашенко 1988; А.Е. Личко 1991; Г. Оллпорт 1999; Д.А. Леонтьев 1999 и др.];

- отклоняющееся поведение как результат агрессивного поведения, вызванного непреодолимыми жизненными трудностями [А. Бандура 2001; Д. Доллард 1972; С.А. Ениколопов 2002; Я.Л. Коломинский 2004; Г. Миллер 1967; А.А. Реан 2004];

- отклоняющееся поведение как результат противоречия в знании об одном и том же

* © Евенко С.Л.

объекте или событии, приводящем к внутреннему конфликту, что, в свою очередь, может обуславливать смену нормативных стереотипов в поведении к отклоняющимся формам поведения [Л. Фестингер 2003];

- отклоняющееся поведение, вызванное процессом принятия личностью роли правонарушителя, эталона поведения лиц с отклоняющимся поведением [В.С. Агеев 1999; И. Гофман 2000; Дж. Мид 1934; Т. Шибутани 1999; Е.В. Щедрина 1999 и др.];

- отклоняющееся поведение как результат несовпадения целей и ценностных ориентаций индивида с целями коллектива, организации [М.Ф. Наумова 1988; А.В. Петровский 1985; Ю.А. Клейберг 2003; Ю.В. Ковалевич 1994; В.М. Крук 1998; М.С. Полянский 1991; Л.И. Уманский 1975; Н.М. Ядринцев 1972];

- отклоняющееся поведение, вызванное негативными психическими презентациями образов детско-родительских отношений [Л.Ю. Бухлина 2004; С.В. Быков 2003; Р.В. Шмелей 2004; Н.И. Федосеева 2007; М.З. Шогенов 2003].

Теоретический анализ основных подходов к изучению проблемы отклоняющегося поведения в отечественной и зарубежной психологической науке позволил определить основания, используемые для объяснения причин и движущих сил девиантного поведения личности: личностная деформация, социальная депривация, искажения в социализации, расстройства психической регуляции социально-нормативного поведения личности, негативные психические репрезентации семейных отношений, идентичность с членами криминогенных групп, психопатологические, болезненные нарушения поведения личности.

В рамках разрабатываемой социально-психологической концепции отклоняющегося поведения основной задачей является не только описание внешней стороны: формальных признаков отклоняющегося поведения, объяснения его социально-психологических причин, механизмов и закономерностей, а также выявление дисфункций личности, которая выступает в роли субъекта отклоняющегося поведения. Важным обстоятельством смещения фокуса исследований с девиантной личности на дисфункциональную является изначальный постулат, что личность сама по себе не является девиантной, у которой изначально отсутствует так называемый «девиантный синдром» [Я.В. Малыгина 2004]. В силу этих обстоятельств всесторонний анализ научных подходов к пониманию

сущности личности, склонной к отклонениям в поведении, и учет особой категории субъектов девиантного поведения позволили сформулировать собственное определение понятия дисфункциональности личности.

Дисфункциональность личности – это интегральное психологическое качество, затрудняющее процесс взаимодействия человека с социальной средой, вызванное негативной вторичной социализацией индивида, связанной с нарушением развития личностных процессов: интериоризации, адаптации, идентификации и целеполагания.

Методологической основой выделения процесса вторичной социализации и его элементов послужили научные разработки представителей школ символического интеракционизма [Дж. Мид 1934; Т. Шибутани 1999]. Вторичная социализация происходит тогда, когда ранее установившиеся шаблоны поведения оказываются неадекватными. Новые шаблоны поведения развиваются, когда человек вступает в новую организацию (группу) и развивает другие типы поведения, наиболее соответствующие сложившимся обстоятельствам. Десоциализированная личность неспособна участвовать в согласованных действиях и нарушает конвенциональные нормы организации.

В отечественной психологии также разработан целый ряд подходов и принципов, объясняющих феноменологию, механизмы, закономерности развития и социализации личности, а также определяющих социальное поведение и жизненный путь человека [К.А. Абульханова 1993; Б.Г. Ананьев 1977; Л.С. Выготский 1991; В.А. Ганзен 2004; И.В. Блаумберг 1999; А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов 2003; П.А. Мясоед 1999; С.Л. Рубинштейн 1998; В.Н. Садовский 1974; Э.Г. Юдин 1999 и др.].

В контексте этих подходов причинами девиаций, несомненно, являются разрыв в передаче социального опыта и отсутствие преемственности поколений, снижение готовности к включению в систему отношений [И.В. Блаумберг 1999; В.А. Ганзен 2004; Б.Ф. Ломов 2003; П.А. Мясоед 1999]; деформация функций саморегуляции психических состояний [К.А. Абульханова 1991; Б.Г. Ананьев 1977]; нарушение процесса культурно-исторического становления человека в его подлинно человеческом качестве как субъекта собственного поведения и жизни [Л.В. Выготский 1991; С.Л. Рубинштейн 1998; А.Н. Леонтьев 1975].

В детерминации отклоняющегося пове-

дения задействован комплекс взаимодействующих между собой внешних и внутренних факторов, определяющих детерминационную специфику конкретной социальной ситуации совершения отклонений, важнейшее место среди которых принадлежит социальной среде (организации). Важность исследования организации как одной из детерминант совершения отклонений заключается в том, что жестко заданная нормативная среда значительно сужает границы поведения человека, что автоматически влечет за собой расширение классификации различных видов девиаций (уход из дома, прогулы, насильственные отклонения и т.д.).

Методологическим основанием дальнейшего выделения теоретических положений социально-психологической концепции отклоняющегося поведения являются идеи Б.Д. Парыгина [1999] о социальной организации как миди-общности, совокупности малых групп и первичных трудовых коллективов; подходы Л.Д. Почебут [2001], определяющие организацию как систему, формирующую и транслирующую социальные нормы поведения, специфику непосредственных межличностных контактов и взаимодействий.

Организация – это искусственное объединение людей институционального характера с высокой степенью формализации целей и структуры, жесткой регламентацией способов поведения, доминированием организационных мотивов и ценностей, занимающее определенное место в обществе и выполняющее важную общественную функцию [Л.Д. Почебут, 2001].

Одной из основных функций организации является упорядочивание совместных действий ее элементов для достижения общей цели. Реализация данной функции происходит посредством сложившихся норм, которые определяются как обобщенная, символически оформленная система значений и отношений, поддерживающих организационную систему в равновесии, закрепляя образцы поведения в соответствии с ролевыми предписаниями, обеспечивая комфортное существование ее членов.

Эффективность функциональности организации обеспечивают организационно-групповые процессы, образуя «поддерживающую» систему развития организации: а) экспектации в отношении поведения личностей в соответствии с занимаемым статусом [Г. Блумер 1984; Л. Божович 1960; И. Гофман 2000; Ч. Кули 2000; М. Кун 1954; Дж. Морено 2001]; б) санкции для поддержания норма-

тивных образцов поведения [Я.И. Гишинский 2004; В.Н. Кудрявцев 1982; А. Рэдклифф-Браун 2001; Т. Шибутани 1999; Э.П. Утлик 1996]; в) интеграции, обеспечивающей эмоциональный комфорт членов группы и целостность организации [С.А. Липатов 2001; А.С. Скок 1998; Л.И. Уманский 1980].

Схемы позитивного развития организации и в теоретическом, и в эмпирическом плане достаточно хорошо проработаны в социальной психологии, поэтому важным обстоятельством в изучении влияния условий социальной среды на совершение отклонений является выявление линии развития организации в направлении отрицательного полюса (искажение ролевых ожиданий, низкий уровень социального контроля, межличностный эгоцентризм, конфликтность и агрессивность). Анализ работ, посвященных проблеме влияния среды на совершение отклонений, показал, что пока путь движения организации в негативную сторону исследователями скорее намечен, нежели обстоятельно изучен [Е.М. Дубовская 2001; Р.Л. Кричевский 2001; А.В. Петровский 1985; Л.И. Уманский 1980]. Однако в данном случае речь идет не о криминальной или девиантной среде, поскольку такие воинские подразделения подвергаются немедленным организационным преобразованиям, кадровым изменениям. В силу этих обстоятельств всесторонний анализ научных подходов к пониманию влияния организации на совершение отклонений, учет особой ее общественной значимости позволили сформулировать собственное определение понятия дисфункциональности условий социальной среды.

Дисфункциональность условий социальной среды – это интегральная характеристика организации, существенно затрудняющая удовлетворение потребностей личности и достижение общественно значимых целей, связанных с нарушением функционирования организационно-групповых процессов: экспектаций, санкций, интеграции. В данном случае дисфункциональность условий социальной среды может выступать в качестве некой преграды, блокирующей удовлетворение потребностей личности, а также в качестве методологической основы определения социально-психологического механизма совершения отклонений в поведении [Т. Шибутани 1999].

Результаты проведенного анализа психологических исследований свидетельствуют о приоритетности внутренней системы критериев ситуации у личности, к которой они

обращаются, сталкиваясь с необходимостью удовлетворения потребностей, что подчеркивает важную роль личностных качеств, содержащих ценностно-операционные инварианты принятия решения на нормативный/ненормативный способы удовлетворения потребностей. Отсутствие в субъектном опыте вариантов нормативных способов удовлетворения потребностей автоматически повышает риск совершения отклонений, особенно если ситуация связана с низким организационным ресурсом [А.Г. Караяни 1998].

С опорой на известные теоретические положения обоснована собственная *социально-психологическая концепция отклоняющегося поведения*, содержащая систематизированные представления относительно ее сущности, структуры, условий, механизма и закономерностей совершения, а также критериев, позволяющих наиболее полно охарактеризовать исследуемое явление.

В соответствии с выработанным подходом, **отклоняющееся поведение** – это результат рассогласования в системе взаимодействия «личность – социальная среда», опосредованный индивидуально-психологическими особенностями и внутренней активностью личности по удовлетворению своих потребностей в форме внешних действий и поступков, не соответствующих нормам, регламентирующим деятельность организации.

Свое специфическое проявление девиации находят в конкретной ситуации взаимодействия личности с условиями социальной среды. В психологии изучение ситуаций как дискретно-целостных, законченных эпизодов деятельности имеет определенную традицию [А.Я. Анцупов 1985; А.В. Булгаков 2006; Б.Я. Шведин 1984; А.И. Шипилов 2000 и др.]. В ходе исследования использован модернизированный подход к выделению ситуаций совершения отклонений в поведении, их содержательной интерпретации на основе типологии лиц, склонных к девиациям, и типов условий социальной среды. Актуализация и проявление в конкретной ситуации девиантного поведения происходит вследствие конфликтного взаимодействия личности с условиями социальной среды, представляющим единый механизм совершения отклонений в поведении.

Теоретический анализ основных подходов к изучению проблемы отклоняющегося поведения в отечественной и зарубежной психологической науке позволили выявить два основных подхода к изучению отклонений: а) индивидуально-личностный, б) социально-

организационный. Представители индивидуально-личностного подхода делают акцент в изучении девиаций на оценку и актуализацию психологического ресурса личности (экстернальный тип локуса контроля, низкая адаптивность, идентичность с асоциальными группами, отсутствие стремления позитивных достижений, социальная изоляция). Ученые, исследующие отклонения в поведении с позиций социально-организационного подхода, рассматривают девиации через призму социальных отношений, в которые личность вступает в формально заданной организационной среде, т.е. данный аспект понимания отклоняющегося поведения обращает внимание на функциональность социальной среды (соответствие социального статуса выполняемой роли, стиль руководства, эффективность применения санкций), морально-психологический климат и т.п.). Однако каждый из выделенных подходов не дает полного научного представления об изучаемом явлении, поэтому их интеграция в форме нового научного направления позволит преодолеть некую односторонность в исследовании девиаций и разработать теоретическую модель детерминации отклоняющегося поведения, включающую в себя структурно-функциональный и структурно-динамические компоненты (см. рис. 1).

В структурно-функциональном отношении теоретическая модель детерминации отклонений в поведении состоит из субъектов профессионального взаимодействия: личность, не способная выполнять свои основные функции как субъекта профессиональной деятельности и условия социальной среды, не реализующие функции организации. В структурно-динамическом отношении выделяются ситуации конфликтного взаимодействия человека с условиями социальной среды, обуславливающие совершение отклонений. Основой концептуальной модели отклоняющегося поведения является конфликтное взаимодействие между дисфункциональной личностью и дисфункциональными условиями социальной среды. В реальной ситуации конфликтное взаимодействие зависит от характера развития социализационных процессов личности (интериоризации, адаптации, идентификации, целеполагания), уровня функциональности условий социальной среды. Их дисфункция вызывает конфликтную ситуацию, которая приводит к отклонениям в поведении.

Основной социально-психологический механизм совершения отклонений в поведе-

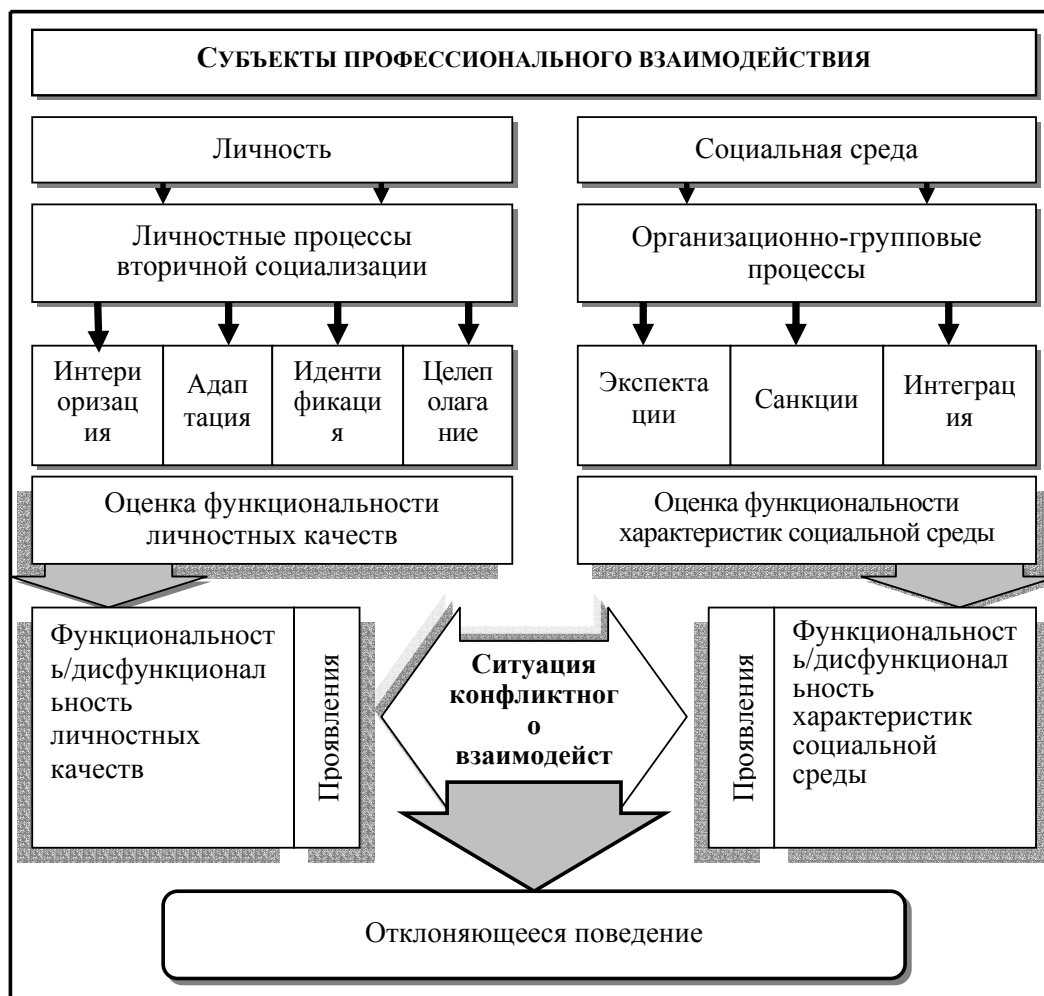

Рис. 1. Теоретическая модель детерминации отклонений в поведении

нии – конфликт взаимодействия личности с условиями социальной среды, в основе которого лежит рассогласование взаимодействия в системе «личность – социальная среда», обусловленное дисфункциональностью личности и дисфункциональностью условий социальной среды.

Возможны три формы конфликтного взаимодействия – средовой конфликт (конфликтное взаимодействие человека, личностные качества которого соответствуют требованиям формальной организации, с социальной средой, качественные параметры функциональности которой не позволяют ему удовлетворять свои потребности), личностный конфликт (дисгармония между личностными качествами дисфункционального человека и требованиями нормативной социальной среды) и комплексный конфликт (двухсторонний конфликт – дисфункциональная личность, с одной стороны, и дисфункциональные условия социальной среды – с другой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М., 1988.
2. Булгаков А.В. Психологическая теория и практика межгрупповой адаптации (по материалам экспериментального исследования на кораблях ВМФ России). Монография. – М.: МГОУ, 2006.
3. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – СПб., 2006.
4. Евенко С.Л. Отклоняющееся поведение военнослужащих. Монография / Под ред. А.Г. Караяни. – М.: ВУ, 2008.
5. Караяни А.Г., Евенко С.Л. Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в боевой обстановке: Монография. – М.: ВУ, 2006.
6. Карпинский К.В. Психологическая коррекция смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности: Монография / Под. ред. Т.К. Комаровой. – Гродно: ГрГУ, 2002.
7. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. – М., 2003.
8. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. – СПб., 2001.

S. Evenko

THEORETIC-METHODOLOGICAL BASIS OF DEVIANT BEHAVIOR

Abstract. The article is devoted to studying of theoretical problems of deviant behavior research. Based on theoretic-methodological analysis of deviant behavior the author concludes that the studied phenomenon is determined by conflict interaction between dysfunctional personality and dysfunctional conditions of social environment. In this article, the author suggests the determinative model of deviant behavior of personality. The main social-psycho-

logical mechanism of deviation performance in behavior consists in a conflict between personality interactions with conditions of social environment to be based on interaction unbalance in the "personality – social environment" system. This unbalance is specified by both functionality absence of personality and functionality absence of social environment.

Key words: deviant behavior, determinative model of deviations in behavior, dysfunctional personality, dysfunctional conditions of social environment.

УДК 159.9.07

Филинкова Е.Б.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ*

Аннотация. По самооценке изучены самостоятельность, организованность, компетентность, креативность, ответственность и направленность интересов в деятельности у работников офисов. Разработана оригинальная программа опроса, позволившая установить существование, во-первых, половых различий в исследуемых психологических характеристиках, и, во-вторых, отличия в уровне организованности, компетентности и самостоятельности у работников возрастных до 30 лет и старше 31 года.

Ключевые слова: психология исполнителей, самооценка социально-психологических характеристик, направленность интересов в деятельности, самостоятельность, организованность, компетентность, креативность, ответственность.

Существует значительное количество работ, посвященных изучению психологии личности и деятельности руководителя. Аналогичных работ, ставящих своей целью изучение психологии исполнителя, крайне мало. Заметный вклад в понимание психологического портрета рядовых работников внесло масштабное исследование, проведенное под руководством А.Л. Журавлева [1]. Однако данная работа, несмотря на публикацию результатов в 2007 г., относится к 80-м годам XX века и не может быть прямо экстраполирована на современное состояние психо-

логии исполнителей. Восполняя имеющийся пробел в исследованиях и учитывая высокую научную и прикладную значимость данной проблематики, в Московском государственном областном университете была разработана комплексная программа по изучению психологии исполнительской деятельности. В настоящей статье представлены основные результаты первого этапа исследования, проведенного в ноябре-декабре 2008 г. Целью первого этапа было изучение социально-психологических особенностей личности исполнителей – офисных работников.

Предметом исследования являлась самооценка социально-психологических характеристик работников низшего звена управления.

Основным методом исследования выступал опрос в форме анкеты, разработанной специально для данного исследования (см. Приложение). Анкета, содержащая 32 вопроса, была нацелена на изучение семи социально-психологических характеристик исполнителя: мотивации и направленности интересов в деятельности, самостоятельности, организованности, компетентности, креативности, ответственности. Пять последних переменных были аналогичны переменным, исследуемым в работе А.Л. Журавлева [1], однако мы использовали другой подход для их изучения. В настоящей работе представлены основные результаты исследования по шести характеристикам исполнителей (за ис-

* © Филинкова Е.Б.

ключением мотивационных особенностей).

Обработка результатов проводилась с помощью критерия Фишера, критерия Пирсона хи-квадрат, корреляционного анализа по Спирмену.

Объект исследования. В исследовании приняли участие 170 человек, работающих в различных организациях г. Москвы, среди которых женщин было 90 человек (52,9%), мужчин – 80 человек (47,1%). Все участники опроса являются офисными работниками: две трети работают менеджерами различного профиля (по продажам, по закупкам, по персоналу, по проектам, офис-менеджерами), оставшиеся занимают должности курьеров, секретарей, специалистов. Всех респондентов объединяет одно – они являются низовым звеном организационной структуры. Возраст респондентов колебался от 25 до 55 лет, при этом работники до 30 лет составляли 48,8%. В двух возрастных группах исполнителей (до 30 лет и 31-55 лет) количество женщин было практически уравнено с количеством мужчин: соответствующие доли женщин равны 51,9% и 54,0%.

В основу исследования была положена **гипотеза**, что современные исполнители отличаются низким уровнем самостоятельности и креативности и направлены в деятельности на реализацию собственных интересов.

Основные результаты исследования

Общий уровень самостоятельности по самооценке субъектов исполнительской деятельности достаточно высокий (табл. 1). Наивысшая оценка самостоятельности отмечена в выполнении исполнителями своей повседневной работы: 89,4% респондентов отметили, что в этом случае они практически всегда полагаются только на себя и только пятая часть (20,0%) время от времени прибегает к помощи коллег по работе.

Несколько меньшая самостоятельность проявляется исполнителями при возникновении каких-либо проблем как производственного, так и внепроизводственного характера. Если возникают сложности, непосредственно связанные с работой исполнителя, то один из восьми (11,8%) всегда решает свои проблемы самостоятельно и еще 53,5% стараются при решении собственных производственных задач опираться только на свои силы. То есть самостоятельность в данном случае проявляют не более двух третей (65,3%) исполнителей. Оставшаяся часть респондентов предпочитает с той или иной частотой решать собственные производственные проблемы, используя

помощь коллег или непосредственного начальника, причем 14,7% чаще прибегают к стратегии совместного решения производственных проблем, чем к самостоятельному их решению.

Примерно такой же уровень самостоятельности исполнителей выявлен в случае, когда требуется предложить решение проблемы, заранее зная, что реализация этого решения ляжет непосредственно на инициатора. Более половины участников исследования (57,0%) в этом случае заявили о готовности взять инициативу в свои руки. В то же время 13,0% исполнителей, зная, что инициатива в организации наказуема, предпочитают чаще всего следовать стратегии молчания, «не высказываться» и не брать на себя никаких обязательств. Приблизительно треть работников (30,0%) характеризуется отсутствием ярко выраженной стратегии поведения и ведет себя по-разному, скорее всего, в зависимости от ситуации в коллективе и от особенностей решаемой задачи.

Уровень самостоятельности, проявляемый рядовыми работниками вне производства, в целом заметно ниже, чем их самостоятельность в решении деловых задач. Из двух изученных не связанных с производством переменных, более высокий уровень самостоятельности исполнители проявляют в процессе поиска работы: чаще всего рассчитывают только на себя три четверти респондентов (75,8%). Однако и в данном случае выделяется небольшая (13,0%) группа офисных служащих, которые не верят в возможность самостоятельного нахождения приличной работы и в основном опираются на помощь друзей и знакомых.

Самую низкую оценку среди пяти изучаемых переменных получила самостоятельность исполнителей при решении важной для группы непроизводственной задачи. Респондентам предлагалось ответить на вопрос, как они будут действовать при необходимости самостоятельного принятия решения о покупке подарка руководителю от имени всего коллектива. Важность и нетипичность задачи, очевидно, обусловила тот факт, что готова принять абсолютно самостоятельное решение оказалась только десятая часть респондентов и еще около трети (28,2%) высказались за частично самостоятельное решение проблемы (опираясь на советы коллег). Самая большая группа исполнителей (45,9%) отказалась принимать какое-либо решение, передав эту функцию коллективу.

Мужчины и женщины в целом харак-

Самооценка самостоятельности исполнителей (в % от опрошенных)

Параметр	Группы исполнителей	Выраженность				
		минимальная	ниже средней	средняя	выше средней	максимальная
Проявление самостоятельности в поиске работы (вопрос № 1)	Общая выборка	7,7	5,3	11,2	52,9	22,9
	Мужчины	10,0	5,0	12,5	47,5	25,0
	Женщины	5,6	5,5	10,0	57,8	21,1
	Работники до 30 лет	10,8	6,0	12,0	55,4	15,6
	Работники от 31 года	4,6	4,6	10,3	50,6	29,9
Самостоятельность в решении производственных проблем (вопрос № 5)	Общая выборка	3,5	11,2	20,0	53,5	11,8
	Мужчины	6,2	13,8	22,5	45,0	12,5
	Женщины	1,1	8,9	17,8	61,1	11,1
	Работники до 30 лет	4,8	10,1	4,8	51,8	3,6
	Работники от 31 года	2,3	4,6	18,4	55,2	19,5
Позитивное отношение к выдвижению инициатив (вопрос № 15)	Общая выборка	6,5	6,5	30,0	33,5	23,5
	Мужчины	12,5	6,2	23,8	27,5	30,0
	Женщины	1,1	6,7	35,6	38,9	17,7
	Работники до 30 лет	12,1	4,8	24,1	33,7	25,3
	Работники от 31 года	1,1	8,2	35,6	33,3	21,8
Самостоятельность в выполнении повседневной работы (вопрос № 19)	Общая выборка	0	0,6	20,0	46,5	32,9
	Мужчины	0	1,2	27,5	43,8	27,5
	Женщины	0	0	13,3	48,9	37,8
	Работники до 30 лет	0	0	27,7	53,0	19,3
	Работники от 31 года	0	1,2	12,6	40,2	46,0
Самостоятельность в принятии важных решений для группы (вопрос № 24)	Общая выборка	21,8	24,1	15,9	28,2	10,0
	Мужчины	8,8	21,2	25,0	30,0	15,0
	Женщины	33,3	26,7	7,7	26,7	5,6
	Работники до 30 лет	16,9	28,9	14,5	33,7	6,0
	Работники от 31 года	26,4	19,6	17,2	23,0	13,8

теризуются разным уровнем самостоятельности. Характерно, что исполнение повседневной работы не выявляет гендерных особенностей в самостоятельности, различия в данной психологической характеристике у представителей разных полов становятся заметными только при решении проблемных ситуаций. Уровень самостоятельности женщин по всем переменным, связанным с решением проблем, более высокий, однако, значимые различия (по критерию Фишера) найдены лишь по трём параметрам. Женщины явно превосходят мужчин в самостоятельности в решении сложных производственных проблем, чаще проявляют инициативу, зная, что решение придется осуществлять самостоятельно, но главное, женщины гораздо более самостоятельны во внепроизводственной сфере – они в четыре раза чаще мужчин выражали готовность решить важную для всего коллектива проблему с покупкой подарка руководителю.

Мы сравнивали психологические особенности исполнителей до 30 лет включительно и старше 30 лет. Возраст и связанный

с ним опыт производственной деятельности, как оказалось, сказывается только на самостоятельности в решении сложных производственных проблем (различия по критерию Фишера значимы). Старшая возрастная группа исполнителей привыкла больше опираться на себя и реже обращается за помощью со стороны. Значительных различий в уровне самостоятельности как в выполнении повседневной работы, так и в решении внепроизводственных задач не обнаружено, хотя тенденция связи возраста и повышения самостоятельности деятельности просматривается.

Организованность как социально-психологическая характеристика оценивалась нами через подготовку к рабочему дню, ритмичность работы в течение месяца, частоту выполнения работы в срок, планирование своей повседневной деятельности и организованность в решении двух задач одновременно. Большинство опрошенных высоко оценивают свою организованность в распределении рабочего времени. Основная часть исполнителей (71,2%) в течение месяца работает чаще

Самооценка организованности исполнителей (в % от опрошенных)

Параметр	Группы исполнителей	Выраженность				
		минимальная	ниже средней	средняя	выше средней	максимальная
Организованность в подготовке к работе (вопрос № 2)	Общая выборка	7,1	14,7	25,9	31,8	20,5
	Мужчины	11,2	17,5	28,8	27,5	15,0
	Женщины	3,3	12,2	23,3	35,6	25,6
	Работники до 30 лет	9,6	18,1	31,3	25,3	15,7
	Работники от 31 года	4,6	11,5	20,7	37,9	25,3
Ритмичность работы (вопрос № 7)	Общая выборка	4,1	8,2	16,5	39,4	31,8
	Мужчины	3,8	8,8	21,2	38,7	27,5
	Женщины	4,4	7,8	12,2	40,0	35,6
	Работники до 30 лет	4,8	13,2	18,1	49,4	14,5
	Работники от 31 года	3,4	3,5	14,9	29,9	48,3
Организованность во времени (вопрос № 14)	Общая выборка	0,6	5,3	17,1	47,6	29,4
	Мужчины	1,2	10,0	21,2	48,8	18,8
	Женщины	0	1,1	13,3	46,7	38,9
	Работники до 30 лет	1,2	6,0	20,5	50,6	21,7
	Работники от 31 года	0	4,6	13,8	44,8	36,8
Повседневное планирование большого объема работы (вопрос № 22)	Общая выборка	12,9	10,7	32,9	30,0	13,5
	Мужчины	21,2	5,0	27,5	26,3	20,0
	Женщины	5,6	15,6	37,8	33,3	7,7
	Работники до 30 лет	21,7	10,9	31,3	27,7	8,4
	Работники от 31 года	4,6	10,3	34,5	32,2	18,4
Организованность при выполнении двух задач одновременно (вопрос № 27)	Общая выборка	0,6	4,7	44,1	29,4	21,2
	Мужчины	1,2	6,3	46,2	26,3	20,0
	Женщины	0	3,4	42,2	32,2	22,2
	Работники до 30 лет	1,2	7,2	45,8	24,1	21,7
	Работники от 31 года	2,3	10,4	20,7	42,5	24,1

всего ритмично, без авралов и, как правило, выполняет работу в срок (77,0%). Неспособность работать равномерно в течение месяца, а также постоянное отставание с выполнением задания от графика согласно самооценке свойственны очень малому числу работников (12,3% и 5,9%, соответственно). Оставшимся 16-17% исполнителям также хорошо известны и постоянное напряжение в конце месяца, и невыполнение графика работы, но в этой группе временная неорганизованность не носит характера постоянно проявляющейся закономерности, данные исполнители могут (но, видимо, не хотят) работать более равномерно и выполнять задачу в срок.

Организованность работников во времени оказалась значительно выше других показателей, отражающих способность к самоорганизации.

Степень организованности в подготовке к рабочему дню проверялась через описание типичного поведения при сборах на работу. Только чуть более половины работников (52,3%) заранее собирают необходимые для рабочего дня вещи, каждый четвертый

(25,9%) не имеет единого правила и собирается или не собирается по настроению, а каждый пятый (21,8%) вообще откладывает подготовку к рабочему дню на последний момент и, соответственно, постоянно или время от времени что-то забывает.

Еще более низкой оказалась способность работников к организации в условиях получения большого объема работы, требующего много времени. Менее половины исполнителей (43,5%) в этом случае собираются планировать свою деятельность и, выполняя работу, будут стараться придерживаться своего плана. Каждый восьмой работник (12,9%) считает составление плана принципиально ненужным делом и еще 10,7% респондентов планируют свою деятельность редко. У оставшейся трети респондентов (32,9%) планирование носит случайный характер, они планируют свою работу время от времени. То есть большинство в данном случае оказывается работниками, пускающими свою деятельность на самотёк, и, скорее всего, респондентами именно этой группы самокритично было указано, что в их работе присутствуют авралы и

им редко удается сделать работу в срок (коэффициенты корреляции Спирмена, соответственно, равны 0,251 и 0,390, $p < 0,05$).

Низкая склонность к планированию своей деятельности проявилась также у исполнителей и при оценке своих действий в ситуации, когда, имея уже рабочее задание, работник получает дополнительную задачу. Поскольку в вопросе ничего не было сказано о срочности обоих заданий, то логичен был бы такой порядок действий: вначале закончить старое дело, а потом приниматься за новое. Однако точно так готов поступить только один из пяти участников исследования (21,2%) и еще около трети (29,4%) выберут эту линию поведения вероятнее всего. Низкоорганизованными оказались по самооценке всего 5,3% исполнителей, для которых типичным является быстрое переключение на новую задачу, не решив при этом старую. Самая большая группа работников (44,1%) заявила, что главным фактором, определяющим их поведение, являются свойства нового задания и степень интереса работника к нему. Мы оцениваем данный результат как отсутствие четкой нацеленности на выполнение производственной задачи и, соответственно, как проявление низкого уровня организованности в решении двух задач одновременно. Чем ниже способность работника к последовательному выполнению двух дел, тем ниже его склонность к планированию своей текущей деятельности ($r=0,290$) и, значит, выше ритмичность работы в течение месяца ($r=0,277$) и частота невыполнения работы в срок ($r=0,308$).

Таким образом, с учетом того, что по двум параметрам организованности исполнители показали высокие результаты, а по оставшимся трем – средние или чуть ниже среднего, то можно сделать вывод, что общий уровень организованности современных исполнителей следует оценить как незначительно превышающий средний.

Способность и склонность к организации своей деятельности по-разному проявляется у мужчин и женщин. Женщины оказались в целом более организованными, чем мужчины. Наиболее сильные отличия обнаружены по таким переменным, как «организованность в подготовке к работе» и «организованность во времени» (выполнение работы в срок). Гипотеза о существовании различий по критерию Фишера по переменной «повседневное планирование большого объема работы» не подтвердилась, однако заметно, что распределения данной переменной в группах мужчин и

женщин не совпадают. Если у женщин распределение ответов по данному вопросу близко к нормальному, то в группе мужчин четко выделяются четыре подгруппы с приблизительно одинаковым количественным составом (20-27%). Расчеты по критерию Пирсона показывают высокую значимость различий данных распределений (Хи-квадрат равен 19,26, $p < 0,01$), что позволяет констатировать и в данном случае существование гендерных особенностей.

Исследование разных возрастных групп по уровню организованности показало, что имеется единый вектор изменения – старшая группа исполнителей превзошла младшую по всем изученным переменным, по четырем показателям из пяти различия достигли уровня статистической значимости. Работники старше 30 лет оценили намного выше свою организованность при подготовке к работе, ритмичность работы, склонность к планированию большого объема работы и организованность при выполнении двух задач одновременно.

Самооценка исполнителями своей компетентности проводилась прямым и косвенным путем. Впрямую компетентность оценивалась через частоту встреч с производственными задачами, которые исполнитель не может решить. Косвенная оценка компетентности осуществлялась посредством выявления предпочтений в уровне сложности производственных задач, оценивания качества выполнения работы в условиях дефицита времени, наличия знаний и опыта для того чтобы стать наставником для молодежи, и оценивания психологического комфорта на новой, малознакомой работе.

Прямая самооценка компетентности оказалась достаточно высокой: около четверти участников исследования (21,2%) не встречались вовсе и еще 42,9% респондентов редко встречались производственные задачи, которые они не могут решить самостоятельно. Казалось бы, можно говорить о хорошем уровне готовности наших исполнителей к работе. Однако следует вспомнить, что изучались психологические особенности самых низовых работников, и с этой позиции наличие значительной доли исполнителей (33,5%), которые заявили, что время от времени они сталкиваются с производственными задачами, которые не могут решить, настораживает.

Переменные, относящиеся к косвенной оценке компетентности, единой картины не продемонстрировали. Самую высокую оценку компетентности дали своим способностям

Самооценка компетентности исполнителей (в % от опрошенных)

Параметр	Группы исполнителей	Выраженность				
		минимальная	ниже средней	средняя	выше средней	максимальная
Предпочтение уровня сложности производственных задач (вопрос № 4)	Общая выборка	10,0	11,8	44,7	16,5	17,0
	Мужчины	15,0	8,8	40,0	18,7	17,5
	Женщины	5,6	14,4	48,9	14,4	16,7
	Работники до 30 лет	10,8	13,2	47,0	19,3	9,7
	Работники от 31 года	9,2	10,3	42,5	13,8	24,2
Частота встреч с задачами, которые работник не может решить самостоятельно (вопрос № 6)	Общая выборка	0	2,4	33,5	42,9	21,2
	Мужчины	0	3,8	40,0	38,7	17,5
	Женщины	0	1,1	27,8	46,7	24,4
	Работники до 30 лет	0	3,6	43,4	43,4	9,6
	Работники от 31 года	0	1,2	24,2	42,5	32,2
Проявление компетентности в условиях дефицита времени (вопрос № 18)	Общая выборка	4,1	10,6	9,4	33,5	42,4
	Мужчины	8,8	13,7	8,7	35,0	33,7
	Женщины	0	7,8	10,0	32,2	50,0
	Работники до 30 лет	6,0	7,2	14,5	41,0	31,3
	Работники от 31 года	2,3	13,8	4,6	26,4	52,9
Оценка компетентности по готовности выполнить роль наставника (вопрос № 25)	Общая выборка	4,7	12,9	28,2	31,8	22,4
	Мужчины	10,0	12,5	25,0	25,0	27,5
	Женщины	0	13,3	31,1	37,8	17,8
	Работники до 30 лет	8,4	13,3	21,7	30,1	26,5
	Работники от 31 года	1,2	12,6	34,5	33,3	18,4
Оценка компетентности по способности к адаптации на смежной работе (вопрос № 28)	Общая выборка	4,7	11,8	20,6	39,4	23,5
	Мужчины	7,5	11,2	17,5	38,8	25,0
	Женщины	2,2	12,2	23,3	40,0	22,2
	Работники до 30 лет	7,2	13,3	20,5	36,1	22,9
	Работники от 31 года	2,3	10,3	20,7	42,5	24,2

выполнять задание в условиях дефицита времени: 75,9% опрошенных редко выполняют производственное задание в этих условиях с потерей качества, стресс от недостатка времени, по мнению участников исследования, влияет на результаты работы только каждого седьмого исполнителя (14,7%), что в целом является хорошим показателем. Выше среднего оценило большинство работников собственные возможности обучить специфике деятельности молодых специалистов и адаптироваться к новой должности. Более половины респондентов чувствуют себя компетентными настолько, чтобы учить начинающих работников (54,2%), еще больше исполнителей считают, что обладают значительным опытом работы, чтобы быстро освоиться и комфортно себя чувствовать даже в незнакомой деятельности (62,9%). Ниже среднего уровень компетентности продемонстрировали и в данном случае примерно 15% исполнителей.

В целом уровень компетентности по оценке самих исполнителей можно оценить как достаточно высокий. Однако рассмотрен-

ные выше четыре вида самооценки компетентности не полностью согласуются с пятой, косвенной оценкой своих знаний, умений и способностей. Как оказалось, наибольшая группа исполнителей предпочитает задачи среднего уровня сложности (44,7%), а каждый пятый – простые и легкие задачи (21,8%). Это в определенной степени ставит под сомнение высокий уровень *реальной* профессиональной компетентности исполнителей.

Самооценка компетентности теснейшим образом связана со всеми показателями, отражающими уровень самостоятельности в решении *производственных* задач, и с четырьмя из пяти показателей организованности работника (уровень компетентности работника оказался практически* никак не связан с ритмичностью работы в течение месяца). В целом более компетентные работники оказываются одновременно более самостоятельными и организованными. Наиболее высокозна-

* Найдена единственная взаимосвязь между оценкой ритмичности работы и предпочтением задач определенного уровня сложности

чимая связь обнаружена между склонностью к задачам определенного уровня сложности и самостоятельностью в решении возникающих производственных проблем – чем более трудные задачи человек предпочитает, тем в большей степени он рассчитывает только на свои силы ($r=0,517$).

Обнаружены определенные различия между самооценками компетентности у мужчин и женщин: последние реже встречаются с задачами, которые не могут решить, более качественно выполняют работу в условиях дефицита времени и охотнее готовы исполнить роль наставника молодежи, женщины в этой роли чувствуют себя более уверенно. Гендерных отличий в предпочитаемом уровне сложности производственных задач и наличии производственного опыта, позволяющем успешно адаптироваться на новой работе, не найдено.

Возраст как фактор, связанный с накоплением знаний и опыта, сказывается на умении решать более сложные задачи, невзирая на условия работы. Было найдено, что возрастная группа старше 30 лет значимо реже

возрастной группы до 30 лет сталкивается с производственными проблемами, которые не может решить самостоятельно, а если приходится решать деловую задачу при недостатке времени, то делает это относительно качественнее.

Наиболее низкий уровень среди шести изучаемых социально-психологических характеристик исполнители показали по оценке креативности. **Креативность** изучалась, во-первых, через предпочтение новизны и разнообразия в работе, и, во-вторых, через оценку собственной инициативности и отношение к людям, постоянно выдвигающим какие-либо идеи.

Ответы участников опроса в определенной степени противоречивы. С одной стороны, самая большая группа исполнителей (40,4%) чаще всего ориентируется на выполнение задачи так, как запланировано руководством, и еще треть (34,1%) заявила, что только иногда выполняет работу по-своему, позволяя себе отступать от детального плана начальства. С другой стороны, большинство (61,2%) говорит о явном предпочтении разнообразия

Таблица 4

Самооценка креативности исполнителей (в % от опрошенных)

Параметр	Группы исполнителей	Выраженность				
		минимальная	ниже средней	средняя	выше средней	максимальная
Предпочтение разнообразия в работе (вопрос № 9)	Общая выборка	3,5	6,5	28,8	37,7	23,5
	Мужчины	6,2	7,5	28,8	32,5	25,0
	Женщины	1,1	5,6	28,9	42,2	22,2
	Работники до 30 лет	2,4	8,4	25,3	41,0	22,9
	Работники от 31 года	4,6	4,6	32,2	34,5	24,1
Активность в выдвижении идей (вопрос № 10)	Общая выборка	2,4	4,1	58,8	25,9	8,8
	Мужчины	2,5	3,8	56,2	25,0	12,5
	Женщины	2,2	4,4	61,1	26,7	5,6
	Работники до 30 лет	3,6	4,8	74,7	15,7	1,2
	Работники от 31 года	1,1	3,5	43,7	35,6	16,1
Креативность при выполнении задания руководства (вопрос № 13)	Общая выборка	10,6	28,8	34,1	11,8	14,7
	Мужчины	8,8	26,2	32,5	10,0	22,5
	Женщины	12,2	31,1	35,6	13,3	7,8
	Работники до 30 лет	4,8	36,1	32,5	14,5	12,1
	Работники от 31 года	16,1	21,8	35,6	9,2	17,3
Типичность при выполнении обычной работы (вопрос № 21)	Общая выборка	22,3	34,7	20,0	17,1	5,9
	Мужчины	16,3	32,5	17,5	25,0	16,2
	Женщины	27,8	36,7	22,2	10,0	3,3
	Работники до 30 лет	14,4	39,8	24,1	16,9	4,8
	Работники от 31 года	29,9	29,9	16,1	17,2	6,9
Положительное отношение к людям-генераторам идей (вопрос № 26)	Общая выборка	6,5	7,1	22,3	35,9	28,2
	Мужчины	12,5	6,3	21,2	32,5	27,5
	Женщины	1,1	7,8	23,3	38,9	28,9
	Работники до 30 лет	8,4	9,7	24,1	31,3	26,5
	Работники от 31 года	4,6	4,6	20,7	40,2	29,9

в работе, и почти такое же количество участников опроса отмечают, что они действительно стараются работать, привнося в свою деятельность новизну и избегая типичности, которая характерна только для пятой части опрошенных (соотношение долей типичного и нетипичного выполнения обычной работы равно 57,0% и 23,0%, соответственно).

Оценки инициативности также носят противоречивый характер. Вспомним вопрос о возможности проявления инициативы в условиях, когда инициатива наказуема, представленный в разделе «самостоятельность работников». Более половины (57%) продемонстрировали постоянную готовность к проявлению инициативы. Этот результат согласуется с доминирующим положительным (64,1%) или нейтральным (22,3%) отношением к людям, постоянно выдвигающим идеи в работе. Однако существующая социальная установка позитивного отношения к инициативности в труде не всегда работает, когда речь идет о собственном поведении: наиболее приемлемым типом поведения для большинства является ситуативное проявление инициативы, в зависимости от конкретной проблемы, которую надо решить (встречается в 58,8% случаев). Активная и инициативная позиция характерна только для трети работников (34,7%) и, как показывает корреляционный анализ, связана с восприятием себя как самостоятельного и компетентного работника.

Известно, что женщины более способны к однообразной и монотонной работе. Эти

результаты находят простое объяснение в нашем исследовании: женщины потому устойчивее к монотонии, что они превосходят мужчин в умении находить что-то новое в обычной работе. Это проявляется как в желании и способности найти свой метод выполнения детально прописанной работы, так и в умении привнести новизну в повседневную деятельность.

Что касается возрастных отличий, то самооценка креативности с возрастом оказалась связана мало. Единственное значимое отличие – более высокая оценка собственной инициативности у исполнителей старше 30 лет. Но данный результат мы связываем не с разным уровнем креативности молодых и опытных работников, а со значительно большей уверенностью в себе и самостоятельностью у старшей возрастной группы. Это подтверждается расчетами по коэффициенту корреляции Спирмена: в старшей возрастной группе существует очень тесная взаимосвязь между инициативностью работника и его самостоятельностью в выполнении повседневной работы ($r=0,503$), а в младшей возрастной группе такой связи вообще нет ($r=0,105$).

Пятой исследуемой переменной была **направленность деятельности**, которая понималась нами как доминирующая из трех возможных ориентаций: на себя (свои интересы), на дело (на интересы фирмы) и на отношения с коллегами. Респондентам предлагалось выбрать стратегию поведения в ситуации противоречия между двумя ориентациями, задавались три ситуации.

Таблица 5

Направленность исполнителей в работе (в % от опрошенных)

Параметр	Группы исполнителей	Выраженность				
		минимальная	ниже средней	средняя	выше средней	максимальная
Направленность на отношения с коллегами или интересы фирмы (вопрос № 11)	Общая выборка	21,8	7,6	41,8	15,9	12,9
	Мужчины	16,3	10,0	42,5	15,0	16,2
	Женщины	26,7	5,6	41,1	16,6	10,0
	Работники до 30 лет	9,6	9,6	47,0	20,5	13,3
	Работники от 31 года	33,3	5,8	36,8	11,5	12,6
Направленность на интересы фирмы или на себя (вопрос № 16)	Общая выборка	4,1	6,5	22,3	29,4	37,7
	Мужчины	7,5	11,2	28,8	20,0	32,5
	Женщины	1,1	2,2	16,7	37,8	42,2
	Работники до 30 лет	6,0	2,4	24,1	33,8	37,7
	Работники от 31 года	2,3	10,3	20,7	25,3	41,4
Направленность на себя или на отношения с коллегами (вопрос № 23)	Общая выборка	5,3	5,9	37,1	14,7	37,0
	Мужчины	8,8	7,5	36,2	12,5	35,0
	Женщины	2,2	4,4	37,8	16,7	38,9
	Работники до 30 лет	10,8	6,0	21,7	16,9	44,6
	Работники от 31 года	0	5,8	51,7	12,6	29,9

При сравнении значимости интересов фирмы и взаимоотношений с коллегами явно выраженного вектора интересов не оказалось. Направленность на отношения с коллегами продемонстрировали 28,8% исполнителей, и почти столько же выразили направленность на интересы организации – 29,4% опрошенных. Основная группа работников (41,8%) придерживается в данном вопросе «золотой» середины, стараясь в равной степени совмещать интересы фирмы с заинтересованностью во взаимоотношениях с коллегами по работе.

Если же сталкиваются личный интерес работника и интересы организации, то в этом случае основная часть выборки продемонстрировала единую направленность на интересы фирмы (67,1%), направленность на себя оказалось характерна только для десятой части работников (10,6%). Количество неопределенных ответов (бывает и так, и по-другому) в данном вопросе наименьшее из трех рассматриваемых в данном разделе. То есть исполнителям проще определиться с направленностью интересов, когда сравниваются интересы свои и интересы фирмы. Если же в сравнение включается направленность на отношения, то в этих ситуациях значительная часть респондентов затрудняется дать однозначный ответ.

При сравнении направленности на взаимоотношения с коллегами и направленности на себя последняя оказалась выражена заметно сильнее: соотношение двух видов направленности примерно 1 : 5 (11,2% и 51,7%).

Таким образом, если создать иерархию направленности исполнителей в работе, то ведущей окажется направленность на интересы фирмы. На втором месте по значимости – направленность на решение личных задач (на себя), а на третьем – направленность на общение с коллегами. Доминирующее положение интересов организации в определенной степени объясняется кризисной ситуацией во время проведения исследования в экономике в целом и на рынке труда в частности. Незнание и слабая прогнозируемость своего экономического будущего на фоне массовых увольнений заставляли работников сильнее держаться за свою работу и всячески демонстрировать лояльность организации (в т.ч. и в опросе).

Детальный анализ показал отсутствие каких-либо возрастных различий в направленности деятельности работников офиса, однако гендерные различия обнаружены. Мужчины сильнее женщин ориентированы на себя с сравнении с ориентацией на интере-

сы организации.

Наконец, последняя анализируемая социально-психологическая характеристика – **ответственность** исполнителей. По всем показателям, по которым производилась самооценка ответственности, наибольшее количество респондентов показало результаты выше среднего уровня: соответствующие доли по ответственности за себя, за других и за общее дело равны 76,5%, 69,4% и 70,6% от всей выборки. Очень высокий уровень ответственности, выявленный в данном случае, на наш взгляд, в определенной степени является отражением социальной желательности ответов исполнителей, их стремлением показаться лучше, чем есть на самом деле (см. табл. 6).

Расхождений в уровне ответственности у мужчин и женщин не выявлено, а возрастные отличия имеют место. Молодые сотрудники до 30 лет демонстрируют более высокий уровень ответственности за других, а старшая группа работников – более ответственна за себя.

Ответственность за себя взаимосвязана со всеми показателями организованности и компетентности исполнителя, а также с уровнем его активности при выдвижении идей (уровнем инициативности). Ответственность за других и ответственность за общее дело имеют значительно меньшее количество корреляционных связей с изучаемыми социально-психологическими характеристиками. Высокоответственные за других и за общее дело работники проявляют инициативность при решении общей проблемы, зная, что реализовывать решение придется самому, чаще других выполняют работу в срок и проявляют большую компетентность в работе, активнее выражая готовность быть наставником молодежи и высоко оценивая уровень психологического комфорта в новой должности. Кроме того, исполнители с высоким уровнем ответственности за других чаще предпочитают более сложные производственные задачи и в условиях дефицита времени решают задачи относительно более качественно. То есть ответственность за других наиболее тесно связана с уровнем компетентности работника (с четырьмя показателями из пяти), а ответственность за общее дело не имеет четко оформленной взаимосвязи ни с одной изучаемой социально-психологической характеристикой исполнителя, демонстрируя корреляционные связи лишь с отдельными показателями всех характеристик.

В заключение следует сказать, что ис-

Самооценка ответственности исполнителей (в % от опрошенных)

Параметр	Группы исполнителей	Выраженность				
		минимальная	ниже средней	средняя	выше средней	максимальная
Ответственность за себя (вопрос № 3)	Общая выборка	4,7	5,9	12,9	28,8	47,7
	Мужчины	6,2	6,2	10,0	25,0	50,0
	Женщины	3,3	3,3	15,6	32,2	45,6
	Работники до 30 лет	7,2	9,6	15,7	31,3	36,2
	Работники от 31 года	2,3	2,3	10,3	26,5	58,6
Ответственность за других (вопрос № 8)	Общая выборка	7,7	10,0	29,4	30,0	29,4
	Мужчины	11,2	8,9	27,5	26,3	26,2
	Женщины	4,4	11,1	31,1	33,4	20,0
	Работники до 30 лет	10,8	10,8	18,1	35,0	25,3
	Работники от 31 года	4,6	9,2	40,2	25,3	20,7
Ответственность за общее дело (вопрос № 12)	Общая выборка	5,9	5,9	17,6	41,2	29,4
	Мужчины	10,0	6,2	13,8	38,8	31,2
	Женщины	2,2	5,6	21,1	43,3	27,8
	Работники до 30 лет	10,8	6,0	15,7	27,7	39,8
	Работники от 31 года	1,2	5,8	19,5	54,0	19,5

следование позволило сформировать очень позитивный портрет современного исполнителя – офисного работника. Наша гипотеза подтвердилась лишь в малой части. Однако, на наш взгляд, к полученным результатам следует относиться достаточно осторожно. Исследование проходило во время разворачивания кризиса на рынке труда, со всех сторон приходили сведения о реальных или готовящихся массовых увольнениях работников. Возможно, что получившийся положительный психологический портрет исполнителя обусловлен значительной долей социально желательных ответов, стремлением работников представить себя в максимально выгодном свете. Для проверки степени надежности результатов будет проведено повторное исследование, когда ситуация на рынке труда станет относительно стабильной.

Выводы

1. По самооценке современные исполнители характеризуются самостоятельностью, организованностью, ответственностью и компетентностью выше среднего уровня. Собственная креативность оценивается низовыми работниками примерно на среднем уровне. Доминирующая направленность исполнителей в работе – на интересы организации, на втором месте по значимости – направленность на собственные интересы. Наименьшей оказалась заинтересованность исполнителей во взаимоотношениях с коллегами по работе. Очень позитивный портрет исполнителей, получившийся в результате исследования,

мы рассматриваем как следствие определенной доли социальной желательности ответов респондентов.

2. Обнаружены половые различия в социально-психологических характеристиках исполнителей. Женщины несколько превосходят мужчин в самостоятельности в решении сложных производственных и непроизводственных проблем, чаще готовы взять реализацию инициативы на себя, более организованны, чем мужчины, реже встречаются с задачами, которые не могут решить, более качественно выполняют работу в условиях дефицита времени и охотнее готовы исполнить роль наставника молодежи. Чаще, чем мужчины, женщины умеют находить что-то новое в обычной работе, что проявляется как в желании и способности найти свой метод выполнения детально прописанной работы, так и в умении привнести новизну в повседневную деятельность. Мужчины отличаются от женщин несколько более выраженной ориентацией на свои интересы в сравнении с ориентацией на интересы организации.

3. Сравнивая две возрастные группы – до 30 лет и старше 30 лет, было выявлено, что старшая возрастная группа в целом характеризуется большей организованностью, компетентностью и самостоятельностью в решении сложных производственных задач. Молодые работники демонстрируют более высокий уровень ответственности за других, а старшая группа исполнителей в большей степени принимает ответственность за результаты своей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Журавлев А.Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности / Психологический журнал. Т. 28. № 1. – 2007. – С. 6-15.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анкета «Социально-психологические характеристики исполнителей»

Уважаемые господа!

Московский государственный областной университет проводит исследование, посвященное изучению психологических особенностей деятельности работников разных отраслей народного хозяйства. Просим вас ответить на ряд вопросов. Предлагаемая анкета анонимна, полученные результаты будут использованы только в научных целях и только в обобщенном виде. Мы рассчитываем на ваши искренние ответы.

1. Как обычно у Вас происходит поиск работы? (Выберите только один вариант ответа).

- я всегда ищу работу самостоятельно и рассчитываю только на себя
- чаще всего я ищу работу сам(-а), но считаю нормальным прибегнуть к помощи друзей, знакомых и т.д.
- бывает, поиском работы занимаюсь сам(-а), но бывает, что прошу других людей разрешить мои проблемы
- в большинстве случаев я рассчитываю на помощь друзей и знакомых, нежели на собственные возможности
- я уверен(-а), что найти хорошую работу самостоятельно невозможно, всегда опираюсь на помощь со стороны

2. Каким образом Вы собираетесь на работу?

- собираюсь с вечера, чтобы ничего не забыть
- стараюсь собираться вечером, если нет других дел, или встаю утром заранее
- у меня нет четкого режима, все зависит от настроения
- собираюсь чаще всего с утра и иногда забываю что-нибудь взять или сделать
- собираюсь обычно в последнюю минуту перед выходом и часто забываю или не успеваю что-либо сделать или взять

3. Оцените, пожалуйста, вашу пунктуальность при приходе на работу.

- я почти всегда прихожу на работу без опозданий
- я чаще всего прихожу на работу без опозданий
- иногда прихожу вовремя, иногда опаздываю

- чаще всего опаздываю, нежели прихожу вовремя
- почти всегда опаздываю

4. Производственные задачи какого уровня сложности Вы предпочитаете?

- я всегда предпочитаю сложные производственные задачи
- чаще всего я предпочитаю сложные задачи, но изредка бывает, что хочется более легкого задания
- предпочитаю, чтобы легкие и сложные задачи присутствовали в моей деятельности поровну
- в большинстве случаев всего я предпочитаю лёгкие задачи
- если можно выбирать, то я всегда выбираю только лёгкие производственные задачи

5. Если в Вашей работе возникают проблемы, как Вы обычно поступаете?

- всегда обращаюсь к коллегам или к своему непосредственному начальнику за помощью
- чаще предпочитаю сложные вопросы решать совместно с коллегами, реже – самостоятельно
- и самостоятельное решение проблем, и опора на помощь со стороны в моей работе встречаются одинаково часто
- чаще всего я стараюсь разбираться в сложных вопросах самостоятельно, если не получается, то обращаюсь к коллегам по работе
- всегда все вопросы я решаю только самостоятельно

6. Как часто Вы сталкиваетесь с производственными задачами, которые не можете решить?

- я практически не сталкивался (-лась) с такими задачами
- мне редко попадаются задачи, которые я не могу решить
- время от времени я сталкиваюсь с такими задачами
- я часто сталкиваюсь с задачами, которые не могу решить;
- почти все задачи, которые мне поручают, вызывает у меня большие сложности в решении

7. Какой ритм работы в течение месяца для Вас наиболее характерен?

- всегда равномерное распределение работы по неделям
- чаще всего ритм работы в месяц равномерный, но иногда бывают авралы
- каждый месяц у меня авралы чередуются со спокойной работой
- чаще всего у меня случается «запарка» в конце месяца
- авралы и постоянное напряжение в конце месяца – мой обычный режим работы

8. Предположим, Вас попросили выполнить работу вместо человека, который заболел. Руко-

водитель сказал, что эта работа очень важна для фирмы, но он не настаивает и добавил, что выполнение нового задания не снимает с Вас обязанности сдать собственную работу в срок. Как Вы поступите?

– я в любом случае возьмусь за выполнение этой работы, зная, что на выполнение собственной у меня останется меньше времени

– скорее всего, я возьмусь за выполнение этой работы

– в зависимости от обстоятельств, могу взяться, а могу, и нет

– скорее всего, я не возьмусь за чужую работу, т.к. я так собственная работа ещё не готова

– я не при каких условиях не буду делать чужую работу

9. Какой тип производственной деятельности Вы предпочитаете?

❖ работу с максимальным разнообразием деятельности

❖ работу более разнообразную, чем однообразную

❖ работу, разнообразную в средней степени

❖ работу с доминированием одной и той же деятельности

❖ работу, в которой присутствует минимум разнообразия

10. Предположим, перед организацией встала непростая задача, и Вы приглашены руководством для её обсуждения в кругу специалистов. Какое поведение для Вас наиболее типично?

■ я сосредоточусь на выдвижении идей по решению проблемы

■ скорее я буду ориентироваться на выдвижение своих идей, но также буду прислушиваться к мнению других, хотя и в меньшей степени

■ всё зависит от проблемы, может, буду только слушать, а может, предлагать решения

■ скорее я буду ориентироваться на обсуждение чужих идей, чем на предложение своих

■ я никогда не выдвигаю идей, всегда слушаю, что предлагают другие

11. Представьте, что Вы работаете менеджером по продажам в оптовой фирме, в которой все клиенты жёстко закреплены за конкретными сотрудниками. Однажды в офис пришёл клиент вашего коллеги, в то время как самого коллеги не было на месте. Как Вы поступите?

• попрошу клиента прийти в другой день, я не буду работать с «чужим» клиентом

• скорее всего, попрошу клиента прийти в другой день, так как отношения с товарищем важнее продаж

• зависит от ситуации, возможно, буду работать с этим клиентом, а может, и нет

• скорее всего, начну работать с клиентом, т.к. интересы фирмы важнее отношений с товарищем

• интересы фирмы – это главное, поэтому

независимо от того, чей это клиент, я буду с ним работать

12. Представьте себе, что Вы сотрудник аппарата управления фирмы. В середине рабочего дня стало известно, что тот проект, который ваш отдел готовил, руководство просило сдать досрочно, лучше всего завтра. Вы свою часть сделали. Останетесь ли Вы для того, чтобы помочь завершить общий проект?

■ я обязательно останусь для завершения проекта, даже если у меня есть свои дела

■ скорее всего, я останусь помочь товарищам, если нет особо важных моих собственных дел

■ в зависимости от ситуации, возможно, что останусь, а возможно, нет

■ скорее всего, я не останусь, т.к. я свою работу уже сделал (-а)

■ я не останусь в любом случае

13. Если Вы получаете детально распланированное задание от начальника, то как Вы обычно его выполняете?

❖ я не могу делать только в рамках заданного и всегда стараюсь сделать работу по-своему

❖ чаще всего я выполняю полученное задание по-своему, но иногда бывает, что строго следуя заданному плану работы

❖ бывает по-разному

❖ в большинстве случаев я выполняю задание руководство так, как было предписано, но иногда позволяю себе отойти от плана и сделать по-своему

❖ я всегда выполняю все задания руководства только так, как было запланировано

14. Бывает ли так, что Вы не выполняете свою работу в срок?

• нет, не бывает, свою работу я всегда успеваю делать в срок

• я стараюсь успевать в срок, но изредка бывает, что запаздываю

• бывает по-разному

• хоть я и стараюсь, но уложиться в заданный срок мне удается редко

• у меня практически никогда не получается уложиться в срок

15. Перед Вами и коллегами по работе поставлена довольно сложная производственная задача. Группа обдумывает план действий, но вариантов решения пока никто не видит, а у Вас в голове появилось интересное решение. Однако вы знаете, что в вашей организации все руководствуются принципом «инициатива наказуема». Как Вы поступите?

○ озвучу его, даже зная, что большую часть работы придётся выполнить мне

○ скорее всего, озвучу свой план, зная, что большую часть работы придётся выполнить мне

○ может быть, вынесу свое решение на обсуждение, а может быть и промолчу

○ будучи уверен(а), что большую часть работы придётся выполнить мне, я, скорее всего, промолчу

○ я всегда в таких случаях молчу, мне не нужна лишняя работа и лишние хлопоты

16. Представьте себе, что Вы – менеджер по продажам. К вам пришёл клиент с маленькой суммой заказа. Будете ли Вы работать с этим клиентом, зная, что потратив на него время, Вы можете упустить более крупного потенциального клиента?

➤ буду работать с этим клиентом в любом случае, так как для фирмы все клиенты важны

➤ скорее всего, буду работать с этим клиентом, даже если на очереди более крупный клиент, нельзя ставить репутацию фирмы под сомнение

➤ возможно, буду, а возможно нет, все зависит от суммы заказа

➤ скорее всего, не буду работать с этим клиентом, если потенциально я могу потерять более крупного

➤ я не буду работать с этим клиентом, крупные клиенты для меня важнее мнения мелкого клиента о моей работе и о фирме

17. Представим ситуацию: в организации принято наказывать за невыполнение плана и не поощрять за её выполнение. Как вы будете работать в этих условиях?

– буду всегда перевыполнять план, я просто не могу иначе

– буду стараться выполнить, а если повезет, то и перевыполнить план, мне так приятнее работать

– буду нормально работать, не стараясь сделать больше чем надо, но и не боясь, что накажут

– буду работать строго в рамках нормы, чтобы не наказывали

– напрягаться не буду в любом случае, для меня не страшно, даже если накажут несколько раз

18. Оцените, пожалуйста, уровень качества выполняемых Вами производственных заданий.

○ Вы можете решать все основные производственные задачи качественно, независимо от дефицита времени

○ если Вам приходится решать задачи быстро, то иногда это делается с потерей качества

○ основную часть работы Вы выполняете на среднем уровне качества, не зависимо от скорости

○ при необходимости скорейшего решения производственной проблемы, качество Вашего решения чаще всего ниже, чем в условиях достаточного времени

○ у меня практически никогда не получается высококачественно выполнить задание в ситуации дефицита времени

19. При выполнении своей повседневной работы Вы рассчитываете:

❖ всегда только на себя

❖ чаще всего на себя, но, возможно, и от помощи коллег не откажетесь

❖ по-разному бывает, в зависимости от ситуации

❖ чаще рассчитываете на помощь коллег, нежели на свои силы

❖ всегда рассчитываете на помощь со стороны

20. Что привлекает Вас в работе? Оцените, пожалуйста, предложенные ниже варианты ответа по степени важности по шкале от 1 до 10, где 1 – наиболее значимое для Вас, 2 – менее значимое и так далее, пока не выберете 10 – самое незначимое.

Возможность обеспечить себя материально	
Возможность чувствовать себя спокойно, зная, что есть гарантированная занятость	
Возможность общаться с людьми	
Возможность заработать уважение и авторитет окружающих	
Возможность реализовать свои профессиональные качества	
Возможность быть полезным людям	
Возможность повышать свой профессиональный уровень	
Возможность продвижения по службе	
Возможность руководить людьми	
Возможность быть самостоятельным и независимым	

21. Выполняя свою обычную работу, Вы:

○ всегда выполняете ее одним и тем же способом

○ чаще всего стараетесь выполнять обычную работу одним и тем же способом, иногда привнося что-то новое

○ новизна и типичность встречаются в Вашей деятельности поровну

○ чаще всего стараетесь выполнять обычную работу, привнося в неё какую-то новизну

○ избегаете обычных способов выполнения работы, новизна в Вашей работе присутствует постоянно

22. Предположим, Вы получили большой объем работы, который займет много времени. Как будете действовать?

▪ распишу всю работу по дням и четко буду её выполнять

▪ скорее всего, составлю план работы и буду стараться его придерживаться

▪ не знаю, бывает, что я работаю по плану, а бывает, и без него

▪ скорее всего, я постараюсь справиться с заданием без всякого плана

▪ никогда не расписываю свою работу по плану, считаю это излишним

23. Ваш коллега плохо справляется с рабо-

той и просит Вас помочь. Как Вы поступите?

■ в любом случае обязательно поможете ему разобраться, независимо от того, сколько у Вас своей работы

■ скорее всего, поможете ему, чтобы не испортить отношения, даже если своя работа не сделана

■ может быть, поможете, а может быть, и нет, все зависит от личности коллеги

■ если у Вас много своих дел, то, скорее всего, помогать не станете, даже если Вы в хороших отношениях с коллегой

■ откажетесь помогать, независимо от того сколько у Вас дел, пусть каждый делает свое дело сам

24. Представьте себе, коллектив решил, что именно Вы лучше всего справитесь с покупкой подарка начальнику на юбилей. Вам было указано место, где продается выбранный подарок и выданы общественные деньги. Приехав в магазин, Вы неожиданно обнаруживаете, что одобренный коллективом подарок уже куплен до Вашего приезда. Что Вы будете делать?

➤ примете самостоятельное решение о выборе нового подарка

➤ посоветуетесь с коллегами, но выбирать другой подарок будете самостоятельно

➤ не знаю, не могу сказать

➤ выскажу коллегам свое мнение по поводу нового подарка, но в принятии решения больше буду опираться на мнение коллектива, чем на свое

➤ подробно опишу, какие есть подарки в магазине, и буду ждать решения коллектива

25. Представьте, что в производственный коллектив пришли молодые люди, которых необходимо обучить работе, которой Вы занимаетесь. Возьметесь ли Вы за это дело?

➤ я с удовольствием возьмусь за обучение этих ребят

➤ скорее всего, я возьмусь за обучение этих ребят, т.к. мне есть чем с ними поделиться в рамках профессии;

➤ возможно, возьмусь, а может быть, и нет, посмотрю по ситуации

➤ скорее всего, не возьмусь, я считаю, что моего опыта пока недостаточно, для того чтобы учить молодёжь

➤ не возьмусь за обучение, т.к. чувствую, что сам(-а) ещё не всё знаю

26. Выразите степень согласия с утверждением: «Сотрудники организации, которые постоянно выдвигают какие-то идеи в работе, – выскочки, стремящиеся только заслужить благосклонность начальства».

– абсолютно согласен (-а)

– скорее согласен (-а)

– согласен (-а) в средней степени

– скорее не согласен (-а)

– абсолютно не согласен (-а)

27. Вы работаете, и неожиданно руководитель дает Вам новое задание. Каков будет порядок Ваших действий?

• вначале обязательно закончу старое дело, а потом примусь за новое

• скорее всего, сначала закончу старое дело, даже если новое кажется более привлекательным

• не знаю, зависит от конкретного задания

• скорее всего, сразу возьмусь за новое дело, особенно, если оно интереснее

• новое всегда интереснее, сразу обязательно возьмусь за новое

28. Представьте себе, что фирма перевела Вас на новую должность, мало связанную с прежней работой. Каково будет Ваше самочувствие на новом рабочем месте?

❖ мой прошлый опыт позволит быстро освоиться и поэтому комфортно чувствовать себя в новой должности

❖ имеющийся производственный опыт позволит мне быстро освоиться, но все же я буду чувствовать некоторый дискомфорт, связанный с освоением новой деятельности

❖ не знаю, не могу сказать

❖ прошлый опыт не позволяет мне быстро освоиться на новом месте, я буду немного беспокоиться о том, насколько я смогу справиться с новой работой

❖ у меня нет большого производственного опыта, поэтому я буду чувствовать себя некомфортно.

29. Какое вознаграждение Вы бы предпочли получить за хорошо выполненную работу? Выберите не более 3-х вариантов ответа.

* увеличение заработной платы

* премию

* личную благодарность руководителя

* помещение на доску почета

* благодарность, озвученную перед всем коллективом

* отпуск за счёт компании

* гарантию занятости в компании

* перевод на работу, которая бы более соответствовала Вашим желаниям, чем имеющаяся

* помощь руководства в реализации Ваших идей

* предоставление большей самостоятельности в работе

* завоевание авторитета в глазах руководства

* возможность повышения квалификации за счёт компании

* переход в статус руководителя

* получение медицинской страховки

* приоритет в получении самых интересных заданий

* другое _____

30. Представьте себе, что на воображаемой шкале расположены все российские работники в соответствии со степенью приближения к «иде-

альному». В какой части шкалы Вы поместили бы себя?

плохой («никакой») хороший («идеальный»)

работник _____ работник _____

31. С какого года Вы работаете на данном предприятии? _____

Какую должность Вы занимаете? _____

32. Укажите, пожалуйста, (подчеркните) Ваши:

а) пол: - мужской - женский

б) возраст: до 25; 26-30; 31-35; 36-40; 41-45; 46-50; 51-55; свыше 55 лет

в) образование: среднее; среднее специальное; высшее; есть ученая степень

E. Filinkova

SOME SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MODERN WORKERS

Abstract. By a self-estimation independence, self-discipline, competence, creativeness, responsibility and an orientation of interests in activity at workers of offices are studied. The original program of interrogation has been developed. It has allowed to establish the existence of sexual differences in investigated psychological characteristics and differences in level of self-discipline, competence and independence of age groups of workers till 30 years and after 31 years.

Key words: Psychology of workers, a self-estimation of socio-psychological characteristics, an orientation of interests in activity, independence, self-discipline, competence, creativeness, responsibility.

УДК 159.9:316.35

Ситников А.П.

ФУНКЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ФАБРИК МЫСЛИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАН*

Аннотация. Социально-экономическое и политическое развитие страны невозможно без глубокой интеллектуальной работы, которая направлена на выявление серьезных проблем в обществе и прогнозов его развития. В современном мире эффективными институтами стратегического интеллектуального обеспечения стали так называемые фабрики мысли. Активно реализуемые социальные проекты невозможны без создания в России таких органов интеллектуальной социальной, экономической и политической активности.

Ключевые слова: социальные проекты, фабрики мысли, мозговые центры, социально-экономическое развитие, политический процесс.

В деятельности «фабрики мысли» следует выделять три основные функции:

- функция политического анализа,
- функция политической коммуникации,
- функция воплощения политики (продвижения и принятия решений, оценки произведенного действия в содержании вы-

работки новых шагов и разработки нового политического курса).

Имеет смысл подробно остановиться на каждой из выделенных функций.

В статье «Фабрики мысли: взгляд изнутри» В.Н. Данн [4] излагает следующие методы политического анализа и политического действия. Прежде всего, он дает определение политического анализа (policy analysis) как познавательной деятельности, которая вложена в процесс формирования политики (policymaking). При использовании широкого массива методов политические аналитики осуществляют процесс формирования политики (policymaking), обеспечивая исследование пяти ключевых областей:

- природа стратегических политических проблем,
- результаты нынешнего и прошлого политических курсов,
- значение этих результатов для решения проблем,
- существующие или новые альтернативы политических стратегий и их вероятные результаты,
- альтернативы, которые должны фактически решить проблему.

* © Ситников А.П.

Задача проблемного структурирования является общепринятой в эффективно управляемых частных компаниях. Этот метод позволяет политическим аналитикам подвергать сомнению существующие предположения и, исходя из этого, входить в процесс формирования политики еще на этапе разработки повестки дня. Разрабатываемые подходы направляют движение от относительно неструктурированных методов, таких, как метод мозгового штурма или метод Дельфи, к более структурированной теории статистических решений. Эти методы помогают в обнаружении скрытых предположений, диагностировании причин, выборе целей, синтезе находящихся в противоречии перспектив и обнаружении новых политических возможностей.

Задача формирования прогнозов обеспечивает политически релевантное (*policy-relevant*) знание относительно будущих условий (будь они политическими, экономическими, социальными или технологическими), которые должны предположительно наступить после принятия одной из политических альтернатив. Прогнозы чаще всего применяются в процессе выработки политического курса. Это помогает исследовать вероятное, потенциальное и желательное состояние политической системы, оценить столкновение существующего и предложенного курса, опознать возможные будущие препятствия достижению целей, оценить политическую выполнимость предложенного политического курса. Методы прогнозирования находятся в пределах между подходами, базирующимися на эконометрии, и методах, стимулирующих творческий процесс (метод мозгового штурма, метод синектики, метод Дельфи). Типичный пример эконометрического прогноза состоит в том, например, что к 2005 году Medicare, самая большая правительственная программа страхования здоровья в Соединенных Штатах Америки, окажется неплатежеспособной.

Задача формирования рекомендаций обеспечивает выработку политически релевантного знания, являющегося непосредственно применимым к принятию решений. Многие методы выработки рекомендаций, включая анализ выгоды и затрат и метод оптимизации, были развиты и использовались в правительственных агентствах, в частности в Корпусе инженеров армии США. Это методы включают себя методы оценки риска и погрешности, идентификации внешних характеристик и внешних изменений, установления

критериев для осуществления выбора и определения административной ответственности за воплощение политических курсов.

Задача мониторинга обеспечивает политически релевантное знание результатов существующих политических курсов (направлений собственной политики), предлагая для лиц, принимающих политические решения, руководство, как лучше всего воплотить представленные и будущие политические курсы. Многие правительственные, неправительственные и некоммерческие организации контролируют результаты своей политики и своего влияния посредством различных социальных и экономических индикаторов. Методы мониторинга, разработанного в основном социологами и политическими исследователями, работающими в университетах и политических институтах, помогают оценить соответствие результатов законам и нормам, обнаружить непреднамеренные результаты политических курсов и программ, идентифицировать социальные группы или личностей, которые задерживают внедрение политического курса или обуславливают новые вехи политики.

Задача оценки обеспечивает информацию об уровне адекватного выполнения, которого достиг тот или иной политический курс, таким образом помогая лицам, принимающим политические решения, оценить качество их решений. Методы оценки, многие из которых были развиты в академической среде, поставляют информацию относительно диапазона, в котором проблемы должны быть разрешены. Они также способствуют разъяснению и критическому анализу ценностных ориентиров проводимой политики, регулированию или переформулировке политических курсов.

Анализируя функцию политической коммуникации, следует прежде всего отметить, что, невзирая на огромные достижения, работа «фабрик мысли» мала знакома широкой общественности, поскольку они прежде всего обращаются к политической элите. Тем не менее, их работа по улучшению публичной политики должна быть понятна для каждого гражданина. С одной стороны, поставляя аналитическую информацию политикам, «фабрики мысли» позволяют лидерам принимать обоснованные решения. С другой стороны, идеи «фабрики мысли» и их поддержка в целях повышения эффективности любого правления, которое непосредственно подотчетно гражданам, должны исходить из всех секторов общественной жизни, как частных,

так и публичных. Без этого политики будут полностью нести бремя разработки политики, всецело не учитывающей существующие условия и не удовлетворяющей потребности всех политических сил. Таким образом, сфера публичной политики оказывается сферой, где осуществляется процесс политической коммуникации.

«Фабрики мысли» не только интерпретируют потребности и желания политических групп, обеспечивающих выход к разработке рекомендаций политического характера, они также подготавливают к передаче различными путями их посланий в соответствии с социальными потребностями и интересами. Если использовать в коммуникативном политическом процессе тот же самый подход к рекомендациям, что и к другим результатам политического анализа, то маловероятно, что удастся охватить всю политически значимую аудиторию. В силу этого политический анализ является лишь началом, а не результатом политической коммуникации. Поэтому важным оказывается то обстоятельство, что «фабрики мысли» развивают как традиционные, так и альтернативные стратегии коммуникативной политики.

Представление политического курса или программы чаще всего происходит в аудитории, наиболее предрасположенной к тому, чтобы доверять методам и рекомендациям аналитиков. Однако презентация политических курсов и концепций часто делается с недостаточной методологической экспертизой, поверхностным знакомством с существом дела, в условиях нехватки времени при проведении публичных встреч и ограниченного доверия аудитории к «фабрике мысли» и аналитикам. В этом случае публичная коммуникация приспосабливается к аудитории. Это достигается за счет признания иных информационных потребностей, ухода от избыточной вспомогательной информации, большей фокусировке на результатах, нежели на методах, заключения договора о представлении информации заслуживающим доверия лицом, демонстрации чувствительности к временным ограничениям, ухода от технического жаргона к общедоступной терминологии, использования визуальных средств, чтобы упростить понимание главных пунктов [4].

В последнее время многие «фабрики мысли» начали осваивать новое стратегическое направление своего развития, которое на самом деле вытекает из всей предыдущей линии развития. Особенно это стало замет-

ным в Канаде. Новое качество «фабрик мысли» рождается на основе синтеза технологии массовой коммуникации с технологией рационально-научного обсуждения публичной политики. Суть направления заключается в том, чтобы развить так называемый делиберативный процесс (от англ. *deliberate* - обдумывать, взвешивать, совещаться, обсуждать), то есть процесс массовых консультаций внутри страны по общественно значимым проблемам и привлечь к разработке публичной политики как можно большее количество заинтересованных лиц. Такое новшество в развитии «фабрик мысли» является результатом осознания ограниченности традиционных экспертных исследований для развития перспективных решений в условиях, когда значимость последствий принимаемых решений высока, а политическая элита не раз ошибалась в интерпретации общественного мнения.

В рамках такой новой стратегии «фабрики мысли» проводят круглые столы для высших должностных лиц, которые, соответственно, заканчиваются формированием сценариев развития под эгидой «фабрики мысли». При этом иницируют «проекты публичных диалогов» в партнерстве с различными организациями по всей стране для обсуждения публичной политики, работают совместно с общественными и профсоюзными организациями над исследовательским заказом, проводят опрос общественного мнения и развивают новые технологии, которые позволяют в системе конференции составлять рейтинг и значимость предпочтений, проводят муниципальные встречи граждан, в том числе по реформированию репрезентативных политических институтов и документов.

Таким образом, «фабрики мысли» опираются на более дисциплинированное осмысление проблем элитой и широкими слоями населения, а сами осознают масштаб изменений. Этот новый подход, разумеется, не заменяет традиционных способов работы мозговых центров, таких, как проведение заказных исследований, организацию семинаров и конференций, выпуск газет и журналов. В то же время, «фабрики мысли» приходят к пониманию того, что хороший политический анализ является результатом интеллектуального совместного творчества, коллегиального принятия решения и социального взаимодействия.

Наличие функции воплощения политики означает, что «фабрики мысли» сами явились атрибутом такого нового явления, как публичная политика и осознанно стали

ее проводниками и главными действующими лицами.

Публичная политика всегда была, прежде всего, сферой взаимодействия трех факторов:

- организованных интересов,
- лидеров, стремящихся к реализации своих взглядов,
- публично выраженных настроений общественного мнения.

Основная масса новых идей в сфере публичной политики исходила от самих политиков и специальных политических групп. Политические группы, или группы интересов (*special interests groups*) и проблемно ангажированные группы (*single-issues groups*), были заняты продвижением своих интересов. Впоследствии законодатели стали чаще опираться на информацию, поставляемую академической средой и отраслевыми исследователями для принятия решений о насущных общественных проблемах. Время от времени новые идеи исходили и из стен учебных заведений. Существовали группы, которые производили внушительные документы, объемом в 300 страниц, но никто не знал, как в удобоваримой форме подать новаторские идеи политикам и широкой общественности.

Для реализации функции воплощения политики «фабрики мысли» используют целый ряд подходов – как прямых, так и косвенных – для улучшения политического процесса принятия решений.

Один из таких подходов реализуют организации, ориентированные на адвокатское действие. Эти «фабрики мысли» разрабатывают предложения и рекомендации или выдвигают критику существующей политики. И после того, как предложения были выдвинуты, они становятся принципиальным делом членов «фабрики мысли», которые продолжают их продвижение до тех пор, пока по ним не будет принято решение.

На другом конце спектра находятся просветительские организации. Для воплощения политики они используют такие средства, как конференции, рабочие встречи, книги и статьи, взаимодействие со средствами массовой информации. Эта деятельность нацелена не на специфические политические решения, но на научное руководство дебатами, а также формирование взглядов политических лидеров.

Сферы реализации функций «фабрик мысли» можно поделить на следующие категории [1].

- Адвокатское действие. Благодаря сво-

ей финансовой независимости, некоторые организации могут выдвигать политические рекомендации, не вступая в конфликт интересов, сопровождающий государственное финансирование.

– Внутрипартийные исследования. Крупные политические партии часто создают исследовательские институты для разработки своей политики. В некоторых странах партии могут прибегать для этой цели к услугам «фабрик мысли».

– Исследования и политическое планирование при правительстве. Всевозможные учреждения, выполняя функции «фабрик мысли», существуют при правительственных структурах, министерствах и агентствах. Некоторые из них имеют самостоятельное правление, но в конечном счете находятся под опекой политиков.

– Корпоративные консультанты. Исследования и аналитические функции «фабрик мысли» могут быть использованы в прибыльных предприятиях по части исследования рынков или проектных исследований, имеющих непосредственное отношение к бизнесу. Чаще всего, однако, подобного рода служба приносит мало пользы для политиков.

– Просвещение и образование. Эти группы производят прежде всего академические исследования. Их продукты используются для расширения академических дебатов и, соответственно, имеют небольшую пользу для политиков.

«Фабрики мысли» в действительности прибегают к «стратегической комбинации» всех этих функциональных областей, чтобы диверсифицировать свой портфель проектов. К тому же это позволяет им отстаивать свою независимость, особенно по актуальным вопросам политики. Таким образом, они избегают зависимости от одностороннего источника финансирования, но и обеспечивают свою финансовую стабильность [1].

Таким образом, анализ, коммуникация и процесс принятия решений являются функциями «фабрик мысли», которые реализуются в сфере публичной политики. Главной характеристикой этой сферы является ее публичный характер, причем не только в смысле освещения своих действий со стороны «фабрик мысли» перед лицом общественности (как это делают, например, государственные органы или коммерческие корпорации), но также и в смысле широкого привлечения к анализу, коммуникации и процессу принятия решений различных партий, групп интересов, политически активных граждан.

Именно благодаря «фабрикам мысли» сфера публичной политики смогла институционализироваться в качестве устойчивой и базовой площадки для выработки законодательных и исполнительных решений.

До появления «фабрик мысли» политика основывалась на персональной ответственности политических лидеров (даже если это были лидеры партий), которые так или иначе представляли интересы других групп и граждан. Но при этом отсутствовали организации и аналитические центры, которые показывали бы провалы существующих программ, ставили своей целью поиск и предложение новых политических возможностей (вариантов стратегий и вариантов текущих решений), составляли, производили и предлагали перспективные концепции, проекты и программы для открытого доступа, перерабатывали идеи и проекты в небольшой формат, приемлемый для политиков, обеспечивали их продвижение, вычленили из них и предлагали то, что должно быть лучшим для общества в целом.

Появление «фабрик мысли» было обусловлено, прежде всего, наличием вакуума в исследовании социально-политической жизни. «Фабрики мысли» стали тем звеном, где творческие замыслы развиваются без оглядки на специальные интересы, где они воплощаются в реальные проекты и программы, продвигаются в социально-политическую практику общества. Не в последнюю очередь на появление «фабрик мысли» во второй половине двадцатого столетия (в конце сороковых годов) повлияла ситуация противостояния двух общественных систем, социалистической и капиталистической. «Фабрики мысли» были ответом западной системы (прежде всего США) на вызов стран создающегося социалистического блока, который выражался в демонстрации социальной динамики, воплощении социальных идей в практическую жизнь.

Специалисты в целом одобряют возникновение и развитие «фабрик мысли», обосновывая это тем, что мозговые центры обеспечивают необходимую интеллектуальную поддержку и глубокое рассмотрение вопросов публичной политики. При надлежащей организации работы «фабрики мысли» могут стать мостом между навыками и опытом частного сектора, правительственным бюрократическим аппаратом и практикующими политиками. Такое взаимодействие между общественным и частным секторами вполне может привести к выработке оптимальных решений проблем социально-политического

развития общества.

Ситуация радикально изменилась в последние два-три десятилетия. Теперь мозговые центры оказывают большое влияние на политическое развитие. Со временем как либеральные, так и консервативные законодатели все чаще стали обращаться к независимым частным некоммерческим исследовательским институтам, то есть «фабрикам мысли». Сегодня целый мир идей исходит от мировой сети «фабрик мысли». Влиятельные идеи, например в Соединенных Штатах Америки, уже больше не являются прерогативой Гарвардского и Кембриджского университетов. Теперь на первый план вышли такие организации, как Фонд наследия (Heritage Foundation) или лондонский Институт экономики (Institute of Economic Affairs). С появлением «фабрик мысли» происходит процесс непосредственного вовлечения в публичную политику новых субъектов, в том числе тех, для которых политика не является профессиональной областью деятельности.

Сегодня деятельность самых крупных «фабрик мысли» США, таких, как Американский институт промышленности (American Enterprise Institute), Институт Като (Cato Institute), Фонд наследия (Heritage Foundation), Брукингский институт (Brookings Institution), Институт города (Urban Institute), и Национальный центр политического анализа (National Center for Policy Analysis), подчас называют информационными войнами в борьбе публично-политических идей [2]. Они влияют на способ мышления в социально-политическом пространстве Соединенных Штатов Америки, да и всего мира. Идеи, стоящие за тем или иным публично-политическим предложением, и дебаты по поводу их возможных последствий все чаще сводятся к спорам между новыми идейными центрами, то есть «фабриками мысли».

«Фабрики мысли» напрямую связаны с гражданскими интересами (общественным мнением), выражают эти мнения и эти интересы в интеллектуальной, научно обоснованной форме, в то время как с государственным аппаратом и организованными интересами партий, движений и корпораций (связанных между собой в непубличной политике) «фабрики мысли» связаны лишь через публичную политику. Таким образом, публичная политика является одновременно инструментом работы «фабрик мысли» с государством, партиями и корпорациями и пространством коммуникации, где гражданские интересы могут

быть обоснованно и значимо выражены в политически влиятельной форме.

Сегодня роль «фабрик мысли» становится важнее, чем когда бы то ни было. Практически нет ни одного вопроса, касающегося жизни индустриально развитых стран, который не оформлялся и не разрабатывался бы в сообществе «фабрик мысли». Они влияют на все аспекты социально-политической жизни зарубежных развитых стран тем, что разрабатывают основополагающие идеи, лежащие в основании политики. Каждый член американского Конгресса и правительства, скорее всего, укажет на мозговые центры в качестве первоисточника, откуда он черпает свои идеи, нежели на свои партии.

Политические деятели ожидают от «фабрик мысли», прежде всего, четко определенных решений по занимающим их проблемам. При этом альтернативность решений, предлагаемых различными «фабриками мыслями», рассматривается как одно из главных достоинств. Имея альтернативы, политики выбирают затем то решение, которое их устраивает. Главное, чтобы «фабрика мысли» предлагала не аналитическую формулировку типа «с одной стороны» и «с другой стороны», а однозначный вариант действий по проблеме. На этом основании и формируется конкурентная среда деятельности «фабрик мысли». Дело в том, что среди «фабрик мысли» также существует и деление по их различным философским и методологическим подходам, по их различным мировоззрениям, используемому инструментарию.

Так, при учреждении Института города (Urban Institute) в 1968 году по заказу американского Конгресса, еще на заре развития «фабрик мысли», президент США Л.Б. Джонсон определил следующие задачи «фабрик мысли»: «Исследование должно быть самого высокого качества и высочайшей практичности... Работа института должна заключаться в том, чтобы отделить долгосрочное от временного, реальное от иллюзорного... Прежде всего, институт должен функционировать в атмосфере интеллектуальной свободы и организационной независимости» [7].

Наиболее «принципиальные» «фабрики мысли», таким образом, заботятся о том, чтобы обязательно сопровождать каждый свой продукт необходимыми рекомендациями.

Не все «фабрики мысли», однако, намерены оказывать влияние на ход общественно-политических событий. Так, в Соединенных Штатах Америки известны случаи, когда некоторые «фабрики мысли» отказались обна-

родовать результаты своих исследований по тем или иным вопросам до принятия решения по этим вопросам на высшем уровне, то есть до окончания дискуссий.

Вопрос о заказных работах, то есть работах с заведомо нужным результатом является достаточно дискуссионным среди «фабрик мысли». Дело в том, что репутация организации во многом зависит от качества ее работы. Часто же работа по контракту нацелена на то, чтобы обосновать ту или иную уже имеющуюся практику, что не совсем соответствует общей ориентации деятельности «фабрик мысли», сводящейся к непредвзятому, максимально объективному, отстраненному отношению к предмету исследования. Этот вопрос особенно остро стоит в странах, где институт «фабрик мысли» только начинает зарождаться, в том числе во многих развивающихся странах, включая Российскую Федерацию. Пожалуй, основная болезнь в странах переходного периода как раз и заключается в ангажированности, потере независимости «фабрик мысли».

Крупные «фабрики мысли» сегодня в состоянии влиять не только на политическую линию страны, но и на другие государства. Одной из сфер активной деятельности «фабрик мысли» является внешняя политика. И хотя эта сфера, как и сфера обороны, считается наиболее закрытой сферой государственной политики, тем не менее, она не осталась за пределами досягаемости «фабрик мысли», поскольку нуждается в серьезных аналитических исследованиях и научных разработках, прежде всего, из-за ее специфичности. Практика государственной политики Соединенных Штатов Америки послевоенных лет показывает, что политические лидеры, как правило, не располагают глубоким знанием и опытом внешней политики при приходе к власти. Таким образом, «фабрики мысли» всегда находили свое место во внешней политике. И самые известные специалисты в среде «фабрик мысли» оказались занятыми именно во внешней политике. Достаточно сегодня упомянуть такие фамилии, как З. Бжезинский или Дж. Сорос (помимо инвестиционной деятельности, последний работает в качестве одного из директоров Внешнеполитического совета).

Образование составляет второе главное направление работы «фабрик мысли». Интересно, что по мере продвижения к открытости такие закрытые «фабрики мысли», как «Рэнд Корпорэйшн», прежде всего, начали ориентироваться на сферу образования. В принципе,

развитие «Рэнд» идет в ногу с развитием и состоянием духовно-интеллектуальной сферы общества, а точнее, с развитием науки. Так, в эпоху научно-технической революции и военно-политического противостояния двух противоположных общественно-политических систем организация активно занимается именно военно-технологическими разработками, что соответствовало стоящим перед политической элитой задачам. Затем, когда наступает кризис исследовательской науки и кризис системы образования, «Рэнд» активно занимается вопросом подготовки научных кадров, то есть вопросом образования.

Сегодня «фабрики мысли» активно участвуют в дебатах о реформировании системы образования своих стран. Помимо общественно-политической значимости этой темы, немаловажное значение имеет тот факт, что государство активно стимулирует финансирование дебатов и исследования в данной области. Не вызывает сомнения, что со временем все больше бюджетных средств будет направляться на решение этого вопроса на региональных и федеральных уровнях.

Успех и провал решений того или иного политического крыла (правый, левый, центр) практически решается в предварительных баталиях между «фабриками мысли» задолго до постановки вопроса в официальных документах. Так, например, в сентябре-октябре 1994 года президент США Б. Клинтон потерпел неудачу в сенате при попытке реализовать план реформирования системы здравоохранения. Но борьба между прогрессивными «фабриками мысли» (сторонниками плана социализации системы здравоохранения) и либеральными сторонниками свободного рынка (противниками социализации системы здравоохранения), по поводу этого плана началась еще два года назад. И решение законодательного органа стало всего лишь констатацией победы либеральных «фабрик мысли». В то же время борьба за план на этом не закончилась. В дискуссию вступили средства массовой информации и заинтересованные организации, такие, как Американская медицинская ассоциация (American Medical Association) и Американская торговая палата (U.S. Chamber of Commerce). Они добились пересмотра принятого решения, сводящего его к своего рода компромиссу между двумя противоборствующими идейными противниками. Таким образом, обнаруживается выполнение «фабрикой мысли» роли третьей-судьи.

Другие же «фабрики мысли», в том

числе Национальный центр политического анализа (National Center for Policy Analysis), Институт Като (Cato Institute), Фонд наследия (Heritage Foundation), начали поднимать вопрос по поводу самого плана и проводить независимый и глубокий анализ экономических проблем, которые возникнут в случае его реализации. Просветительская работа этих «фабрик мысли» впоследствии стала основанием неприятия этого плана широкой общественностью. Мало того, усилия этих центров привели к тому, что некоторые деловые структуры начали вводить в действие альтернативные системы медицинского обеспечения своих сотрудников. На этой волне возникла целая новая отрасль рыночной экономики, относящаяся к медицинскому страхованию.

Когда создатели практически всех «фабрик мысли» приступают к созданию своей организации, они имеют свое видение того, что такое «идеальное общество», и, как правило, это основополагающее видение преобладает в их политических рекомендациях. Большинство же дебатов по публичной политике в Конгрессе и в законодательных органах Соединенных Штатов Америки начинается с вопроса о том, что такое «идеальное общество». К таким вопросам, например, относятся вопросы типа «Требуется ли, чтобы государство всем обеспечивало право на медицинские услуги (здравоохранение), бесплатное образование и хорошую работу? Должна ли его экономическая политика привести к созданию эгалитарного общества? Должно ли оно быть равнодушным к тому, кто выигрывает и кто проигрывает в рыночных условиях; и, соответственно, должно ли государство ограничиваться тем, что обеспечивать соблюдение правил игры всеми гражданами страны?» [1]

С одной стороны, «фабрика мысли» играет роль наблюдателя (watchdog) за политическим процессом. В этом отношении она обращает внимание на деятельность правительства и поднимает вопросы о характере выполнения государственных программ и проектов, управления ими и использования их результатов. С другой стороны, государственные, официальные лица составляют основную целевую аудиторию «фабрик мысли». Поэтому эти организации в своей работе поддерживают с ними тесные и активные рабочие отношения, изменяющиеся в зависимости от направления политики и состава государственной власти. Соответственно меняется и характер, структура и направление деятельности «фабрик мысли», но не меняют-

ся функции и задачи. На этой основе «фабрики мысли» придерживаются более или менее дружественных, но критических отношений с правительственными учреждениями. Работа «фабрик мысли» касается исключительно вопросов политики, а не личности политического деятеля или текущего политического курса

Для обеспечения своего присутствия в общественно-политическом поле «фабрики мысли» используют следующие стратегии [1]:

- представление отчетов высоким профильным правительственным комитетам,
- публикация исследований о спорных вопросах внутренней и внешней политики,
- появление в программах центральных и авторитетных телепрограмм, газет и журналов (это направление является самым эффективным инструментом политического влияния).

Среди стратегий повышения интереса к «фабрикам мысли» исследователи также отмечают [6]:

- предоставление внешних услуг членами «фабрики мысли», встречи с лидерами частного и публичного секторов; разглашение завершенных исследований; образовательные действия;
- предоставление возможности участвовать в стоящем проекте внешним экспертам (политикам и бизнесменам);
- самовыдвижение (селфпромоушн);
- не прямые способы рекламирования своих достижений через сообщение количества публикаций, объема освещения в средствах массовой информации; приглашение на конференции и симпозиумы; включение известных и влиятельных представителей прессы и политиков в совет института; утверждение и предоставление курсов и исследований в университетах и колледжах; ориентация на публичную демонстрацию некоторых целей;
- использование целого ряда позитивных культурных настроений, нуждающихся в «экспертных» комментариях при участии средств масс-медиа.

Следует также обратить внимание на способы, с помощью которых «фабрики мысли» добиваются признания в среде практикующих политиков. Как уже отмечалось выше, в последнее десятилетие наблюдается тенденция, когда президентом США становился политик, не разбирающийся во внешней политике. Такими были Дж. Картер, Р. Рейган и Б. Клинтон. Они восполняли это ограничение, поручая тем или иным группам «фабрик

мысли» разработку своей внешнеполитической линии. Эта стало особенно заметно во время правления Б. Клинтона.

На Дж. Картера работали такие вашингтонские «фабрики мысли», как Трехсторонняя комиссия (Trilateral Commission), Брукингский институт (Brookings Institution) и Деловой круглый стол (Business Roundtable). В своей автобиографии Дж. Картер особо отметил Трехстороннюю комиссию: «Комиссия предоставила мне великолепную возможность поучиться, а многие ее члены мне помогали в моих исследованиях внешней политики».

Р. Рейган подчеркнул роль некоторых «фабрик мысли» и своей администрации в своей победе на президентских выборах 1980 года. Сам президент Рейган и его окружение обильно цитировали такие «фабрики мысли», как Институт Гувера (Hoover Institution), Фонд Наследия (Heritage Foundation), Американский институт предприятий (American Enterprise Institute), Комитет по современным угрозам (Committee on the Present Danger). Правда, в разное время своего пребывания у власти сам президент Р. Рейган давал различные оценки деятельности этих «фабрик мысли».

Президент Б. Клинтон однозначно указывает на то, что именно Институт прогрессивной политики (Progressive Policy Institute), аналитический филиал Совета демократического лидерства (Democratic Leadership Council), разработал его предвыборную программу под названием «Мандат на изменения» «Mandate for Change» (отметим, что Клинтон возглавлял этот Совет в 1990-1991 годах).

Предпочтение, которое правительство США отдавало тем или иным «фабрикам мысли», соответственно, и успех, которым пользовались эти «фабрики мысли» у правительства, объясняется близостью их взглядов на политику, идеологических и мировоззренческих, взглядам стоящих у власти политических сил. В то же время нельзя не заметить, что успех «фабрик мысли» в более долгосрочный период больше зависит от использования целого ряда хорошо отработанных стратегий, чем от идеологической совместимости с властью.

В [1] отмечает три основных фактора, обуславливающие расположение практикующих политиков к «фабрикам мысли».

- В отличие от преподавателей университетов, которые постоянно ведут какие-то замысловатые исследования без особой связи с реальной политикой, экспертная работа

«фабрик мысли» имеет прямой выход на актуальные вопросы политики, интересующие избранных политиков. «Фабрики мысли» выполняют своего рода обучающую функцию для политиков.

– «Фабрики мысли», особенно идеологически ориентированные, предоставляют дополнительную интеллектуальную поддержку, а также содействуют продвижению политических платформ кандидатов на политический пост или действующих государственных деятелей.

– Некоторые авторитетные «фабрики мысли» могут предоставлять к услугам публичных политиков высококвалифицированных и талантливых ученых и исследователей, отставных и отслуживших государственных деятелей, и к тому же могут служить уютным и престижным убежищем для высокопоставленных государственных деятелей после ухода с активной государственной деятельности.

Важным фактором успешности деятельности «фабрики мысли» является доверие в публичной политике, которое обеспечивает в первую очередь долгосрочное развитие и признание. Немногие из более чем 1200 «фабрик мысли» Соединенных Штатов Америки, вопреки их общей привлекательности, сумели реализовать проекты в высоких политических кругах страны. Чаше всех цитируются в этой связи в средствах массовой информации такие гранды, как Брукингский институт (Brookings Institution), Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), Фонд Карнеги (Carnegie Endowment for International Peace), Американский институт предприятий (American Enterprise Institute), «Рэнд» (Rand), Фонд наследия (Heritage Foundation). Однако эти организации представляют далеко не типичную американскую «фабрику мысли» и их ученые не являются типичными представителями сообщества таких «фабрик».

В той или иной мере все крупные «фабрики мысли», которые добились признания у авторитетных государственных структур Соединенных Штатов Америки, постоянно осуществляют следующие виды деятельности [1].

– Они участвуют в открытых публичных форумах и конференциях, где обсуждаются политически значимые вопросы, и всячески приветствуют учебно-просветительскую деятельность своих ученых в университетах, клубах и других гражданских учреждениях. Многие из этих лекций передаются по спут-

никовому телевидению.

– Ученые «фабрик мысли» также выступают на слушаниях Конгресса (дают свидетельства и показания), перед комитетами и подкомитетами и часто публикуют статьи в открытой прессе, центральных американских и международных изданиях. Часто возникают ситуации, когда «фабрики мысли» нанимают анонимного писателя для написания статьи от имени своих занятых ученых.

– «Фабрики мысли» также активно добиваются доступа в эфирные средства массовой информации, особенно в сетевые средства новостей, а также участия в политических ток-шоу. Как правило, эти передачи затем помещаются на web-страницах институтов. Сегодня десятки «фабрик мысли» создали свои web-страницы в Интернете, где размещаются, среди прочего, фотографии ученых, информация о последних их публикациях и выступлениях.

– В свободной продаже распространяются аудио- и видеокассеты с выступлением ведущих политических аналитиков ведущих «фабрик мысли». Эти «фабрики мысли» не стесняются привлечь к пропагандистской работе известных артистов эстрады и юмористов. Результаты такой популяризаторской работы высоко оцениваются политическими деятелями. По словам Н. Гинрича, «ежемесячный брифинг на кассетах, выпускаемых Наследием (имеется в виду Фонд наследия), обеспечивает месячную дозу консервативного здравого смысла. И он заставляет задумываться, как можно было раньше обойтись без него» [1]. Для остальной части общественности и политиков, которые могут обойтись без этих записей, копии публикаций института всегда можно получить у «фабрики мысли».

– В зависимости от финансовых и человеческих ресурсов «фабрики мысли» могут выпускать самые разнообразные публикации: от книг, журналов, буклетов и обзоров новых идей до релизов, итоговых документов конференций, газет и бюллетеней.

Хотя не трудно распознать всевозможные каналы, которые «фабрики мысли» используют для обеспечения своего публичного присутствия (видимости в социально-политическом пространстве), тяжелее обстоят дела, когда речь идет об определении конкретных путей и способов влияния на политиков в коридорах власти в целях заключения контракта на реализацию того или иного проекта. Эта информация особенно трудна для доступа в сферах, относящихся к вопросу национальной безопасности, к внешней политике или к

обороне.

В то же время известно, как «фабрики мысли», вовлеченные в вопросы внешней политики и обороны, используют некоторые стратегии для доведения своих специфических рекомендаций до высокопоставленных политиков.

– Самое благоприятное время для влияния на внешнюю политику наступает в период предвыборных кампаний и последующий переходный период между двумя правлениями. Участие сотрудников «фабрик мысли» в рабочих группах по разработке и обеспечению предвыборной кампании того или иного кандидата позволяет разместить и внести ключевые рекомендации в предвыборных речах кандидата и в пресс-релизах предвыборного штаба. При успешном исходе предвыборной гонки эти вопросы могут быть воплощены в конкретные решения по внешней политике. Кроме того, работая в избирательных штабах и рабочих группах, сотрудники «фабрик мысли» имеют большой шанс получить государственное назначение в новой администрации. Это в дальнейшем позволяет им содействовать усилению влияния и роли своего института. Среди ученых от «фабрик мысли», сделавших карьеру таким путем, можно перечислить: представитель США в ООН при Р. Рейгане Дж. Киркпатрик (Американский институт предприятия); первый помощник президента Р. Рейгана по национальному вопросу Р. Ален (Институт Гувера), известный стратег внешней политики США З. Бжезинский (Центр стратегических и международных исследований, Center for Strategic and International Studies (CSIS)), госсекретарь США М. Олбрайт (Центр стратегических и международных исследований) и многие другие. Многие ученые и специалисты получают приглашение работать в таких президентских учреждениях, как Президентский Совет по надзору над разведкой (President's Intelligence Oversight Board, PIOB), Президентский Совет по международным делам (President's Foreign Advisory Board, PFIAB), которые готовят для президента долгосрочные планы и программы по внешней и оборонной политике.

– Что касается переходного периода между двумя президентствами, то такие «фабрики мысли», как вашингтонский Центр стратегических и международных исследований, давшие таких известных политиков, как З. Бжезинский, Дж. Шлезингер, В. Кроуи, организовали транзитные (переходные) семинары для приходящих новых администраций. А Фонд наследия организует

семинары для новоизбранных конгрессменов и сенаторов.

– Некоторые институты, в том числе Институт Гувера (Hoover Institution) при Стэнфордском университете, приглашают членов конгресса и комитетов конгрессов, а также работников аппаратов Конгресса на свои вашингтонские семинары, которые рассчитаны на просвещение и информирование участников о вопросах внешней и внутренней политики.

– Фонд наследия идет дальше и добивается доступа частных доноров к президенту и высокопоставленным представителям администрации. Так называемый «Президент-клуб», объединяющий всех доноров, внесших не менее 1000 американских долларов, остается одной из самых популярных программ Фонда наследия.

– Некоторые «фабрики мысли», в том числе Фонд наследия и Центр стратегических и международных исследований, используют другие каналы влияния на ключевые фигуры внешней политики. Так, общеизвестна практика, когда дипломатические работники между назначениями на другие посты получают финансирование от Государственного департамента в рамках программы подготовки к новой миссии (Diplomat Residence Program); они обращаются в «фабрики мысли» для проведения исследований. Время от времени даже представители госдепартамента приезжают в «фабрики мысли» для налаживания отношений между администрацией президента и особо выдающимися членами «фабрик мысли». Такой случай представился, например, когда госсекретарь Дж. Шульц перевел одного из своих сотрудников в Фонд наследия с задачей убедить последний внести изменения в некоторые особо критичные позиции Фонда в отношении американской внешней политики.

Следует признать, что первоначальные связи с политическими деятелями, а также политическая близость играют определенную роль в успехе той или иной «фабрики мысли» у разных государственных администраций. Однако исследователи феномена «фабрик мысли» выделяют следующие общие факторы успеха (или основные правила достижения успеха) [1].

– Преуспевающие «фабрики мысли» отличаются, прежде всего, умением сочетать способность предлагать реальную политику, высокий экспертный уровень и огромное желание реализовать продвижение своих разработок в реальную политику.

– «Фабрики мысли», которые продвигают специфическую идеологию на идейном рынке, не имея при этом достаточного экспертного знания для подкрепления своих взглядов, вряд ли выживут в ситуации все более и более ужесточающейся конкуренции.

– Аналогичное правило применимо к «фабрикам мысли», жертвующим академичностью ради краткосрочного публичного признания.

– Только те «фабрики мысли», которые соблюдают оптимальный баланс между научностью и агрессивной позицией «коммерсанта», сохраняют наилучшие позиции в системе принятия и реализации политических решений.

Важнейшим компонентом деятельности «фабрик мысли» является их взаимодействие со средствами массовой информации. Mass media являются бесценным способом формирования общественного мнения и публичной политики. Более того, «фабрики мысли» давно пришли к выводу, что идеи, как и промышленные товары, должны быть должным образом представлены на рынке, чтобы привлечь интерес потребителя.

В силу того, что «фабрики мысли» ориентированы на активное распространение и реализацию своих идей и концепций в обществе, сотрудничество со средствами массовой информации становится критическим фактором успеха их деятельности. Так, в Соединенных Штатах Америки консервативные «фабрики мысли», имеющие среди своих учредителей крупные информационные корпорации со связями в кругу корпоративной элиты и обладающие крупными фондами, имеют большую возможность вести агрессивную информационную политику и больше шансов быть услышанными. В 1995 году индекс цитирования работ консервативных «фабрик мысли» в средствах массовой информации в США превышал аналогичный показатель ближайших конкурентов, прогрессивных «фабрик мысли», в 7 раз [3]. Успех целой группы консервативных книг, поднявших шумиху по поводу наступления нового левого терроризма в 90-е годы, полностью подтверждает этот факт.

Последние исследования также показали, что основные телевизионные каналы Соединенных Штатов Америки опираются исключительно на небольшую группу консервативных столичных «фабрик мысли» в своих политических комментариях и экспертной оценке политической ситуации [5]. Поэтому такие эксперты, как З. Бжезинский

(Центр стратегических и международных исследований), В. Бенет (Власть Америке, Empower America), Дж. Киркпатрик (Американский институт предприятия) и их коллеги всегда первыми выходили в эфир при необходимости прокомментировать ту или иную общественно-политическую проблематику в средствах массовой информации. Эта группа мыслителей стала настолько известной среди населения, что их авторитет в публично-политических делах уже не подвергается сомнению.

Хотя появление в средствах массовой информации, несомненно, играет весомую роль в росте или снижении авторитета той или иной «фабрики мысли», тем не менее, другие факторы также способны повысить или снизить «видимость» в социально-политическом пространстве. Среди этих факторов можно указать на следующие [1]:

- стратегия, применяемая «фабрикой мысли» для продвижения и реализации своих продуктов;
- диверсификация исследований и штата;
- значение, которое «фабрика мысли» придает воздействию на политическую повестку государства.

Активное присутствие в средствах массовой информации также не всегда позволяет объективно оценить реальное влияние «фабрик мысли» на социально-политическое пространство. Это означает, что ставшие известными «фабрики мысли» не являются монополистами политического влияния. Другие «фабрики мысли» могут избрать иной путь влияния на политический процесс или методы влияния на других этапах политического цикла. Например, некоторые «фабрики мысли» предпочитают работать с практикующими политическими деятелями в небольших рабочих кругах вместо того, чтобы добиваться в эфире влияние на ход и направление социально-политических дискуссий.

Выступления ученых от «фабрик мысли» с экспертными оценками в теле- и радиопрограммах могут решать ряд практических задач, при этом реально используя широкую аудиторию для представления собственных идей и продвижения целей своей «фабрики мысли». Для «фабрик мысли» присутствие в эфирах национальных радио- и телекомпаний также может служить хорошей базой для привлечения высокопоставленных государственных деятелей и доноров, ищущих организации, способные обращаться и влиять на большие слои населения.

Обращением к большой аудитории «фабрики мысли» целенаправленно представляют широкой общественности авторитетный и информированный взгляд и свое видение внутренней и внешней политики. Кроме того, они таким образом формируют общественное мнение и публичную политику исходя из собственных целей и задач, стимулируя тем самым потенциальный спрос на собственные услуги.

«Фабрики мысли», как правило, заявляют о своей независимости (непредвзятости) в целях получения налоговых льгот. В Соединенных Штатах Америки такая позиция, отраженная в статусе организации, освобождает от налогообложения, хотя некоторые из них могут быть действительно нейтральными не только по налоговым соображениям. В то же время институты, которые считают своей первой задачей отстаивание тех или иных аспектов общественных интересов (так называемые «адвокатские фабрики мысли») редко скрывают свою идеологическую и политическую наклонность. Тем не менее широкая публика, как правило, слабо ориентируется в местоположении «фабрик мысли» в идеологическом пространстве, хотя оно почти всегда отражено в их декларациях о намерениях и публикациях.

Для более успешного продвижения своих интересов и услуг некоторые «фабрики мысли» разрабатывают специальные программы усиления своего присутствия в информационном поле, то есть в объективе средств массовой информации. Для этой цели ученые от «фабрики мысли» поощряют регулярно выступать на страницах национальной и зарубежной прессы. Кроме того, «фабрики мысли» забрасывают редакции средств массовой информации бесконечным количеством своих информационных материалов, пресс-релизов, аналитических отчетов и коммюнике. Наконец, «фабрики мысли» выпускают и собственные издания, книги, радио- и телепрограммы.

Хотя практически все «фабрики мысли» стараются получить расположение средств массовой информации, тем не менее, добиваются успехов на этом поприще те, которые обладают определенными характеристиками, среди которых специалисты выделяют следующие [1]:

– наличие широких диверсифицированных исследовательских программ, подкрепленных десятками высококвалифицированных сотрудников; узкая специализация не привлекает средства массовой информации;

– способность и готовность представить свои комментарии по большому спектру вопросов внутренней и внешней политики;

– четко определенная позиция по отношению к вопросам политики;

– надежность политической экспертизы;

– способность и эффективность общения с публикой и передачи своих идей широкой аудитории в простой, прямой и содержательной форме.

Отношение со стороны средств массовой информации имеет большое значение для признания и успеха «фабрики мысли». В то же время принятие средствами массовой информации не является достаточным признаком политического влияния. Дело в том, что «фабрики мысли», которые активно выступают в средствах массовой информации, в самом деле эффективно влияют прежде всего на определение основных параметров дебатов по важнейшим вопросам политики. Следовательно, они могут придать высокий приоритет именно этому аспекту своих функций. Поэтому они могут оказаться менее эффективными при реализации других функций, таких, как формулировка и внедрение политики. К тому же практические политики могут обратиться к менее заметным, но не менее эффективным и более специализированным «фабрикам мысли» за советом и руководством в ходе работы над отдельными частями законодательства. Как показывают результаты слушаний в американском Конгрессе, политики заинтересованы услышать мнения ученых всевозможных «фабрик мысли», а не только тех, которые составляют заголовки прессы.

Таким образом, нельзя рассчитывать на то, что «фабрика мысли» будет одинаково услышана на каждой стадии всего политического цикла. Для этого у них просто может не оказаться компетенций и ресурсов. Как следствие, в условиях все увеличивающейся конкуренции на рынке интеллектуальных услуг «фабрики мысли» должны создать свою специфическую нишу.

Интересным вопросом функционирования «фабрик мысли» является оценка эффективности их работы. Сразу следует повторить мнение большинства исследователей данного вопроса, что оценивать эффективность и результативность воплощения идей «фабрик мысли» достаточно трудно. Тем не менее можно выделить определенные признаки эффективности деятельности «фабрики мысли» [1].

– Преимущественное влияние на законодательные и исполнительные решения, по которым не было единого мнения и были весьма трудные дебаты, что выражается в интеграции тех или иных частей документов «фабрики мысли» в официальные документы и решения и отголосках в прессе.

– Инициирование целых новых направлений исследования, отраслей хозяйства, государственных программ и т.п.

– Изменение в балансе финансовых средств организации. Как правило, увеличение финансовых поступлений является результатом позитивного отношения в работе «фабрики мысли».

– Признание лидеров «фабрики мысли», которое состоит в предложении им руководящих государственных постов, авторитете среди широкой общественности (в СМИ), а также в приглашении их в качестве персональных консультантов ведущими политиками, крупными корпорациями, солидными государственными структурами.

– Участие в избирательных кампаниях президента, в публичных слушаниях парламента.

– Создание нового типа интеллектуальной работы, новой организационной структуры, которую копируют и повторяют другие «фабрики мысли».

– Общественное признание «фабрики мысли».

В завершение анализа деятельности современных «фабрик мысли» остановимся на критических высказываниях, которые направляются в их адрес.

«Фабрики мысли» начала XX века имели своей целью, прежде всего, привлечение и интеграцию научного знания в решение общественно значимых проблем. Продвижение и использование научного знания ради качественного улучшения процесса принятия решения на уровне правительства было одним из их основных приоритетов. С тех пор, как Р. Брукинс и А. Карнеги создали свои институты, многие «фабрики мысли» начали больше работать над политическим влиянием, нежели над усовершенствованием самой политики. Они рассматривают свою деятельность как бизнес, чей успех измеряется масштабом сбыта идей, концепций, результатов аналитических исследований.

По мнению некоторых авторов [6], «фабрики мысли» вызывают интерес не столько своими достижениями и своим влиянием, сколько самой мифической идеей существования не до конца прозрачного «моз-

гового центра», управляющего сложными политическими и социальными процессами. Мифическая природа восприятия деятельности «фабрик мысли» оберегает их от более глубокого обследования. Дело в том, что само выражение «мозговой центр» озвучивает многие ожидания прогрессивно настроенных людей из развитых западных стран, связанные с такими понятиями, как «критическая экспертная масса», «междисциплинарное осмысление», «адекватность политики», «ориентация на будущее». Более того, образцово-показательные «фабрики мысли», в частности корпорация «Рэнд», Брукингский институт, Американский институт предприятия, впечатляют масштабами своей деятельности и своим влиянием, хотя и не являются типичными «фабриками мысли».

Исследования «фабрик мысли» на самом деле нужны не столько практикующим политическим деятелям, сколько гражданскому обществу для контроля и улучшения деятельности политиков через публичную политику. Но в этом и слабость «фабрик мысли», так как [1]:

– они во многом рассчитаны на активизацию общественного мнения;

– непрактичность их работ вытекает из ограниченности ресурсов и большого количества конкурентов в этом секторе;

– исследователи в «фабриках мысли» вынуждены тратить большую часть своего времени на написание предложений. К тому же они подвержены колебаниям политической конъюнктуры. В результате они время от времени вынуждены переключаться на другой проект, на другую тематику, которая имеет большую аудиторию и по которой идет финансирование. Следовательно, они должны временно оставить тематику, которая их интересует. Работа в таких условиях может оказаться трудной задачей, особенно для молодых исследователей [7];

– немногие «фабрики мысли» действительно являются междисциплинарными мозговыми центрами; как правило, они опираются на работы экономистов и глобалистов в качестве аналитиков;

– «фабрики мысли» редко подвергают глубокому испытанию и детальной проверке вопросы внедрения;

– так же редко они развивают новые политические методологии;

– в целом, мозговые центры с трудом составляют конкуренцию государственной бюрократии, хотя многие надежды возлагается именно на них. Идеологический вызов, кото-

рый они принимают, еще не делает их источником знания и инноваций в практической социально-политической деятельности. Основная творческая работа, полноценное использование профессиональных междисциплинарных подходов и самые влиятельные труды исходят не только от «фабрик мысли», но и из стен государственного бюрократического аппарата, университетов и организаций частного сектора.

Скорее всего, следует охарактеризовать «фабрики мысли» как интеллектуальные сообщества по вопросам практической социально-политической деятельности. Это означает, что они формулируют цели для ограниченного круга и для определенной целевой аудитории. Некоторые созданы в целях расширения интеллектуального кругозора своих членов; другие организованы для предоставления специфических услуг относительно узкому кругу профессиональных групп; еще одни учреждены для удовлетворения важных внутренних и внешних символических потребностей идеологических лагерей. Они предоставляют возможность ученым публиковать более доступные работы, а также служат испытательным полигоном для молодых исследователей и политиков.

Все это, конечно, не означает, что они не могут содействовать более высокому уровню социально-политического дискурса.

Для того, чтобы «фабрики мысли» могли реализовать подлинно новаторские работы, они должны поддерживать проекты с временным сроком от 2 до 3 лет или позволять исследователям делать интенсивную работу в рамках определенного срока. Более того, междисциплинарная работа должна быть обеспечена для формирования подхода, который действительно обращается к проблемам практической социально-политической

деятельности, то есть который должен включать методы управления разработкой и реализации социально-политического проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грановский В., Дацюк С., Хариманга Е.Р. Аналитический доклад «Современные фабрики мысли». – Киев: Агентство гуманитарных технологий, 1999. http://xyz.org.ua/russian/win/discussion/think_tanks.html
2. Диксон, П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004
3. Dolny M., "The Think Tank Spectrum", Extra May/June 1996
4. Dunn W.N. «A Look Inside Think Tanks» <http://www.cipe.org/e21/dunE21.html>
5. <http://www.nira.go.jp/publ/review/98summer/abelson.html>
6. Lindquist, E.A., Beyond the Myth: New Challenges for Think Tanks, <http://www.nira.go.jp/publ/review/97autumn/alind.htm>
7. Ueno, M. Toward a More Civil Society: An Overview of the Urban Institute, 1996- <http://www.nira.go.jp/publ/review/96autumn/uenoma.html>

A. Sitnikov

FUNCTIONS AND ACTIVITY DIRECTIONS OF "THINK TANKS" IN COUNTRIES' POLITICAL LIFE

Abstract. A country's social and political development is impossible without a profound intellectual activity that is intended to identify major problems in the society and forecasts of its development. The so-called think tanks became efficient institutes of strategic intellectual provision in a modern world. Actively implemented social projects are impossible without establishment in Russia of such bodies of intellectual, social, economic and political energizing.

Key words: social projects, think tanks, think factories, social and economic development, political process.

РАЗДЕЛ III.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37.015.3

Потанина Л.Т., Ильясов И.И.

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ЯЗЫКА У ПЕДАГОГОВ*

Аннотация. В статье исследуется образно-символический язык как результат образно-символического мышления, характеризующийся с позиций содержания личностно-смыслового пространства человека и его способности к самостоятельному порождению образов. Представлены эмпирические результаты оценки уровней сформированности образно-символического мышления, оцениваемые параметрами широты, глубины, оригинальности ОСЯ и способностью репрезентации мира в эмоционально-образной форме у педагогов общеобразовательных школ в разных регионах России.

Ключевые слова: образно-символическое мышление, образ, значение, смысл, развитие образно-символического языка, понимание, конструирование.

Проблеме образно-символического, художественного языка посвящено множество исследований отечественных и зарубежных ученых (К.И. Алексеев, Ю.А. Артемьева, Е.В. Белецкая, Л.П. Доблаев, Т.Н. Овчинникова, А.П. Семенова, О.В. Соболева, А.А. Смирнова, М.В. Самойлова, В.Б. Хозиев, R.W. Gibbs, S. Glucksberg, P. Manfredi и др.). Предметом нашего исследования является уровень сформированности способности к образной деятельности у педагога, в рамках которого образ рассматривается в качестве средства воспитания, а поэтому представляется важной и необходимой способностью педагога использовать богатейший воспитательный потенциал образно-символического языка в качестве средства педагогического воздействия. Образно-символический язык – результат образно-символического мышления. Изучая образно-символическое мышление в контексте развития ценностно-смысловой сферы личности, нами был выделен ряд его характеристик.

Широта – мера обобщенности символического поля, в котором протекает деятельность субъекта. Широта символического поля определяется границами того социально-психологического пространства, где конкретный знак служит средством обобщенной сжатой информации. Нами операционально были введены следующие уровни широты образно-символического мышления: 1) индивидуальное (персональное) поле; 2) групповое (региональное) поле; 3) общечеловеческое поле. Персональное поле – это пространство, в котором субъект взаимодействует с миром объектов, находящимся в поле его окружения, что соответствует индивидуальным символам. Групповое (региональное) поле – это пространство, в котором субъект взаимодействует с множеством символов, известных в определенном национально-культурном регионе. Общечеловеческое – это пространство, в котором субъект взаимодействует с миром символов, известных всему человечеству. Это уровень общечеловеческих символов.

Глубина – уровень обобщения символического поля, уровнем ценности, на основе которой устанавливается связь. Этот процесс, благодаря способности символического образа функционировать на различных уровнях реальности, несводимых и невыводимых друг из друга, существующих одновременно и всегда [2, 5], может осуществляться на уровне фундаментальных ценностей, касающихся жизнеустройства человека, ценностей, выражающих смысл жизни человека, его целевые установки, отношение к духовным ценностям. Ценности могут отражать и более частные проявления личности. По широте образно-символического поля символический образ может представлять собой не самый высокий уровень, при этом по глубине – восходить к отражению универсальных ценностей. На этом основании мы выделяем следующие уровни глубины образно-символического

* © Потанина Л.Т., Ильясов И.И.

мышления: 1) уровень базовых ценностей; 2) уровень надстроечных ценностей.

Оригинальность – характер, способ устанавливаемых связей в образно-символическом мышлении. Результатом абстрагирующей деятельности субъекта, в процессе которой устанавливаются определенные связи, отношения между предметами, явлениями, процессами является *смысловое обобщение*. Эти связи могут быть стандартными, шаблонными, предсказуемыми, а могут – самыми необычными, неожиданными, яркими, своеобразными. По нашему мнению, критерием оригинальности является способ установления связи в процессе создания образа, направленный на выражение глубинных смыслов. По данной характеристике мы выделяем 3 уровня: 1) низкий; 2) средний; 3) высокий.

Способность к созданию (порождению) образов рассматривается нами как умение субъекта целенаправленно и самостоятельно создавать (порождать) образ в процессе образно-символической деятельности (ОСД). Под образом мы понимаем носителя смыслового обобщения, подобно тому, как знак является носителем значения. Индивидуальный процесс порождения смыслового обобщения не есть результат простого запечатления взаимодействия субъекта с объектом, но продуктивный, творческий процесс, в результате которого происходит трансформация объективного содержания. «При этом действие индивида приобретает порождающий характер и все более теряет форму ответа: его результат шире, чем исходная цель...творчество в узком смысле слова начинается там, где перестает быть *только ответом*, только решением заранее поставленной задачи. Оно остается и решением, и ответом, но вместе с тем в нем есть нечто «сверх того», что и определяет его творческий статус [1, 82].

По данной характеристике мы выделяем 3 уровня: 1) отсутствие способности к самостоятельному созданию образов; 2) способность к репродуктивному использованию образов; 3) способность к продуктивному, самостоятельному, творческому порождению образов.

Результаты проведенного нами исследования [3, 38] показали, что воспитание нравственных качеств у школьников разных групп при почти одинаковом низком уровне развития у них образного мышления осуществляется более эффективно, если педагогами используется образная речь, в отличие от воспитания без использования художественно-образных средств. Отсюда вытекает

необходимость профессионального уровня владения ОСМ педагогом, предполагающий высокий уровень понимания ОСЯ, способность порождения ОСЯ и осознанность ОСД. Деятельность понимания ОСЯ предполагает способность субъекта прочитывать самые разные образы по содержанию: широкие, глубокие, оригинальные. Понимание обусловлено мотивами, целями человека, а поэтому определяется мерой его социально-психологического развития. Высокий уровень понимания не является гарантией способности самостоятельного порождения образа.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью нашего эмпирического исследования было изучение сформированности образно-символического мышления у педагогов, рассматриваемое с позиций содержания личностно-смыслового пространства и способностью самостоятельного порождения образа.

С этой целью были использованы методики, позволяющие выявить у педагогов *широту, глубину, оригинальность* ОСМ и *способность к созданию (порождению)* образа. Исследование включало 2 этапа.

Группу учителей, участников эксперимента составили 650 учителей-предметников школ Москвы и Тольятти, самых разных учебных дисциплин, школьные психологи, разные по опыту и квалификации. Стаж работы – от 1 года до 35 лет. Квалификационный разряд – от 7 до 14.

На первом этапе исследования мы использовали методику, направленную на определение сформированности у педагога ОСМ в зоне актуального развития (ЗАР), когда испытуемый способен выполнить поставленную перед ним задачу самостоятельно, исключая какую-либо помощь со стороны. С этой целью был использован модифицированный вариант методики «Подарок судьбы» [4, 183]. Каждый участник группы получал карточку («дар судьбы»), на которой написано одно из перечисленных слов: свеча, звезда, кошелек, морская ракушка, топор, настольная лампа, корзина, дом, белка, рецепт, шляпа, блокнот, ключ, озеро, мяч, арбуз, календарь, словарь, лупа, утенок, бабочка. Задание заключалось в том, чтобы получивший «дар судьбы» словесно обозначил символическое значение объекта. Ответы фиксировались в протоколе.

На втором этапе исследования испытуемым был предложен модифицированный вариант методики «Недописанный тезис» [5; 65], позволяющий выявить уровень сформиро-

рованности образно-символического мышления в ЗБР, когда испытуемому предлагалось задание, условия которого предполагали помощь в его решении. С этой целью каждого педагога просили написать на карточке определенное суждение по отношению к предложенным понятиям, используя при этом самые различные образные сравнения (аллегии, метафоры, символы). Предложенные понятия были выбраны не случайно, а исходя из того, что в опыте человечества по отношению к ним уже имеется опыт обобщения, включающий такие компоненты, как операции метафорического переноса, аллегорического и метонимического сравнения. Предлагались пять тезисов:

- Дом – это...
- Книга – это...
- Свеча – это...
- Картина – это...
- Цветы – это...

Ответы фиксировались в протоколе.

Анализ содержания ответов результатов проведенных методик (образов) был направлен на определение уровней сформированности у педагогов ОСМ, оцениваемое нами параметрами широты, глубины, оригинальности ОСЯ и способностью порождения образно-символических средств. Были выделены: 1) мера обобщенности (индивидуальная, групповая, общечеловеческая); 2) уровень глубины (базальный, надстроечный); 3) степень оригинальности (низкая, средняя, высокая); способность к созданию образа (отсутствует, репродуктивная, продуктивная).

Если испытуемый, например, корзину обозначал как «емкость для чего-то», в белке видел «пушного зверька», дом как «строение» – это констатировало наличие логического способа мышления у педагогов, выраженное в понятийной форме и отсутствие способности репрезентировать предметный мир в форме образов. Если дом для испытуемого «своя крепость», «родовое гнездо», корзина «воспоминание детства», – это соответствовало индивидуальному символическому полю ОСМ. Если испытуемый корзину представлял, как «дары родного края», дом как «единение людей близких по духу и целям», – это соответствовало групповому (региональному) полю ОСМ. Если испытуемый корзину видел, как «дары природы человечеству», дом как «планету человечества» – это соответствовало общечеловеческому символическому полю ОСМ.

Для числовой оценки уровня широты ОСМ высказывания испытуемых анализи-

ровались нами по трехбалльной порядковой шкале: 1 – индивидуальное поле; 2 – региональное поле; 3 – общечеловеческое.

Для оценки уровня глубины обобщения ОСМ те же самые ответы испытуемых мы анализировали с точки зрения базальных и надстроечных ценностей. Оценивая уровень ОСМ по глубине, мы использовали двухбалльную порядковую шкалу: 1 – надстроечные ценности; 2 – базальные ценности. Так, например, если настольная лампа – это «символ уюта» – это соответствует уровню надстроечных ценностей. Если для испытуемого бабочка – «символ быстротечности жизни», «символ всего живого на земле, что требует защиты» – это соответствует базальному уровню ценностей.

Анализ содержания ответов испытуемых позволил нам определить также степень оригинальности создаваемых образов. Критерий оригинальности определялся нами представленностью образа той или иной структурно-семантической категорией. Низкому уровню характерно сравнение, аллегория; среднему – метафора, художественный образ, высокому – символический образ. Так, если книга для испытуемого «источник мудрости» – это соответствовало средней степени оригинальности. Если книга для испытуемого – «волны переживаний», «восхождение к смыслам» – это соответствует высокой степени оригинальности ОСМ.

Оценивая у испытуемых способность к созданию образов, мы использовали трехбалльную порядковую шкалу: 1 – отсутствие способности; 2 – репродуктивный; 3 – продуктивный. Если испытуемые использовали общепринятые, кем-то созданные образы, например, книга – источник знаний, кожаный кошелек – «стремление человека к благосостоянию», это соответствовало репродуктивному уровню ОСМ. Самостоятельное конструирование оригинальных образов испытуемыми посредством операций метафорического переноса, аллегорического и метонимического сравнения, когда, например, книга – «восхождение к смысловым горизонтам» – мы относили к продуктивному уровню образно-символического мышления.

Обработка данных выполнялась с помощью статистической системы SPSS 12.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты проведенного исследования обнаружили значительные затруднения, испытываемые педагогами в самостоятельном конструировании образа. Анализ уровня

сформированности образно-символического мышления в ЗАР показал, что подавляющее большинство педагогов (97%) отражает свое отношение к социальным ценностям в форме понятий как средствах логического способа мышления. Это означает, что большинство из обследованных нами педагогов в ЗАР не обнаруживают способность выражать личностно-смысловое отношение к миру средствами образно-символического языка. Лишь незначительное количество педагогов в ЗАР (3%) проявляют способность репрезентировать объектный мир в эмоционально-образной форме на продуктивном уровне.

По результатам проведенного исследования (72,7%) созданных педагогами образов соответствует общечеловеческому полю, 22,7% – групповому символическому полю, незначительная часть (4,6%) ограничивается индивидуальным символическим полем. По глубине значительная часть созданных образов (91%) соответствует уровню базовых ценностей и лишь 9% соответствует уровню надстроечных ценностей. По оригинальности 63,1% образов составляют низкую степень, 34,8% – среднюю степень. Высокая степень оригинальности созданных педагогами образов была обнаружена лишь у 2,1%.

Установлено, что большинство педагогов (93,3%) в ЗБР демонстрирует способность выражать отношение к объекту средствами образно-символического мышления, однако

формы подобного проявления ограничиваются репродуктивным уровнем. Данный факт объясняется изменением условий задания, предлагаемого педагогам на втором этапе исследования. Предъявленные в задании понятия в опыте человечества уже имеют устойчивые связи с образно-символическими средствами. Педагоги, способные конструировать образы и символы самостоятельно, составили 3%. Эти учителя составили 3-ю группу. Осуществляемая ими ОСД носит неосознанный, интуитивный характер. Лишь незначительная часть педагогов (3,7%) по-прежнему не проявила способность к выражению личностно-смыслового отношения к миру средствами образно-символического языка.

Результаты проведенного исследования позволили констатировать, что 78,1% созданных педагогами образов соответствует общечеловеческому полю, 19,7% – групповому символическому полю, 2,2% – индивидуальному символическому полю. По глубине значительная часть созданных образов (93,3%) соответствует уровню базовых ценностей и лишь 6,7% соответствует уровню надстроечных ценностей. По оригинальности 6,5% составляют низкую степень, 63,3% – средней степени. Высокая степень оригинальности ОСМ была обнаружена у 30,2% педагогов.

Далее нами сравнивались полученные числовые данные по широте, глубине, оригинальности

Таблица 1

Распределение педагогов по широте, глубине, оригинальности ОСМ и способности к порождению образа в ЗАР и ЗБР (в процентах от общего числа испытуемых)

Характеристика	Уровень, способ	ЗАР ЗБР	
ШИРОТА	Индивидуальный	4,6	2,2
	Групповой	22,7	19,7
	Общечеловеческий	72,7	78,1
Индивидуальный: -. Групповой: $\chi^2=473,002$; $p<0.001$. Общечеловеческий: $\chi^2=111,628$; $p<0.001$			
ГЛУБИНА	Базовый	91	93,3
	Надстроечный	9	6,7
Базовый: $\chi^2=562,00$; $p<0.001$. Надстроечный: $\chi^2=35,58$; $p<0.001$			
ОРИГИНАЛЬНОСТЬ	Низкий	63,1	6,5
	Средний	34,8	63,3
	Высокий	2,1	30,2
Низкий: $\chi^2=14,79$; $p<0.001$. Средний: $\chi^2=378,21$; $p<0.001$. Высокий: $\chi^2=186,00$; $p<0.001$			
СПОСОБНОСТЬ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА	Отсутствует	97	3,7
	Репродуктивный	0	93,3
	Продуктивный	3	3
Отсутствует: $\chi^2=602,00$; $p<0.001$. Репродуктивный: $\chi^2=602,00$; $p<0.001$. Продуктивный: -.			

Примечание: выбранный статистический критерий Мак-Немара в силу крайне малого количества положительных ответов испытуемых для переменных «индивидуальный» и «продуктивный» не работает.

нальности ОСМ и способности к порождению образа в ЗАР и ЗБР (см. табл. 1). Для оценки достоверности различий двух повторных измерений использовался непараметрический критерий Мак-Немара.

Результаты сравнения выборок педагогов по широте, глубине, оригинальности ОСМ и способности к самостоятельному порождению образа в ЗАР и ЗБР обнаружили статистически достоверные различия (см. табл. 1). В результате исследования было выявлено три группы учителей, характеризующиеся разными уровнями сформированности ОСМ. 1) учителя, которые не выходят на образное (эмоциональное) выражение к объекту, т.е. те, у которых данная способность в зоне актуального развития отсутствует; 2) учителя, у которых способность к выражению отношения к объекту в ЗАР отсутствует, но есть в зоне ближайшего развития; 3) учителя, способные к ОСД на продуктивном уровне, однако носит она неосознанный, интуитивный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Образно-символический язык – результат ОСМ. Образно-символическое мышление, особая мыслительная деятельность, «внутренняя работа» по производству личностных смыслов, в ходе которой происходит решение «задач на смысл», представляется сложной и одновременно чрезвычайно важной, ибо она позволяет человеку транслировать свое личностно-смысловое отношение к конкретным людям, к объектам окружающей действительности, к миру в целом посредством образно-символических средств.

2. Позволяя в образной форме выражать эмоциональное отношение к нравственным нормам, ОСЯ оказывает воздействие на внутренний мир человека, в силу чего является одним из важнейших средств развития системы ценностей личности. Образно-символическое мышление педагога характеризуется нами с позиций содержания личностно-смыслового пространства, определяемое параметрами широты, глубины и оригинальности, а также его способностью к самостоятельному созданию (порождению) образа или отсутствием таковой.

3. Формирование образно-символического языка у педагогов должно быть ориентировано одновременно на овладение двумя уровнями способностей ОСМ: понимания и конструирования. Понимание предполагает способность педагога прочитывать образы, кем-то созданные, уже существующие в куль-

туре, самые разные по содержанию: широкие, глубокие, оригинальные. *Конструирование* рассматривается нами как способность педагога целенаправленно и самостоятельно создавать образ в процессе образно-символической деятельности.

4. Решение проблем гуманизации и гуманитаризации школьного образования связано с развитием ценностно-смысловой сферы ребенка. Развитию этой сферы способствует использование образно-символических средств педагогами в процессе воспитания школьника. Владение образно-символическими средствами предполагает способность их понимать и самостоятельно конструировать. Как показало проведенное исследование, педагоги в своем большинстве владеют способностью понимания образа, но испытывают серьезные сложности в процессе его самостоятельного конструирования. Поэтому в образно-символическом языке педагога доминирует репродуктивная деятельность. Образно-символический язык является необходимой сферой профессиональной деятельности педагога и специальной подготовки к ней, что требует целенаправленной, систематической деятельности по его формированию и, соответственно, заставляет по-иному рассматривать функции и результат учебно-воспитательного процесса, а также профессиональную подготовку осуществляющих его педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богоявленская Д.Б. Психология творчества сегодня // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 2 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2006. – С.77-84.
2. Кулагина Н.В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. – 2006. № 1. – С. 3-9.
3. Потанина Л.Т., Гусев А.Н. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности // Вопросы психологии. – 2008. № 2. – С. 30-40.
4. Щуркова Н.Е. Классное руководство: игровые методики. – М., 2006. – 224 с.
5. Щуркова Н.Е. Воспитание: новый взгляд с позиции культуры. – М.: ОЦ Педагогический поиск, 1997. – 78 с.

L. Potanina

A STUDY OF THE FIGURATIVE-SYMBOLICAL LANGUAGE DEVELOPMENT IN SCHOOL TEACHERS

Abstract. An analysis of the figurative-symbolical language as a result of the figurative-symbolical thinking expressing the content

of the personality values and senses and her/his ability for independent generation of metaphoric images is given first. Then the results of an empirical estimation of the levels of development of the figurative-symbolical thinking in reference to such its characteristics as breadth, profundity, originality and ability to represent

the world in the emotionally metaphoric form in teachers of comprehensive schools in different regions of Russia are presented.

Key words: figurative-symbolical thinking, values, sense, development of figurative-symbolical language, understanding and constructing metaphors.

УДК 159.9

Крыжановская И.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ*

Аннотация. К психологическим факторам профессионального самоопределения относятся интересы и характерологические особенности. Анализ влияния типов акцентуаций на формирование интересов указывает на взаимосвязь характерологических особенностей с профессиональным выбором. Типы акцентуаций могут являться как положительным, так и отрицательным фактором формирования профессионально важных качеств.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, акцентуация характера, интересы, профессионально важные качества, социализация.

Одним из основных аспектов социальной адаптации является профессиональное самоопределение. Профессиональный выбор обуславливается интересами и характерологическими особенностями, выраженными типами акцентуаций [2]. Данные особенности личности являются психологическим конструктом, определяющим формирование профессиональных компетенций. На основе представлений о процессе профессионализации как сложном и многогранном явлении были выделены для изучения интересы и характерологические особенности. При этом предполагалось, что существуют устойчивые связи между этими психологическими аспектами существования личности [3].

В целях выявления структуры интересов, их связи с характерологическими особенностями было проведено исследование на базе Московского государственного университета леса (МГУЛ). В исследовании прини-

мали участие студенты различных факультетов: гуманитарного, лесного, экономики и внешних связей, механической и химической технологии древесины, ландшафтной архитектуры. В общей сложности в нем приняло участие 488 человек. При анализе результатов эмпирического исследования учитывалась и формальная структура выборки – различные факультеты, и уточнялись ее особенности в соответствии с получаемыми диагностическими данными.

Диагностика познавательных интересов у испытуемых проводилась по методике «Карта интересов» А.Е. Голомштока (см. табл. 1). Данная методика позволила выявить преобладающие интересы среди студентов [5].

Анализ профессиональных интересов студентов различных факультетов показал, что у студентов лесного факультета преобладают интересы, связанные с журналистикой, сферой обслуживания и астрономией. На данном факультете, по сравнению с другими факультетами, больше студентов с интересами по рабочим специальностям и меньше всего – по истории. На факультете механической и химической технологии древесины больше всего студентов, интересы которых связаны с техникой. На гуманитарном факультете подавляющее большинство студентов имеют интересы, связанные с журналистикой, на втором месте интересы по педагогике. На данном факультете, по сравнению с другими факультетами, больше студентов с интересами к общественной работе. Для факультета экономики и внешних связей характерно самое большое количество студентов, интересующихся журналистикой. У студентов ландшафтной архитектуры преобладают ин-

* © Крыжановская И.В.

тересы, связанные с журналистикой, историей, педагогикой и астрономией.

Наиболее доминирующими интересами среди студентов исследуемых факультетов являются интересы, связанные с журналистикой, астрономией и техникой. Если распределение интересов к журналистике и астрономии равномерно по факультетам, то интерес к технике присутствует в основном у студентов факультета механической и химической технологии древесины.

Анализ матрицы интеркорреляций позволил на основании значений коэффициентов корреляции выделить блоки взаимосвязанных интересов. За основу деления интересов на группы была взята классификация Е.А. Климова типов профессий [1]. Группировка интересов осуществлялась в ходе анализа значения коэффициентов корреляций между типами профессий и интересами, в котором рассматривались только положительные статистически значимые коэффициенты корреляций. В исследовании нами был выбран уровень значимости равный 0,05, что позволяет делать обоснованные выводы, несмотря на невысокие значения самих коэффициентов корреляции. Подавляющее большинство интересов имели единственный

положительный коэффициент корреляции с одним из типов профессий, за исключением физики, биологии, филологии, журналистики, общественной работы, права и педагогики. Указанные интересы имели положительную корреляцию с двумя и более типами профессий и были отнесены к определенному типу по максимальному значению коэффициента корреляции.

Интересы к химии и географии не имели положительных коэффициентов корреляции ни с одним из типов профессий, в связи с чем были исключены из дальнейшего рассмотрения.

В результате корреляционного анализа были выделены блоки интересов, которые были названы в соответствии с типами профессий: биономический, технономический, социономический, сигнономический, артономический (табл.2).

Выделение этих пяти блоков интересов позволило уменьшить размерность корреляционной матрицы и более качественно провести статистическую обработку и количественный анализ полученных данных.

Для диагностики акцентуаций характера использовались методики Х. Шмишека,

Таблица 1

Результаты исследования интересов студентов

интересы	факультет					всего
	лесной	механической и химической технологии древесины	гуманитарный	экономики и внешних связей	ландшафтной архитектуры	
физика	2	2	1	2	3	10
математика	2	3	5	6	3	19
химия	6	2	9	7	1	25
астрономия	12	15	10	11	10	58
биология	2	4	0	3	9	18
медицина	2	0	5	1	0	8
сельское хозяйство	1	0	2	2	1	6
лесное хозяйство	7	1	3	5	6	22
филология	3	1	3	5	2	14
журналистика	17	14	20	24	12	87
история	1	8	12	11	12	44
искусство	9	4	8	11	8	40
геология	2	0	1	1	0	4
география	4	6	2	4	3	19
общественная работа	1	2	10	1	4	18
право	6	3	10	8	0	27
транспорт	3	6	1	1	6	17
педагогика	2	3	15	16	11	47
рабочие специальности	11	6	7	3	3	30
сфера обслуживания	13	9	9	8	8	47
строительство	5	4	3	2	5	19
легкая промышленность	1	0	3	2	1	7
техника	8	35	9	4	3	59
электротехника	6	7	7	2	0	22
Итого:	126	135	155	140	111	667

Группировка интересов по типам профессий

Блоки интересов				
Биономический	Технономический	Социономический	Сигнономический	Артономический
Биология Геология Лесное хозяйство Сельское хозяйство	Транспорт Физика Строительство Рабочие специальности Легкая промышленность Техника Электротехника	Медицина Журналистика Педагогика Сфера обслуживания Общественная работа Право	Астрономия Математика	История Искусство Филология

позволяющие выявить типы акцентуаций по классификации К. Леонгарда, и А.Е. Личко.

Результаты диагностики акцентуированных черт характера по методике Х. Шмишека показали, что на 488 испытуемых приходится 594 акцентуации по классификации К. Леонгарда, так как некоторые студенты имеют не один, а несколько типов акцентуаций (см. табл. 3).

Наиболее часто встречающимися, в соответствии с классификацией К. Леонгарда, являются гипертимный, циклотимный, экзальтированный, эмотивный и неуравновешенный типы акцентуаций.

Результаты диагностики акцентуированных черт характера по методике А.Е. Личко показали, что на 488 испытуемых приходится 697 акцентуаций, так как некоторые студенты имеют не один, а несколько типов акцентуаций (табл. 4).

Наиболее часто встречающимися, в соответствии с классификацией А.Е. Личко, являются лабильный и истероидный типы акцентуаций.

Полученные данные диагностики типов

акцентуаций по методикам Личко и Шмишека указывают на соответствие результатов исследования характерологических особенностей по классификациям Личко и Леонгарда. Несмотря на некоторое различие в соотношении сопоставимых типов акцентуаций (табл. 3, 4), особенности их проявления в социуме идентичны. Так, наиболее часто встречающимися являются гипертимный, циклотимный по Леонгарду и лабильный, истероидный по Личко типы акцентуаций. Гипертимный, циклотимный, демонстративный (Леонгард) и гипертимный, циклоидный, истероидный, астеноневротический, неустойчивый типы акцентуаций (Личко) аналогичны по своим экстравертированным особенностям и проявления черт характера могут реализовываться в разных вариациях данных типов [4].

Для определения взаимосвязи характерологических особенностей с профессиональными интересами был проведен регрессионный анализ данных, который позволил выявить характер влияния типов акцентуаций на формирование интересов (табл. 5). Исходя из того, что характер является устой-

Таблица 3

Распределение типов акцентуаций характера студентов (методика Х. Шмишека)

Типы акцентуаций	факультет					всего
	лесной	механической и химической технологии древесины	гуманитарный	экономики и внешних связей	ландшафтной архитектуры	
Гипертимный	29	14	24	27	23	117
Застревающий	7	1	3	17	3	31
Эмотивный	12	10	34	8	19	83
Педантичный	5	3	5	2	1	16
Тревожный	9	6	5	3	4	27
Циклотимный	11	30	39	19	21	120
Демонстративный	12	4	11	3	3	33
Неуравновешенный	10	32	14	8	4	68
Дистимичный	3	4	3	0	0	10
Экзальтированный	13	5	32	4	35	89

Таблица 4

Распределение типов акцентуаций характера студентов (методика А.Е. Личко)

Типы акцентуаций	факультет					всего
	лесной	механической и химической технологии древесины	гуманитарный	экономики и внешних связей	ландшафтной архитектуры	
Гипертимный	21	21	12	12	13	79
Циклоидный	4	1	0	0	8	13
Лабильный	12	38	61	31	22	164
Астено-невротический	5	3	1	3	7	19
Сенситивный	3	8	7	13	0	31
Психастенический	11	8	12	10	13	54
Шизоидный	6	19	6	8	5	44
Эпилептоидный	20	22	16	10	31	99
Истероидный	10	44	57	40	17	168
Неустойчивый	8	11	1	3	3	26
Конформный	0	0	0	0	0	0
ИТОГО						697

чивым и сформировавшимся свойством личности, за независимую переменную в статистическом исследовании были приняты типы акцентуаций характера. Соответственно, зависимыми переменными в исследовании являлись интересы.

Результаты регрессионного анализа, позволяющего выявить характер влияния исследуемых параметров, показали, что на формирование интересов бионического блока положительно влияют черты педантичного (по классификации Леонгарда) типов акцентуаций и неустойчивого, циклоидного, истероидного (по классификации Личко).

Такие результаты соответствуют имеющимся в психологической науке данным,

так, В.А Бодров отмечает, что педантичные личности успешны там, где необходима скрупулезность, где не нужно действовать быстро. Эти люди серьезно страдают от бремени ответственности. Поэтому руководящие должности не для них. Не подходит им также деятельность психически подвижная, такая, при которой требуется в ограниченное время решать несколько разнотипных задач (например, операторские профессии), где нужно часто отвлекаться от основного вида деятельности, переключать внимание с одного вида действий на другие. Наиболее подходящие профессиональные занятия при достаточно выраженных чертах педантичности – это спокойная работа и не требующая пребыва-

Таблица 5

Зависимость интересов от типов акцентуаций студентов

блоки интересов	положительная зависимость		отрицательная зависимость	
	Леонгард	Личко	Леонгард	Личко
бионический	педантичный	неустойчивый циклоидный истероидный	-----	лабильный
технономический	дистимичный	шизоидный	экзальтированный гипертимный застревающий	сенситивный
соционический	эмотивный экзальтированный гипертимный	истероидный лабильный	циклотимный	циклоидный астено-невротический эпилептоидный
сигнономический	застревающий	-----	эмотивный педантичный	-----
артономический	экзальтированный демонстративный	истероидный лабильный гипертимный сенситивный	дистимичный	циклоидный

ния в новой, экстремальной среде. Очевидно, что биология, геология, сельское и лесное хозяйство именно такими особенностями привлекает педантичных личностей. Возможно, эмоциональная и в целом психическая нестабильность циклоидного типа акцентуации заставляет искать стабильной и спокойной обстановки и порождает интерес к этим сферам знаний и деятельности. Несколько неожиданным кажется положительное влияние истероидной акцентуации на предпочтение этой сферы интересов. Можно предположить, что таким образом проявилась склонность личностей неустойчивого и истероидного типов избегать трудностей, а «знакомиться с жизнью растений и животных», «собирать минералы» (цитаты из опросника интересов) и т.п. кажется им легким.

Отрицательное влияние на формирование интересов, связанных с природой, оказывает лабильный тип акцентуации (Личко), основной чертой которого является эмоциональный инфантилизм, преобладание интересов коммуникативного характера [4]. Обсуждаемые типы интересов не предполагают интенсивного общения и этим, очевидно, отталкивают представителей данного типа.

На формирование интересов технономического блока положительно влияют черты дистимичного (Леонгард) и шизоидного (Личко) типов акцентуаций. Это типы характера с пониженным настроением, пессимистичными и педантичными чертами. Это люди, которые отличаются медлительностью в мышлении и действиях, испытывают трудности в общении. Данные черты заставляют предпочитать деятельность, не требующую активного общения, коллективных действий.

Отрицательное влияние на формирование данных интересов оказывает экзальтированный, гипертимный, застревающий (Леонгард) и сенситивный (Личко) типы акцентуаций, характеризующиеся яркой эмоциональностью, коммуникабельностью, ранимостью и чувствительностью. Эти черты не свойственны деятельности, где необходимы интересы технономического блока.

Формирование интересов соционимического блока обусловлено эмотивным, экзальтированным, гипертимным (Леонгард) и истероидным, лабильным (Личко) типами акцентуаций. Это тип характера с постоянно повышенным фоном настроения. Это люди общительные, подвижные, энергичные, хорошие рассказчики (гипертимный тип). Они способны к состраданию и сочувствию, мягки и участливы. У них сильно развито чув-

ство эмпатии (эмотивный тип). Это люди, не знающие полутонов, с очень живой и яркой эмоциональной сферой (экзальтированный тип). Они способны увлечь людей за собой, оригинальны, ярко проявляют чувства (истероидный тип), обладают эмоциональным инфантилизмом, чувствительностью (лабильный тип). Данные особенности характера проявляются в интересах соционимического блока.

Отрицательное влияние на формирование данных интересов оказывает циклоидный, астено-невротический, эпилептоидный типы акцентуаций (Личко), которым свойственны циклические изменения эмоционального фона, неврастенические реакции, взрывчатость.

На формирование интересов сигнономического блока положительно влияют черты застревающего типа акцентуации (Леонгард). Для него характерна «тугоподвижность» эмоций, честолюбие, сдержанность, чувство долга, склонность действовать по известному алгоритму, образцу. Эти черты могут проявляться в склонности к формально-логическим рассуждениям, интересе к математике. Отрицательно влияет на формирование данных интересов эмотивный и педантичный типы акцентуации (Леонгард).

На формирование интересов артономического блока положительно влияют черты экзальтированного, демонстративного (Леонгард) и истероидного, лабильного, гипертимного, сенситивного (Личко) типов акцентуаций. Это типы характера с яркой эмоциональной сферой (экзальтированный тип), демонстративной манерой поведения (демонстративный тип), чертами эгоцентризма (истероидный тип), с подвижными эмоциями (лабильный тип), коммуникабельностью (гипертимный тип) и впечатлительностью (сенситивный тип). Эти качества являются необходимым компонентом в сфере деятельности, связанной с интересами артономического блока.

Отрицательно влияет на формирование данных интересов дистимичный (Леонгард) и циклоидный (Личко) типы акцентуаций, которым свойственны пессимистические взгляды на жизнь (дистимичный тип) и субдепрессивные фазы настроения (циклоидный тип). Данные черты негативно влияют на интерес к творческой деятельности, характеризующейся нестабильностью, «богемностью», отвержением стереотипов.

Таким образом, результаты регрессионного анализа отношений между типами

акцентуаций у студентов и блоками интересов показали, что типы акцентуации могут являться как положительным, так и отрицательным фактором формирования профессионально важных качеств, в зависимости от характера взаимовлияния интересов и определенных типов акцентуаций.

Апробация результатов эмпирического исследования показала, что полученные данные могут быть использованы, наряду с методиками Е.А. Климова, для более детальной диагностики в целях профессионального отбора, а также при решении широкого спектра психолого-педагогических проблем. Результаты исследования могут применяться вузами для реализации дифференцированного подхода в обучении студентов путем организации учебных групп и создания оптимальных условий для формирования профессионально важных качеств будущих специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Климов, Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. – М.: МГУ, 1995.
2. Крыжановская И. В. Типы акцентуаций характера современного студента // сб. науч. тр. ГОУ ВПО МГУЛ, Гуманитарный факультет. – Вып. 332. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005. – С. 310-313.
3. Крыжановская И. В. Характерологические особенности личности как фактор развития ее профессионального самоопределения // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ : науч. журнал. Вып. 4(24). Теория и методика профессионального образования \ под ред. П.Ф. Кубрушко. – М. : ФГОУ ВПО МГАУ, 2007. – С. 104-107.
4. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 1999.
5. Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф. Психодиагностические методы изучения личности: Учебное пособие – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998.

I. Kryzhanovskaya

THE PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF FORMING PROFESSIONAL INTERESTS OF ECOLOGICALLY ORIENTED INSTITUTES STUDENTS

Abstract. The psychological factors of professional self - defining interests and character specific features are related. The analysis of accenting the types influence on forming the interests points out at the character logical features and professional choice interconnection. The accenting types can be either a positive or a negative factor forming professionally important features.

Key-words: professional, self – defining, character accenting, interests, professionally important features, socialization.

УДК 159.922:37

Шляпников В.Н.

ПЕРСПЕКТИВА ФОРМИРОВАНИЯ ВОЛЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ВАРИАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Аннотация. Анализируется проблема формирования волевой регуляции как одной из важнейших педагогических задач в современном мире. Описываются стратегии развития воли: тренировка силы воли, воспитание волевых качеств и формирование волевой компетентности личности. В качестве основного ресурса формирования волевой компетентности личности указывается совместная деятельность учителя с учениками в классе.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, сила воли, волевые качества, волевая компетентность личности, стратегии волевой регуляции.

Воспитание воли как психологическая

и педагогическая задача

Двадцатое столетие – золотой век «культуры полезности»: общество, опьяненное успехами научно-технической революции, требует новых ресурсов повышения эффективности производства и уровня жизни. Перед психологами и педагогами встает новая задача: отбор и специальное обучение наиболее одаренных детей с целью формирования будущей профессиональной и политической элиты общества. При этом, чем раньше будет произведен этот отбор, чем раньше одаренные дети начнут обучаться по специально разработанным программам, например таким, как программа «Мерит», тем больше «пользы» они смогут принести своей стране в будущем. Однако решение этой прикладной и

* © Шляпников В.Н.

сугубо утилитарной проблемы поставило перед учёными другую, более широкую и более сложную задачу, а именно задачу поиска индивидуально-психологических детерминант успешного исполнения и высокого уровня достижений как в отелльных видах деятельности, так и в жизни в целом.

На ранних этапах этого поиска основные надежды исследователей были связаны с таким широко растиражированным в психологи понятием, как «интеллект». Начиная с 1916 г., когда американским психологом Л. Терменом в научный лексикон была введена аббревиатура IQ (коэффициент интеллекта), всевозможные варианты и модификации тестов интеллекта уверенно входят в практику общего и профессионального образования, где используются для выявления как одарённых, так и умственно отсталых детей. Многочисленные лонгитюдные исследования показали, что IQ является относительно устойчивым показателем, позволяющим достаточно точно прогнозировать успешность в обучении и различных видах профессиональной деятельности [1].

Однако изменение ценностных приоритетов развития человеческой цивилизации к концу 20 века, переход от «культуры полезности» к «культуре достоинства» внёс свои коррективы в развитие научной мысли. Современный человек, живущий в постоянно изменяющемся мире, уже не может позволить себе в своём развитии руководствоваться узкими утилитарными критериями «повышения прибавочной стоимости». В «культурах достоинства» главным ориентиром развития для общества в целом является повышение внутривопуляционного разнообразия, а для отдельного человека – отстаивание своей уникальной индивидуальности в мире [2]. В связи с этим традиционное понятие «интеллект», содержание которого ограничено преимущественно когнитивной сферой, столь хорошо зарекомендовавшее себя в стационарном мире «культуры полезности», оказывается малоэффективным в критических ситуациях, характеризующихся повышенным уровнем неопределённости, там, где заранее не существует единственного правильного решения. Подобные ситуации, побуждающие действовать не в соответствии со стандартным набором шаблонов и схем, но искать новые решения нестандартных задач, представляют собой своеобразные «точки роста», преодоление которых определяет траекторию жизненного пути человека и становления его индивидуальности. Спрогнозировать поведение

личности, обладающей индивидуальностью, в ситуации повышенной неопределённости гораздо сложнее, чем результаты выполнения стандартного теста IQ учащимися начальных классов. В связи с этим всё большее количество психологов обращается к исследованию «некогнитивных», личностных детерминант эффективности жизнедеятельности личности в поликультурном пространстве, что находит своё отражение в таких понятиях, как: «социальный интеллект», «эмоциональный интеллект», «социальная компетентность» и т.д. [17]. Одним из важнейших направлений этих исследований является изучение механизмов волевой регуляции различных видов деятельности.

За последние десятилетия исследователями из разных стран было накоплено значительное количество данных, свидетельствующих в пользу того, что волевая регуляция играет существенную роль в эффективности исполнения самых разных видов деятельности. Развивая исследовательскую традицию Н. Аха, Х. Хекхаузен предложил модель «Рубикон», основанную на чётком различении мотивационных и волевых детерминант сложных видов целенаправленного поведения человека. На сегодняшний день проведено значительное количество эмпирических исследований, свидетельствующих в пользу того, что именно волевые, а не мотивационные механизмы играют решающую роль в исполнении многих видов деятельности человека. В первую очередь это относится к неутилитарным, просоциальным формам активности, предполагающим получение отсроченного результата в форме идеального социального значимого продукта [18; 24; 25; 26].

Несколько иной подход к этой проблеме был разработан Ю. Кулем и его коллегами. Основная задача волевой регуляции, по их мнению, состоит в том, чтобы обеспечить согласованную работу различных психических функций в процессе реализации актуального намерения в действии. Эта работа может происходить как в автоматическом режиме, так и сознательно, в форме тех или иных стратегий волевой регуляции, используемых человеком. Целый ряд исследований показывает, что люди, обладающие более эффективной волевой регуляцией, успешнее действуют в ситуациях с повышенным уровнем неопределённости, являются более устойчивыми по отношению к различным стрессорным факторам; они менее подвержены формированию таких негативных психических состояний, как отчуждение (алиенация) или выученная

беспомощность, интенсивнее усваивают новую информацию и быстрее трансформируют её в практические навыки, а значит, лучше адаптируются к новым условиям и видам деятельности. Также результаты недавних исследований свидетельствуют о том, что волевая регуляция не только вносит существенный вклад в эффективность исполнения различных видов профессиональной деятельности, но и определяет общий уровень жизненного благополучия человека [23].

Одной из наиболее изученных проблем в этой области является роль волевой регуляции в процессе обучения как в системе общего, так и профессионального образования. В широкомасштабном исследовании одарённых детей в Сингапуре было показано, что учащиеся, обладающие более развитой волевой регуляцией, успешнее реализуют свой потенциал в учебной и внеклассной деятельности. Как правило, такие дети более инициативны и самостоятельны в процессе обучения; они гораздо меньше отвлекаются на посторонние более привлекательные занятия и удачнее планируют и организуют собственную учебную деятельность, используя для этого более эффективные стратегии волевой регуляции; их академическая успеваемость и внеклассные достижения значительно выше, чем у их сверстников; они быстрее адаптируются к новому социальному окружению, устанавливают контакты со сверстниками, реже нарушают дисциплину [21; 22; 27].

Таким образом, воспитание воли в школьном возрасте является насущной педагогической задачей для современной системы образования: во-первых, потому, что волевая регуляция играет важную роль в процессе самого обучения, оказывая значительное влияние на его эффективность; во-вторых, потому, что развитие волевой регуляции является важной вехой подготовки ребёнка к самостоятельной и полноценной взрослой жизни; и, в-третьих, потому, что классиками культурно-исторической психологии не раз отмечалось, что школьный и особенно подростковый возраст является критическим или сензитивным для формирования самой волевой регуляции. Однако классическая система образования, ориентированная, в первую очередь, на когнитивное развитие учащихся, на дрессуру, на усвоение «знаний, умений и навыков», не рассчитана на решение этой задачи. Именно поэтому поиск образовательных ресурсов формирования волевой регуляции заставляет нас обратиться к анализу воли с позиций культурно-исторической парадигмы в психо-

логии и педагогике.

Проблема воли в рамках культурно-исторической психологии и педагогики

В рамках культурно-исторической, а позднее – деятельностно-смысловой парадигм в психологии сложился новый «неклассический» подход к проблеме воли, принципиальным образом отличающийся от классических представлений о природе человеческой воли, основы которых были заложены ещё Аристотелем в 5 в. до н.э.

Во-первых, в работах Л.С. Выготского понятие воли впервые рассматривается не в контексте проблемы порождения действия, а в контексте проблемы овладения человеком собственным поведением и психическими процессами [4].

Во-вторых, с позиции культурно-исторической психологии воля понимается не как особая самостоятельная способность человека, изначально данная ему от рождения, а как высшая психическая функция, которая является продуктом общественно-исторического развития человечества. Возникновение волевой регуляции в филогенезе тесно связано с развитием и усложнением трудовой деятельности человека, которая носит продуктивный и совместный характер. Ведущую роль в формировании волевой регуляции в онтогенезе играет освоение ребёнком новых социально значимых видов деятельности, например, учёбы или общественно полезного труда, сначала совместно со взрослым, а затем, в более старшем возрасте, самостоятельно [4; 6].

В-третьих, исследователями, работающими в пространстве культурно-исторической и деятельностно-смысловой парадигмы, волевая регуляция понимается как один из уровней произвольной регуляции, а именно уровень личностной регуляции. Основное отличие между двумя этими формами психической регуляции состоит в средствах, которые используются субъектом для овладения собственным поведением и психическими процессами. Если в случае произвольной регуляции основным средством, с помощью которого человек овладевает собой, являются знаки, общественно-исторический опыт человечества, то в случае волевой регуляции основным средством овладения собой являются личностные смыслы и смысловая сфера личности в целом. Идея об опосредствованности волевой регуляции особыми личностными образованиями, представляющими собой «сплав аффекта и интеллекта», впервые высказанная Л.И. Божович, стала важной вехой

в развитии представлений о воли в рамках культурно-исторического подхода. Наиболее полное своё развитие эта идея получила в работах В.А. Иванникова, посвящённых изучению изменения смысла действия как одного из механизмов волевой регуляции. В отличие от произвольной регуляции средства волевой регуляции всегда индивидуальны, они формируются в процессе решения человеком жизненных задач, которые вначале перед ним ставит общество, в лице родителей, учителей, учебного или трудового коллектива. В зрелом возрасте на первый план в развитии волевой регуляции выходят задачи, которые человек сам ставит перед собой, принимая те или иные вызовы, которые бросает ему жизнь. Решая эти задачи, человек сам выбирает для себя приоритетные области развития, формируя тем самым свою судьбу и собственный неповторимый стиль волевой регуляции. Не пассивно претерпевая жизненные трудности, а активно решая жизненные задачи, человек накапливает опыт, необходимый для формирования богатой мотивационно-смысловой сферы личности, составляющей основу волевой регуляции [3; 4; 6; 16].

В-четвёртых, рассмотрение воли как высшей психической функции приводит к представлению о системном строении волевой регуляции, то есть она задействует различные средства и процессы [4; 6].

В.А. Иванников предлагает рассматривать волю в контексте проблемы мотивации, которую он понимает как процесс построения побуждения к действию, состоящий из нескольких звеньев. Он начинается с субъективного переживания потребности, на основании которого осуществляется постановка и принятие цели действия. В дальнейшем цель действия конкретизируется в форме плана действий, необходимых для достижения поставленной цели и овладения предметом потребности в условиях заданной ситуации. Согласно Л.И. Божович, в результате «вклинивания» интеллектуального плана действия между непосредственно воспринимаемой ситуацией и поведением формируется особое функциональное новообразование – намерение, представляющее собой «сплав аффекта и интеллекта»*. Этот процесс, по её мнению, приводит к «интеллектуализации и волюнтаризации побудительных сил человеческого поведения» [3, 339]. В.А. Иванников отмечает, что цели и намерения в процессе мотива-

ции выполняют различные функции: цели – направляющую, а намерения – побудительную. Источником побудительной силы целей и намерений выступает субъективное переживание потребности [5].

Некоторые зарубежные авторы также выделяют два этапа построения побуждения к действию: мотивационный и волевой. Первый из них связан с процессами выбора и целеобразования, а второй – формирования и реализации намерения в поведении. Согласно Х. Хекхаузену, именно формирование намерения знаменует собой переход от мотивационных процессов к волевым и является своеобразным рубиконом в ходе осуществления действия [18; 25].

Однако исследования показывают, что на этапе реализации намерения в действии побудительной силы субъективного переживания потребности часто бывает недостаточно. Это происходит тогда, когда цель действия, сознательно принятая субъектом в соответствии с требованиями общества или собственными ценностно-смысловыми установками, в силу разных причин лишена актуально переживаемой потребности или это переживание оказывается недостаточно интенсивным. В такой ситуации возникает потребность в волевой регуляции, которая выполняет функцию трансформации и поддержания побуждения к действию. Как указывает В.А. Иванников, этот процесс может осуществляться двумя путями: либо развёрнуто, произвольно и осознанно, за счёт мотивационных действий, либо привычным образом за счёт мотивационных навыков и установок [5].

Мотивационное действие представляет собой «осознаваемую активность человека, с внутренними и внешними звеньями (операциями)», направленную на построение побуждения к действию, «в которой используются различные средства, как и в любой высшей психической функции» [5, 89]. Таким образом, в функционировании волевой регуляции проявляется системный, интегративный характер работы психики.

Аналогично в зарубежной литературе используется понятие стратегий волевой регуляции, которые представляют собой метапсихологическую активность субъекта, сознательно используемую им для управления побуждением к действию (ссылки). Стратегии волевой регуляции представляют собой знание, а также определённый уровень овладения различными средствами (как социокультурными, так и индивидуально-психологическими) управления процессом

* В зарубежной психологии для обозначения проблемы «сплава аффекта и интеллекта» используется понятие “afcon” – объединение английских слов affection и cognition [20].

мотивации. Вместе различные стратегии волевой регуляции составляют волевую компетентность личности как «знание в действии».

Многими авторами отмечается, что по мере развития личности процесс построения побуждения и волевой регуляции может приобретать привычный характер за счёт формирования «нравственных привычек» (Л.И. Божович) или богатой смысловой сферы личности (В.А. Иванников). В данном случае можно говорить о высших формах волевого поведения, например, о волевой организации личности [3; 6; 23].

Таким образом, в контексте культурно-исторической и деятельностно-смысловой парадигм в психологии сложилось представление о волевой регуляции как о личностной форме произвольной регуляции, функция которой состоит в овладении человеком собственным поведением и психическими процессами для решения задач, которые личность принимает как свои собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками. Такое понимание волевой регуляции позволяет по-новому взглянуть на педагогическую задачу воспитания воли.

Стратегии формирования волевой регуляции

Можно назвать, как минимум, три основные стратегии формирования волевой регуляции.

Первая стратегия, которую можно назвать *тренировка «силы воли»*, опирается на представления о едином механизме или ресурсе волевой регуляции. В качестве такого механизма чаще всего принято рассматривать волевое усилие. В этом случае способность человека к волевому усилию определяется его силой воли, которая является универсальным ресурсом волевой регуляции деятельности [7; 15]. Такой подход означает, что силу воли можно тренировать точно так же, как скелетную мышцу, с помощью различных упражнений, например, задержки дыхания или удержания тяжестей. Данный подход является исторически первым, так как некоторые приёмы тренировки силы воли известны ещё со времён Античности. Спонтанно тенденция к тренировке силы воли возникает в подростковом возрасте, когда школьники преднамеренно совершают действия, требующие приложения значительных волевых усилий. Однако, как отмечала Л.И. Божович, чаще всего эти действия носят изолированный и искусственный характер, никак не связанный с реальной деятельностью

[3]. Идея, что волю можно развить с помощью набора упражнений, лежащая в основе данного подхода, является одновременно простой и притягательной, что объясняет её необычайную популярность. Однако эмпирические исследования свидетельствуют о том, что, во-первых, эффективность волевой регуляции не всегда пропорциональна величине затрачиваемого усилия, а, во-вторых, способность к волевому усилию в одних видах деятельности обычно не связана со способностью к волевому усилию в других видах деятельности [9; 23]. Например, как правило, способность к физическому усилию плохо коррелирует со способностью к интеллектуальному усилию [9]. Всё это ставит под сомнение оправданность данного подхода и заставляет исследователей и практиков искать другие пути формирования волевой регуляции.

Вторая стратегия, *воспитание волевых качеств*, опирается на представление о том, что проявления волевой регуляции всегда носят конкретный характер. Различные виды деятельности предъявляют различные требования к волевой регуляции человека. Характер этих требований определяет направление формирования индивидуальных особенностей волевой регуляции личности, которые принято называть волевыми качествами. Наибольшее распространение данный подход получил в психологии спорта. Считалось, что у спортсменов разного профиля формируется различный набор волевых качеств. Так, у стайера наиболее развитыми качествами являются настойчивость и упорство, а у гимнаста – выдержка и самообладание [10; 11; 12; 14]. Сформулируем основные методические принципы данного подхода. Во-первых, формирование волевой регуляции личности не должно осуществляться изолированно, оно является частью всестороннего (морально-нравственного, интеллектуального и т.п.) воспитания личности. Во-вторых, воспитание волевых качеств должно осуществляться не в искусственных условиях, а в русле реальной личностно значимой деятельности. В-третьих, в процессе воспитания волевых качеств должен быть реализован индивидуальный подход, требующий учёта психологических особенностей человека. Таким образом, процесс воспитания волевых качеств – это длительный многоаспектный трудоёмкий процесс формирования навыков регуляции конкретных видов деятельности, предполагающий активное участие как педагога, так и самого воспитуемого [10; 11; 12]. Однако волевые качества, являясь привычными способами волевой

регуляции конкретных видов деятельности, имеют очень узкий диапазон применимости. Показано, что человек, демонстрирующий настойчивость или упорство в одном виде деятельности, далеко не всегда способен проявлять эти качества в других видах деятельности. Однако возможность переноса навыков волевой регуляции с одного вида деятельности на другой начинает играть решающую роль в изменяющемся мире. Именно благодаря этой возможности особую актуальность сегодня приобретает следующий подход к формированию волевой регуляции.

Третья стратегия, **формирование волевой компетентности личности**, опирается на представления о системном строении волевой регуляции, которая является результатом совокупной работы различных психических процессов и функций. В первую очередь, реализация данного подхода предполагает знакомство и овладение различными социокультурными и индивидуально-психологическими средствами управления собственными мотивационными и другими психическими процессами или, иными словами, овладение различными стратегиями волевой регуляции. Исследования показывают, что в отличие от волевых качеств стратегии волевой регуляции могут быть использованы для решения широкого круга задач, так как они направлены не на управление конкретными видами деятельности, а на овладение психическими процессами и функциями [20; 23]. Таким образом, в рамках данного подхода в процессе формирования волевой регуляции деятельности акцент переносится с формирования навыков решения конкретных задач на овладение средствами решения широкого класса задач. Принципы культурно-исторической психологии позволяют наметить основные пути формирования стратегий волевой регуляции: от деятельности совместной к деятельности индивидуальной, от внешних действий к действиям внутренним, от использования социокультурных средств к использованию средств индивидуально-психологических. Таким образом, волевая компетентность личности как совокупность индивидуальных стратегий волевой регуляции может быть сформирована в условиях совместной деятельности в тренинговой группе или учебном классе (условие); в результате присвоения социокультурных средств волевой регуляции (средство); в процессе перехода внешне развёрнутых мотивационных действий во внутреннюю интериоризированную форму (механизм).

Таким образом, основная педагогическая задача воспитания воли должна состоять в овладении средствами и стратегиями волевой регуляции или, иными словами, в формировании волевой компетентности личности. В связи с этим наибольшими ресурсами для формирования волевой компетентности личности, по нашему мнению, обладает система вариативного образования, построенная на принципах культурно-исторической психологии и педагогики.

Вариативное образование как ресурс формирования волевой компетентности личности

Основная цель системы вариативного образования определяется А.Г. Асмоловым как расширение возможностей саморазвития личности и компетентного выбора жизненного пути. Эта цель задаёт один из главных векторов поиска и разработки образовательных технологий воспитания личности [2].

С позиции культурно-исторической психологии и педагогики, исходным моментом развития индивидуальности и волевой компетентности личности выступает ситуация выбора, в результате которого человек овладевает собственными мотивационными процессами. Возникновение произвольной мотивации, составляющей основу волевой регуляции, знаменует собой начало перехода от развития личности, управляемого обществом, к саморазвитию, т.е. развитию, управляемому самим человеком [6]. Однако традиционная система образования, основанная на формуле «ответов без вопросов», как правило, учит школьников принимать решения и действовать в типовых ситуациях, с ограниченным количеством степеней свободы, но не ставит перед ними задачи, которые бы содержали проблему выбора, или, говоря словами А.Н. Леонтьева, «задачи на личностный смысл» [8]. Результат такого подхода в образовании хорошо знаком преподавателям высшей школы: он заключается в том, что студенты-первокурсники, только что окончившие десятилетку, оказываются не готовы и не способны самостоятельно организовывать свою учебную деятельность. Более того, можно сказать, что современный молодой человек покидает школу, нагруженный «багажом» весьма разнообразной, отчасти полезной, а отчасти бесполезной информации, но совершенно неподготовленный к самостоятельной взрослой жизни, в первую очередь предполагающей умение действовать, а значит, прогнозировать и совершать выбор в ситуациях с повышенным уровнем неопре-

делённости. В связи с этим напрашивается простой и очевидный вывод: формирование волевой компетентности у школьников требует наличия в учебном процессе пространства для свободного выбора.

Эта мысль была чётко сформулирована в работах автора концепции человекоцентрированного образования, К. Роджерса, чьи беседы с учениками обычных американских школ показали, что школьники хотят иметь «свободу учиться». Степень этой свободы может варьироваться от права выбора учебных заданий до самостоятельной постановки исследовательских проблем, от права выбора дисциплин до самостоятельного составления учебного плана. Принципы гуманистического образования К. Роджерса были реализованы на практике в ряде частных школ США, например, в Школах изобразительных и визуальных искусств (ШИВИ). По свидетельствам очевидцев, непосредственных участников учебного процесса, преподавателей, самих детей и их родителей, школьники, обучающиеся в человекоцентрированных классах, «любят учиться, ясно мыслят, способны к глубоким чувствам, разумны в поступках, способны работать с другими людьми, способны решать проблемы, уважают другие культуры, обладают основными навыками» [13, 61]. Однако ШИВИ и подобные им школы, по сути, являясь элитарными, а не массовыми учебными учреждениями, до сих пор остаются скорее исключением, чем правилом в системе образования, тогда как одним из основных ориентиров вариативного образования является переход от отдельных научных педагогических школ к системе вариативных инновационных технологий [13].

В контексте системы вариативного образования одним из основных источников свободы в процессе обучения выступает учебная задача как микромодель жизненной ситуации, решая которую, человек сам вводит недостающие условия и отсекает избыточную информацию. Учебный процесс должен не ставить перед учеником уже готовые задачи, а мотивировать его на самостоятельный поиск и постановку проблем. Однако, как неоднократно отмечали классики отечественной психологии, ребёнок, который только пришёл в первый класс, ещё не умеет учиться, и уж, тем более, решать проблемно-поисковые задачи. Ему ещё только предстоит «научиться учиться». Причём ведущая роль в процессе этого обучения в контексте культурно-исторической педагогики отводится совместной деятельности ребёнка со взрослым, в ходе

которой происходит освоение и расширение зоны ближайшего развития школьника [3; 19].

В первом классе учитель почти полностью управляет процессом обучения: он ставит перед детьми учебные задачи и контролирует процесс их решения. Подчинение требованиям, предъявляемым со стороны учителя, является необходимым условием для формирования произвольной регуляции деятельности, составляющей основу развития воли. Однако если учитель со временем не начнёт делегировать часть своих управляющих функций ученикам, то произвольная регуляция деятельности может так никогда и не стать волевой. Результатом такого педагогического воздействия будет человек, хорошо умеющий решать типовые задачи, поставленные перед ним другими, но не способный самостоятельно ставить перед собой и решать реальные жизненные задачи, а значит, и не способный управлять собственной жизнью и развитием. Оптимальным с точки зрения формирования волевой компетентности личности является такое распределение функций управления процессом обучения между учителем и учениками, когда: 1) часть из них, связанная с общей координацией учебного процесса, выполняется учителем; 2) другая часть, связанная с координацией отдельных педагогических мероприятий, – учителем совместно с учениками; а 3) оставшаяся часть, связанная с выполнением отдельных заданий, – самостоятельно учениками. На протяжении всего обучения эта схема должна оставаться гибкой и подвижной, учитель должен стремиться к постепенному расширению пространства свободы учеников, разделяя с ними всё больше и больше функций управления, в соответствии с возрастающими возможностями их волевой регуляции. Именно такой подход к управлению учебным процессом в классе, по нашему мнению, способен обеспечить прогрессивное расширение пространства выбора и горизонтов развития, необходимое для формирования волевой компетентности личности.

Вместе с этим, роль совместной деятельности в процессе формирования волевой компетентности личности не ограничивается только освоением зоны ближайшего развития. Важное место в развитии волевой регуляции занимает формирование иерархии мотивационно-смысловой сферы личности, подчинение объективно-предметных мотивов высшим социальным и личностными мотивам. А.Н. Леонтьев указывает: «Процесс формирования личности может быть пред-

ставлен как развитие воли» [8, 159]. В рамках системы вариативного образования, направленного не на усвоение «суммы знаний и навыков», но на формирование целостной ценностной картины мира, подчёркивается ведущая роль совместной деятельности ребёнка со взрослым и сверстниками в процессе присвоения мотивов и смыслов человеческой деятельности, составляющих основное средство волевой регуляции. Принцип деятельностного опосредствования применительно к педагогике означает, что ценностям и смыслам, в отличие от знаний и навыков, нельзя обучить напрямую. Нельзя просто рассказать детям о том, что существуют познавательные или эстетические ценности. Эти мотивы сами порождаются в процессе деятельности, которую учитель организует в классе. Это объясняет то колоссальное значение, которое придаётся личности учителя как ресурсу развития личности ученика в системе вариативного образования [17]. Немного перефразируя слова А.Г. Асмолова, можно сказать, что волевая компетентность ученика начинается с волевой компетентности учителя. От того, насколько учителю удастся разнообразить деятельность в классе, варьировать позиции, занимаемые его учениками в рамках одного и того же вида деятельности, в значительной мере зависит широта и богатство смысловой сферы, которая сформируется у ребёнка в процессе обучения, а значит, и возможности его волевой регуляции. Поэтому именно система вариативного образования, направленная, в первую очередь, на воспитание личности учащегося как полноценного и самостоятельного участника поликультурного социального процесса, наиболее полно содержит в себе все ресурсы, необходимые для формирования волевой компетентности человека.

Таким образом, в системе вариативного образования одним из основных ресурсов развития волевой компетентности учащегося является особым образом организованное взаимодействие учителя и учеников, которое предполагает наличие у учеников постоянно расширяющегося пространства свободного и самостоятельного выбора и многообразие видов совместной деятельности и соответствующих им ролевых позиций в классе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анастаси А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – 3-е изд. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
4. Выготский Л.С. Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
5. Иванников В.А. Мотивационная сфера личности: курс лекций. – М.: АСОУ, 2008.
6. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
7. Калинин В.К. На путях построения теории воли // Психологический журнал 1989. № 2. – С. 46-55.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Академия, 2004.
9. Махлах Е.С., Рапопорт И.А. К вопросу об изменении волевого усилия и волевых качеств личности // Вопросы психологии 1976. № 2. – С. 133-137.
10. Пуни А.Ц. О волевой подготовке спортсмена // Проблемы психологии спорта. – М., 1960.
11. Пуни А.Ц. Волевая подготовка в спорте. – М., 1970.
12. Пуни А.Ц. Психологические особенности волевой подготовки в спорте. – М., 1977.
13. Роджерс К. Фрейберг Дж. Свобода учиться. – М.: Смысл, 2002.
14. Рудик П.А. Психологические основы морально-волевой подготовки спортсменов // Проблемы психологии спорта. – М., 1962.
15. Селиванов В.И. Воля и её воспитание. – М. 1976.
16. Смирнова Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем онтогенезе // Вопросы психологии. – М., 1990. № 3. – С. 49-57.
17. Социальная компетентность классного руководителя: режиссура совместных действий / Под ред. Асмолова А.Г. и Солдатовой Г.У. – М.: УЧЕБНАЯ КНИГА БИС, 2007.
18. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность, 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
19. Эльконин Д.Б. Психическое развитие детей в различных возрастах. – МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
20. Corno L. Special double issue on conceptions of volition: Theoretical investigation and studies of practice // Intern. J. Educat. Res. 2000. V. 33. P. 659-663.
21. Elbe A-M., Szymanski B., Beckmann J. The development of volition in young elite athletes // Psychology of sport and exercise. 2005. V. 6(5) P. 559-569.
22. Kehr H.M., Bles P., Rosenstiel L. Self-regulation, self-control, and management training transfer // Intern. J. Educat. Res. 1999. V. 31. P. 487-498.
23. Kuhl J. Who controls whom when "I control myself"? // Psychological Inquiry. 1996; V. 7(1). P. 61-68.
24. Milne S., Orbell S., Sheeran P. Combining motivational and volitional interventions to promote exercise participation: Protection motivation

- theory and implementation intentions // Brit. J. Health Psychol. 2002. May. V. 7. N 2. P. 163-184.
25. Norman P., Sheeran P., Orbell S. Does state versus action orientation moderate the intention-behavior relationship? // J. Appl. Soc. Psychol. 2003. March. V. 33. P. 536-553.
26. Sheeran P., Orbell S. Implementation intentions and repeated behavior: Augmenting the predictive validity of the theory of planned behavior // Europ. J. Soc. Psychol. 1999. March-May. V. 29(2-3). P. 349-396.
27. Teo C.T., Quan M.L. The knowledge, volition and action programme in Singapore: The effects of an experimental intervention programme on high ability achievement // High ability studies. 1999. June. V. 10. N 1. P. 23-35.

V. Shlyapnikov

PROSPECTS FOR A STRONG-WILLED COMPETENT INDIVIDUALS IN THE SYSTEM VARIABLE EDUCATION

Abstract. The development of volition is concerned as important educational goal in modern world. The following strategies of volitional development are described: willpower training, volitional trait education, volitional competence training. The joint activity of teacher and students is concerned as the main resource of volitional competence development.

Key words: volition, volitional regulation, willpower, volitional traits, volitional competence, volitional strategies.

УДК 159.923.6

Филатова А.Ф.

ТИПОЛОГИЯ ХАРАКТЕРОВ ПОДРОСТКОВ*

Аннотация. В статье показана технология научной разработки типологии характеров школьников-подростков. Описаны типы характеров подростков разного пола. Выделен синдром качеств, обусловленный полом.

Ключевые слова: подростки, характер, типология.

Разработке типологии характеров подростков предшествовал длительный и разносторонний опыт общения с подростками в образовательном пространстве. Педагоги указывают на необходимость построения типологии характеров подростков с учётом их половых различий, влияющих на особенности учебной деятельности, общения, поведения и т.д. В рамках диссертационного исследования нами разработана научно обоснованная концепция половых различий в становлении характера подростка, которая включает модель, структуру, функции, детерминанты, типологию характеров [4].

Заметим, что исходное методологическое значение понятия «типология» означает не только классификацию и описание, но, прежде всего, метод научного познания, процедуру [2].

Типология может служить не только средством решения узкопрактических задач, но и средством построения подлинно теоретического объяснения тех или иных психо-

логических образований, в частности, характера подростка, его становления и развития у мальчиков и девочек.

Типология должна иметь как теоретическую весомость, так и эмпирическую надёжность. В нашем исследовании мы сначала опирались на теоретический конструкт, определяя системообразующие качества в характере мальчиков и девочек подростков, а затем получили их эмпирическим путём, проведя широкое исследование половых различий в характере подростка по 102 психодиагностическим показателям; корреляционный, кластерный и факторный анализы, а также применив метод максимального корреляционного пути (МКП) по Выханду. Исследование показало, что системообразующими чертами характера современных мальчиков-подростков являются доминирование (Д), социальная зрелость (З) и выраженность общечеловеческих ценностей (Ц). У девочек системообразующими чертами в характере являются поведенческая активность (А), социальная адаптированность (С), выраженность ценностей (Ц). В зависимости от их различных сочетаний выделено 16 типов характеров мальчиков-подростков: Лидер (Д+, З+, Ц+), Спортсмен (Д+, З-, Ц+), Мечтатель (Д-, З-, Ц+), «Ботаник» (Д-, З-, Ц+), Альтруист (Д-, З+, Ц+), Трудяга (Д-, З+, Ц+), Настоящий друг (Д-, З+, Ц+); Вождь (Д+, З+, Ц-), Хулиган (Д+, З-, Ц-), Террорист (Д+, З-, Ц-),

* © Филатова А.Ф.

Деспот (Д+, З-, Ц-), Бэби (Д-, З-, Ц-), Клоун (Д-, З-, Ц-), Тихоня (Д-, З-, Ц-), Изгой (Д-, З-, Ц-), Прагматик (Д-, З+, Ц-) и 12 типов характера девочек-подростков: Фаворитка (А+, С+, Ц+), Принцесса (А+, С-, Ц+), Нерешительная (А-, С-, Ц+), Ассоль (А-, С-, Ц+), Надёжная (А-, С+, Ц+); Тусовщица (А+, С+, Ц-), «Попрыгунья-стрекоза» (А+, С-, Ц-), Фанатка (А+, С-, Ц-), «Серая мышка» (А-, С-, Ц-), «Синий чулок» (А-, С-, Ц-), Жертва (А-, С-, Ц-), Прилежная (А-, С+, Ц-).

Рассмотрим путь выделения указанной типологии. После обработки результатов психодиагностического исследования подростков по 102 характерологическим показателям был проведён кластерный анализ. В частности, среди девочек-подростков было выявлено три основных кластера, что наметило три основных типа характера. Так, для типа № 1 свойственны высокие показатели социально-психологической адаптации и самореализации, эмоция радости, хорошее принятие себя и других, уверенность, хорошая успеваемость, подростковая гипертимность. Подростки в своём кругу девочек с таким характером называют Классная девчонка. Некоторые учителя называют их **Фаворитками**. Одна из таких девочек в сочинении о мечтах написала: «Хочу добиться грандиозного успеха в жизни». Далее, при проведении факторного анализа первый фактор содержал аналогичные черты характера. Данный тип характера был выделен и с помощью корреляционного анализа.

У всех таких девочек-подростков ярко выражена поведенческая активность (А), однако два других смыслообразующих показателя С и Ц – характерны не для всех. Таким образом, данный кластер может содержать также и такие типы характера, как «Попрыгунья-стрекоза» (А+, С-, Ц-), Тусовщица (А+, С+, Ц-), Принцесса (А+, С-, Ц+), Фанатка (А+, С-, Ц-).

Для выделенного кластерным анализом типа № 2 свойственны низкие показатели по социально-психологической адаптации и самореализации, а также по уровню феминности. Высокие показатели сензитивности, эмоции страха, ригидности. Эти девочки ниже оценивают выраженность всех ценностей. В свою очередь, учителя дают им низкую оценку. Тип № 2 отличается от типа № 1 как по уровню социально-психологической адаптации и ценностям, так и по поведенческой активности, т. е. все выделенные нами системообразующие черты у данного типа характера выявлены со знаком минус. Подростки

называют таких девочек «тормозными», закомплексованными, трусихами, «ни то ни сё». Такие девочки учатся слабо, редко посещают дискотеки и другие «тусовки», неавторитетны и непопулярны. Даже для учителей они неинтересны, неярки. Как правило, ничего особенного учителя о них сказать не могут. Мальчикам с такими девочками скучно и неуютно. Они неженственны, неэмоциональны, пессимистичны. Просто «серые мышки». Данный тип характера девочки мы так и назвали – **Серая мышка**. Разновидностью данного типа может быть тип характера девочки, обозначенный как **Синий чулок**. Структура черт характера этих двух типов практически идентична. Тип характера **Синий чулок** отличается лишь тем, что большую часть времени такие девочки находятся дома и не общаются с мальчиками.

Для типа № 3, полученного кластерным анализом, свойственны низкая представленность таких характеристик, как гипертимность, циклоидность, доминирование, лидерство, эмоция радости, эмоциональная устойчивость. У них ниже подвижность НС, активность, интернальность и успеваемость. Независимые наблюдатели и учителя ниже оценивают их поведение, кроме дисциплинированности и конфликтности. У них существенно менее выражены социально-психологическая адаптация и самореализация. При этом – высокие показатели психастении и эпилептоидности, эмоций страха и гнева, ригидности и эмоциональности. У них низкая самооценка, низкие уровни принятия себя и других. Когда такую девочку «доводят» одноклассники, она может сорваться и поколотить обидчика, ввиду высокой эпилептоидности и выраженности эмоции гнева. Чаще всего такой тип характера формируется у девочек из неблагополучных семей, и комплексы их детерминированы не только биологическими обусловленными показателями (свойствами НС, эмоциями, пубертатом), но и семейной ситуацией (алкоголизмом родителей, бедностью, отсутствием любви). Такие девочки нередко рано начинают половую жизнь, в надежде получить любовь или хотя бы внимание, хорошее отношение, подарки. Девочку с таким типом характера назовём **Жертва**.

Подробно технология выделения и описание всех типов характера подростков представлены в монографии и в диссертации автора [3; 4]. Здесь же рассмотрим кратко типы характеров мальчиков-подростков, а тип характера Лидер опишем по предлагаемой схеме.

1. Доминирующие черты характера.
2. Привлекательные (позитивные) черты характера.
3. Отталкивающие (негативные) и приводящие к конфликтам черты.
4. «Слабое звено».
5. Особенности общения и дружбы подростка.
6. Отношение к учебе и другим видам деятельности.
7. Психолого-педагогические рекомендации учителям и родителям по оказанию помощи подростку.

Лидер. Подросток с таким типом характера проявляет интерес ко всем сторонам жизни. С детства ему нравится познавать окружающий мир. Он схватывает всё на лету, легко и быстро усваивает информацию. Оптимист, верит в успех. Легко прощает обиды. Пользуется всеобщей любовью. Девочки постоянно влюбляются в таких мальчиков. Его жизненное кредо: «Я люблю жизнь и хочу наслаждаться ею вместе с вами».

Доминирующие черты характера Лидера – познавательная и творческая активность, жажда деятельности, стремление вести за собой, трудолюбие, организованность.

Привлекательные черты характера: энергичность, оптимизм, щедрость, стремление помочь людям, инициативность, коммуникабельность, жизнерадостность.

Отталкивающие черты характера: неудержимая активность и жажда деятельности Лидера сочетаются с тенденцией «разбрасываться» и не доводить начатое дело до конца. При всём его трудолюбии проявляется неспособность долго сосредоточиваться на каком-либо конкретном деле или мысли. Постоянная спешка ввиду собственной увлекаемости и стремления увлечь других.

«Слабое звено»: не переносит однообразного и монотонного труда, ограничения общения, ситуаций, связанных с невозможностью быть нужным, интересным, проявить себя, вести за собой.

Особенности общения и дружбы. Лидер любит компании, стремится к доминированию, лидерству. Ему присущ альтруизм, любовь к ближнему, он может броситься на помощь человеку, не раздумывая. В дружбе он добр и незлопамятен. Обидев кого-то, быстро забывает об этом, и при следующей же встрече может искренне обрадоваться. Может от всей души извиниться за нанесённую обиду и сделать что-либо приятное обиженному человеку.

Отношение к учёбе и другим видам де-

тельности. Все учебные предметы даются Лидеру легко. И даже если он пропустил что-либо из-за своих многочисленных интересов, увлечений и мероприятий, например спортивных, ему легко наверстать упущенное.

Психолого-педагогические рекомендации учителям и родителям по оказанию помощи подростку. Необходимо создание таких условий для Лидера, в которых проявляется его инициатива, энергия, лидерство. Не следует поручать ему однообразную работу, ограничивающую его свободное и разнообразное общение с людьми и проявление лидерских качеств. Важно помнить, что конфликтогенными для Лидера являются ситуации, в которых ему приходится отказывать себе в чём-то интересном, необычном, а также ограничивать двигательную активность.

В общении с Лидером следует избегать чрезмерной директивности, проявления безапелляционной власти, жёсткой требовательности. Беседу с ним лучше вести в живом и быстром темпе, на равных, как со взрослым, с уважением к нему. Желательно периодически передавать инициативу самому подростку, так как ввиду его социальной зрелости, сформированности ценностей и лидерских качеств он даже со взрослыми способен доминировать.

Задачей для педагогов и родителей является обеспечение Лидера такими общественно значимыми делами, где он действительно мог бы лидировать, позитивно влиять на людей, как это с подросткового возраста делали, например, Пушкин и Бальзак. Лидеры Магеллан и Колумб вели людей на освоение новых пространств. Они выбирали движение к зыбкой, чуть угадываемой цели, любили рисковать и делать высокие ставки, ценя больше всего движение вперёд – к новому, интересному, неоткрытому.

Полезными психотехническими упражнениями для Лидера будут такие, как «Планирование», «Конец – делу венец», «Полный порядок».

Спортсмен. Отличается от Лидера неприспособленностью к жизни, социальной незрелостью, но доминирование и сформированность ценностей у Спортсмена выражены примерно в такой же степени, как и у Лидера. Кредо Спортсмена – «Хочу быть первым!».

Мечтатель. Сравнительно мало распространённый среди современных мальчиков-подростков тип характера. Такие дети с раннего возраста склонны к мечтательности, а в старшем подростковом и юношеском возрастах – к самоанализу. Они созерцательны,

спокойны, чувствительны и робки – стесняются в незнакомой ситуации. Их кредо можно обозначить так: «Оставьте меня в покое вместе с моими мыслями и мечтами».

«Ботаник». Данный тип характера похож на характер Мечтателя. Их объединяет высокий уровень сформированности ценностей (особенно таких, как познание, креативность, творчество), отсутствие лидерских качеств и социальная незрелость. Физическое развитие и половое созревание у тех и других запаздывает. Но «Ботаник» особенно неловок и неуклюж, например в танцах, на уроках физкультуры. У него плохая координация движений, астеническое телосложение со слабо развитыми мышцами. С первых школьных дней такие дети любят играть одни, мало тянутся к одноклассникам, избегают шумных детских забав, предпочитая общество более старших ребят. Кредо «Ботаника»: «Хочу всё знать!».

Альтруист. Эти мальчики, как правило, из благополучной, доброй и культурной семьи. С детства отличаются высокой чувствительностью ко всему, щедростью, бескорыстием. Рано становятся социально зрелыми. У них формируются общечеловеческие ценности как бы незаметно, но устойчиво. Для них характерно тонкое восприятие окружающего мира, эмпатия, желание помогать, любовь и забота по отношению к людям, животным, природе. Альтруист хорошо понимает других людей, проявляет интерес к самым различным сторонам человеческих отношений. Его кредо: «Я люблю вас и готов принести себя в жертву ради вас».

Трудыга. Как и Альтруист, отличается социальной зрелостью и сформированностью ценностей, не склонен к доминированию. В факторной нагрузке выделенного типа представлены основные общечеловеческие ценности – материально обеспеченная жизнь, любовь, семья, друзья, уважение, независимость, здоровье. Такой мальчик-подросток понимает: чтобы всё это у него было, необходимо много трудиться. Его кредо: «Изобретать и трудиться, чтобы жить хорошо».

Настоящий друг. Данный тип характера похож на описанный выше – Трудыгу, с той разницей, что в факторной нагрузке ценностей важнейшей ценностью «Настоящего друга» является ценность «друзья». Есть много общего у него и с Альтруистом – все эти три типа характера представлены в 4-м квадрате [3; 4]. Любит песню на слова М. Пляцковского «Настоящий друг». И многие слова из этой песни являются его кредо, в частности: «Друг

в беде не бросит, лишнего не спросит, вот что значит настоящий, верный друг». Имеет твёрдые принципы, всегда готов прийти на помощь.

Вожак. Подростки с таким типом характера отличаются склонностью к доминированию, самоутверждению, желанию власти. У них рано начинает проявляться реакция эмансипации, а формирование ценностей запаздывает. Они амбициозны, конфликтны, презирают неудачников. Кредо Вожака: «Я люблю власть и хочу доминировать над вами».

Хулиган. Отличается шумливостью, общительностью, смелостью, склонностью к озорству. У него нет ни застенчивости, ни робости перед незнакомыми людьми, однако ему недостаёт чувства дистанции в отношении со взрослыми. Его кредо: «Я хочу веселиться с хулиганить!».

Террорист. Для таких подростков свойственны высокие показатели по эпилептоидной и неустойчивой акцентуациям в характере, скрытности и делинквентности, низкие – по эмоциональной устойчивости, ответственности, совестливости, гуманности, доброте. Доминирующие черты – возбудимость, эмоциональная неустойчивость, низкий самоконтроль, гневливость, конфликтность. Его кредо: «Круши всё!».

Деспот, как и Террорист, склонен всё разрушать, громить, безудержный в своём вандализме; но Деспот жесток к людям, а также ко всему живому: может убивать птиц, животных, причём без всякого повода. Его кредо: «Бойтесь и трепещите!». Если описанный выше тип характера – Террорист, как правило, формируется в неблагополучной семье, то Деспоты появляются и в нормальных семьях. Просто родители не справились с воспитанием своего трудного ребёнка. Он с детства чувствовал себя в этом мире уверенно, всегда стремился приобрести контроль над ситуациями. Такой подросток несговорчив, негибок, плохо понимает чувства окружающих, да они его часто и не волнуют.

Бэби – милая детская непосредственность, инфантильность, зависимость от взрослых. Такой ребёнок, даже став подростком, боится одиночества, темноты, животных, особенно собак. Избегает активных и шумных сверстников. Но он достаточно общителен с теми, к кому уже привык. Любит играть с малышами. Очень привязан к родным и близким. По всем выделенным нами системообразующим чертам характера мальчика-подростка – доминирование, социальная зрелость, сформированность ценностей

– у Бэби выявлены отрицательные значения. И хотя такой подросток в физическом развитии обычно не отстаёт от сверстников, среди них он – ребёнок. Его кредо, как в песне про Антошку: «Это мы не проходили, это нам не задавали».

Клоун. Стремится обратить на себя внимание и понравиться другим. Для этого в ход идёт всё: кривляние, шутки, иногда злые, если это кому-то может понравиться. Такой подросток готов получить наказание, плохую отметку, если можно таким образом вызвать одобрительный смех одноклассников. Там, где другой почувствовал бы себя оскорблённым, он готов весело смеяться вместе со всеми. Клоун может производить впечатление человека, совершенно лишённого собственного достоинства. Однако это не так. Его шутовство и фиглярство – часто отчаянная и с негодными средствами попытка именно вернуть себе самоуважение и уважение сверстников. Его кредо: «Мне так хочется понравиться вам».

Тихоня. Как и у Бэби, у него не выражены доминирование, социальная зрелость, ценности. Такой подросток тих и незаметен, его суждения и оценки окружающего мира, как правило, совпадают с мнением тех людей, с которыми он общается в данный момент. Причём он не выделяется, не навязывает своё мнение, а просто представляет «массу», которая согласна с лидером. Порой он просто сосредоточен на своём внутреннем мире и его не интересуют внешние события. Многим подросткам с таким типом характера даже нравится, что их не замечают. Они даже стараются быть незаметными, болезненно реагируют на то, что их присутствие или отсутствие порой замечается. Его кредо: «Не высовываться!».

Изгой. Причин формирования данного типа характера у подростка несколько (часто они образуют комплекс причин). Основные из них следующие: низкое социальное и материальное положение семьи, алкоголизм родителей, физические недостатки подростка (полнота, «жиртрест» – так обычно дразнят полных детей, очень маленький рост, сильная близорукость и т. д.), низкие умственные способности подростка и беспощадная, грубая критика их со стороны учителей, отталкивающие привычки и черты – грубость, нечистоплотность и др. У него постоянно пониженное настроение, склонность к депрессивным аффектам; такой подросток почти всегда вялый, живёт без особых радостей, обижен на всех, в т. ч. на своих родителей. В

то же время Изгой совестлив, мечтателен, у него острый критический взгляд на мир. Его печальное кредо может звучать так: «Ах, зачем я на свет появился...».

Прагматик. У мальчиков с данным типом характера с дошкольного возраста замечаются недетская расчётливость, избирательность во всём, повышенный интерес к различным механизмам, технике. Чтобы не делать лишнюю работу или упростить её выполнение, они вносят различные «рацпредложения» типа электровеника или светящегося вентилятора, убивающего комаров. Такой подросток рано становится социально зрелым, но прагматичным. Он глубоко уверен: необходимо заниматься тем, что принесёт дивиденды в будущем, и чтобы хорошо устроиться в жизни, нужно что-то уметь делать и при этом хорошо выглядеть внешне. Прагматик следит за своим здоровьем и внешним видом. Он знает, чего хочет добиться в жизни. Его кредо: «Хочешь жить – умей вертеться».

Итак, мы рассмотрели типы характеров мальчиков-подростков. Заметим, что выделено большее количество типов характеров мальчиков-подростков по сравнению с девочками (16 против 12). Это соотносится и с теорией В.А. Геодакяна, и с исследованиями современных нейропсихологов В.Д. Еремевой и Т.П. Хризман, показывающими, что разброс врожденных признаков у мужского пола значительно больше [1]. Рассматривая типы характеров мальчиков и девочек-подростков, можно заметить явные отличия черт характера и их сочетаний у подростков разного пола, что мы обозначили «синдром качеств, обусловленный полом». Например, типично «мальчиковые» характеры – Настоящий друг, Клоун, Спортсмен, Прагматик, Террорист, Деспот. 2-х последних мы встретим среди скинхедов, где практически нет девочек. «Синдром качеств, обусловленный полом» включает агрессивность, эмоциональную неустойчивость, делинквентность, эпилептоидность, конфликтность. У Спортсмена «синдром» определяют подвижность, жизнерадостность, азартность, бесстрашие. У Прагматика – эмоциональная устойчивость, социальная зрелость, техническая направленность.

Ассоль, Принцесса, Прилежная – типично девичьи характеры. Тип характера Прилежная определён специфическим фактором, выделенным только у девочек (прилежание, приспособление, усидчивость, направленность на получение высоких оценок). Ассоль среди других ценностей главными

считает любовь и семью, а также верность, надёжность, надежду на лучшее будущее.

Всё многообразие типов характеров девочек-подростков мы рассмотрим в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Еремеева В.Д., Хризман Т.П. Мальчики и девочки – два разных мира. – СПб., 2003.
2. Огурцов А.П. Типология // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
3. Филатова А.Ф. Половые различия в становлении характера подростка: концепция, эксперимент, практика. Монография. – Омск, 2009.
4. Филатова А.Ф. Половые различия в становле-

нии характера подростка. Дисс. док. психол. наук. – М., 2009.

A. Filatova

THE TYPOLOGY OF THE CHARACTERS OF THE TEENAGERS

Abstract. In the article the tecnology of scientific working out of typology of characters of teenagers is shown. Types of characters of teenagers of a different sex are described. The syndrome of the character traits caused bu a sex is aiicated.

Key words: character, teenagers, typology.

УДК-159.922

Комкова Е.И.

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ*

Аннотация. В статье анализируются данные корреляционного анализа интеллектуального и личностного развития детей младшего школьного возраста и подростков, воспитывающихся в разных условиях. Сравнивается связь показателей общего интеллекта, когнитивных функций, социального интеллекта с личностными факторами. Делается вывод о том, что развитие и связь данных характеристик у детей, воспитывающихся в разных условиях, имеет разный характер.

Ключевые слова: интеллект, когнитивные функции, социальный интеллект, ценностные ориентации, интеграция психического развития, корреляция.

Комплексное изучение человека предполагает рассмотрение его целостности через выявление разнообразных связей, составляющих эту целостность. Б.Г. Ананьевым была заложена основа комплексного изучения человека, в основе которой лежит идея о том, что в целостной природе человека не существует изолированных функций, процессов, независимых способностей, свойств, качеств. Отмечая разноуровневые признаки психического, Б. Г. Ананьев указывал на необходимость изучать и выявлять координацию и субординацию структур, входящих в состав сложной системы. Отсюда при изучении структурных компонентов человека он

предлагал руководствоваться двумя принципами: субординационным и координационным. Субординационный или иерархический принцип представляет собой подчинение элементарного сложному. Координационный — допущение относительной автономности или самостоятельности коррелируемых свойств. Структура человека как субъекта деятельности образуется из определенных свойств индивида и личности. Социальное формирование человека не ограничивается формированием личности, а происходит становление его как субъекта познания, труда и общения. Человек как целостная интегрированная система требует при его изучении не только системного подхода, но и сочетания последнего со структурным подходом, что может быть обеспечено специальной организацией исследования. Критериями интегрированности системы, согласно Б.Г. Ананьеву, служат число и величина значимых коэффициентов корреляции, отражающих межфункциональные связи.

Цель данного психолого-диагностического исследования заключалась в описании системы функционирования интеллектуально-личностных показателей как целостности и интегрированности психического развития. Оно было проведено в феврале-марте 2002-2003 года в рамках государственной программы «Дети Беларуси», подпрограмма «Сравнительная характеристика условий и результатов развития детей, лишенных ро-

* © Комкова Е.И.

дательского попечения в семье и различных типах детских интернатных учреждений» (раздел I 1/5). Выборка составила 42 мальчика и 48 девочек 9-10 лет и 186 детей 13-15 лет: учащиеся СШ № 181 (дети из полной семьи), дети из детского дома № 4 и Клецкого детского дома, дети из детской деревни и приемные дети.

Для изучения интеллекта младшего школьника был использован тест Д. Векслера, для изучения личности младшего школьника был использован личностный опросник Р.Б. Кеттелла. Личностные качества у подростков также изучались с помощью опросника Р. Кеттелла (форма С), а социальный интеллект – на основе модели Дж. Гилфорда.

Статистически значимые коэффициенты корреляции при уровне значимости 0,05 одиннадцати личностных шкал по Кеттеллу (исключая шкалу В – мышление) и пятнадцати показателей интеллекта по Векслеру у детей младшего школьного возраста в первом срезе показали следующее (табл.1).

У девочек, воспитывающихся в полной семье, хорошая долговременная память связана с высокой уравновешенностью и независимостью, а способность сохранять арифметические процессы – с независимостью. Зрительно-двигательная интеграция – с эмоциональной неуравновешенностью. Вербальный интеллект коррелирует с независимостью и беспечностью, а общий интеллект – с озабоченностью и низкой добросовестностью. Из четырех статистически значимых коэффициентов корреляции три связаны с вербальными способностями и только один – с невербальными. В младшем школьном возрасте у девочек, воспитывающихся в полной семье, в большей степени с интеллектуальными функциями связан такой личностный фактор, как независимость.

У мальчиков младшего школьного возраста из полной семьи холодность связана с визуальной перцепцией и невербальным КИ, долговременная память, общая осведомлен-

ность и овладение понятиями соотносятся с эмоциональной стабильностью. Уравновешенность коррелирует со способностью к анализу соотношений, независимость – со скоростью арифметических операций, робость – с визуальной перцепцией, а смелость – со зрительно-двигательной интеграцией. Высокая напряженность соответствует хорошей осведомленности и визуальной перцепцией отношений.

У девочек из детского дома способность усваивать основные арифметические процессы соотносится с такими личностными качествами, как независимость, беспечность, добросовестность, смелость и озабоченность (связь арифметического субтеста с факторами F,G,H,O). Однако ясно, каким образом способность к зрительно-двигательной интеграции способствует независимости (субтест «лабиринты» и фактор E). При этом общие вербальные способности позволяют им реалистично подходить к решению ситуации. У девочек из детского дома личностные факторы в большей степени связаны с вербальными способностями (пять из шести).

У мальчиков, воспитывающихся в детском доме, система связей интеллектуальных функций и личностных факторов еще более усложнена. Фактор С, высокие значения которого отражают уверенность в себе и спокойствие, связаны с хорошей визуальной перцепцией и способностью к синтезу невербального материала. Достаточная способность организовывать индивидуальный опыт и овладевать вербальными понятиями, а также хорошее функционирование кратковременной памяти коррелируют с подчинением взрослым при социальном взаимодействии. Визуальная образность и зрительно-моторная координация связаны с самоуверенностью и спокойным оптимистичным настроением. Личностные факторы одинаково связаны как с вербальными, так и с невербальными способностями. Поскольку у этих детей получено больше всего статистически значимых

Таблица 1

Количество значимых коэффициентов корреляции младших школьников у разных групп испытуемых

	Дети из полной семьи		Дети из детского дома		Дети из детской деревни		Приемные дети	
	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.
Векслер и Кеттелл	6 3,6%	11 6,7%	7 4,2%	16 9,7%	3 1,8%	5 3%	9 5,5%	5 3%
Величины	0,433- 0,805	0,387- 0,867	0,586-0,82	0,538- 0,985	0,62-0,748	0,683- 0,813	0,771- 0,914	0,683- 0,775

коэффициентов корреляции, возможно, что именно мальчикам младшего школьного возраста, воспитывающимся в условиях детского, приходится в большей степени применять интеллектуальные способности (как вербального, так и невербального характера), чтобы взаимодействовать в социальном окружении и развивать свои личностные качества.

У детей, воспитывающихся в условиях детской деревни, получено меньше всего статистически значимых коэффициентов (всего три). Девочки, обладающие хорошей способностью к организации индивидуального опыта, обнаруживают высокую возбудимость или сверхреактивность на слабые провоцирующие стимулы. Хорошая визуальная перцепция связана у них с высокой активностью и настойчивостью, а зрительно-двигательная интеграция и зрительная образность – со склонностью к самоутверждению, стремлению к лидерству и доминированию. Мальчики из детской деревни, которые хорошо усваивают основополагающие арифметические процессы, безмятежны и спокойны и редко расстраиваются, а те, кто хорошо овладевают вербальными понятиями и имеют высокий общий интеллект, полны предчувствия неудач, легко выводятся из душевного равновесия и часто имеют пониженное настроение. У мальчиков, воспитывающихся в условиях детской деревни, больше всего с интеллектуальными функциями связан фактор О (самоуверенность и подавленность).

У девочек из приемных семей имеет место отрицательная связь фактора D (уравновешенность-возбудимость) с субтестами «кодирование» и «лабиринты», которые, в свою очередь, положительно связаны с фактором Н (робость-смелость). Субтест «общая осведомленность» имеет отрицательный статистически значимый показатель с фактором G (низкая-высокая добросовестность), а субтест «нахождение сходства» также отрицательно связан с фактором F (озабоченность-беспечность). Следовательно, эмоциональная уравновешенность соответствуют у этих девочек таким интеллектуальным функциям, как хорошая кратковременная механическая память и зрительно-моторная интеграция, которые, в свою очередь, имеют место у застенчивых и робких детей. Хорошие способности в овладении вербальными понятиями и к анализу соотношений соответствуют рассудительности, осторожности и предупредительности. Однако у девочек, воспитывающихся в данных условиях, у которых часто отмечается отсутствие стойкой мотивации

и пренебрежение к своим обязанностям, отмечается хорошая долговременная память и организация индивидуального опыта. Общие коэффициенты интеллектуальности не связаны с личностными факторами.

У мальчиков из приемных семей «арифметический» субтест и «нахождение сходства» положительно связаны фактором F, «лабиринты» – положительно с фактором С, вербальный КИ – положительно с F, а невербальный – отрицательно с фактором С. Другими словами, беспечность связана с сохранением арифметических процессов и овладением вербальных понятий, а зрительно-моторная координация с эмоциональной возбудимостью.

У мальчиков всех групп система связей личностных факторов и интеллектуальных функций имеет более сложный характер, поскольку у них получено больше, чем у девочек, статистически значимых коэффициентов.

Наиболее комплексная система связей, при которой наибольшее количество личностных факторов связано с интеллектуальными функциями, обнаружена у детей из полной семьи и детского дома.

Анализ значимых коэффициентов корреляции социального интеллекта по Гилфорду и шестнадцати личностных факторов по Кеттеллу (плюс самооценка) у подростков, воспитывающихся в разных семейных условиях, показал следующее (табл. 2).

Анализ значимых коэффициентов корреляции социального интеллекта по Гилфорду и шестнадцати личностных факторов по Кеттеллу (плюс самооценка) у подростков, воспитывающихся в разных семейных условиях, показал следующее. У девочек из полной семьи ни в первом, ни во втором срезах не было получено статистически значимых результатов ни по одной из исследуемых шкал. Тот же факт имел место у мальчиков из детского дома и у детей из детской деревни. У мальчиков из полной семьи были обнаружены отрицательная связь социального интеллекта и фактора В (мышление), положительная связь с фактором С (эмоциональная устойчивость-неустойчивость) и отрицательная – с фактором N (прямолинейность-гибкость). После проведения повторного исследования у мальчиков из полной семьи ни один из указанных коэффициентов корреляции не повторился, но был получен отрицательный коэффициент корреляции с фактором О (спокойный-беспокойный). Следовательно, результаты первоначального корреляционного анализа позволили описать

**Количество значимых коэффициентов корреляции социального интеллекта
и шестнадцати личностных факторов по Кеттеллу у разных групп испытуемых**

	Дети из полной семьи		Дети из детского дома		Дети из детской деревни	Приемные дети
	Дев.	Мал.	Дев.	Мал.		
Соц-й интеллект и Кеттелл	2	4	2	0	1	2
Величины	0,312-0,32	0,254-0,561	0,47- 0,532	-	0,224	0,47-0,785

мальчиков из полной семьи, которые имеют хорошие способности социального познания, как склонных медленно понимать материал при обучении, эмоционально устойчивых, трезво оценивающих действительность, однако одновременно застенчивых, сдержанных, неуверенных и робких. Но через год соотношение исследуемых характеристик изменилось. Те, кто способны извлекать максимум информации о поведении людей, понимать язык невербального общения, высказывать быстрые и точные суждения о людях, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с другими, стали безмятежны, доверчивы и спокойны.

Девочки из детского дома показали положительную корреляцию социального интеллекта с фактором В (мышление) и отрицательную – с фактором F (серьезность-беспечность), а через год – положительную с фактором Q1 (склонность к новаторству-консерватизм). Следовательно, первоначально девочки-подростки, воспитывающиеся в условиях детского дома, имеющие хорошие способности социального интеллекта, характеризовались как более интеллектуально развитые и абстрактно мыслящие, осторожные, серьезные и молчаливые. Однако через год соотношение личностных черт и социального интеллекта изменилось: девочки с хорошими способностями социальной перцепции – это экспериментирующие, критические, либеральные, аналитически и свободно мыслящие девочки.

У приемных детей способности к социальному познанию положительно связаны с фактором G, т.е. повышение данных способностей предполагает у этих детей наличие сознательности, настойчивости и обязательности. Однако данная связь не устойчива, поскольку при повторном исследовании не было получено ни одного статистически значимого коэффициента корреляции.

Выводы. Сравнение детей всех исследуемых групп позволяет сделать вывод о существенных различиях между группами по

показателям когнитивного и личностного развития. Прежде, чем сделать вывод о нахождении ребенка в детском доме или какой-либо из форм опеки как источнике данных различий, необходимо рассмотреть достоинства и недостатки использованного плана исследования. Понятно, что исследователь не имеет возможности контролировать переменную «наличие семьи», что с необходимостью ведет к принятию плана «ex post facto», т.е. сравнения групп после свершившегося факта. Это всегда таит опасность невалидного вывода, поскольку при отсутствии контроля независимая переменная «наличие семьи» смешена с другими потенциально значимыми переменными. Следовательно, для повышения валидности выводов представляется необходимым рассмотреть альтернативные интерпретации полученных результатов. Результаты сравнения всех групп по тесту Векслера могли бы быть объяснены в терминах различных начальных характеристик детей во всех группах. Действительно, почему следует приписывать различия влиянию детского дома, а не предположить, что в детский дом изначально поступают дети с худшими перспективами развития? Данное предположение может быть опровергнуто на том основании, что показатели развития детдомовских детей коррелируют с возрастом поступления ребенка в детский дом и длительностью его пребывания там. Корреляция между переменными А и В свидетельствует о том, что либо А влияет на В, либо В влияет на А, либо А и В имеют общий источник влияния, — третий фактор С.

Понятно, что влияние показателей развития на возраст поступления в детский дом или к приемным родителям можно легко исключить. Следовательно, серьезным альтернативным объяснением остается существование третьего фактора, влияющего на показатели развития. Таким фактором может быть, например, наследственность. К сожалению, настоящее исследование не позволяет ни элиминировать данное альтернативное объяснение, ни представить поддерживаю-

щие его эмпирические данные. Необходимы новые исследования с идентификацией и тщательным измерением независимых переменных.

Аналогичные аргументы могут быть приведены относительно выявленных различий в когнитивном и личностном развитии. Вместе с тем наличие общего для всех показателей развития паттерна, когда эти показатели существенно различаются у детей всех групп (а в группе воспитанников детского дома данные показатели связаны с возрастом поступления в него и длительностью пребывания там), позволяет допустить, что именно пребывание в детском доме оказывает влияние на развитие детей. Необходимо ввести в исследование меры детдомовского контекста (например, социальной изоляции детей, взаимоотношений между сотрудниками и воспитанниками), и исследовать связь этих мер с показателями развития.

Несмотря на большое количество эмпирического материала и огромное желание исследователей однозначно приписать нарушения или отставания в развитии ребенка факту пребывания его в детском доме или каким-либо формам опеки и тем самым окончательно найти ответ на вопрос относительно данных, сделать это пока еще не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ананьев Б.Г. Проблемы комплексного изучения развития интеллекта и личности / Б.Г. Ананьев // Человек и общество: ученые записки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. Вып. 13. – С.3-7. Адаптированный модифицированный вариант
2. Елисеев О.П. Конструктивная типология и психодиагностика личности / О.П. Елисеев. – Псков: Изд-во Псковского обл. ин-та усовершенствования учителей, 1994. – 280 с.
3. Измерение интеллекта детей: метод. пос.; под ред. Ю. З. Гильбуха. – Киев: Изд-во РОВУ УКРВОЗПОЛИГРАФ, 1992. – 133 с.
4. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта / Е.С. Михайлова (Алешина). – СПб.: ГП., 1996. – 51 с.

E. Komkova

CORRELATION ANALYSE COGNITIVE-PERSONAL DEVELOPMENT PRIMARY SCHOLAR'S AND JUVENILES, RAISING IN DIFFERENT CONDITIONS

Abstract. The contemporary experimental results studying thinking and personal development of primary scholar's and juveniles, raising in different conditions are analyzed. The data obtained in research of thinking capacities primary scholar's, social intellect juvenile's and personal factors and values in four groups (family children, orphans, Children's Village and foster-children) by test method are exposed. The analyses of the prevail thinking capacities by children of four comparing groups allowed the block of basic cognitive structure to be distinguished as well as the tendencies of developing in different social conditions.

Key words: intellect, cognitive function, social intellect, values, integration mental development, correlation.

УДК 159.922.8

Булгакова Е.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА МОРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Аннотация. Представлены результаты разработки и апробации психодиагностического комплекса по изучению моральных представлений современной российской молодежи. В основу теоретической концепции положено представление об аморализме как референте моральных представлений. Исследование проведено на выборке 380 человек. В ходе исследования был разработан авторский опросник, проведены психометрические про-

цедуры по оценке его надежности и валидности.

Ключевые слова: аморализм, моральные представления, психометрические процедуры, психологическая диагностика, психологические особенности современной российской молодежи.

Психодиагностика как особая отрасль психологических знаний со своей теорией, принципами, методами, категориями, язы-

* © Булгакова Е.А.

ком, и имеющая свой предмет – разработку специфических психологических средств, называемых психодиагностическими методиками и используемых для решения практических задач, в России находится в системном кризисе. За всю историю отечественной психологии из почти 1100 докторских диссертаций по психологии [1] было защищено только 7 диссертаций, прямо посвященных психодиагностике: К.М. Гуревич (1970), Гильбух Ю.З. (1982), Л.Ф. Бурлачук (1989), В.Н. Дружинин (1991), А.Г. Шмелев (1994), В.К. Гайда (1994), Л.Н. Собчик (1999). Основными причинами кризиса являются: а) малое количество в России профессиональных психодиагностов, занимающихся разработкой, адаптацией и стандартизацией тестов; б) ничтожное количество отечественных профессиональных психодиагностических методик при неоправданном доверии к давно устаревшим зарубежным методикам; в) низкая психодиагностическая и особенно психометрическая культура психологов-пользователей тестов; г) устаревшее содержание программ обучения психодиагностике и др. [Батурич Н.А. 2008].

Психологов всегда привлекала проблема исследования моральных представлений. В моральном сознании имеется ряд противоречий, раскрывающих методов диагностики моральных представлений и такую его категорию, как «аморализм». Во-первых, несмотря на наличие длительной традиции изучения моральных представлений, аморализма в гуманитарных науках современная российская молодежь данную категорию рефлексировать не в полной мере, а в психологии сделаны только первые шаги по диагностики данного явления; разработанные методики в прямой постановке вопроса аморализм как референт моральных представлений не изучают, последствия его не прогнозируют, остаются в плену обыденных суждений. Сегодня в гуманитарных науках доминируют теоретические взгляды на проблему аморализма как однозначно деструктивное явление, что не позволяет в полной мере решать проблемы исследования зрелости личности по показателю социорефлексии аморализма. Хотя в психологии хорошо известны и другие подходы, в которых психологическим механизмом конструктивного начала в аморализме выступает дезадаптивность (Фромм Э.) или неадаптивность [Петровский В.А. 1992] [8]. Сегодня творческий потенциал аморализма как психологической активности, как явления, не противостоящего морали, как правило, не

только не понимается, но и не принимается, а чаще отторгается. Аморализм, по мнению А.А. Хвостова, существует вне зависимости от осознания; поэтому, находясь в «естественном» состоянии, развиваясь по своим правилам, из конструктивного аморализм превратился в разрушительный психологический процесс» [9]. Во-вторых, в психодиагностике разработаны стандартизированные методы изучения морального сознания (Мак-Кинли Дж., Хатуэй С., Собчик Л.Н., Маклаков А.Г и Чермянин С.В.), успешно работавшие в стабильных условиях развития российского общества, сегодня же требуются новые валидные диагностические методики исследования моральных представлений молодежи, прошедшие все процедуры адаптации и стандартизации. Такие психодиагностические методики должны быть положены в основу психодиагностических технологий по решению широкого спектра научных задач прикладной направленности: от традиционной активизации познавательных процессов обучающейся молодежи, оптимизации кадрового менеджмента до, например, определения роли нравственной элиты в российском обществе [Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. 2010]. В-третьих, имеется традиционный взгляд на проблему оптимизации диагностики психологических явлений. Но в случае с диагностикой моральных представлений в процессе оптимизации не используется инновационный потенциал аморализма, практики образования не задумываются об активизирующем ресурсе данного явления моральных представлений в познавательной деятельности студенческой молодежи, а службы по работе с персоналом, занимаясь практически определением лояльности сотрудников, отказались от использования данного психологического понятия в своей практической деятельности.

Проведенный теоретический анализ позволил сформулировать рабочее определение аморализма. Аморализм современной российской молодежи представляет собой взаимосвязанную с другими компонентами морального сознания структуру, которая детерминирована гендерными особенностями личности, социальными факторами, возрастными изменениями. Аморализм амбивалентен, в зависимости от ситуации жизнедеятельности может носить как деструктивный, так и конструктивный характер. В деструктивном, негативном понимании аморализм определяется как антипод, дихотомия морали. В конструктивном понимании

аморализм несет в себе положительные личностное содержание, адаптационное и инновационное по своей сути, являющееся источником психической активности личности в изменяющихся условиях жизнедеятельности. Основными дескрипторами аморализма, относящимися к соответствующим критериям, являются следующие: 1) поведенческий критерий: «девиантность аморализма», «аморализм как инструмент власти»; 2) адаптивный критерий: «аморализм как психическая защита», «неадаптивная активность»; 3) инновационный критерий аморализма: «скептицизм и релятивизм аморализма», «аморализм как оппозиция непостижимости морали».

В 2005-2009 годах нами было проведено исследование, посвященное изучению моральных представлений через такой их референт, как «аморализм в исследовании» участвовали 380 человек. Выборка была составлена аналогично структуре современной российской молодежи: студенты, специалисты различных сфер профессиональной деятельности: экономики, образования, силовых и государственных структур.

Исследование проходило поэтапно. На первом этапе (декабрь 2005 г. - октябрь 2006 г.), одновременно с теоретическим изучением проблемы диагностики моральных представлений, построением теоретической модели ее оптимизации на основе использования референта «аморализм», в ходе корреляционного исследования на выборке 122 человек выявлялись деструктивные и конструктивные факторы аморализма. Полученные результаты уточнили структуру компонентов аморализма в теоретической модели. В ходе диагностики использована авторская модифицированная методика диагностики социоморальной рефлексии А.А. Хвостова проективный самоотчет МПА-1; выполнено психометрическое обоснование опросника МПА-2. На втором этапе (ноябрь 2006 г. - сентябрь 2007 г.) изучалась динамика аморализма на примере группы студентов-психологов. Исследование проводилось в форме реального эксперимента, который сочетал в себе лонгитюдное и срезное (когортно-последовательное) изучение обследуемых по специально разработанной схеме. Эмпирическую базу исследования составила выборка из студентов-психологов 4 и 5 курса Московского педагогического государственного университета (МПГУ) (178 человек). Валидность и достоверность результатов, полученных в процессе опросов, подтверждалась и допол-

нялась результатами других методов, таких, как: наблюдение и беседа, глубинное интервью, анализ документов и др. На третьем этапе (октябрь 2007 г. - декабрь 2009 г.) проводился сравнительный анализ проявлений аморализма в гендерной, возрастной, социальной сферах, исследовалось влияние личностных особенностей на изучаемое явление. Была реализована программа психолого-педагогического воздействия по коррекции социорефлексии и проявлений аморализма.

Методика изучения моральных представлений современной российской молодежи представляет собой совокупность взаимосвязанных исследовательских методов, соответствующих разработанной теоретической модели изучаемого явления. В разработку методики вошло: 1) теоретическое уточнение психологических особенностей молодежи; 2) определение критериев и показателей аморализма как составляющей моральных представлений; 3) обоснование диагностического инструментария; 4) проведение констатирующего эксперимента (в форме корреляционного исследования и квазиэксперимента); 5) разработка схемы обработки (количественный анализ: применение математико-статистических методов обработки результатов; качественный: логико-психологический анализ); 6) интерпретация полученных результатов. В диагностический комплекс вошли как традиционные диагностические средства: «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ) Л.Н. Собчик, «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-НПУ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, так и специально разработанные в целях исследования качественные (авторская модификация методики социоморальной рефлексии А.А. Хвостова, проективный самоотчет – «Моральные представления (аморализм) – МПА-1») и количественные (авторский стандартизированный опросник социорефлексии аморализма «Моральные представления (аморализм) – МПА-2»). Проективный самоотчет МПА-1 и стандартизированный опросник социорефлексии аморализма МПА-2 прошли все положенные диагностические процедуры по определению надежности и валидности на репрезентативной выборке. В исследовании применялись включенное и невключенное наблюдение, беседа, интервьюирование, экспертные оценки, дискурс-анализ, количественное и качественное изучение документов.

В основу психологической диагностики

моральных представлений была положена **теоретическая модель аморализма как референта моральных представлений**, которая состоит из следующих компонентов:

Основные моральные ценности молодежи: возможность заниматься любимым делом и создать счастливую семью; человек, «сам себя делающий», сам несущий ответственность за последствия всех своих действий. В поведении аморализм фиксируется как массовое распространение курения, употребление крепких спиртных напитков, корыстность вступления в половые связи и обман ради достижения собственных целей, наркомания, гомосексуализм и т.п.

Аморализм – культурно-историческое, амбивалентное психологическое явление личности в структуре моральных представлений. С одной стороны, в традиционном понимании, аморализм симметричен, лежит в одной плоскости, в дихотомии к моральной нормативности, носит устойчиво деструктивный характер. С другой стороны, он асимметричен, находится в другом пространстве моральных представлений личности. В таком понимании аморализм может быть как деструктивен, так и конструктивен, тогда он выполняет адаптивную, инновационную функцию в жизнедеятельности человека.

Факторами аморализма являются факторы социализации, имеющие в своем составе компоненты аморализма: на уровне макрофакторов социализации современная российская молодежь свое политическое участие концентрирует вне сферы основных повседневных интересов молодого россиянина, она проявляет толерантное отношение не только к различным стандартам поведения, но и к разным типам идеологий, включая религиозные взгляды; на уровне мезофакторов социализации у молодых людей 21-35 лет доминантными являются достижение успехов в жизни, стремление к лидерству, желание быть в центре внимания; наблюдается проявление элементов тенденциозности, неприимости к критике в свой адрес, различия между благополучной и неблагополучной молодежью углубляются и закрепляются; на уровне микрофакторов социализации происходит переоценка ценностей, влекущая за собой самоанализ и критический пересмотр собственной личности в связи с возможностями и ограничениями общества.

Сферы аморализма: гендерная сфера [3]; возрастная сфера раскрывает объективную исторически изменчивую, хронологически и символически фиксированную стадию раз-

вития индивида в онтогенезе, определяемую методом периодизации для структуризации онтогенеза человеческой жизни, нами рассматривается возраст от 21-35 лет, определяемый как молодость [5; 7]; социальная сфера, включающая в себя процесс социализации [6].

Предложенная модель позволила определить *критерии* аморализма как референта моральных представлений: поведенческий (как проявляется в поступках), адаптивный (как проявляется в социальных отношениях), инновационный (какой выбор делается, каковы убеждения и ценности). По этим критериям определяется, будет ли аморализм конструктивным, являющимся источником психической активности личности, либо будет деструктивным явлением, ведущим к дезадаптивности, негативным проявлением морального сознания – зла, предательства, жестокости, разрушения.

Введение понятия *амбивалентность* позволяет усилить структуру, функционирование модели, проникнуть в действие механизмов изучаемого явления, его динамику, сделать научно обоснованными прогнозы поведения и состояний обследуемых. Амбивалентность понимается нами с позиций А.С. Ахиезера [2] в приложении к психологическим исследованиям А.В. Булгакова [4]. Это фундаментальная логическая характеристика мышления, культуры, нравственного идеала всей человеческой жизнедеятельности, способность человека идеально и материально осваивать, осмысливать любое интересующее субъекта явление через дуальную оппозицию, искать пути формирования смысла через полюса этой оппозиции, находить смысл как фокус преодоления оппозиции, как меру снятия противоречия, соотнося их друг через друга между полюсами. Амбивалентность выступает в формах инверсии и медиации. Инверсия характеризуется абсолютизацией различных полюсов. Медиация переносит центр тяжести за рамки перехода от одного полюса сложившейся оппозиции к другому, на поиск нового сложного и противоречивого смысла [1].

Методика эмпирического изучения моральных представлений современной российской молодежи через референт «аморализм» представляла собой совокупность взаимосвязанных исследовательских методов, соответствующих разработанной теоретической модели. Поведенческий критерий аморализма: показателями являются проявления аморализма в поступках, индикаторами выступают экспертные оценки поведения, измеряе-

мые методикой групповой оценки личности. Адаптивный критерий аморализма: показателями являются проявления аморализма в социальных отношениях, индикаторами выступают шкалы методики «МЛО-НПУ» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина: «нервно-психическая устойчивость», «коммуникативные способности», «личностный адаптивный потенциал». Инновационный критерий аморализма выявляется в показателях убеждений и ценностей личности, индикатором являются дескрипторы аморализма, измеряемые методиками проективный стандартизированный самоотчет МПА-1, стандартизированный опросник МПА-2. Критерий моральной нормативности: показатель «Самооценка выполнения моральных норм», индикатор: интегральная моральная нормативность, выявляющаяся в шкалах «Алкоголизм», «Цинизм», «Преступность», «Зависимость», «Аморальность», «Альтруизм», «Фарисейство», «Социальная ответственность», «Социальная желательность», «Социальное участие», измеряемыми соответствующими дополнительными шкалами СМЛ.

Нами был разработан проективный стандартизированный самоотчет МПА-1, представляющий собой реализацию метода кейс-стади. В качестве кейсов нами были предложены результаты самоописания обследуемыми своего отношения, понимания аморализма. Было учтено, что множественные кейсы способны помочь исследователям выделить определенные кластеры, то есть определенные конфигурации, которые встречаются в одних случаях и не встречаются в других. В основу опросника была положена модифицированная методика диагностики социоморальной рефлексии А.А. Хвостова [9]. Обработка результатов проводилась с помощью контент-анализа и дискурс-анализа. Категориями контент-анализа выступали выявленные в ходе теоретического исследования дескрипторы аморализма, а единицами анализа – семантические единицы результата дискурс-анализа полученных кейсов (нестандартизированных опросников, по сути рассказов о понимании, рефлексии аморализма). Результаты были подвергнуты факторному анализу, который позволил существенно, с 23 до 6 уменьшить количество дескрипторов и выявить следующие преобладающие группы **дескрипторов аморализма**: «Аморализм как психическая защита» (20%); «Неадаптивная активность аморализма» (21%); «Девиянтность аморализма» (17%); «Скептицизм, релятивизм аморализма» (16%);

«Аморализм как инструмент власти» (21%); «Аморализм как оппозиция непостижимости морали» (13%). Содержание дескрипторов следующее.

1. «Аморализм как психическая защита». Испытуемые оправдывали суждения и поступки, принимая их аморальность и недопустимость, применяя механизмы *рационализации проекции*. Например, в вопросе об абортах испытуемые описывали ряд причин, по которым это действие возможно (бедность, болезнь и т.д.).

2. «Неадаптивная активность аморализма». При ответе на вопросы о воровстве, престарелых родителях испытуемые пишут о вине самого человека, сделавшего или не сделавшего чего-то для достижения результата – родители, за счет болезни «привязавшие к себе» детей, дезадаптированность субъекта в социальной сфере и т.д.

3. «Девиянтность аморализма». Дескриптор выявляется из проблемы девиации как отклонения от нравственных норм общества. Наличие в структуре аморализма данного фактора объясняется с позиций клинко-патологического подхода к обоснованию аморализма как основа, фактор, следствие социально-психической дезадаптации. Так, респонденты пишут в ответ на вопрос о престарелых родителях: «Дети – это цветы жизни, а старики – это кактусы смерти» и т.д.

4. «Скептицизм и релятивизм аморализма» Испытуемые в ответах на вопросы о воровстве и лжи ссылаются, в основном, на «такое время», «не обманешь, не проживешь», «государство равнодушно к нам». В том отчетливо видна позиция релятивизма: все в жизни слишком часто меняется, невозможно учесть все в развитии общества, а значит, нет необходимости предпринимать действия.

5. «Аморализм как инструмент власти». Одним из факторов в структуре аморализма является «Власть» как отражение идеи макиавеллианства. Следовательно, обоснованиями аморализма для респондентов выступают следующие утверждения испытуемых: «Цель оправдывает средства», «Благо то, что не запрещено законом».

6. «Аморализм как оппозиция непостижимости морали». Дескриптор определяет процесс познания как основанный только на опыте, а следовательно, субъект не сможет постичь суть исследуемого объекта, «вещь в себе». В структуре аморализма агностицизм проявляется в высказывании «никогда не знаешь, чего от тебя ждут».

Далее была проведена разработка стан-

Обобщенные результаты опроса «лучших» 300 ответов по тесту-опроснику МПА-2

Дескрипторы, критерии аморализма и моральной нормы	Диапазон	Мода	Медиана	Среднее	СКО
Дескрипторы аморализма					
Девиянтность аморализма	1-39	21	18	18	10,8
Аморализм как инструмент власти	1-58	23	18	17,2	10,6
Аморализм как психическая защита	6-65	15	23	24,1	10,1
Неадаптивная активность аморализма	3-44	20	18	17,6	10
Скептицизм и релятивизм аморализма	3-38	16	10	16,4	9
Аморализм как оппозиция непостижимости морали	1-38	19	18	16,9	9,4
Нормативный морализм	1-138	44	46	49	35,1
Критерии аморализма					
Поведенческий критерий рефлексии аморализма	1-80	47	38	35,2	16,2
Адаптационный критерий аморализма	11-77	42	42	41,4	15,5
Инновационный критерий аморализма	1-67	38	27	28,5	14,1
Критерий моральной нормы (по методике «Адаптивность»)					
Критерий моральной нормы	1-123	48	47	49,5	34,9

дартизированного опросника МПА-2. В опросник были включены 6 дескрипторов аморализма и 1 дескриптор – нормативная моральность (факторный вес – 6,01095). Опросник представляет собой диагностический инструмент как для проведения констатирующего и формирующего экспериментов настоящего исследования, так и для дальнейшей консультационной работы практикующими психологами.

Группа исследуемых состояла из различных групп российской молодежи. На 2008 год были получены 380 заполненных опросников. Затем их рассортировали по полноте и точности заполнения, что позволило выявить 300 лучших ответов. Это выборка, на которой базировались дальнейшие исследования. Сводные результаты представлены в табл. 1.

Наиболее широкий диапазон значений (вариаций) у дескриптора «Аморализм как психическая защита» и «Аморализм как инструмент власти», амплитуда колебаний составляет от 6 до 65 и от 1 до 58 баллов соот-

ветственно. Наиболее узкий диапазон значений показал дескриптор «Девиянтность аморализма», всего от 1 до 39 баллов. Результаты вполне объяснимы состоянием психического и физического здоровья, законопослушностью участников опроса.

Надежность опросника проверялась на выборке 26 студентов-психологов очного отделения МПГУ, 14 молодых офицеров – слушателей Военного университета, 22 студентов социальных работников заочного отделения МГОУ, 16 студентов – будущих менеджеров НИБ с интервалом в 11-15 месяцев, ответы продемонстрировали статистически значимую последовательность и постоянство на уровне $p < 0,01$ (см. табл. 2).

Причем некоторые из респондентов успели за это время существенно продвинуться в своей карьере (некоторые студенты-заочники получили повышение или перешли работать на более престижную и высокооплачиваемую работу) и претерпеть крупные жизненные перемены (офицеры-слушатели во время

Таблица 2

Результаты ретестовой проверки надежности стандартизированного опросника МПА-2 (в г-Спирмена)*

Группы участников опроса	Дескрипторы аморализма					
	1	2	3	4	5	6
Студенты-психологи (очное отделение МПГУ)	.452	.532	.612	3.92	.476	.521
Офицеры слушатели (Военный университет)	.549	.415	.462	4.89	.579	.624
Студенты социальные работники (заочное отделение МГОУ)	.453	.532	.612	3.95	.477	.441
Студенты будущие менеджеры (заочное отделение НИБ)	.576	.642	.739	5.98	.434	.425

*Примечание. Дескрипторы аморализма: 1 - девиянтность аморализма; 2 - аморализм как инструмент власти; 3- аморализм как психическая защита; 4 - неадаптивная активность аморализма; 5 - скептицизм и релятивизм аморализма; 6 - аморализм как оппозиция непостижимости морали

повторного опроса уже получили назначения к новому месту службы, часто далекому от Москвы), и тем не менее при сопоставлении их результатов были выявлены лишь незначительные расхождения. В 25 случаях, когда респонденты (студенты-психологи МПГУ) дважды заполняли опросник с интервалом в три-четыре месяца, результаты также были почти идентичными ($r_s=0,786-0,812$ по всем дескрипторам). Таким образом, профиль доказывает свою надежность во времени.

Интерпретация данных. Опросник позволяет графически построить профиль моральных представлений обследуемого, основываясь на дескрипторах аморализма. Сравнительный анализ профиля с определенными модой и медианой на выборке $n=300$ предоставляет возможность решать практические задачи, связанные с определением лояльности сотрудников организации из числа молодежи, наличием у них личностного инновационного потенциала, спрогнозировать вероятность нарушений трудовой дисциплины, осуществить в целом прогноз социальной адаптации в организации. При этом количественная разница более или менее 8-10 баллов может показать на высокие или низкие данные, что, безусловно, является ценной психологической информацией.

Психометрический вопрос о валидности разработанных диагностических методик МПА-1 и МПА-2 решался следующим образом. Нами было сделано предположение, что аморализм может быть представлен как сочетание двух психологических пространств личности, очерченных критериями моральной нормативности (низкие показатели морали, высокие – аморальности) и критериями аморализма (поведенческим, адаптационным, инновационным).

Проверка гипотезы проводилась в ходе сравнительного корреляционного исследования. С помощью разработанного диагностического комплекса был обследован две выборки (табл. 3).

Первую выборку обследовали с помо-

щью проективного самоотчета МПА-1 и опросника СМЛ, определяющего наряду с основными личностными чертами такие аморальные личностные характеристики, как алкоголизм, цинизм, преступность, аморальность, фарисейство. Вторую выборку изучали стандартизированным опросником социальной саморефлексии аморализма и методикой МЛО-НПУ, включающего шкалу «моральная нормативность». Далее проводили статистическую обработку с применением корреляционного и факторного анализов. Анализ полученных результатов по первой группе испытуемых показывает, что все выявленные 8 факторов содержательно не включают в себя одновременно на статистически значимом уровне ($p<0,05$) дескрипторы социальной рефлексии аморализма и показатели аморальности. По сути, подтверждается гипотеза о разном нахождении аморализма и плоскости морали-аморальности.

Результаты факторного анализа содержательно дополняются данными корреляционного анализа. Характерной особенностью для данной выборки является ее высокая нормативная моральность. Именно поэтому не выявлены факторы, которые объединили в себя такие показатели, как преступность, цинизм, фарисейство. С другой стороны, с аморализмом (на уровне обратной зависимости) не связаны и такие личностные показатели, как социальная ответственность, социальная желательность, социальное участие. Данные показатели вошли в отдельный фактор с максимальным факторным весом – 6,01095, характеризующим положительные личностные особенности данной выборки.

Эмпирическим исследованием выявлена значимая на уровне $p<0,05$ обратно пропорциональная взаимосвязь между дескриптором «Неадаптивная активность аморализма» и дополнительными шкалами СМЛ «Алкоголизм» ($r=-0,5346$) и «Аморальность» ($r=-0,5346$). Аморализм как рефлексия активности личности противоположен восприятию алкоголизма как аморального поведения,

Таблица 3

Характеристика исследовательской выборки

		Женщин			Мужчин		
		Всего	Возраст		Всего	Возраст	
Выборка	Кол-во		21-28 лет	29-35 лет		21-28 лет	29-35 лет
1-я	122	90	48	42	32	17	15
2-я	178	120	81	39	58	38	20
Всего	300	210	129	81	90	55	35

хотя и находится в одной плоскости с ним. Не исключается и замещение одно другим по принципу обратной связи. Алкоголизм снижает уровень рефлексии личности, лежащей в основе ее активности. Взаимосвязь аморальности и неадаптивной активности аморализма дополняет этот конкретный пример проявления аморальности.

В ходе исследования выявлена логично объяснимая обратная взаимосвязь между дескриптором аморализма «Аморализм как психическая защита» и импульсивностью обследуемых ($r=-0,4847$).

Анализ результатов по определению места положения аморализма в структуре морального сознания, полученных на экспериментальной группе обследуемых, также выявил независимость моральной нормативности и социальной рефлексии «аморализм», нахождение их в разных пространствах.

Четыре выявленных фактора представляют собой четыре линии измерения личности: личностный адаптационный потенциал (фактор 2), включая моральную нормативность – факторный вес составляет 3,41105; поведенческий критерий рефлексии аморализма (фактор 1) – факторный вес 2,84464; адаптационный критерий аморализма (фактор 3) – 2,12641; инновационный критерий аморализма (фактор 4) – 3,29889. Такой результат подтверждает выдвинутое предположение о независимости социальной рефлексии аморализма и моральной нормативности. Дополняют полученные результаты данные корреляционного анализа. Нами получены статистически значимые взаимосвязи между адаптационным критерием аморализма, показателями личностного адаптационного потенциала ($r=0,38494$) и нервно-психической устойчивости ($r=0,44057$), а также между инновационным критерием и теми же показателями ($r=0,49868$ и $0,48551$) в сочетании с показателем моральной нормативности ($r=0,50677$). Если первая взаимосвязь подтверждает правильность включения в теоретическую модель аморализма механизма неадаптивной активности, то вторая – подкрепляя действие этого механизма, выявляет новую зависимость инновационности аморализма и моральной нормативности. Данная взаимосвязь дает основание говорить об эмпирически выявленной амбивалентности изучаемого психологического явления, его неоднозначности как в теоретическом, так и прикладном плане, как в научном, так и бытовом понимании.

В практической области полученный

результат можно интерпретировать как возможность конструктивного проявления высокого уровня инновационности аморализма только при наличии высоких нравственных норм у личности, изменяющей окружающую социальную среду. Такой эмпирически полученный результат, безусловно, вызывает оптимизм, подкрепляет веру в современное молодое поколение россиян. Полученная зависимость лежит в основе конструктивного управления феноменом аморализма. Реализуется принцип: оптимальное сочетание наличия высокой нравственной культуры личности с решительностью и ответственностью за изменение в социуме. Выявлено отсутствие взаимосвязи аморализма с коммуникативными способностями. В данном случае измеряемый показатель коммуникативных способностей российской молодежи не является определяющим в структуре поведенческой рефлексии аморализма, его адаптационной и инновационной составляющих.

Построение корреляционных плеяд указывает на обоснованность теоретического предположения об особом месте аморализма в структуре моральных представлений. С одной стороны, показатели шкалы «Нормативный морализм» находятся в обратно пропорциональной зависимости от показателей дескрипторов аморализма, с другой – показатель «Моральная нормативность» методики МЛО-НПУ находится вне зависимости от показателей дескрипторов аморализма, т.е. в другой плоскости.

Возрастная динамика аморализма определялась нами в ходе квазиэксперимента, проведенного в форме корреляционного исследования. Сравнивались две возрастные группы молодых людей: первая – 21-29 лет и вторая 30-35 лет. Каждая из выборок состояла из 54 человек, 27 человек – обследованных с применением методики МПА-2 и МЛО-НПУ; 27 – с применением МПА-1 и СМЛ.

Была выдвинута гипотеза о возрастном изменении структуры моральных представлений у современной российской молодежи через изменение структуры аморализма, о влиянии на такое изменение гендерных отличий. В качестве независимой переменной выступили возраст и гендер групп обследуемых, зависимыми переменными стали показатели аморализма. Построение линий тренда наглядно показывает на возрастную тенденцию определения аморализма группами. Чем старше становится человек, тем более явно проявляется его принятие (чаще интуитивное) аморализма как категории морального

сознания, не обязательно находящегося в оппозиции моральной нормативности, а скорее представленного отдельно от нее. Возрастная динамика позволяет объяснить изменение отдельных дескрипторов обоснованность как конструктивных, как и деструктивных действий различных социальных сил, использующих феноменологию аморализма.

Количественный сравнительный анализ изменения показателей аморализма по гендерным группам достоверно показал общую тенденцию: выявлено различие между возрастными группами обследуемых по критериям аморализма: поведенческому, адаптационному и инновационному. Исследованием подтверждается «естественность» конструктивного процесса морального развития личности. Нами не ставилась задача определить стадийность аморализма в изучаемом возрастном периоде, она, видимо, будет зависеть от кросс-культурных стандартов обследуемых. В нашем случае это вполне определенная выборка законопослушных российских молодых людей с высшим образованием, физически и психически здоровых. Понятно, что общая тенденция может скрывать неравномерность, нелинейность развития социорефлексии аморализма каждой личности.

В ходе исследования были выявлены гендерные особенности возрастных изменений в социорефлексии и понимании сущности аморализма по некоторым из критериев.

Полученные результаты сравнения двух гендерных выборок современной российской молодежи позволяют сделать выводы. Во-первых, в социорефлексии аморализма возрастные и гендерные группы между собой значимо различаются по отдельным показателям. При этом вполне можно говорить о некоторых качественных различиях. Это, прежде всего, относится к изменению структуры социорефлексии аморализма, представленность которого изменяется от доминирования функции психологической защиты к доминированию активно-адаптивной функции. Именно в такой качественной замене доминант просматривается тенденция конструктивного использования аморализма, медиации данного амбивалентного явления. Во-вторых, условно можно сделать вывод о том, что вторая возрастная группа женщин несколько «отстает» от мужчин в темпах социорефлексии аморализма. Здесь, видимо, с одной стороны сказываются более высокий ее изначальный уровень, с другой – ломаются бинарные оппозиции гендерного стереотипа: логичность – интуитивность, абстрактность

– конкретность. В-третьих, в целом выявлена тенденция прогресса в социорефлексии аморализма по уровню значимости различий между возрастными группами.

В ходе исследования создана типология моральных представлений, позволяющий прогнозировать активность личности. Типология состоит из девяти возможных соотношений уровней аморализма и уровня моральной нормативности, которые ориентировочно показывают на направления активности личности. Эмпирически выявлены оптимальное сочетание моральной нормативности и аморализма в структуре морального сознания. Выявление гармоничной взаимосвязи структур морального сознания позволит прогнозировать поведение личности в разнообразных ситуациях жизнедеятельности, на различных этапах ее развития.

Для обоснования возможностей разработанного психодиагностического комплекса для психокоррекционных воздействий были проведены сравнительное исследование и формирующий эксперимент на примере учебной деятельности студентов-психологов.

Сравнение проводилось на выборке из 178 человек, обследованных по методике МПА-2 и МЛО, относящихся к первой возрастной группе от 21 до 29 лет. Из выборки были выделены две группы: с высоким уровнем и низким уровнем моральной нормативности (по методике МЛО-НПУ). Далее проводилось сравнение структур социорефлексии аморализма. В результате было установлено, что, с одной стороны, эти группы не отличаются по дескрипторам, непосредственно определяющим поведение человека: «Аморализм как психологическая защита» и «Аморализм как инструмент власти». С другой стороны, группы отличаются по дескрипторам, связанным с внутренней активностью личности, ее направленностью, восприятием ситуаций проявления аморализма. Полученные результаты вошли в некоторое противоречие с возможной теоретической типологией личности по критерию «нормативная моральность – аморализм». Для устранения выявленного противоречия целесообразно теоретическую типологию личности по критерию нормативный морализм – аморализм содержательно дополнить описанием действия алгоритмов амбивалентности: медиации, инверсии, антимедиации.

Так, лица, имеющие средний уровень социорефлексии аморализма и средний и низкий уровень нормативной моральности, скорее будут способны действовать по алго-

ритму медиации. Имеющие низкий уровень социорефлексии аморализма скорее пойдут по пути инверсии. Обследуемые, обладающие высоким уровнем, склонны к осуществлению антимедиации. Активность аморализма по таким алгоритмам может привести к конструктивным изменениям ситуации деятельности, разрушить систему взаимоотношений под действием резких и непродуманных скачков от одной оппозиции к другой или к формированию деструктивной, имеющей негативную направленность деятельности.

Формирующий эксперимент проводился на факультете психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета в 2007-2008 годах. Эксперимент длился 8 месяцев. В нем участвовали 52 студента третьего курса очной формы обучения, в составе двух учебных групп. Эксперимент проводился по классическому плану на двух группах: контрольной и экспериментальной, с предварительным и итоговым тестированием. Уровень социорефлексии аморализма членов учебных групп определялся с помощью стандартизированной методики МПА-2. Из базы данных были исключены обследуемые, получившие выпадающие из статистической нормы результаты, как сверхвысокие, так и сверхнизкие. Базу данных составили две группы студентов по 23 человека, всего 46 человек. С помощью t-критерия Стьюдента определялся статистический уровень различия/сходства между группами перед воздействием и после него. Независимой переменной выступила авторская программа серии учебных занятий по психодиагностике, включающая разъяснение амбивалентности аморализма, его факторов, закономерностей; обучение навыкам социорефлексии аморализма; формирование первичных умений использования факторов аморализма для повышения эффективности в межличностном взаимодействии. Зависимой переменной стал уровень активности участников эксперимента, выражающийся в показателях роста активности на учебных занятиях. Активность студентов на занятиях определялась методом наблюдения, экспертных оценок, групповой оценки личности. В результате целенаправленного воздействия на аморализм как референт моральных представлений психологическая активность участников эксперимента повысилась. Студенты стали лучше посещать занятия, готовиться к ним, инициативнее выполнять учебные задания в ходе самостоятельной работы, повысилась удовлетворенность студентами учебной деятельностью и

общением в группе, вырос интерес к будущей профессии в целом. Статистическая значимость различий по этим показателям составила $p < 0,01$ по t-критерию Стьюдента.

Выводы. В ходе исследования разработана динамическая модель моральных представлений, эмпирически определено местоположение аморализма в структуре морального сознания как референта моральных представлений, важного ресурса оптимизации диагностики моральных представлений современной российской молодежи. Разработаны качественные методы диагностики моральных представлений, обоснована модифицированная методика диагностики социоморальной рефлексии. Обоснованы основные принципы конструирования стандартного опросника, математическая модель и схема интерпретации результатов диагностики моральных представлений современной российской молодежи, проведены все психометрические процедуры по определению надежности и валидности.

Разработаны, прошли все процедуры стандартизации и валидации (психологические) методики исследования аморализма как референта моральных представлений: проективная методика структурированный самоотчет МПА-1 и тест-опросник МПА-2. Методики после дальнейшей адаптации могут рекомендоваться для исследования зрелости личности по показателю социорефлексии аморализма с целью выявления лояльности молодых сотрудников организации, наличия у них инновационного потенциала, прогнозирования нарушений трудовой дисциплины среди молодежи, моделирования траектории социальной адаптации ее в организации.

Выявлена возрастная динамика и гендерные особенности аморализма. Разработана типология моральных представлений современной российской молодежи по критерию аморализма как инструмент психической активизации личности в изменяющихся условиях жизнедеятельности. Апробирована программа психолого-педагогического воздействия на студентов-психологов по оптимизации социорефлексии аморализма, включенная в реальные занятия по психодиагностике. Программа способствует повышению учебной активности, мотивации к познавательной деятельности. Материалы по психологической характеристике молодежи могут быть использованы для социально-психологического обеспечения массовых мероприятий, проводимых общественными организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М. и др. Проблемы психологического исследования. Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935-2007 гг. / Под ред. профессора Анцупова А.Я. – М.: Студия «Этника», 2007. – 232 с.
2. Ахиезер А.С. Методология социокультурных исследований переходных процессов (на материале России): Дисс. ... д-ра философ. наук. – М., 1997. – 300 с.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие / Т.В. Бендас. – СПб.: Питер, 2006. – 431 с.
4. Булгаков А.В., Логинова В.В. Психологические особенности и профессионально-личностное становление иностранных студентов в образовательной среде российского вуза. Монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 412 с.
5. Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
6. Мудрик А.В. Социальная педагогика / А.В. Мудрик. – М.: АКАДЕМИА, 1999. – 186 с.
7. Мухина В.С. Личность: Мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В.С. Мухина. – Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007. – 1066 с.
8. Петровский В.А. Психология неадаптивной

активности // Российский открытый университет. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 308 с.

9. Хвостов А.А. Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты / А.А. Хвостов. – М.: Прометей, 2005. – 472 с.

E. Bulgakova

PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS OF MORAL REPRESENTATIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Abstract. Results of working out and approbation of a psychodiagnostic complex on studying of moral representations of modern Russian youth are presented. In a basis of the theoretical concept representation about amorism as the reviewer of moral representations is necessary. Research is spent on sample of 380 persons. During research the author's questionnaire has been developed, psychometric procedures are carried out according to its reliability and валидности.

Key words: amorism, moral representations, psychometric procedures, psychological diagnostics, psychological features of modern Russian youth.

УДК 159.922. 7/.8

Воробьева К.А.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ АГРЕССИВНЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ*

Аннотация. Проблема агрессивности, вне всякого сомнения, имеет огромную актуальность в связи с постоянным присутствием насилия в нашей жизни. Следует отметить, что сама по себе тема «детской и подростковой агрессивности» долгое время была закрыта и поэтому не получила должной разработки в отечественной психологии. Целью данной статьи является исследование факторов семейной социализации личности подростков из неполных семей, способствующих формированию агрессивных установок по сравнению с подростками из полных семей.

Указанная цель определила необходимость решения следующих эмпирических задач: провести сравнительный анализ агрессивных установок и девиантного поведения у подростков из полных и неполных семей; исследовать влияние особенностей семейного

воспитания на развитие агрессивных установок личности у подростков из полных и неполных семей, это позволит разработать систему психотехнологий по обучению подростков приемам конструктивного выражения агрессии, при учете особенностей социальной ситуацией развития подростков, воспитывающихся в неполных семьях.

Ключевые слова: Агрессивные установки, стили семейного воспитания, социализация личности, уровень толерантности, подростковый возраст.

В последнее время изучения агрессивного поведения человека стало едва ли не самым популярным направлением исследовательской деятельности психологов, социологов, педагогов всего мира. Проблеме агрессивности посвящены многочисленные работы, статьи, книги, регулярно проводятся междуна-

* © Воробьева К.А.

родные конференции, посвященные методам исследования факторов социализации, способствующих формированию агрессивного и отклоняющегося поведения, диагностике агрессивных установок, а также внедрению в образовательный процесс различных практических программы и тренингов по снижению агрессивности.

В настоящее время существует множество отечественных и зарубежных исследований, проведенных по данной теме (Бойко, 1983; Осницкий, 1994; Семенюк, 1998; Алфимова, Трубников, 2000; Бандура, Уолтерс, 2000; Берковиц, 2002; Смирнова, Хузева, 2002; Бэрон, 2000; Д. Ричардсон, 2002). Вместе с тем актуальность изучения агрессивности продолжает возрастать.

Существует мнение, согласно которому одной из причин агрессивного поведения являются недостатки воспитания в семье и школе. Наряду с семьей СМИ также выступают для современных подростков в качестве важнейшего инструмента социализации. А сегодня к ним можно добавить и Интернет (Гуггенбюль, 2002, Собкин, 2002).

Особенно сложно процесс развития и формирования личности проходит у подростков «группы риска», склонных к агрессивному поведению (Алемаскин, 1968; Bandura, 1973; Рожкова, 2001). Наибольшее число рисков и нарушений процесса социализации происходит у детей из неблагополучных (дезадаптированных, дисфункциональных) семей, в том числе неполных, где дети лишены одного из родителей или обделены заботой и вниманием со стороны родителей (Прихожан, Толстых, 1990; Эйдмилер, Юстицкис, 2000; Семенюк, 1998; Видра, 2000).

Определив и подтвердив экспериментально, какие типы семейного воспитания вызывают те или иные агрессивные тенденции у подростков, можно предотвратить различные конфликтные ситуации в родительско-детских отношениях и скорректировать поведение с обеих сторон.

В нашем исследовании мы предполагаем, что подростки из неполных семей чаще попадают в группу риска формирования личности с агрессивным и отклоняющимся поведением. Целью данной статьи является исследование факторов семейной социализации личности подростков из неполных семей, способствующих формированию агрессивных установок по сравнению с подростками из полных семей.

Указанная цель определила необходимость решения следующих эмпирических

задач: провести сравнительный анализ агрессивных установок и девиантного поведения у подростков из полных и неполных семей; исследовать влияние особенностей семейного воспитания на развитие агрессивных установок личности у подростков из полных и неполных семей.

В исследовании участвовали 150 учащихся восьмых, девярых, десятых классов из полных и неполных семей и их родители. В итоге было отобрано 120 подростков, разделенных на две группы: 60 подростков из полных семей (28 мальчиков, 32 девочки) и их родители – мамы (60) и папы (60) и 60 подростков из неполных семей (38 мальчиков, 22 девочки) и их мамы (60). Подростки в возрасте 13-16 лет отбирались по следующим критериям, выделенным после анализа результатов анкетирования и собеседований с подростками и их родителями: на момент исследования на подростков был сделан психологический запрос от преподавателей по причине систематических прогулов занятий, школьной неуспеваемости, конфликтных и агрессивных отношений, срывов учебного процесса; подростки, состоящие на внутришкольном учете или на учете в милиции за воровство, мелкое хулиганство, бродяжничество; подростки, принадлежащие к различным подростковым группам (например, футбольные болельщики, подростки спортсмены-борцы).

Для решения поставленных задач была подготовлена специальная эмпирическая программа исследования, в которую вошли следующие методики: опросник Басса-Дарки (А. Басс и А. Дарки, 1957) и опросник «Склонности к отклоняющемуся поведению» («СОП», Орел А.Н., 1999) по выявлению различных форм агрессивного и отклоняющегося поведения для подростков; проективный тест «Семейная социограмма» (В. Юстицкис, Э.Г. Эйдемиллер, 1999) для изучения особенностей восприятия семейной атмосферы для подростков; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» («АСВ», В. Юстицкис, Э.Г. Эйдемиллер, 1999) для изучения особенностей семейного воспитания родителей.

Для статистического анализа полученных результатов по опроснику Басса-Дарки и опроснику «Анализ семейных взаимоотношений» применялся пакет методов математической статистики SPSS 11.0 для Windows. С целью выявления значимых различий среди испытуемых по параметрам, связанным со структурой семьи (полной и неполной) и уровнем агрессивных тенденций, мы воспользовались в программе SPSS критерием

Колмогорова-Смирнова.

1. Особенности агрессивного и отклоняющегося поведения у подростков из полных и неполных семей

При помощи опросников Басса-Дарки и «Склонности к отклоняющемуся поведению» анализировались проявления агрессии и враждебности у подростков из полных и неполных семей. Анализ средних показателей агрессивного и отклоняющегося поведения по опросникам Басса-Дарки и «СОП» выявил повышенный уровень агрессивности и отклоняющегося поведения у подростков из неполных семей по сравнению с подростками из полных семей. Все показатели по шкалам агрессии у подростков из неполных семей завышены, причем наибольшую настороженность вызывают оценки более 70 баллов (при норме 50 баллов) – физическая агрессия, негативизм, подозрительность, чувство вины. Поскольку высокий уровень по шкалам негативизма, физической агрессии сопровождается эндогенные психозы и расстройства личности, и те, и другие состояния – высокий риск по агрессивным и криминальным поступкам. Высокие значения шкал подозрительности, чувства вины отражают невротические реакции и могут служить показателем общей нестабильности отношений индивидуума с окружающими.

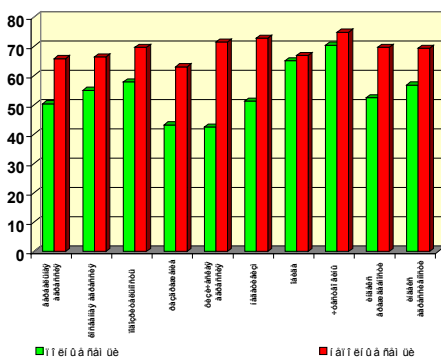

Рис. 1. Агрессивные и враждебные реакции у подростков из полных и неполных семей по методике Басса-Дарки (средние значения в баллах)»

Анализ средних оценок показывает, что у подростков из неполных семей по сравнению с подростками из полных семей чаще проявлялись склонности к аддиктивному и делинквентному поведению, а также склонность к насилию (около трети респондентов) по сравнению с подростками из полных семей. При этом подростки из неполной семьи чаще проявляли склонности к нарушению

общественных норм и правил, самоповреждающему и саморазрушающему поведению, а также реже демонстрировали установки на социальную желательность ответов.

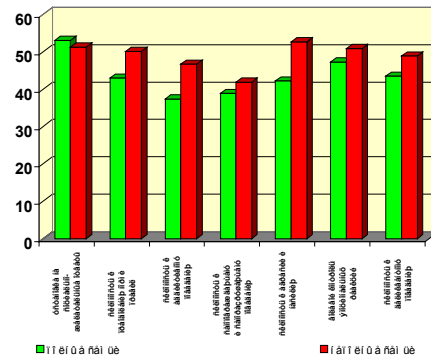

Рис. 2. «Типы отклоняющегося поведения у подростков из полных и неполных семей по методике «СОП» (средние значения в баллах)»

Таким образом, нами была подтверждена взаимосвязь между структурой семьи и уровнем агрессивных тенденций, а наличие большего количества агрессивных проявлений у подростков соотносится с идеей о том, что в условиях подросткового кризиса повышается внешняя конфликтность личности, сочетающаяся с несформированным волевым контролем своих потребностей, склонной противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, демонстрирующей негативизм и нонконформистские установки.

Анализ форм агрессивного и отклоняющегося поведения по гендерному признаку показал следующую картину. Мальчики чаще по сравнению с девочками применяют физическую, косвенную агрессию, особенно в случае неполной семьи. Мальчики из неполных семей отличаются преобладанием физической агрессии (одна пятая респондентов), тогда как мальчики из полных семей демонстрируют высокие показатели вербальной и косвенной (одна треть и одна пятая респондентов) агрессии и низкие – подозрительности. У девочек из неполных семей чаще встречаются вербальная агрессия, раздражительность (четверть респондентов), а также подозрительность (треть респондентов). Важно отметить, что у девочек из неполных семей физическая агрессия встречается в каждом десятом случае, тогда как у девочек из полных семей отсутствует физическая агрессия, а остальные показатели уровня агрессии почти вдвое ниже.

В результате анализа эмпирических данных по опроснику «СОП» были обнаруже-

ны значимые различия по следующим показателям: у девочек была выявлена меньшая склонность к аддиктивному и делинквентному поведению, чем у мальчиков. При этом у девочек наблюдалась большая склонность к саморазрушающему и самоповреждающему поведению, а также повышенная потребность в волевом контроле за своими эмоциональными реакциями по сравнению с мальчиками. В то же время, сравнительный анализ результатов показал сходство между ответами девочек и мальчиков на вопросы, относящиеся к шкалам установки на социальную желательность ответов, склонности к нарушению норм и правил, склонности к агрессии и насилию.

У мальчиков из неполных семей по сравнению с мальчиками из полных семей чаще проявляются склонность к аддиктивному и делинквентному поведению, а также склонность к насилию. Мальчики из неполных семей гораздо реже демонстрировали установки на социальную желательность ответов и чаще проявляют склонность к нарушению общественных норм и правил, самоповреждающему и саморазрушающему поведению, а также им больше требуется волевого контроля, чтобы сдерживать свои эмоциональные реакции, чем мальчикам из полных семей.

У девочек из неполных семей чаще проявляются склонности к аддиктивному поведению, к насилию и агрессии по сравнению с девочками из полных семей. При этом они гораздо реже демонстрируют установки на социальную желательность ответов, а также им требуется повышенный волевой контроль за своими эмоциональными реакциями. Помимо этого, девочки из неполных семей проявляют большую склонность к делинквентному поведению, чем девочки из полных семей. Различные исследования гендерных различий агрессивности (Л.И. Божович, В.С. Собкин, Д.И. Фельдштейн, И.С. Кон, А.М. Прихожан, Л.М. Семенюк) констатируют у девочек изначально отсутствие склонности к агрессивному и отклоняющему поведению, однако неполная структура семьи оказывает определяющее значение в формировании повышенной агрессивности у девочек из неполных семей. Показатели агрессивных, враждебных реакций и отклоняющегося поведения у девочек из неполных семей приближаются к показателям агрессивных, враждебных реакций и отклоняющегося поведения у мальчиков из полных семей.

Для подтверждения взаимосвязи генезиса агрессивных установок личности и особенностей воспитания родителями под-

ростков, воспитывающихся в различных по структуре семьях, был использован дисперсионный анализ полученных данных (Ано́ва). Дисперсионный анализ полученных данных, где независимым фактором была структура семьи (полная и неполная), показал, что высокие показатели по таким шкалам опросника Басса-Дарки как физическая (Sig.=0,000), вербальная (Sig.=0,000), косвенная (Sig.=0,003) агрессии, негативизм (Sig.=0,000), раздражение (Sig.=0,000), индексам враждебности (Sig.=0,000) и агрессивности (Sig.=0,001); таким шкалам опросника «СОП» как склонности к преодолению норм и правил (Sig.=0,000), склонности к аддиктивному поведению (Sig.=0,000), склонности к агрессии и насилию (Sig.=0,000) у подростков из неполных семей по сравнению с подростками из полных семей являются статистически достоверными (подтвержденными). Таким образом, структура семьи является фактором, обуславливающим выраженность различных форм агрессивного и отклоняющегося поведения у подростков.

Далее был использован дисперсионный анализ (Ано́ва) полученных данных по двум группам (полные и неполные семьи), где независимым фактором был пол. Мы установили, что фактором, обуславливающим наличие таких показателей агрессии по опроснику Басса-Дарки у подростков из полных семей как подозрительность (Sig.=0,001), индекс враждебности (Sig.=0,000) и шкалы опросника «СОП» как склонности к агрессии и насилию (Sig.=0,004) является гендер (пол) подростков. В неполных семьях фактор гендерных различий не влияет на выраженность различных форм агрессивного и отклоняющегося поведения у подростков.

Подростки из неполных семей отличаются не только повышенными показателями основных форм агрессии (физическая, вербальная, косвенная) и враждебных реакций (негативизм, раздражительность, обида, чувство вины), но и повышенной склонностью к проявлению таких форм отклоняющегося поведения как склонность к насилию, нарушение общественных норм и правил, самоповреждающего и саморазрушающего поведения, низким уровнем волевого контроля за эмоциональными реакциями. В связи с этим мы относим подростков из неполных семей к группе риска по формированию личности с агрессивными установками, что подтверждает наше предположение.

2. Взаимосвязь особенностей семейных взаимоотношений и агрессивного поведения

подростков в полных и неполных семьях

Мы изучили особенности социальной ситуации развития подростков в полных и неполных семьях через сравнительный анализ родительско-детских отношений. С этой целью мы использовали проективный тест «Семейная социограмма». Анализ результатов показал, что в неполных семьях по сравнению с полными наблюдаются такие внутрисемейные особенности, как более высокие показатели конфликтных взаимоотношений между членами семьи, выделение подростком фигуры «Я», как самой значимой в семье в половине случаев, нарушение иерархии (встречается в 3,5 раза чаще, чем в полных семьях) и расширение границ семьи (более двух третей случаев), которые могут дисгармонично влиять на формирование личности подростка, воспитывающегося в особой социальной ситуации развития в неполной семье.

Опираясь на полученные эмпирические данные о том, что сфера семейных отношений в неполных семьях по сравнению с полными является одной из наиболее проблемных сфер, мы предположили, что это может быть связано с различными стилями семейного воспитания. Для проверки этой гипотезы мы использовали опросник «Анализ семейных взаимоотношений». В результате корреляционного анализа особенностей полных и неполных семей были выявлены взаимосвязи следующих особенностей взаимоотношений от соответствующих параметров по опросникам Басса-Дарки, «СОП» и «АСВ» для подростков.

Неполные семьи: По опросникам Басса-Дарки и «АСВ»: физическая агрессия повышается с уменьшением уровня семейной сплоченности ($r=-0,647$, $p<0,01$) и снижается с увеличением показателей проявления любви родителей к подростку, выраженные в шкале РРЧ ($r=-0,506$, $p<0,01$). Вербальная агрессия повышается с увеличением уровня неустойчивости стиля семейного воспитания родителей ($r=0,483$, $p<0,01$), но снижается с увеличением уровня семейной сплоченности ($r=-0,406$, $p<0,01$). Негативизм повышается при воспитательной неуверенности родителей ($r=0,486$, $p<0,01$) и таком типе воспитания как гипоопека родителей ($r=0,560$, $p<0,01$). Раздражительность повышается с чрезмерностью требований-запретов родителей к подростку ($r=0,469$, $p<0,01$). Чувство обиды у подростков повышается с увеличением частоты встречаемости средне-специального образования у родителей ($r=0,473$, $p<0,01$), снижается при наличии у родителей инженерно-технического типа образования

($r=-0,605$, $p<0,01$) и при лидерстве матери в неполной семье ($r=-0,560$, $p<0,01$).

По опросникам «СОП» и «АСВ»: склонность к преодолению норм и правил повышается с уменьшением уровня удовлетворенности родителей психологической атмосферой в семье ($r=-0,493$, $p<0,01$). Склонность к аддиктивному поведению повышается с увеличением уровня неудовлетворенности родителей психологической атмосферой в семье ($r=0,579$, $p<0,01$); с недостаточностью требований обязанностей к подростку ($r=0,479$, $p<0,01$). Склонность к агрессии и насилию повышается с преобладанием гипоопеки ($r=0,399$, $p<0,01$) и гиперопеки ($r=0,382$, $p<0,01$) родителей как стилей воспитания; с увеличением частоты встречаемости средне-специального образования родителей ($r=0,566$, $p<0,01$); с потворствованием родителей удовлетворению потребностей подростка ($r=0,508$, $p<0,01$).

Полные семьи: По опросникам Басса-Дарки и «АСВ»: физическая агрессия повышается с вынесением конфликта между супругами в сферу воспитания подростка ($r=0,466$, $p<0,01$); с неразвитостью родительских чувств ($r=-0,404$, $p<0,01$); при снижении показателей по шкале расширение сферы родительских чувств ($r=-0,506$, $p<0,01$). Вербальная агрессия повышается с увеличением склонности подростков к аддиктивному поведению ($r=0,506$, $p<0,01$).

По опросникам «СОП» и «АСВ»: уровень негативизма повышается с увеличением склонности подростков к аддиктивному поведению ($r=0,498$, $p<0,01$), но уменьшается при увеличении уровня воспитательной неуверенности ($r=-0,486$, $p<0,01$). Склонность к преодолению норм и правил повышается с увеличением уровня вербальной агрессии ($r=0,485$, $p<0,01$). Склонность к аддиктивному поведению уменьшается при увеличении уровня неустойчивости стилей воспитания родителей ($r=-0,510$, $p<0,01$). Чрезмерность требований-запретов к подростку уменьшает уровень физической агрессии у подростков ($r=-0,486$, $p<0,01$).

Таким образом, в ходе эмпирического исследования выяснено и подтверждено, что дисгармоничные типы семейного воспитания являются достаточно сильными факторами, оказывающими влияние на проявление агрессивных тенденций в поведении у подростков из полных и неполных семей. При этом выраженность дисгармоничных взаимоотношений в неполных семьях значимо выше. Однако было выявлено, что неустойчивость

стиля семейного воспитания родителей приводят к снижению уровня обиды и подозрительности у подростков, наличие запретов и гиперопека, как преобладающие стили семейного воспитания, снижают склонность подростков к преодолению норм и правил, а отсутствие требований снижает их склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

Выводы:

1. Для родителей из неполных семей характерны большее количество отклонений в отношениях со своими детьми, таких как стили воспитания по типу гипоопеки (пониженный контроль) и гиперопеки (повышенный контроль). Гипоопека влечет за собой возложение на подростка большей ответственности, предъявления множества требований и обязанностей, не соответствующих его возрасту и реальным возможностям. Гиперопека приводит к игнорированию родителями чувства взрослости подростка, центрального новообразования этого возраста, что может приводить к проявлению протестных агрессивных реакций у подростка. Чем чаще проявляются такие нарушения семейного воспитания у родителей, тем выше склонность к агрессивному поведению у подростков. Однако отсутствие требований со стороны родителей снижает склонность подростков к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Следовательно, не все нарушения семейного воспитания родителей приводят к положительному генезису агрессивных установок личности у подростков.

2. Подростки из неполных семей, для которых нередко характерны стили воспитания по типу гиперопеки, гипоопеки, отсутствия заботы, дефицита внимания и эмоционального отвержения детей со стороны родителей, по сравнению с подростками из полных семей, чаще попадают в группу риска формирования личности с отклоняющимся и агрессивным поведением.

3. Подростки из неполных семей, составляющие группу риска формирования личности с отклоняющимся поведением, по сравнению с подростками из полных семей, чаще отличаются повышенными показателями таких форм агрессии как физическая, вербальная и косвенная агрессии, негативизм, раздражение, обида, чувство вины, повышенной склонностью к проявлению насилия, нарушению общественных норм и правил, самоповреждающему и саморазрушающему поведению, а также снижением уровня волевого контроля и низким уровнем толерантности.

4. Программа диагностики для детей из неполных семей, состоящая из исследования особенностей социализации личности подростка, уровня толерантности, склонности к агрессивному и отклоняющемуся поведению, а также изучению особенностей внутрисемейного взаимодействия, позволяет выявить психологические факторы попадания их в группу риска формирования агрессивных установок.

5. Разработка системы психотехнологий по обучению подростков приемам конструктивного выражения агрессии, способствующих снижению количества агрессивных установок и повышению уровня толерантности личности, становится наиболее эффективной при учете особенностей социальной ситуацией развития подростков, воспитывающихся в неполных семьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бандура А. Подростковая агрессия: Изучение влияния и семейных отношений. М., 1999.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб.: НЕВА, 2002. – С. 248.
3. Видра Д. Помощь разведенным родителям и их детям, М., 2000. – С. 121.
4. Клейберт Ю. А. Психология девиантного поведения, издательство Сфера, М., 2001. – С. 47.
5. Налчаджан А. Агрессивность человека. М., 2007.
6. Прихожан А.М., Толстых М.Н. Дети без семьи. М., 1990. – С. 94.
7. Семенюк Л.К. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. М., 1998. – С. 27.
8. Собкин В. С. Образование и информационная культура: Социологические аспекты. М., 2002 г. С. 214.
9. Солдатова Г.У., Терехова Е.В., Соколова А.Е., Хохлов О.А. Насилие и культура. М., 2006.
10. Эйдемилер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2000. – С. 367.

K. Vorobyova

INTRAFAMILY FEATURES INFLUENCE ON THE GENESIS OF AGGRESSIVE PERSONALITY ATTITUDES IN TEENAGERS FROM COMPLETE AND INCOMPLETE FAMILIES

Abstract. The analysis of teenager aggressiveness is an issue of current importance. The teenager age is extremely sensitive to the forming of value guiding lines. The personality development of a teenager goes through interpersonal communication. The teenagers from "the high-risk group" inclined to aggressive behavior experience much more difficulties in this process.

The results of the conducted factor analysis of empirical data allow making the following conclusions:

- Any deformation of a parent family, structural, or psychological, leads to the negative consequence in a child personality development and to the forming of aggressive aims;

- The teenagers from incomplete families are likely to show such types of aggressiveness as physical, or verbal one; they require a stronger control over their emotions and show a low level of tolerance;

Key words: Aggressive attitude, family education styles, personality socialization, tolerance level, teenager age.

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 316.6.159.9.01

Дмитриева Л.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ГЕНДЕРНЫХ КОНФЛИКТОВ ЖЕНЩИН ВОЕННОСЛУЖАЩИХ*

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических проблем исследования гендерных конфликтов женщин-военнослужащих. На основе теоретико-методологического анализа гендерных конфликтов женщин военнослужащих автор приходит к выводу о том, что изучаемый процесс имеет достаточно сложный характер развития и свои особенности. В статье предложена авторская модель детерминации гендерных конфликтов женщин военнослужащих. Гендерные конфликты детерминированы широким набором различных причин. Исходя из этого, комплексная и системная профилактика гендерных конфликтов в поведении женщин-военнослужащих имеет несколько направлений.

Ключевые слова: гендер, гендерный конфликт, модель детерминации гендерных конфликтов.

Вынужденная адаптация отражает конфликт между индивидуальными проявлениями личности и ценностями, принятыми в группе и обществе. Такие конфликты в психологии называются гендерными конфликтами, возникновение которых вызвано потребностью в пересмотре традиционных женских и мужских ролей [5].

Гендерный конфликт существует на разных уровнях социальной действительности, так как порождается дифференциацией гендерных ролей. На макроуровне взаимодействия социальных субъектов гендерный конфликт представляет собой социальный конфликт, где социальные группы людей (мужчин и женщин) реализуют собственные цели в соответствии с собственными убеждениями и интересами. На уровне межличностных отношений гендерные конфликты наиболее распространены в семейной и профессиональной сферах. На внутриличностном уровне (интраиндивидуальном) можно

говорить об особых конфликтах, связанных с внутренним самочувствием и состоянием индивида по поводу его гендерной идентичности и исполнения гендерной роли. Специфика гендерного конфликта на внутриличностном уровне И.С. Клециной раскрывается при соотношении подструктур: «Я как индивидуальность – Я как представитель гендерной группы», то есть через соотношение внешней социальной оценки, получаемой личностью в процессе взаимодействия с другими людьми, и собственной оценки как носителя гендерных характеристик и субъекта полоспецифических ролей [3].

Разработанность проблемы исследования и состояние ее изученности. Проблема конфликтных взаимодействий привлекает пристальное внимание ученых и находит отражение в целом ряде работ отечественных и зарубежных психологов (А.Я. Анцупов, М.В. Афонькова, Н.В. Гришина, А.И. Донцов, А.А. Ершов, А.Г. Здравомыслов, Л.А. Петровская, Т.С. Сулимова, Р. Дарендорф, М. Дейч, Л. Козер, К. Левин, Г. Зиммель и др.), в которых в настоящее время достаточно подробно изучена тема противоречий и кризисов в межличностных конфликтах (М.В. Афонькова, Л.А. Петровская, К. Боулдинг, Л. Козер, З. Фрейд, К. Хорни и др.). Как правило, большинство авторов либо рассматривают конфликты широко, как психологический, социологический феномен, либо посвящены таким узким темам, как конфликты в педагогической деятельности (С.М. Сулейменова, Э.И. Киришбаум, Л.И. Смирнова и др.), семейной сфере (А.И. Ушатиков, А.И. Ташева, В.Е. Резников и др.), в системе государственной службы (М.П. Крапивин, Е.Г. Баранов, Д.Л. Моисеев, Г.П. Малюченко, Е.А. Тарасова и др.), некоторые работы посвящены конфликтам в сфере управленческой деятельности (В.Г. Грызунова, О.И. Денисов), а также в производственных коллективах (Н.В. Гри-

* © Дмитриева Л.М.

шина, Л.И. Грина и др.).

Существует значительное количество работ, в основном зарубежных авторов, посвященных проблеме изучения психологических особенностей мужчин и женщин, исследованиям в области гендерной психологии (А. Адлер, А. Барнетт, О. Вейнинггер, Ж. Пиаже, З. Фрейд, К. Холл, К. Юнг и др.). Среди этих работ большинство описывают особенности их формирования в детском и подростковом возрастах (В. Аксенова, Дж. Виткин, М.С. Егорова, М. Клее, Д.В. Колесов, Ю.М. Орлов, Х. Ремшмидт, А.Г. Хрипкова и др.). Исследования взрослых людей, как правило, содержат описание различий в личностных качествах, способностях, умениях и т. п. В настоящее время широко исследуются гендерные и половые различия людей, однако описание особенностей поведения мужчин и женщин в конфликтных ситуациях, и в частности, в организационных конфликтах, достаточно расплывчато и отражает в основном картину эмоциональных реакций, в то время как остальные составляющие поведения рассмотрены недостаточно. Между тем это весьма важная и актуальная проблема современной практической психологии, требующая более подробного изучения.

Теоретический анализ основных подходов к изучению особенностей гендерных конфликтов в отечественной и зарубежной психологической науке позволил определить основания, используемые для объяснения причин и движущих сил их детерминации: гендерная идентичность [Е.П. Ильин 2010; Е.Ю. Красова 2002; Э.А. Понулдаев 2003]; нормативные предписания гендерных ролей [Д. Майерс 2000; М.А. Цебрук 2008]; гендерная агрессивность [Г.Г. Журавлева 2004]; гендерная адаптация [В.Н. Кириллина 2007; И.С. Клецина 2004].

Методологической основой выделения гендерного конфликта, его структурных элементов и социально-психологических особенностей послужили научные разработки представителей деятельностного подхода в психологии [С.Л. Рубинштейн 2007; А.Н. Леонтьева 2004]. Гендерный конфликт возникает тогда, когда удовлетворение потребностей личности встречает некую преграду в виде определенных, сложившихся шаблонов поведения противодействующей конфликтной стороны.

С учетом выделенных методологических подходов к изучаемой проблеме разработана теоретическая модель детерминации гендерных конфликтов, включающая в себя

структурно-функциональный и структурно-динамический компоненты.

В структурно-функциональном отношении теоретическая модель детерминации гендерных конфликтов состоит из субъектов гендерного конфликта: женщина/мужчина военнослужащие, стремящиеся удовлетворить собственные потребности и социально-психологические условия военной службы.

В структурно-динамическом отношении выделяются способ действия в ситуации конфликтного взаимодействия женщины-военнослужащей.

Основой модели детерминации гендерных конфликтов женщин-военнослужащих является способ удовлетворения потребностей в конфликте. В реальной ситуации конфликтное взаимодействие зависит от развития гендерных особенностей участников конфликта (мотивационно-потребностная, когнитивная, поведенческая и эмоциональные сферы). Их развитость или дисфункция порождает особенности конфликта (см. рис. 1).

Причинность гендерных конфликтов женщин военнослужащих не ограничивается только личностными (психологическими) качествами и условиями военно-социальной среды. Необходимо рассмотреть их взаимодействие, в частности конфликтное, которое ведет к дисгармонии в системе «личность – военно-социальная среда». Представляется, что сущность гендерного конфликта заключается не столько в возникновении противоречия, столкновении интересов возможности удовлетворения потребностей, сколько в способе разрешения создавшегося противоречия, в противодействии субъектов социально-психологического взаимодействия.

Всевозможные противоречия возникают везде и всегда, и определенная часть их разрешается путем конфликтов, что ведет к отклонениям в поведении, т.к. сущность конфликта в данном случае шире столкновения интересов и взглядов и заключается в противодействии субъектов конфликта в целом. Таким образом, под *конфликтным взаимодействием* понимается наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социально-психологического взаимодействия личности военнослужащего с условиями военно-социальной среды, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся негативными эмоциями и санкциями по отношению друг к другу.

С опорой на исследования проблемы конфликтов, конфликтного взаимодействия

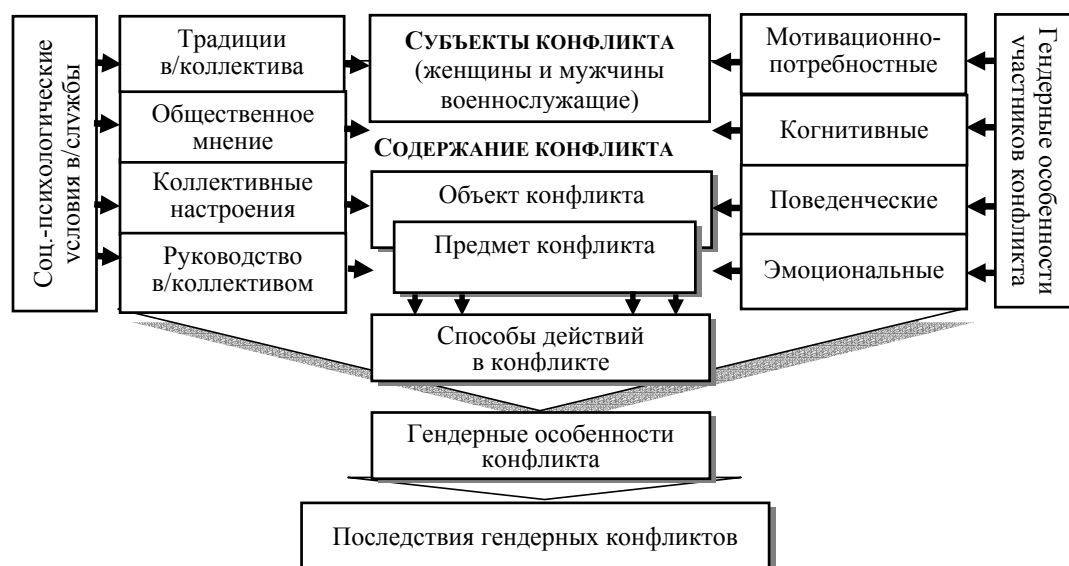

Рис. 1. Теоретическая модель детерминации гендерных конфликтов женщин военнослужащих

в отечественной и зарубежной психологии [А. Анцупова 2004; К. Левина 2001; Т. Шибутани 1999; А. Шипилова 2004 и др.] выделим основные измерения противодействия субъектов конфликта: в общении, поведении и деятельности. В нашем случае особый интерес представляет сфера поведения, сущность противодействия в которой заключается в поступках или действиях с целью выражения несогласия с оппонентом, блокировки его активности или нанесения ему материального (морального) ущерба.

В психологической литературе приведены различные классификации конфликта, представленные в работах А. Анцупова, М. Дойча, А. Рапопорта, Л. Козера, Л. Понди, Р. Мака, Р. Снайдера, А. Шипилова и т.д.

Подобное разнообразие типологий конфликта неизбежно и оправданно. Изучая конфликт с самых различных точек зрения, исследователи могут выделять самые разные, существенные для их частных целей основания классификации и, соответственно, получать различные виды типологии. Ввиду этого любые попытки предлагать какую-либо единственную, так сказать, истинную классификацию конфликта представляются заведомо неоправданными. Поскольку настоящая статья преследует методологические цели, мы ограничимся в рассмотрении проблемы типологии некоторыми методологическими замечаниями.

Типологизация конфликта играет важную методологическую роль. Она служит не только средством охвата и упорядочения на-

копленных знаний, что уже само по себе весьма существенно, но и часто играет заметную эвристическую роль в процессе получения новых знаний. Попытки проанализировать имеющиеся конкретные примеры конфликтных ситуаций с точки зрения выбранного основания классификации нередко обнаруживают совершенно новые аспекты конфликтов, ускользавшие ранее от внимания исследователя.

В полной мере методологическая роль типологизации конфликта может сказаться лишь при выполнении основных логических требований, предъявляемых к научной классификации. В частности, основание классификации должно быть четко выделено и последовательно проведено, в результате чего классификация должна оказаться полной (по выделенному основанию) и непересекающейся. Поскольку в конфликтной ситуации участники конфликта могут выбирать различные способы поведения (вне зависимости от половой принадлежности), поэтому для объективного представления о типах гендерных конфликтов военнослужащих предполагается целесообразным рассмотреть динамическое взаимодействие стереотипов поведения оппонентов в конфликте. Основной описательной категорией такого взаимодействия является понятие «способы действий в конфликте» [1].

Способы действий в конфликте в значительной степени зависят от доминирования гендерного развития и могут протекать на паритетных началах, если, например, женщи-

Типы конфликтов в зависимости от гендерных особенностей поведения его участников

Доминирование гендерного развития у мужчин (женщин) военнослужащих	Доминирование гендерного развития у женщин военнослужащих	
	Маскулинные	Феминные
Маскулинные	1 «Симметричный конфликт, маскулиного типа» Конфликтующие стороны выбирают маскулинные стратегии поведения	2 «Асимметричный конфликт, феминного типа» (Женщины-военнослужащие выбирают феминные действия, а мужчины (женщины) демонстрируют маскулинные действия в конфликте)
Феминные	3 «Асимметричный конфликт, маскулиного типа» (Женщины-военнослужащие выбирают маскулинные стереотипы поведения в конфликте, а мужчины (женщины) - феминные действия)	4 «Симметричный конфликт, феминного типа» (Женщины и мужчины (женщины) военнослужащие в конфликте выбирают феминные образцы поведения)

на в конфликте с маскулиным мужчиной выбирает маскулинные способы действий в конфликте (см. табл. 1).

По предложенной схеме **первый квадрант** предполагает симметричный конфликт, особенностями которого являются одинаковые жесткие, подавляющие способы действий, выбираемые женщинами и мужчинами (женщинами) военнослужащими.

Второй квадрант – в конфликте женщины-военнослужащие проявляют сдержанность, уравновешенность, невозмутимость, тогда как мужчины (женщины) – военнослужащие демонстрируют подавляющие, агрессивные образцы поведения.

Третий квадрант – женщины выбирают наступательные, враждебные способы разрешения конфликтной ситуации, а оппоненты (мужчины/женщины-военнослужащие) предпочитают спокойствие, уравновешенность.

Четвертый квадрант – в конфликте женщины-военнослужащие проявляют уравновешенность, сдержанность, и их оппоненты также проявляют сдерживающие, не враждебные образцы поведения.

В соответствии с выработанным подходом **особенности гендерных конфликтов женщин-военнослужащих** – это взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей.

Исходя из разработанных теоретических основ гендерных конфликтов женщин-

военнослужащих, следуют условия их разрешения. Разрешение – заключительная стадия эволюции конфликта. Разрешение конфликта возможно, во-первых, за счет преобразования самой объективной конфликтной ситуации, и, во-вторых, за счет преобразования образов ситуации, имеющих у сторон. Вместе с тем и в том, и в другом случае возможно двойное разрешение конфликта: частичное, когда исключается только конфликтное поведение, но не исключается внутреннее сдерживаемое побуждение к конфликту у сторон, и полное, когда конфликт устраняется и на уровне фактического поведения, и на внутреннем уровне. Полное устранение конфликта за счет преобразования объективной конфликтной ситуации мы имеем, например, когда посредством разведения сторон они лишаются возможности и необходимости контакта и, следовательно, конфликтного взаимодействия (перевод одного из конфликтующих сотрудников в другое подразделение). К тому же типу относится разрешение конфликта, состоящего в борьбе сторон за некоторые ограниченные ресурсы, посредством изыскания дополнительных ресурсов и полного удовлетворения ими обеих сторон. Например, покупка второго телевизора в семье, если два ее члена желают одновременно смотреть разные программы.

Частичное разрешение конфликта на объективном уровне имеет место, когда посредством соответствующей модификации реальных условий среды конфликтная ситуация преобразуется таким образом, что стороны оказываются незаинтересованными в

продолжении конфликтных действий, хотя стремление достичь первоначальной цели у сторон остается. К этому типу относятся, например, многие административные решения конфликта, вводящие определенные запреты и санкции на случай их нарушения.

Разрешение конфликта посредством изменения образов, имеющих у сторон – особенно интересный для социального психолога случай. Подобное разрешение конфликта (полное или частичное) предполагает, прежде всего, реструктурирование имеющихся ценностей, мотивов, установок, а также принятие новых, и поэтому здесь уместен весь арсенал средств, разрабатываемых социальной психологией для этих целей. Следует также отметить, что разрешение конфликта состоит из определенных правил-действий.

Во-первых, нельзя предвзято относиться к инициатору конфликта. Первое правило поведения в конфликте – справедливое, непредвзятое отношение к инициатору конфликта. Всякий межличностный конфликт начинается с того, что в паре или группе появляется человек, чем-то недовольный – это инициатор конфликта. Именно он выступает с требованиями, претензиями, обидами и ждет, что партнер прислушается к нему и изменит свое поведение. Обычно партнер отрицательно реагирует на инициатора конфликта. Он обвиняет его в том, что тот «снова чем-то недоволен, опять затевает ссору по пустякам», что «ему вечно чего-то не хватает», «всегда ему все не так». Роль обвиняемого всегда неприятна, поэтому, естественно, каждый нормальный человек старается ее избежать.

Таким образом, для того чтобы конфликт с первого же шага не пошел по «кривому пути», нужно справедливо и, главное, терпеливо отнестись к инициатору столкновения: сразу же, «с порога», не осуждать, не отмахиваться, не бранить, но внимательно и по возможности максимально доброжелательно его выслушать.

Во-вторых, необходимо сузить предмет конфликта, т.е. выявить предмет конфликта и не расширять его. Под предметом понимается причина недовольства партнера: что его конкретно не устраивает, что ему не нравится в поведении другого. Это правило должен соблюдать и инициатор конфликта, т.е. отчетливо и ясно сформулировать, прежде всего, для себя, что его не устраивает и раздражает в другом. Затем полно и понятно изложить причину своих претензий.

В-третьих, стремление к позитивному

решению конфликта, т.е. формулировка позитивного решения острой ситуации. Это заставит инициатора: мысленно взвесить все «за» и «против» в выдвигаемом обвинении; рассчитать возможные последствия конфликта для взаимоотношений; самому подумать за обвиняемого о предпочитаемом им варианте исхода конфликта. Все вместе это может снизить потенциал негативной напряженности инициатора, расширить его представление о предмете и целесообразности конфликта, ощутить себя в роли обвиняемого. Например: «У меня сегодня очень болит голова и если можно, говорите чуть потише». Инициатор как бы находит постороннюю причину, заставляющую его предъявить претензию, что ослабляет напряженность ситуации.

Чтобы избежать ссоры в конфликтной ситуации, обвиняемому необходимо уточнить предмет противоречий, локализовать причины недовольства и предложить инициатору конфликта подсказать позитивный выход.

В-четвертых, контроль эмоций. Нередко конфликтующие партнеры в состоянии верно определить предмет конфликта, справедливо отнестись к праву инициатора, высказать свои требования, наметить исходы конфликта, но весь тон разговора порой сводит на нет эти достижения. Как правило, конфликтующие стороны в момент конфликта испытывают напряженность эмоционального состояния. Их высказывания категоричны, запелляционны, требовательны.

Поэтому самое обязательное условие спора, столкновения – максимально спокойный и ровный тон высказываний, точность и продуманность слов. Нужно говорить так, чтобы в голосе и словах не было даже намек на раздраженность, гнев, упрек, не было оскорбления в адрес партнера. Словом, по форме спор должен быть «деловым разговором деловых людей».

В-пятых, соблюдение такта в конфликте, т.е. необходимо избегать конфликтов, затрагивающих чувства собственного достоинства личности. Нельзя допускать, чтобы претензии по поводу предмета конфликта переходили в оскорбление личности. Часто у людей сохраняется «детский эгоцентризм», когда любые конфликты с любыми людьми воспринимаются как сугубо личные. Так, нечаянный обидчик – мужчина – в глазах женщины может олицетворять весь мужской род (грубый, эгоистичный, «неджентельменский»).

Подводя итоги теоретического анализа особенностей гендерных конфликтов жен-

щин военнослужащих, следует отметить, что в основе данного вида конфликтов лежит доминирование гендерного развития его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник. – М., 2004. – 345 с.
2. Кириллина В.Н. Конфликтология гендера. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 302 с.
3. Клецина, И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика / И.С. Клецина. – СПб: Алетейя, 2004. – 408 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии – СПб.: Питер, 2007. – 720 с.
5. Ильин Е.П. Пол и гендер. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.

L. Dmitrieva

THE ORETICAL PRINCIPLES OF GENDER CONFLICTS' MODEL OF FEMALE MILI-

TARY PERSONNEL. CONDITIONS OF CONFLICT RESOLUTION

Abstract. This article is devoted to analysis of theoretical problems' research of female military personnel gender conflicts.

According to the theoretic-methodological analysis of female military personnel gender conflicts, the author concludes that the process being under research has a very complicated developmental character and its own peculiarities. The article contains the author's determination model of gender conflicts of female military personnel.

The great number of various reasons determines gender conflicts. On the basis of this, complex and constant systemic preventive measures of gender conflicts occurred in behavior of female military personnel have several directions.

Key words: gender, gender conflicts, determination model of gender conflicts.

УДК 378.016

Казьмина А.В.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ В ВУЗЕ*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования навыков профессионально-социальной безопасности в процессе подготовки социальных педагогов в вузе. Автор отмечает, что курс «Защита окружающей среды и промышленной безопасности» должен решать три главных задачи: идентификация опасностей, профилактические мероприятия опасностей и защита от опасностей. Из этого следует, что у студентов надо вырабатывать идеологию безопасности, формировать безопасное мышление и поведение, необходимые каждому человеку.

Ключевые слова: профессионально-социальная безопасность, взаимодействие человека со средой обитания, опасности природного, техногенного, экологического и социального происхождения.

Сложные и противоречивые изменения, происшедшие в нашей стране за последние годы, потребовали переосмысления качества профессиональной подготовки специалистов

в различных областях деятельности.

Современная российская действительность характеризуется высоким темпом изменений. Требуются специалисты, обладающие рядом новых профессиональных качеств:

- высокой степенью стрессоустойчивости в профессиональной деятельности;
- высокой степенью мобильности;
- высокой степенью профессиональной грамотности, куда входят: профессионально важные качества, профессиональные знания, умения и навыки.

Усиливающей сущностью безопасности жизнедеятельности становятся человек и общество.

Статистика последних десяти лет свидетельствует об обострении глобальных экологических проблем: локальном изменении климата и биосферы, ухудшении экологической обстановки, увеличении аварий производственного характера, аварий и травм на транспорте, где главную роль, чаще всего, играет человеческий фактор.

В процессе жизнедеятельности человек

* © Казьмина А.В.

неразрывно связан со средой обитания, составляя с ней взаимодействующую систему. Это взаимодействие дает как позитивный, так и негативный результат.

Негативный результат взаимодействия человека со средой обитания определяют опасности – потенциальные негативные воздействия. Различают опасности природного, техногенного, экологического и социального происхождения.

Техногенные опасности создают элементы техносферы – машины, сооружения, вещества в результате ошибочных или несанкционированных действий человека или групп людей.

С самого начала появления в учебных планах вузов предмета «Безопасность жизнедеятельности» многие специалисты рассматривали его как сочетание охраны труда, гражданской обороны и охраны окружающей среды.

Наша позиция при чтении курса «Безопасность жизнедеятельности» состоит в том, что это новый предмет, который решает задачи дать студентам общие закономерности опасных явлений и жизнедеятельности человека среди этих опасностей. Другими словами, дисциплины кафедры «Защита окружающей среды и промышленной безопасности» должны решать три главных задачи: идентификация опасностей, профилактические мероприятия опасностей и защита от опасностей. Из этого следует, что у студентов надо вырабатывать идеологию безопасности, формировать безопасное мышление и поведение, необходимые каждому человеку.

Известно, что выпускник вуза является потенциальным руководителем. От того, как мы его научим, в значительной степени зависит будущее отношение этого руководителя и его подчиненных к вопросам профессионально-социальной безопасности. И в этом деле немаловажная роль принадлежит изучению дисциплины «Безопасность жизнедеятельности».

Опыт преподавания учебных дисциплин на кафедре «Защита окружающей среды и промышленной безопасности» показывает, что наибольшее впечатление производит не абстрактный, а конкретный материал, основанный на примерах из жизни. При изложении данного материала у студента появляется потребность понять, что делается и что надо делать для профилактики разного рода опасностей, что для этого делает государство, бизнес, а что должен делать он сам.

Поскольку одна из главных целей курса

– воздействовать на мировоззрение студента, то он должен почувствовать себя ответственным за свою безопасность, понять что его безопасность невозможна без безопасности других, что его безопасность – это его знания и умения.

Существует мнение, что курс дисциплины «БЖД» слишком насыщен техническими данными и решениями, а это затрудняет ее восприятие, особенно студентами гуманитарных специальностей. Поэтому весь курс БЖД условно можно представить в виде следующих блоков: теоретические основы БЖД; человек и среда обитания; воздействие опасных природных и вредных факторов на человека, среду обитания и защита от них; социальная безопасность; обеспечение безопасности при социально неблагоприятных условиях; терроризм, его последствия и методы борьбы с ним; первая доврачебная помощь.

Практическая подготовка студентов к действиям в чрезвычайных ситуациях (ЧС) при изучении дисциплины «БЖД» позволяет наиболее наглядно продемонстрировать студенту знания и умения по защите людей, и именно она показывает каждому, к каким тяжелым последствиям приводит отсутствие необходимых знаний и умений. Грамотное поведение человека определяется знанием характера и возможных последствий опасностей, правил поведения в данной конкретной обстановке, психологической подготовкой и психической устойчивостью в различных ЧС.

Конечно, такие качества, как самообладание, умение принимать решение в короткие сроки, осознание того, что от твоего решения зависит жизнь твоих товарищей – все это требует длительной специальной подготовки.

В первую очередь студентам – будущим социальным педагогам предлагаются курсы лекций по профессионально-социальной безопасности, а практические приемы действий руководителя лучше всего отрабатывать на практических занятиях и групповых упражнениях.

Дидактическая подготовка преподавателя к учебным занятиям включает в себя ряд этапов: уточнение темы, целей, задач, учебных вопросов; выбор методических приемов и способов раскрытия учебных вопросов; уточнение материально-технического обеспечения занятия; организация подготовки студентов к проведению занятия; подготовка места проведения занятия.

Практические занятия и групповые упражнения проводятся с целью проверки тео-

реческих знаний студентов, полученных как на занятиях под руководством преподавателя, так и в ходе самостоятельной подготовки; освоения и отработки практических действий, различных приемов и основных способов защиты от опасностей.

Во вводной части занятия объявляется тема, цели, учебные вопросы занятия, обобщается актуальность темы, устанавливается связь материалов данного занятия с темами предыдущих и последующих занятий, проверяется готовность студентов к занятию.

Рассмотрение учебных вопросов составляет основную часть занятия. На изложение и отработку учебных вопросов отводится максимальное количество времени. На занятие выносятся 5-6 вопросов. Каждому студенту предлагается после ответа на вопрос или краткого доклада на поставленную тему, подготовленную самостоятельно, задать аудитории 3-4 вопроса по теме доклада и выбрать отвечающего из числа студентов сидящих в аудитории. Если же у аудитории есть вопросы по данной теме они могут задавать их докладчику дополнительно. При этом преподаватель оценивает каждого из выступающих. Каждый учебный вопрос заканчивается краткими выводами, логически подводящими к последующему вопросу занятия.

В заключительной части подводятся итоги занятия, даются рекомендации по самостоятельной работе студентов.

Особое внимание уделяется соблюдению студентами правил и норм техники безопасности при проведении занятия. Также студентам предлагается проведение ролевых игр для отработки конкретных учебных вопросов. В качестве методологической основы изучаемых на кафедре курсов студентам предлагаются характеристики и особенности экстремальных ситуаций: эвакуация, обрушение здания (взрыв, землетрясение), пожар, стихийное бедствие, химическая ЧС, радиационная ЧС, террористический акт, первая помощь пострадавшим. Отработка всех вопросов проводится на фоне конкретной обстановки, например: «Вы находитесь в аудитории, кроме вас дисциплину “БЖД” не изучал никто. Что нужно делать и как спастись и спасти в данном случае?» или «Вы находитесь в квартире она находится на 15 этаже по адресу ... Началось землетрясение. Что делать и как спастись? Что делать, если ваша квартира находится не на 15, а на 1 этаже» и т.д.

При отработке каждого вопроса отрабатываются все основные варианты разви-

тия ситуации. Например, в теме «пожар» отрабатываются вопросы: а) какие средства пожаротушения имеются, б) какие средства пожаротушения отсутствуют, в) выходы из помещения отрезаны огнем, г) выходы на лестницу отрезаны огнем, д) окна зарешечены и т.д.

Руководитель коллектива назначается из числа студентов. Руководителю предлагается немедленно спасать людей. Всем остальным студентам предлагается точно выполнять команды руководителя. При этом преподаватель оценивает действия всех студентов. В ходе проведения спасения можно заменить руководителя, он продолжает действия предыдущего или дает свои команды.

Так повторяется несколько раз. После отработки учебного вопроса проводится разбор с анализом характерных ошибок, умелых действий, отмечаются наиболее отличившиеся студенты. Причем для этого максимально используются оценки самих студентов.

Проведение таких занятий говорит о высокой эффективности и лучшей усвояемости каких-то ситуаций студентами на долгие годы.

В Российском государственном социальном университете подготавливаются студенты по специальности «Безопасность жизнедеятельности в техносфере». Они непосредственно на местах работы будут заниматься безопасностью жизнедеятельности, и главная задача преподавателей – сформировать у них навыки профессионально-социальной безопасности, психологическую готовность к данной профессии. Они должны знать нормативно-правовые акты, обеспечивающие безопасность жизнедеятельности на производстве, включая законодательство о труде и охране труда. К ним относятся, в частности, Федеральный закон «Об основах охраны труда в Российской Федерации» от 17 июля 1999 г. № III-ФЗ; Трудовой кодекс РФ, принятый 6 октября 2006 г.; Гражданский кодекс РФ.

Содержание учебных дисциплин, преподаваемых на кафедре «Защита окружающей среды и промышленной безопасности» в РГСУ, направлено на создание безопасных и комфортных условий жизни и деятельности человека в условиях промышленных зон и территориально-производственных регионов. Эта задача становится все более актуальной в последние годы, так как участвовавшие аварии и катастрофы наносят огромный ущерб экономике страны. Именно поэтому специалисты по безопасности жизнедеятельности в технос-

фере становятся ключевыми фигурами в управлении промышленными предприятиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жуков В.И. Методика преподавания в вузе. – М.: Изд-во РГСУ, 2006.
2. Ильвовский В.И., Казьмина А.В., Калитина М.А. Вопросы практики в изучении дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». – М.: Изд-во РГСУ, 2009.
3. Мардахаев Л.В., Чемоданова Д.И., Соловьева Л.В. Основы общей, специальной и социальной педагогики. – М.; Тула, 2007.
4. Мардахаев Л.В., Чемоданова Д.И., Соловьева Л.В., Орлова Е.А. Основы специальной и социальной педагогики. – М.; Тула, 2009.

A. Kazmina

FORMING SKILLS OF PROFESSIONAL

SOCIAL SECURITY IN THE PREPARATION OF SOCIAL WORKERS IN THE UNIVERSITY

Abstract. In article the problem of formation of skills of professional-social safety is considered. In the course of preparation of social teachers in high school. The author notices that the course «Protection of environment and industrial safety» should solve three main tasks: identification of dangers, preventive measures against dangers and protection against dangers. It follows from this that at students it is necessary to develop ideology of safety, to form safe thinking and the behaviour necessary for each person.

Key words: the professional-social safety, interaction of the person with an inhabitancy, dangers natural, technogenic, ecological and a social origin.

УДК 159.9

Носс И.Н.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВИРТУАЛЬНУЮ КОММУНИКАЦИЮ*

Аннотация. Статья посвящена проблеме коммуникации в киберпространстве Интернета. Коммуникация рассматривается как форма общения пользователей компьютерных сетей. Производится обзор психологических взглядов на проблематику интернет-общения. Рассматриваются личностные особенности активных пользователей компьютерных сетей и их влияние на успешность коммуникации. Освещены результаты исследования части российской молодежи, которые условно названы «жителями Интернета», значительную часть времени проводящих в зоне общения киберпространства. Экспериментально выявлены их коммуникативные, психологические и поведенческие особенности.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, компьютерные сети, виртуальная реальность, обмен информацией, коммуникатор, коммуникант, специфические коммуникативные барьеры, схема коммуникативного акта, диалоговая и полилоговая формы интернет-общения, виртуальный социум, среднестатистический пользователь Интернета, психологические характеристики «жителей Интернета».

Глобальные компьютерные сети, появившиеся в 60-х годах, явно видоизменили деятельность и общение между людьми. Возникла и стала ускоренно расширяться виртуальная коммуникация. Уже в 70-е годы зарубежными специалистами по общественным наукам был выполнен значительный объем исследований в области коммуникативной деятельности, опосредствованной компьютером. В России первые исследования пользователей компьютерных сетей начались в 1990-х годах в связи с развитием сетей, подключением отечественных пользователей к Интернету. Исследователи исходили из того, что компьютерные сети представляют собой новый этап в развитии средств коммуникации, а также их применение ведет к значительным структурным и функциональным изменениям в психической деятельности человека, которые затрагивают познавательную, коммуникативную и личностную сферы, трансформируются операционное (исполнительское) звено деятельности, пространственно-временные характеристики взаимодействия субъект-субъект и субъект-информационная система, процессы целеполагания, потребностно-мотивационная регуляция и пр.

Эти изменения позволяют говорить о

* © Носс И.Н.

деятельности человека в Интернете как новой психической реальности – виртуальной реальности, новом виде деятельности, который сочетает в себе свойства различных традиционно выделяемых в психологии видов деятельности. Такое представление делает Интернет новым и сложным объектом психологического исследования [2].

Важной задачей нашего исследования являлось выявление личностных особенностей, влияющих на процесс коммуникации в виртуальной сети.

Употребление термина «коммуникация» в узком смысле слова основывается на том обстоятельстве, что в ходе совместной деятельности люди обмениваются между собой различными представлениями, идеями, интересами, настроениями, чувствами, установками и пр. Если все это можно рассматривать и как информацию, то сам процесс коммуникации может быть понят как процесс обмена информацией.

При описании коммуникативной стороны общения необходимо выявить специфику в самом процессе обмена информацией. Во-первых, общение нельзя рассматривать лишь как приемо-передающую систему потому, что в отличие от простого «движения информации» между двумя устройствами здесь мы имеем дело с отношением двух активных субъектов, то есть интересующим процессом. Главная «прибавка» в специфически человеческом обмене информацией заключается в том, что здесь особую роль играет для каждого участника общения значимость информации, потому что люди не просто «обмениваются» значениями, но, как отмечает А.Н. Леонтьев, «стремятся при этом выработать общий смысл» [8]. Во-вторых, характер обмена информацией между людьми, а не кибернетическими устройствами, определяется тем, что посредством системы знаков партнеры оказывают воздействие на поведение партнера, т.е. знак изменяет состояние участников коммуникативного процесса, в этом смысле «знак в общении подобен орудю в труде» [8]. Коммуникативное влияние, которое здесь возникает, есть не что иное, как психологическое воздействие одного коммуниканта на другого с целью изменения его поведения, а эффективность коммуникации измеряется именно тем, насколько удалось это воздействие. В-третьих, коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент),

обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации. Л. С. Выготский отмечал: «Мысль никогда не равна прямому значению слов» [5]. Поэтому у общающихся должны быть идентичны — в случае звуковой речи — не только лексическая и синтаксическая системы, но и одинаковое понимание ситуации общения.

Наконец, в-четвертых, в условиях человеческой коммуникации могут возникать совершенно специфические коммуникативные барьеры. Они не связаны с уязвимыми местами в каком-либо канале коммуникации или с погрешностями кодирования и декодирования, а носят социальный или психологический характер. Барьеры могут возникнуть вследствие индивидуальных психологических особенностей общающихся («некоммуникабельность») [7], а также в силу сложившихся между общающимися особого рода психологических отношений: неприязни по отношению друг к другу, недоверия и т.п. В этом случае особенно четко выступает та связь, которая существует между общением и отношением, отсутствующая, естественно, в кибернетических системах.

Особенности человеческой коммуникации не позволяют рассматривать ее только в терминах теории информации, которые требуют известного переосмысления. Однако все это не отвергает возможности заимствовать ряд понятий из теории информации. Например, при построении типологии коммуникативных процессов пользуются понятием «направленность сигналов». В теории коммуникации этот термин позволяет выделить: аксиальный коммуникативный процесс (от лат. axis — ось), когда сигналы направлены единичным приемникам информации, т.е. отдельным людям, а также ретивный коммуникативный процесс (от лат. rete — сеть), когда сигналы направлены множеству вероятных адресатов [3].

В разных источниках под «коммуникацией» подразумеваются различные аспекты взаимодействия людей. Но время от времени можно наблюдать противоположные позиции относительно взаимосвязи понятий «общение» и «коммуникация»: одни авторы полностью отождествляют их [16], другие видят в коммуникации только одну из плоскостей общения [13], третьи же вообще упоминают либо только «общение», либо только «коммуникацию» [20].

Можно выделить три слоя коммуникативного акта: информацию, эмоции, роли как отношения между участниками.

Каналы передачи информации в основе своей представляют материальные носители для знаков, в которых выражено сообщение. В случае Интернета – это, как правило, письменная речь, требующая обратной связи. Отсутствие же обратной связи в коммуникативном акте приводит к разрушению коммуникации, то есть обратная связь является одним из основных организующих элементов системы коммуникации.

Помощь в анализе и понимании виртуальной коммуникации может оказать известная схема, предложенная К. Шенноном и модифицированная Р. Якобсоном [21], где информация проходит по цепи: адресант (отправитель) -> кодирование сообщения -> движение по каналам -> расшифровка (декодирование) -> адресат (получатель).

В социальной психологии, как правило, в структуре акта коммуникации выделяют намерение, замысел, цель как мотивационную составляющую и когнитивную составляющую – понимание высказывания.

На этот процесс существенное воздействие оказывают, наряду с внешними обстоятельствами, особенностей коммуникационных каналов, и внутренние условия, выражающиеся, прежде всего, в особенностях психики как адресанта, так и адресата.

Существует очень тесная взаимосвязь между коммуникацией и эмоциями. Если эмоции могут быть вызваны не только взаимодействием с другими людьми, то коммуникация неразрывно связана с эмоциональными переживаниями. Эмоции являются важнейшей характеристикой коммуникации и сопровождают любой коммуникативный акт. Можно выделить существенные отличия чувственных переживаний, возникших в процессе коммуникации. Во-первых, эмоциональная реакция участников коммуникации носит двусторонний характер. Во-вторых, эмоции и чувства в межличностной коммуникации, нося характер индивидуальных переживаний, в конце концов обретают форму послания другому, то есть становятся знаками, смысл которых необходимо понять. В-третьих, эмоции и чувства подвергаются жесткому социальному контролю.

Основными характеристиками именно виртуальной коммуникации является анонимность и физическая непредставленность участников в процессе общения. Во-первых, в процессе виртуального общения теряют свое значение невербальные средства. Возникает состояние эмоциональной депривации, несмотря на присутствие стандартного набо-

ра «смайлов», отражающих те или иные эмоциональные состояния. Отсюда возникает недопонимание, неправильное истолкование смысла отдельных фраз во время виртуальной беседы. Во-вторых, физическая непредставленность порождает преобладание механизмов стереопитизации и идентификации в процессе формирования представления о собеседнике. Таким образом, желаемое выдается за действительное в виртуальном социуме намного чаще, чем в процессе реального общения. В-третьих, анонимность в акте коммуникации приводит к тому, что ряд барьеров общения теряет своё значение. Следствием этого может служить, с одной стороны, простота и раскрепощенность в общении, а с другой – своеобразная свобода высказываний и поступков, т.к. риск разоблачения и негативной оценки минимален. В-четвертых, Интернет предоставляет уникальную возможность совместить коммуникацию и автокоммуникацию. Тексты, посылаемые другому, одновременно становятся доступны и адресату и адресанту. То, что обычно разнесено во времени и, соответственно, требует разделения ролей, в Интернете реализуется в ситуации «здесь и сейчас», которая приводит к перестройке личностного «Я» [9]. В-пятых, немаловажной особенностью интернет-общения является использование «ника», опосредующей функции слова. Ник выступает средством обобщения текстов, которые им маркируются и предметно наполняются [18]. В-шестых, коммуникация в компьютерной сети способствует возрастанию коммуникативной открытости и толерантности, что, в свою очередь, включает: постоянство и высокую интенсивность контактов, сближение коммуникативных интересов партнеров, взаимную информационную продуктивность коммуникации, большую активность пользователей и, как следствие – высокую информированность в обсуждаемых вопросах и взаимное пересечение коммуникативных интенций.

Можно назвать и прочие особенности интернет-общения: анонимность, снятие личностной защиты, коммуникативную доступность партнеров, непосредственность и открытость и др.

Однако снижение коммуникативных барьеров имеет и определенные негативные последствия. Благодаря большей степени опосредованности общения в компьютерной сети отправляемое информационное сообщение в значительной степени «отчуждается» субъектом. Эта психологическая иллюзия

анонимности коммуникации, возникающая у некоторых пользователей, делает актуальной проблему контроля за достоверностью передаваемой информации. Такой контроль, естественно, неприменим в сфере межличностной коммуникации в компьютерной сети, за достоверность сообщений в которой отвечает непосредственно партнер по общению.

Взаимодействие с компьютерными технологиями становится для субъекта важным новым источником психических новообразований, формирующихся в различных сферах деятельности: личностной, когнитивной и операционной [1].

Существует несколько форм общения пользователей. К ним относятся диалоговое (электронная почта) и полилоговое (конференции, форумы, чаты).

Реальная жизнь ставит огромное количество как индивидуальных, так и социальных препятствий для успешной коммуникации. В общении у нас могут вызывать антипатию внешность собеседника, его стиль одежды, манера поведения и т. п. Социальные же препятствия, это – большая разница в возрасте, социальном статусе, национальные предубеждения и др. Препятствовать общению могут просто обстоятельства встречи, существуют нормы поведения.

При общении в чатах можно наблюдать совершенно иную картину. Отсутствие возможностей для визуального контакта имеет своим следствием не только глобальную нехватку выразительных средств, но и полную анонимность, которая в чатах культивируется.

Вливаясь в виртуальный социум, человек получает полную свободу в сотворении самого себя и имеет возможность вылепить себя таким, каким захочет. В чатах общаются не реальные люди, а живут созданные ими образы виртуальной реальности.

Важная составляющая безграничных возможностей, предоставляемых чатами, также проистекает из «растворенной телесности» – отсутствия тела как такового. Возможность работы с телом, да и с окружающим пространством при полном отсутствии телесности предоставляют человеку полную свободу действий.

Практически абсолютная анонимность и свобода действий приводят к тому, что как таковые социальные нормы изначально просто-напросто отсутствуют. В большинстве чатов – более чем либеральная свобода нравов и дозволено практически все, что встречает осуждение в реальной жизни – «нетикет» (се-

тевой этикет).

В современной психологической теории сформировано относительно устойчивое убеждение в том, что общение непосредственно связано с личностью через природные и социальные приобретения человека, которые собственно и составляют основу личности.

Сложилось уже достаточно обширное и дифференцированное сообщество пользователей Интернета, в котором наряду со случайными посетителями, постоянными пользователями определенных ресурсов, «работниками Интернета» выделяется и группа людей, которых уместнее всего назвать «жителями Интернета». Это те, кто имеет достаточно высокую мотивацию пребывания в киберпространстве, в частности, тратят значительные финансовые и временные ресурсы, а также демонстрируют высокую эмоциональную включенность в Интернет. При этом наряду с собственно деловыми задачами, решаемыми средствами Интернета, они входят в систему интернет-коммуникации, демонстрируя «мотивы коммуникативного, корпоративного и креативного содержания, мотивы личностного общения приобретают все большую представленность в системе мотивационной регуляции» [19].

По оценкам специалистов, среднестатистическим пользователем Интернета в России является: молодой мужчина/женщина (от 19 до 25 лет), который учится или уже получил высшее образование, причем скорее всего техническое. Как правило, живет он где-то в Европейской части России. В области компьютеров он самоучка, но очень высоко оценивает свой пользовательский уровень знаний. В сети он проводит от 30 до 50 часов в неделю, в равной степени одинаково используя все возможности компьютера. За компьютер он впервые сел в средних классах школы. Как правило, он заканчивает работу с компьютером с положительными чувствами или с сожалением, связанным с расставанием, приписывает компьютеру большую роль как в мире вообще, так и в своей жизни в частности.

В работах многих исследователей в данной проблеме можно выделить некоторые основные поведенческие характеристики, а также психологические и физиологические качества.

К основным поведенческим характеристикам относятся: нежелание прервать работу в Интернете, пренебрежение домашними делами, учебой, служебными обязанностями и собственным здоровьем, потеря круга об-

щения, недостаток физической активности. Это сопровождается хорошим самочувствием или эйфорией в процессе нахождения в сети и ощущением пустоты, депрессии, раздражения вне компьютера или на отвлекающие факторы «реальной жизни» в момент нахождения в киберпространстве.

Также наблюдается нерегулярное питание или пропуск приемов пищи, пренебрежение личной гигиеной и т.д.

Изучая данный феномен, можно увидеть, что большой процент пользователей подвержен состоянию фрустрации. Им свойственны высокие проявления самоуверенности, конфликтности и агрессивности на фоне высоких показателей интеллектуальности и общительности. Анонимность и условно безграничные возможности Интернета являются той средой, в которой они могут себя чувствовать свободнее и независимее, где состояние фрустрированности пропадает, но при выходе из Интернета вновь возникает.

Важной особенностью «жителей сети» является подверженность так называемому синдрому эскепизма – бегству в виртуальную реальность. Их не удовлетворяет настоящее положение вещей, они находятся в постоянном поиске новизны. Они стремятся к стимуляции чувств за счет виртуальной реальности, ищут возможность выговориться, быть эмпатийно понятым и принятым, освободиться тем самым от острого переживания неприятностей в реальной жизни, а также получить поддержку и одобрение. Они чувствуют большое удовольствие, ощущая себя «виртуозом» в применении компьютера и специальных поисковых либо коммуникативных программ.

Эмоциональная сфера этих людей характеризуется неустойчивостью и депрессивными реакциями. Большинство страдает от чувства одиночества, дистанцированности и ощущают невозможность добиться понимания со стороны других людей [17]. Они склонны к гипертрофированно эмоциональным реакциям на слова других людей – подобный накал эмоций не поощряется в более традиционных формах общения.

Пользователи Интернета – это люди, обладающие относительно высоким интеллектом и умеющие его использовать в достижении своих целей. Собранность и сообразительность, абстрактность мышления и интеллектуальная приспособляемость дают им возможность вливаться в виртуальные сообщества и управлять ситуацией со стремлением к доминированию. При всем этом таким

людям свойственна высокая тревожность.

Многие пользователи Интернета испытывают определенный психологический дискомфорт в реальной жизни, что способствует усилению их личностной направленности на виртуализацию отношений с внешним миром.

Согласно типологии М. Шоттон, существует три группы пользователей Интернета. Первая – это «сетевики» (networkers). Они оптимистичны, социально активны и позитивно настроены к другим людям, имеют друзей, в том числе противоположного пола. Они поддерживают нормальные отношения с родителями. Компьютер для них – это нечто вроде хобби. Вторая группа – «рабочие» (workers) – самая малочисленная группа людей, владеющих наиболее современными и дорогими компьютерами. Представители этой группы прекрасно учатся, причем их не удовлетворяет стандартная программа обучения, и они посещают дополнительные учебные курсы. Для них характерна весьма строгая «рабочая этика»: например, неприемлем всякий род «компьютерного пиратства». Третья группа – это «исследователи» (explorers) – самая многочисленная группа. Для них программирование сродни интеллектуальному вызову и одновременно развлечению. Они пишут сверхсложные программы, зачастую даже не доводя их до конца, принимаются за новые, более сложные. Представители этой группы с удовольствием занимаются отладкой программ. Компьютерное пиратство и хакерство они приемлют, воспринимая их «честной игрой» против других разработчиков программ и систем. С формальной стороны, уровень образования у них ниже, чем у «рабочих», — при этом они не только не отстают от имеющих более весомые дипломы коллег, но и зачастую превосходят их объемом знаний, амбиций, к социальным критериям жизненного преуспевания они довольно равнодушны. Для «исследователей» компьютер – своего рода партнер и друг, он зачастую одушевлен, с ним проще взаимодействовать, нежели с людьми [2].

Наше экспериментальное исследование влияния личностных особенностей активных пользователей Интернета («жителей Интернета») на процесс коммуникации в компьютерной сети было построено в соответствии с экспериментальным дизайном (по Д. Кемпбеллу), основанном на плане с контрольной выборкой и тестированием до и после воздействия. Поэтому в качестве независимой переменной выбрано общение в Интернете, а

Характеристика выборки

	Экспериментальная выборка	Контрольная выборка	Статистические различия
Образование	Студенты 4-5 курсов	Студенты 4-5 курсов	нет
Возраст (год)	21.3	21.2	нет
Пол (в %)	83% - М, 17% - Ж	77% - М, 23% - Ж	не значимо
Показатель креативности (RAT) (в баллах) (Мх/ δх)	9,2/2,8	10,9/1,9	Ттест = 0,819 (не значимое различие)

зависимой переменной – особенности жителей Интернета. Общий объем выборки составил 60 студентов. Экспериментальная выборка – 30 человек (17% девушек, 83% юношей). Контрольная выборка – 30 человек (23% девушек, 77% юношей). Выборки составили однородные совокупности ($p \leq 0.05$) по критериям возраста, пола, уровня социализации, образования, интеллектуальным характеристикам (IQ и креативности) (табл. 1).

В ходе исследования были применены следующие психологические методики: семантический дифференциал [11], тест диагностика межличностных отношений [14], тест К. Томаса [10], тест вербальной креативности [6], психогеометрический тест С. Делингера [12], стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) [15] и др.

В результате анализа экспериментального материала выявлены значимые различия личностных особенностей между испытуемыми, принадлежащими к т.н. «жителям Интернета», и пассивными пользователями компьютера.

О значимых различиях можно судить по результатам обследования испытуемых экспериментальной и контрольной выборок

при помощи автоматизированной методики семантический дифференциал Ч. Осгуда (программа Osgood) в следующих понятиях: мой отец, общение, алкоголь, дети, хобби, литература, наркотик, смерть, компьютер, ссора и друзья, по табл. 2.

В экспериментальной выборке наблюдается более «теплое» отношение испытуемых к своим родителям, повышенное тяготение к алкоголю, чтению, суицидным настроениям. Менее выраженная, чем у контрольной группы, общительность и лояльность к наркотикам.

Значимые различия наблюдаются в результатах обследования испытуемых экспериментальной и контрольной выборок при помощи теста оценки межличностных отношений Т. Лири по октантам «альтруистичность» и «зависимость». Альтруистичность доминирует у испытуемых экспериментальной выборки и проявляется в форме выраженной готовности помогать окружающим, развитом чувстве ответственности, мягкосердечности, сверхобязательности и гиперсоциальных установках. Зависимость отражает потребности испытуемых из контрольной группы в помощи и доверии со стороны окружающих, в их признании, а также в сверх-

Таблица 2.

Значимые различия по t-критерию Стьюдента по близости понятия к «Я» испытуемого

Понятие (стимульное)	Среднее значение в экспериментальной группе	Среднее значение в контрольной группе
Мой отец	1,83	2,11
Общение	1,64	1,46
Алкоголь	2,62	2,69
Дети	2,30	2,39
Хобби	1,97	1,84
Литература	2,05	2,08
Наркотик	3,03	2,93
Смерть	3,38	3,59
Компьютер	1,78	1,54
Ссора	2,99	2,97
Друзья	1,68	1,59

комфортности и полному подчинению мнению окружающих.

Результаты анализа показателей теста К. Томаса фиксируют, что в экспериментальной группе наиболее предпочитаемым в конфликтных ситуациях является стратегия избегания, а в контрольной группе – сотрудничества.

При помощи психометрического теста С. Делингера были изучены самопроекции испытуемых. Статистический анализ с использованием χ^2 теста выявил преобладание в экспериментальной группе «зигзага» и «треугольника», а в контрольной группе – «круга» и «прямоугольника».

Интерпретация данной методики может дать яркую характеристику многим личностным особенностям «жителей Интернета». Это – творческие, инакомыслящие люди. Их мышлению свойственны целостность, образность, интуитивность и мозаичность. Они обычно имеют развитое эстетическое чувство, остроумны, весьма язвительны, идеалистичны, непрактичны и наивны, сильно возбуждены, несдержанны и очень экспрессивны.

«Жители Интернета», как правило, не заинтересованы в консенсусе и добиваются результата путем заострения конфликта идей и построением обновленной концепции.

В работе им требуется независимость от других и высокий уровень стимуляции на рабочем месте. Они не могут трудиться в хорошо структурированных ситуациях. К тому же они не сильны в проработке конкретных деталей и не слишком настойчивы в доведении дела до конца – с утратой новизны теряют и интерес к идее.

«Жители Интернета» – это латентные лидеры, сконцентрированные на прагматичной цели. Они энергичны, сильны, способны глубоко и быстро анализировать ситуации, сосредоточиваясь на сути проблемы. Они – очень честолюбивые и уверенные в себе люди, с трудом признают свои ошибки, не любят менять свои решения, категоричны, но способны к быстрому и успешному обучению в

рамках прагматической ориентации и тому, что способствует достижению главного. Главное их отрицательное качество – это сильный эгоцентризм и направленность на себя, властолюбие без особой щепетильности.

Особое внимание в ходе исследования характерологических особенностей «жителей Интернета» было уделено анализу показателей СМЛ. Для обработки результатов была использована автоматизированная методика и статистическая программа анализа результатов при помощи t-критерия Стьюдента (табл. 4).

Полученные результаты фиксируют значимое повышение показателей в экспериментальной группе по шкалам ипохондрии, педантичности, тревожности, оригинальности, склонности к самоанализу и понижение показателей оптимистичности и коммуникативности.

Результаты теоретического и эмпирического исследования позволяют выявить некий психологический «портрет» типичного «жителя Интернета». В этом плане наши исследования и сопоставление результатов многих публикаций показывают, что жителям Интернета, прежде всего, свойственна излишняя эгоистичность и зависимость. Это может объясняться тем, что большую часть времени эти люди проводят в одиночестве возле компьютера. Они дружелюбны в пределах компьютерной сети, но в жизни более замкнуты. Их больше интересует то, что происходит с ними самими, нежели с кем-то другим. Они тяжело переносят трудности. Исходя из этого, можно предположить, что у них хорошо развиты психологические механизмы вытеснения и подавления. Им тяжело продолжительное время заниматься одной деятельностью и т.д.

Таким образом, активный пользователь Интернета – это человек с нереализованной коммуникативностью, стремящийся к автономности, ориентирующийся на уникальные занятия, склонный к продуктивной, а не воспроизводящей деятельности [4].

Таблица 4

Значения показателей СМЛ экспериментальной и контрольной выборок

	Шкалы:	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Экспер.	Мх	45,2	67,8	49,3	48,9	49,1	49,2	53,6	53,5	56,9	61,2	70,1	72,6	59,3
	х	4,6	10,0	6,8	10,0	16,0	10,8	10,4	10,4	8,2	12,3	13,9	8,9	12,3
Контр.	Мх	45,0	63,4	49,3	46,6	45,0	46,6	50,6	50,6	51,8	55,4	63,4	80,1	47,6
	х	4,4	8,2	4,3	6,7	6,7	15,2	6,7	6,7	6,7	6,0	11,5	12,7	3,4
	Ттест	0	0,015	0,018	0,01	0,046	0,063	0,036	0,006	0,02	0,003	0,03	0,02	0,02

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Коммуникация в компьютерных сетях: Психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. – 1996. № 4.
2. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета / 2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. – 2000.
3. Брудный А.А. Проблема языка и мышления – это, прежде всего, проблема понимания // Вопросы философии. – 1977.
4. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. – 2004. – № 1.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. – М.: Педагогика, 1983.
6. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб.: Питер, 2000.
7. Зимбардо Ф. Застенчивость [Пер. с англ.]. – М.: Педагогика, 1991.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Наука, 1972.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000.
10. Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации. – Петрозаводск: Петроком, 1992.
11. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд. МГУ, 1988.
12. Рабочая книга практического психолога. – М.: Институт психотерапии, 2001.
13. Рогов Е.И. Психология общения. – М.: Владос, 2005.
14. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. Диагностика межличностных отношений модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. – М., 1990.
15. Собчик Л.Н. СМЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. – СПб.: Речь, 2003.
16. Столяренко Л.Д. Основы психологии: Уч. пос. – Рн/Д.: Феникс, 2005.
17. Чудова Н.В. Особенности образа Я “жителя” Интернета / 2-я Российская конференция по экологической психологии: Тезисы. – М., 2000.
18. Чудова Н.В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета // Материалы секции «Медиапсихология». – М.: МГУ, 2001.
19. Чудова Н.В., Евлампиева М.А., Рахимова Н.А. Психологический портрет потребителя Интернет-информации // Проблемы медиапсихологии. – М.: МГУ, 2001.
20. Шибутани Т. Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969.
21. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм за и против: Сборник статей. – М., 1975.

I. Noss

INFLUENCE OF PERSONAL FEATURES ON THE VIRTUAL COMMUNICATIONS

Abstract. The article is devoted to a problem of the communications in a cyberspace the Internet. The communications is considered as the form of dialogue of users of computer networks. The review of psychological sights at a problematics the Internet-dialogue is made. Personal features of active users of computer networks and their influence on success of the communications are considered. Results of research of a part of the Russian youth which are conditionally named « by inhabitants the Internet », a significant part of time spending in a zone of dialogue of a cyberspace are covered. Their communicative, psychological and behavioural features are experimentally revealed.

Key words: the virtual communications, computer networks, a virtual reality, information interchange, communicator, communicant, specific communicative barriers, the plan of the communicative act, dialogue and polylogue forms the Internet-dialogue, virtual society, the average Internet user, psychological characteristics « inhabitants the Internet ».

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ (14-17 ЛЕТ): ИНТЕЛЛЕКТ, ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИЧНОСТИ, ЭМПАТИЯ*

Аннотация. Психическое развитие старших школьников (14-17 лет) анализируется с позиции понятия «психические ресурсы», включающего в себя как интеллект, так и защитные механизмы личности, эмпатию. Показан переход от образного к вербальному интеллекту и от ранних – к развитым формам защиты в старшем школьном возрасте.

Ключевые слова: старшие школьники, когнитивное развитие, эмпатия, защитные механизмы личности

Нарастающая коммуникативная и интеллектуальная нагрузка в обществе предъявляет все большие требования, прежде всего к подрастающему поколению, к тем, кто находится в неустойчивой позиции взрослого человека. Особенно «коммуникативному стрессу» подвержены подростки и юноши, чья система социальных связей находится в процессе перестройки. Как пишет Р. Стернберг [13], особенно востребованным оказывается т.н. «ситуативный интеллект», проявление интеллекта в социальной адаптации, который показывает, как человек взаимодействует с внешним миром, как он решает и преодолевает каждодневные проблемы, в том числе и при общении с окружающими. С позиции ряда авторов [13; 8], чтобы охарактеризовать ситуативный интеллект или «психические ресурсы» человека, мало иметь данные об общем интеллекте, необходимо также знать особенности развития защитных механизмов личности и эмпатических способностей, важных в процессе общения.

Интеллектуальное развитие старших школьников (14-17 лет)

Когнитивное развитие часто анализируется как развитие отдельных познавательных процессов, среди которых ведущим является мышление [11]. Объектом анализа когнитивного развития могут быть также познавательные способности. Когнитивные способности — такие свойства человека, которые являются условием успешного осуществления отдельных этапов когнитивного процесса как процесса оперирования знаниями.

В.Н. Дружинин [3] разработал концеп-

цию развития таких когнитивных способностей, как обучаемость, креативность и интеллект. Эти умственные способности он относил к общим способностям человека.

Спектр структурных и атрибутивных перестроек, составляющих сущность когнитивного развития, достаточно обширен. Авторы концентрируются на каких-то конкретных их проявлениях, исходя из разрабатываемых ими концептуальных моделей развития.

Наиболее влиятельными в мировой психологии являются школы генетической психологии Ж. Пиаже и культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Ж. Пиаже и Л.С. Выготский разрабатывали онтогенетическую линию когнитивного развития. С точки зрения Ж. Пиаже [5], его детерминантами были логико-математические структуры, имманентно присущие субъекту, и постепенно разворачивающиеся в интеллекте по мере его созревания. Л.С. Выготский [1] в качестве детерминант когнитивного развития выделял культурное опосредствование языком. У Пиаже внешнее понимается как сукцессивное индивидуальное действие с объектом. Для Л.С. Выготского внешнее — это культурно-исторически сложившиеся, опосредствованные знаками формы совместной деятельности людей. Становясь их участником, индивидуальный субъект трансформирует эти внешние сукцессивные коллективные формы деятельности во внутренние симультанные формы. Следовательно, Ж. Пиаже исходит из того, что программа когнитивного развития заложена в генотипе индивида, во врожденных неврологических структурах; Л.С. Выготский же утверждает, что порождающим источником когнитивного развития выступает культура как совокупность исторически выработанных орудий труда, систем знаков и других средств деятельности. Когнитивное развитие подразделяется на два вида: актуальное развитие и зону ближайшего развития (Л.С. Выготский).

Актуальное развитие характеризуется сформированными когнитивными структурами, которые позволяют ребенку самостоятельно выполнять действия и решать задачи определенного уровня трудности. Актуаль-

* © Скворцова И.Б.

ное когнитивное развитие составляют интериоризированные симультанные формы когнитивного действия. Зону ближайшего развития отличают формирующиеся когнитивные структуры, позволяющие ребенку выполнять действия и решать задачи определенного уровня трудности с помощью взрослого, в сотрудничестве с ним. ЗБР представлена симультанными формами когнитивных действий, находящимися на начальных стадиях интериоризации.

Когнитивное развитие объективируется в различных его показателях. Исследователи выделяют их сообразно развиваемым теоретическим воззрениям. В модификации В.С. Гончарова [2] перечень выглядит следующим образом. Показателями когнитивного развития как естественного процесса выступают: обобщенный перенос усвоенных знаний на новый материал по собственной инициативе, применение мыслительных операций в новых условиях; мыслительные операции: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, конкретизация, сравнение, классификация; качества ума: самостоятельность, глубина, критичность, гибкость, возрастная динамика; обучаемость как восприимчивость к обучению; «обобщение с места» как выделение принципа, закономерности без перебора конкретных вариантов; децентрация умственной деятельности; интеллектуальная инициатива как поиск нового за пределами требуемого; обратимость интеллектуальных операций (Ж. Пиаже); внутренний план действия.

С нашей точки зрения, эти показатели могут быть учтены при проведении с испытуемыми ассоциативного эксперимента.

При прямом (или свободном) ассоциативном эксперименте, пишет Т.В. Попова [6, 14], реакции испытуемого ограничены только количественно – его просят назвать/написать 1-3 реакции на каждое предъявляемое словостимул. Отсутствие каких-либо ограничений на слово-реакцию (формальных, смысловых, по части речи, стилистической окраске и т.п.) обуславливает свободный характер данной модификации ассоциативного эксперимента.

С позиций психоанализа, завершение ряда ассоциаций, объединивших в одно целое мысль, чувство, желание, образ, ощущение и воспоминание, приносит удовлетворение, тогда как разрыв в ассоциациях или уход в сторону – неудовольствие [4, 21].

Психоаналитический метод, прежде всего, направлен на распознавание непрерывности – мыслей, желаний, чувств, про-

являющихся в свободных ассоциациях и продолжающихся на других уровнях функционирования психики [4, 24]. Основными характеристиками свободных ассоциаций являются последовательная связность и свобода от организующего влияния установок волевой сферы. Свободное ассоциирование – внешнее выражение внутренней активности, благодаря которой выстроилась данная последовательность (я такой – потому что – из-за этого я чувствую...), а метод свободных ассоциаций подразумевает участие двух людей, которые пытаются использовать эту активность в аналитической ситуации.

Применение этого метода в течение длительного времени запускает «процесс свободных ассоциаций» – автор склонен рассматривать *свободу ассоциаций как критерий прогресса в психоаналитическом лечении* [4, 27].

Как отмечает Т.В. Попова [6, 40], направленный ассоциативный эксперимент отличается от свободного тем, что испытуемый в ответ на слова-стимулы отвечает не любыми словами, пришедшими ему в голову, а в соответствии с инструкцией экспериментатора. Таким образом, ассоциативные реакции испытуемых как бы «направляются по определенному руслу». Это накладывает ограничения на процессы мыслительного поиска испытуемых при выборе подходящих слов из имеющихся в их распоряжении. Инструкции могут различаться как по направленности, так и по степени сложности. Так, автор приводит пример подбора реакций-антонимов или синонимов как более легкой задачи, чем подбор по принципу родовидовых или степенных отношений. Следовательно, направленный ассоциативный тест проверяет не только знание языка, но и умение логически мыслить, соотносить различные типы связей, дифференцировать индивидуальные особенности.

Далее автор отмечает, что при клинико-диагностической работе направленный ассоциативный тест используется для выявления произвольности и дифференцированности ассоциаций испытуемых (больных). Длительно продолжающийся опыт должен выявить степень устойчивости произвольного направления их ассоциаций.

При интерпретации результатов необходимо учитывать:

1. сохраняет ли испытуемый заданную ему инструкцию или по ходу выполнения задания «сбивается» с направленного хода ассоциаций на свободный. В норме такие варианты не встречаются, и при составлении за-

ключения это должно быть отмечено, так как выявляется нестойкость, ненаправленность мышления испытуемого в целом. Колебания внимания могут нарастать к концу опыта, что свидетельствует об утомляемости.

2. степени дифференцированности, точности подбираемых испытуемым противоположных/синонимичных понятий [6, 43].

В контексте настоящего исследования интересным представляется также описание автором цепной ассоциации – неуправляемого, спонтанного протекания процесса воспроизведения содержания сознания и подсознания субъекта, т.н. потока подсознания. Этот речевой материал анализируют для выявления неосознанных тревог, фобий, влечений и перевода их на уровень осознания, вербализации. Для большего удобства и надежности результатов испытуемым предлагается произносить или писать любые пришедшие им в голову отдельные слова за определенный период времени. Эти слова независимо от желания испытуемых объединяются в определенные семантические группы или семантические гнезда.

Обработка данных проводится следующим образом:

1. определяется длина ассоциативного ряда;

2. определяется структура ассоциативного ряда, для чего производится подсчет числа семантических гнезд с помощью логической соотнесенности рядом расположенных слов между собой;

3. определяется средний размер семантических гнезд путем деления числа слов во всей цепочке на количество гнезд;

4. самым крупным гнездам даются наименования;

5. определяется средний размер ассоциативной цепочки при нескольких экспериментах, среднее количество семантических гнезд, их средний размер и наиболее частотные названия [6, 47].

Увеличение, равно как и уменьшение количества гнезд и числа слов в гнезде, отражают динамические особенности речемышлительной деятельности, связанные с возбуждением или торможением и направленностью подсознательных и осознанных процессов.

Для проведения настоящего исследования была выбрана ассоциативная методика, апробированная А.В. Цветковым [10] и состоящая из ряда цепных (ненаправленных) и направленных ассоциативных проб.

Методика: 1. образный ассоциативный тест, выполняемый на бланках формата А4,

разделенных на 8 равных квадратов, с инструкцией подписывать нарисованное, 2. проба «Эталоны» (модификация исследования воображения в методике нейропсихологического обследования детей Л.С. Цветковой) – нарисовать и назвать как можно больше предметов, содержащих части определенной формы (круг, квадрат, треугольник). Выполняется на бланках формата А4, разделенных на три части, в верхнем левом углу каждой из которых изображен эталон геометрической фигуры. На выполнение обеих проб отводится 3 минуты. 3. Вербальный ассоциативный тест – ненаправленный (любые слова, кроме имен и названий городов, улиц); существительные; глаголы; фрукты. На каждую серию отводится 1,5 минуты.

При обработке материала по ненаправленным образным ассоциациям проводится семантический анализ (учитываются смысловая близость рисунков и взаимное расположение на листе), на основе которого вычисляется коэффициент семантизации (отношение числа предметов, входящих в семантические группы к общему числу предметов, умноженное на 100%) и средний размер групп; «Эталоны», с учетом общего признака (формы) изображенных предметов, семантическому анализу не подвергаются.

В исследовании приняли участие учащиеся 9-11х классов (14-17 лет) средних общеобразовательных школ г. Москвы (всего 102 человека): 9 класс (29 человек, 15 м/14 ж), 10 класс (36 человек, 22 м/14 ж), 11 класс (37 человек, 15 м/ 22ж).

Все данные приводятся в порядке: 9 класс/10 класс/11 класс, в скобках приведено стандартное отклонение от средней величины.

Образные ассоциации: 10,31(4,6)/7,17(3,0)/ 10,14 (2,9); средний размер семантических групп: 2,58 (1,27)/ 2,11(0,2)/ 2,4(0,7); коэффициент семантизации: 45,08(29,6)/ 39,84(25,2)/ 45,07(23,0); проба «Эталоны»: 10,1(5,78)/ 7,83(3,8)/ 5,14(1,5); серия «любые слова»: 16,68(9,6)/ 13,41(5,6)/ 12,28(4,6); серия «существительные»: 12,36(6,3)/ 11,22(4,9)/ 12,28(5,5); серия «глаголы»: 10,81(5,35)/ 11,53(4,4)/ 10,11(3,6); серия «фрукты»: 10,2(4,3)/ 9,94(2,5)/ 10,4(3,0).

Анализ представленных результатов позволяет сделать вывод, что в течение всего старшего школьного возраста не наблюдается прироста количественных показателей когнитивного развития (по крайней мере, оцениваемого по параметрам ассоциаций).

Можно сделать два предположения, объясняющих данный факт: во-первых, на протяжении старшего школьного возраста (14-17 лет) происходят качественные перестройки интеллектуальных процессов; во-вторых, к старшему школьному возрасту ассоциативные процессы уже не играют в интеллекте значимой роли, их формирование завершилось.

Против второго предположения говорят два факта: а) данные по ассоциативным процессам у взрослых, полученные А.В. Цветковым [10], отличаются от таковых у подростков, следовательно, говорить о «завершенности» их формирования преждевременно; б) по ряду проб (слова, образные ассоциации, Эталоны) наблюдаются выраженные флуктуации показателей, которые говорят в пользу происходящих качественных межсистемных перестроек.

Развитие личностного потенциала старших школьников (14-17 лет)

С точки зрения эмпирического изучения эмпатии как одного из основополагающих феноменов в сфере общения, эвристичной представляется точка зрения В.В. Бойко, полагающего, что эмпатия помогает преодолеть психологическую защиту другого человека за счет интуитивного отражения его особенностей [12, 45]. Таким образом, можно предположить, что эмпатия является своего рода «ключом» к снятию защит (как своих, так и партнера) в общении. Следовательно, противоположным эмпатии проявлением будет повышенная активность защитных механизмов личности.

В качестве теоретической модели мы опирались на интерпретацию ЗМЛ Р. Плутчика [9, 444], описавшего 8 базовых механизмов защиты в соответствии с 8 базовыми эмоциями.

Отрицание – механизм психологической защиты, посредством которого личность либо отрицает некоторые фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства, либо какой-либо внутренний импульс или сторона отрицает самое себя. Как правило, действие этого механизма проявляется в отрицании тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, тем не менее не принимаются, не признаются самой личностью. Отрицание как механизм психологической защиты характеризуется внешне отчетливым искажением восприятия действительности.

Подавление (вытеснение) З. Фрейд счи-

тал главным способом защиты инфантильного «Я», неспособного сопротивляться соблазну – неприемлемые для личности импульсы становятся бессознательными. Вытесненные (подавленные) импульсы, не находя разрешения в поведении, тем не менее сохраняют свои эмоциональные и психо-вегетативные компоненты.

Регрессия в классических представлениях рассматривается как механизм психологической защиты, посредством которого личность в своих поведенческих реакциях стремится избежать тревоги путем перехода на более ранние стадии развития либидо. При этой форме защитной реакции личность, подвергшаяся действию фрустрирующих факторов, заменяет решение субъективно сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях.

Компенсацию нередко объединяют с идентификацией, она проявляется в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта, нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. Часто это происходит при необходимости избежать конфликта с этой личностью и повышения чувства самодостаточности.

В основе *проекции* лежит процесс, посредством которого неосознаваемые и неприемлемые для личности чувства и мысли локализируются вовне, приписываются другим людям и таким образом становятся как бы вторичными.

Замещение проявляется в разрядке подавленных эмоций (как правило, враждебности, гнева), которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызывали отрицательные эмоции и чувства. Например, открытое проявление ненависти к человеку, которое может вызывать нежелательный конфликт с ним, переносится на другого, более доступного и неопасного.

Действие *интеллектуализации* проявляется в основанном на фактах чрезмерно «умственном» способе преодоления конфликтной или фрустрирующей ситуации без переживаний.

Реактивные образования нередко отождествляют с гиперкомпенсацией: личность предотвращает выражение неприятных или неприемлемых для нее мыслей, чувств или поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений.

Возрастная динамика развития защитных механизмов личности

ЗМЛ	9 класс	10 класс	11 класс
отрицание	36,03(18,85)*	42,31(19,15)	38,74(16,93)
подавление	20,18(11,56)	30,44(16,24)	25,14(13,14)
регрессия	39,47(15,68)	33,77(20,75)	40,93(19,76)
компенсация	39,23(23,68)	36,06(26,18)	40,09(23,05)
проекция	49,67(19,03)	55,47(20,9)	50(16,41)
замещение	20,57(15,4)	32,95(22,94)	33,67(22,68)
интеллектуализация	32,46(16,64)	37,04(22,58)	28,45(16,51)
реактивное образование	42,11(19,92)	30,23(22,58)	28,75(17,87)

* в скобках приведено стандартное отклонение от средней величины

Для экспресс-диагностики эмпатии использовалась методика Меграбяна-Эпштейна [7], ее результаты сопоставлялись с результатами опросника Плутчика-Келлермана-Конте [9], обработанного по «процентной» схеме. В исследовании участвовала та же выборка, что и в диагностике интеллектуального развития.

Результаты представлены в табл. 1.

Эмпатия составила (в скобках данные по юношам/девушкам): 9 класс – 67,17 (59.0/76.1); 10 класс – 68,40 (66.33/71.5); 11 класс – 68,59 (61.67/73.32).

Из представленных в таблице данных видно, что по всем защитным механизмам наблюдается существенный индивидуальный разброс результатов, практически не позволяющий выделить возрастные тренды, однако по подавлению, замещению и реактивным образованиям тенденции все же выявляются. Можно провести некоторую параллель между постепенным снижением активности такого ЗМЛ, как реактивное образование и повышением эмпатии у подростков – по мере более четкого понимания требований окружения (в семье, в школе, в субкультурных группах), подросток все меньше стремится «казаться» и переходит в модальность «быть».

Прохождение пика активности подавлением в 10-м классе и повышение активности замещения от 9 к 11 классу представляют собой другую группу феноменов – адаптацию к макросоциальным условиям, к смене позиции «ребенок-взрослый». Для подростков, оставшихся после 9 класса обучаться в школе, на 10 класс приходится пик их борьбы со старой, «детской», социальной ролью, в то же время в 11 классе они уже ощущают себя выпускниками, абитуриентами, будущими студентами и т.д. К этому же времени формируются более взрослые способы совладания с аффектом (замещение).

Если сопоставлять данные изучения

интеллектуального и личностного потенциала старших школьников, то можно сделать следующие **выводы**:

1. в старшем школьном возрасте лидирующую роль в психическом развитии играет развитие личностных качеств: повышение эмпатии и переход к более зрелым формам защит на фоне перестройки в структуре когнитивной сферы;

2. в когнитивной сфере происходит переход от образного к вербальному типу интеллекта;

3. отмечается связь между развитым вербальным интеллектом старших подростков и склонностью к проявлению такого защитного механизма, как замещение, склонность переносить агрессию на нейтральный объект в вербальной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч. в 6 т. – Т. 6. – М.: Педагогика, 1983.
2. Гончаров, В. С. Психология проектирования когнитивного развития: монография [Текст] / В. С. Гончаров. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 272 с.
3. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей [Текст] / В.Н. Дружинин. – М., 1995. – 150 с.
4. Крис Антон О. Свободные ассоциации: метод и процесс. – М.: Когито-Центр, 2007. – 159 с.
5. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и серияция. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
6. Попова Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 72 с.
7. Практическая психодиагностика/ Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М» 2005. – 765 с.
8. Сиерральта З.Х.Б. Особенности психических ресурсов личности в раннем юношеском возрасте (копинг-стратегии, защитные механизмы, социальный интеллект и общий интеллект).

- лект). Дисс. ... к. псих. н. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 131 с.
9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Ин-т Психотерапии, 2002.
10. Цветков А.В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: Автореф. дисс. ... к. психол. н. – М., 2006. – 23 с.
11. Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение (к обоснованию системно-структурного подхода). – М.; Воронеж: МПСИ, 2003. – 320 с.
12. Щербакова Н.А. Эмпатические способности студентов-психологов. – М.; Воронеж: МПСИ, 2006. – 240 с.
13. Sternberg R. Implicit theories of intelligence // Journ. of Personality and Social Psychology.

1985. № 49. – P. 607-627.

I. Skvortsova

PSYCHIC RESOURCES IN SENIOR HIGH SCHOLARS (14-17 YEARS OLD): INTELLECT, DEFENSE MECHANISMS, EMPATHY

Abstract. Psychic development of senior high scholars (14-17 years old) is interpreted from point of “resource” term, including intellect, defense mechanisms and empathy. Transition from early forms of defense to substitution and from imaginary to verbal intellect is shown.

Key words: senior high scholars, cognitive development, empathy, defense mechanisms.

РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

УДК 159.9.07

Шibaкова Т.Л.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ СЕМЕЙ, ЗАВИСИМЫХ ОТ ПСИХОСТИМУЛЯТОРОВ*

Аннотация. В статье обсуждается проблема нарушения функционирования семейной системы при злоупотреблении одним из супругов психостимуляторами. Описаны возможные варианты психологической помощи подобным семьям.

Ключевые слова: психология зависимостей, медицинская психология, девиантное поведение, аддикция, дисфункциональность семейных систем, психотерапия, профилактика, современные технологии.

Психологическое консультирование играет важную роль в комплексной помощи семьям, зависимых от психостимуляторов. Одной из наиболее опасных причин, влекущих за собой негативные изменения и разрушение жизни семьи, можно считать наркотическую зависимость. Наркомания – одна из наиболее острых проблем современного общества. Начиная с середины 90-х годов и по настоящее время наблюдается тенденция к появлению потомственной наркотизации, причиной которой может быть один из родителей, страдающий зависимостью от психоактивных веществ (алкоголь, наркотические средства, лекарственные препараты).

Исследованием супружеских отношений и формированием подростковой зависимости от психоактивных веществ занимались Свеженцева Ю. А., Головченко Д. А., Лисецкий К.С., Березин С.В., Личко А.Е. и другие, однако сфера детско-родительских отношений в семьях, зависимых от психоактивных веществ, остается по-прежнему малоизученной.

Общепризнан факт возникновения в семьях, зависимых от психоактивных веществ особого типа внутрисемейных отношений, существенно влияющих на динамику химической зависимости и жизнедеятельность семьи. Аддикция одного из родителей фор-

мирует патологические отношения в семье и неблагоприятную среду воспитания детей. Суть зависимого поведения – значительное изменение иерархии личностных ценностей человека, уход в иллюзорно-компенсаторную деятельность и личностная деформация. При применении веществ, изменяющих восприятие мира и самооценку человека, происходит постепенное отклонение поведения в сторону формирования патологической зависимости от вещества, а также искажение связей человека с обществом. Возникновение мыслей о состоянии ухода от реальности, о возможностях и способах достижения этого входят в состав аддиктивного поведения.

В развитии зависимого поведения может играть определенную роль склонность к развитию психологической зависимости и социальная предрасположенность.

В основе психологической предрасположенности лежит неумение переносить и справляться с сильными эмоциями, обеспечивать психологическую поддержку своих интересов, заботиться о себе. Иногда эти расстройства сопровождаются невозможностью найти свой смысл в жизни, определиться с родом занятий: « Не понимаю, что хочу, чем хочу заниматься в жизни, что меня привлекает и интересует ». Такие переживания могут сопровождаться колебаниями настроения в сторону понижения, ощущением утраты смысла в жизни, поиском внешнего объекта, который придаст бы, смысл существованию.

По мнению Б.С. Братуся, наркотическая зависимость отражает проекцию психологического ожидания, актуальных потребностей и мотивов на состояние измененного сознания, моделируя субъективно положительное отношение к реальности, что делает их употребление желанным для человека.

Социальная предрасположенность характеризуется тем, что родительская семья не научила ребёнка справляться с трудностями

* © Шibaкова Т.Л.

ми самостоятельно. Зачастую это происходит в семьях, где нарушены супружеские отношения в родительской паре или один из родителей страдает зависимостью от психоактивных веществ.

Причины употребления наркотиков имеют несколько мотивационных форм (Ц. П. Короленко, Т. А. Донских):

1. Атарактическая мотивация – применение наркотиков для облегчения или устранения эмоционального дискомфорта. Чаще всего дискомфорт вызывают: страх, тревога, депрессия, внутриличностные конфликты.

2. Гедонистическая мотивация способствует повышению настроения, со стремлением отрешиться от реальности и уйти в иллюзорный мир, доставляющий наслаждение.

3. Субмиссивная мотивация применения веществ отражает неспособность человека отказаться от предлагаемого окружающими способов установления социальных контактов. Чаще это обусловлено стремлением индивида стараться избегать ситуаций осуждения или отвержения.

4. Псевдокультурная мотивация основывается на представлении, что употребление наркотических веществ считается «модным» или «необходимым» в кругу общения человека (например, причастность к какой-либо субкультуре). В молодежной среде по-прежнему существует искаженное представление о безопасности их употребления, отсутствия зависимости при использовании их. Популярный среди молодежи наркотик под названием «экстази» называют всего лишь «таблетками для бодрости».

Психостимуляторы – разнородная группа веществ, имеющая один общий признак: в результате их употребления ускоряется темп, повышается общий физический и психический тонус. Это препараты, вызывающие необычайный душевный подъем, стремление к деятельности, устраняющие чувство усталости, дающие субъективное ощущение неутомимости, ясности ума и легкости движений, быстрой сообразительности, уверенности в себе, даже бесстрашия. Однако, в отличие от действия средств, вызывающих эйфорию, подобный подъем настроения нельзя назвать безмятежным: повышенный психический тонус сочетается с возбужденностью, тревожностью, настороженностью, иногда подозрительностью к происходящему вокруг.

Психостимуляторы влияют на структуры головного мозга, изменяя его обменные процессы. Наблюдается снижение уровня функционирования головного мозга. Вслед-

ствие такого воздействия возникают различные психологические нарушения, снижается устойчивость к стрессам, психотравмирующим ситуациям, появляются длительные периоды сниженного настроения с ощущением усталости, безразличия к происходящему.

Снижается психологическая способность не только переносить трудности, но и затрудняется выполнение текущих обязательств. В дальнейшем происходит накопление нерешенных проблем и вновь возникает аддиктивная потребность почувствовать прилив сил и энергии путем принятия химического вещества. Все эти изменения становятся фоном для формирования личностных нарушений. Появляются как будто две личности: одна здоровая, другая – с аддиктивными реализациями. И, более того, химическая зависимость постепенно становится основной личностной потребностью и определяет «жизнь других потребностей».

Исследования Д.Б. Эльконина и других показали, что психическое развитие ребенка определяется его эмоциональным контактом и особенностями сотрудничества с родителями. На детско-родительских отношениях сказывается тип семьи, позиция, которую занимают взрослые, стили отношений и та роль, которую они отводят ребенку в семье.

Семьям с данным видом химической зависимости удаётся гораздо дольше, чем другим, скрывать от окружающих свои проблемы. Скорее всего, это объясняется тем, что волнообразная форма употребления стимуляторов даёт семье надежду на то, что зависимость можно остановить. Эта надежда сохраняет супружеские отношения и стимулирует детско-родительские, так как женщина в такой семье старается найти поддержку у детей, призывая их сохранять отношения с отцом и надеяться на его выздоровление, если он не переходит к употреблению более тяжёлых наркотиков.

В таких семьях дети младших возрастов испытывают страх, тревожность, неуверенность. Родители не могут удовлетворить потребность в безопасности. Не понимая опасности наркозависимости, маленькие дети, идеализируя отца и мать, стремятся проводить с ними как можно больше времени, но встречая протесты со стороны родителя-наркомана, становятся замкнутыми, запуганными, молчаливыми.

Подростки демонстрируют неуважение к родителям. Для девочек характерны депрессивные состояния и суицидальные мысли. У мальчиков протест может принять

совершенно иной вид – появляется желание употреблять «за компанию» с отцом, мотивированное тем, что «раз ему можно, то чем я хуже».

Наиболее негативный сценарий в семье – это повторение ребёнком жизненного пути отца, поэтому дети нуждаются в психологической помощи специалиста едва ли не больше, чем взрослые. Всегда следует помнить, что эти дети попадают в группу риска по употреблению наркотиков. У ребенка, чьи родители зависимы от психоактивных веществ, в 3-5 раз больше шансов стать зависимым от наркотиков либо других психоактивных веществ, к тому же возраст первой пробы наркотиков снизился с 17 до 11 лет, когда дети ещё не способны к высокому самоконтролю.

В норме семейная система стремится к выполнению таких функций, как:

- реализация потребности в продолжение рода;
- созидательная функция;
- воспитательная функция;
- адаптация следующего поколения к жизни в социуме;
- передача собственного опыта и семейных ценностей следующему поколению и другие функции.

Негативные отношения с отцом являются вариантом детско-родительских отношений, а не их отсутствием, следовательно, воспитательная функция присутствует, но в крайне изменённом, патологическом виде.

С.В. Березин и Е.А. Назаров называют созависимостью защитную компенсаторную реакцию человека на внутриличностный конфликт. Конфликт возникает в связи с наличием крайне противоречивых отношений со значимым человеком, с одной стороны, и субъективной системой моральных норм, ценностей – с другой. Созависимые расстройства становятся основой поведения. Глубокий личностный дискомфорт вызывает психологические, психосоматические, аффективные, поведенческие нарушения. Жизнь в такой семье трудна и непредсказуема, семейная система дисфункциональна.

Можно выделить несколько существенных особенностей, свидетельствующих о дисфункциональности семейной системы (Москаленко В.Д., Шibaкова Т.Л., Суслова Т.Ф.):

- в семье нарушается способность открыто проявлять свои чувства и высказывать мысли;
- созависимые члены семьи ощущают опустошённость и невозможность испыты-

вать сильные эмоции, происходит сужение эмоционального спектра до простейших эмоций;

- созависимость является реактивным процессом, направленным на снятие внутриличностного конфликта путём саморазрушающего поведения;

- аддикт перекладывает ответственность за свою жизнь на созависимого члена семьи.

Между обнаружением наркотической зависимости до избавления от неё проходит длительное время, и семья успевает «адаптироваться» к новому стилю жизни. Жёны вступают в коалицию с детьми и активно защищают семейные границы. Дети из-за необходимости и стресса стремятся не рассказывать о семейных проблемах и могут даже активно скрывать или отрицать их на приёме у психолога, в школе, больнице, в общении со знакомыми. Но «выдумать» хорошую семью нельзя, поэтому ребёнок, избегая расспросов, просто отстраняется от окружающих людей. Такие дети не заводят близких друзей, держатся особняком, а в подростковом возрасте неосознанно начинают общаться либо со сверстниками из таких же неблагополучных семей, либо с теми, кто имеет обеспеченных родителей, стараясь использовать таких друзей в своих интересах. Иногда дети тянутся к общению со старшими детьми, стараясь найти не друга, а наставника, но такое случается редко.

Дети из семей, зависимых от психостимуляторов, входят в группу риска по употреблению психоактивных веществ, им необходима специальная психологическая помощь.

Важно, чтобы до и во время реабилитационной работы с семьёй была возможность заниматься детьми другим родственникам, имеющим благополучные семьи, так как необходима не только безопасность и эмоциональная, психологическая поддержка, но и положительная модель семейных отношений.

Первостепенной задачей психологической помощи семьям является осознание подавляемого семейного конфликта. Одной из наиболее трудных задач в организации психологического консультирования с семьёй является формирование мотивации на получение психологической помощи. Как известно, всякая семейная система в некоторой степени препятствует изменениям. В этом случае законы развития и сохранения гомеостаза семейной системы взаимно дополняют друг друга. Дисфункциональная семья наиболее «ригидна» в отношении изменений, такие семьи имеют крайне низкую мотива-

цию на участие в психологическом консультировании.

Задачей психологического консультирования детей и подростков из аддиктивных семей является ослабление или снятие локальных эмоциональных и личностных проблем, таких, как: тревожность, страхи, астения, расстройства настроения и другие. Особое внимание следует уделять детям доподросткового возраста, так как они не склонны к рефлексии и с трудом вербализируют свои проблемы и переживания. Контакт с детьми этого возраста желательно подкреплять с помощью родителей, что, в свою очередь, может также помочь сплочению семьи в процессе консультирования.

Параллельно с консультированием необходимо осуществлять семейную психотерапию. Привлечение семьи к психотерапии объясняется также тем, что проблему зависимости важно решать в контексте семьи. При этом необходимо отметить, что зависимый от психостимуляторов может быть включен в семейную психотерапию на этапе ремиссии в течении заболевания. Семейная психотерапия может сочетаться с индивидуальной работой. С подростками из неблагополучных семей возможно проведение групповой психотерапии.

Несмотря на то, что указанные формы работы с семьей различаются организационно, содержательно и методически, они имеют некоторые общие принципы.

1. Специалист должен помочь понять ситуацию, особенности своих взаимоотношений, причины и последствия возникающих конфликтов.

2. Неоднозначность результатов. Работу невозможно проследить и спланировать от и до. Для того чтобы глубже понять суть нарушений, необходим гибкий подход.

3. В результате работы каждый член семьи должен научиться брать ответственность за происходящее в семье на себя, а не перекладывать на других.

4. Реальность ожиданий. Необходимо, чтобы каждый участник знал о важности своего участия в реабилитационной работе.

5. Адекватная обратная связь. Специалист должен не только давать ощущение понимания и поддержки, но и оставлять право на личный выбор и свободу.

6. В работе следует руководствоваться принципом "здесь и сейчас".

В рамках психотерапии могут быть использованы любые методы, направленные на изменение привычной модели мышления,

познание происходящего, поддержку и помощь, снятие эмоционального напряжения, изменение поведения и так далее.

Основой работы с семьей зависимого от психостимуляторов должны стать общесемейные встречи, на их основании строится дальнейшая психотерапия. Конечно, собрать всю семью бывает крайне затруднительно, особенно при скрытом или выраженном желании родителей оградить детей от возможных «психологических потрясений» в результате психотерапии. Это является одним из наиболее частных заблуждений, но встречи возможны и не в полном составе, так как важно не количество представленных членов, а общая готовность к системной, длительной работе и включенность в процесс. Кроме того, психологические изменения одного из членов семейной системы способны привести к изменению семейного функционирования. Фиксированные встречи необходимы на протяжении всей психотерапии, потому что они служат своеобразным индикатором семейной динамики.

Можно выделить следующие направления психотерапевтической работы:

- информирование клиентов о семейных причинах развития наркотической зависимости и роли семьи в развитии здоровой личности человека;
- помощь в разрешении скрытых семейных проблем;
- укрепление супружеских отношений;
- налаживание воспитательной функции семьи;
- улучшение детско-родительских отношений;
- обучение страдающего зависимостью адекватному отношению к проблемам в семье;
- принятие ответственности за своё поведение и жизнь каждым членом семьи;
- снижение высокого уровня тревожности у детей;
- восстановление авторитета зависимого родителя в глазах детей;
- разрушение негативных семейных коалиций, исключение из них детей;
- преодоление чувства страха и стыда у членов семьи перед окружающими людьми;
- помощь членам семьи в понимании, что они не ответственны за проблемы зависимостей;
- предотвращение повторения негативного сценария жизни детьми;
- подход к каждой семье должен быть индивидуальным.

Таким образом, зависимость отца от наркотических веществ ряда психостимуляторов оказывает разрушительное воздействие на здоровое развитие детско-родительских отношений. Ребёнок из такой семьи автоматически попадает в группу риска по возникновению наркотизации. В психологическом консультировании дисфункциональных семей следует уделять большое внимание изначальному установлению доверительных отношений, так как семья уже длительное время существует в условиях наличия наркотической зависимости и успела адаптироваться к ним. Успешное решение указанной проблемы возможно в условиях привлечения всей семьи к психотерапевтической работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Березин С.В., Лисецкий К.С. Психология ранней наркомании. – Самара: Самарский университет, 2003. – 64 с.
2. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология и профилактика раннего алкоголизма. – М., 1984.
3. Варга А. Я., Драбкина Т. С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. – СПб.: Речь, 2005. – 144 с.
4. Короленко Ц.П. Аддитивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития. – Обзор. психиат. и мед. психол. – 1991. № 1, статья. – С. 8-15.
5. Личко А.Е Наркотизм (употребление наркотиков) и подростковая наркомания. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 145 с.
6. Москаленко В. Зависимость: семейная болезнь. В семье зависимость от алкоголя и наркотиков. Как выжить тем, кто рядом? – Изд.: Пэр Сэ Издательство, 2009. – 351 с.
7. Нестерова А.А., Суслова Т.Ф., Шibaкова Т.Л. Психолого-педагогическое сопровождение родителей при различных видах зависимостей у детей. Актуальные проблемы социальной педагогики: теория и практика. Под ред. Л.В. Мардахаева. – М.: Издательство РГСУ, 2009. – С. 314-317.
8. Свеженцева Ю.А. Социокультурные аспекты приобщения к наркотикам: качественный анализ проблемы // Молодёжь и наркотики (социология наркотизма) / Под ред. В.А. Соболева, И.П. Рущенко. – Харьков: Торсинг, 2000. – 129 с.
9. Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи. – Изд.: Питер, 2008. – 672 с.
10. Эльконин Д.Б. Детская психология. – М., 1960.

T. Shibakova

COUNSELLING FAMILIES DEPENDENT ON STIMULAN

Abstract. The article says the problem of disfunction of the family system when either husband or wife misuses psycho-stimulation drugs. The possible ways of psychological aid for such families are given here.

Key words: dependence psychology, medical psychology, deviate behavior, addiction, dysfunction of the family systems, psychotherapy, prophylactics, modern technology.

УДК 159.9

Токарева Ю.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ОТЦА*

Аннотация. Воспитательная практика отца, ребенка дошкольного возраста, характеризуется негармоничным стилем воспитания, занижением реальных способностей ребенка, а так же непоследовательными действиями, связанными с передачей ребенку социальных норм и требований общества. Разработанный детско-родительский тренинг, позволил увеличить количество гармонично воспитывающих ребенка отцов, с мотивацией на достижение успеха в развитии ребенка и безусловным его принятием.

Ключевые слова: отцовство, воспита-

тельная практика, негармоничное воспитание, непоследовательное воспитание, стиль воспитания, родительское отношение, родительские установки, детско-родительский тренинг, эффективное взаимодействие.

Воспитательная позиция мужчины отца, имеет существенные отличия от материнской (Р.В. Овчарова). Воспитательная практика мужчины - отца предполагает широкий спектр специализирующего воздействия на ребенка. В общении с отцами дети знакомятся с образцами мужского ролевого поведения, как в семье, так и в обществе (А. Адлер, А. И. Захаров, И.С. Кон, Б.И. Кочубей, З.

* © Токарева Ю.А.

Фрейд, Э. Фромм, Э.Г. Эйдемиллер и др.). Решающим, является формирование полового самосознания и это касается как сыновей, так и дочерей (Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, И.С. Клецина, И.С. Кон, Р.В. Манеров и др). Образцы фактической деятельности отца в семье - основа формирования представлений о мире и о себе, основа социализации и социальной успешности ребенка (Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, З. Марова, З. Матейчек, М. Мид, Н.Н. Наричин, В.А. Пономаренко, С. Радванова и др.). Поведение отца, только тогда оказывает воспитательное воздействие, когда оно протекает на глазах у детей и при непосредственном взаимодействии отца с ребенком [2].

Воспитательное значение отцовства - это необходимая предпосылка формирования в сознании ребенка гармоничности мира, отсутствие одного из родителей воспринимается как дисгармония мира в целом и способствует развитию различных нарушений в психологии и сознании детей [1].

Исходя из выше сказанного, возникает задача, эффективного построения воспитательной практики отца, с целью достижения значимого результата, воспитательных воздействий, установление понимающих отношений между отцом и ребенком.

Рассмотрев различные подходы, результаты исследований отечественных и зарубежных ученых об эффективном родительстве и варианты достижения воспитательной эффективности, можно сказать, что ситуация определения особенностей воспитательной практики отца, по отношению к ребенку дошкольного возраста не рассматривалась.

В исследовании принимали участие отцы, имеющие детей от 4 до 6 лет, посещающие центры развития детей г. Екатеринбурга «Кристаллик», «Созвездие», в количестве 45 человек. С целью изучения воспитательной практики отца использовались следующие методики: Тест – опросник «Мотивационно – потребностной сферы отцовства» (МПСО), автор Ю. А. Токарева; Методика «PARI», предназначена для изучения отношения отца к разным сторонам семейной жизни (семейной роли), авторы Е. С. Шеффер и Р. К. Белл, адаптирована Т.В. Неццет; Тест - опросник родительского отношения к детям (ОРО), разработан А. Я. Варга и В. В. Столиным, представляет собой психодиагностический инструмент, ориентированный на выявление родительского отношения у лиц, обращающихся за психологической помощью по вопросам воспитания детей и общения с ними. Родительское отношение понимается как

система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков. Методика Э. Г. Эйдемиллера. и В. В. Юстицкиса «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) позволяет определить, каким образом отец воспитывает ребенка в семье [3].

Констатирующий этап эксперимента, выявил следующие особенности воспитательной практики отцов детей дошкольного возраста. Больше количество отцов (44,4%) имеют мотивацию на «Самореализацию в отцовстве» - 4 группа. Отец с подобной мотивацией может считаться идеальным. Отцовство – это осознанный – шаг, планируемая в жизни ситуация. Появление ребенка для него не только повод почувствовать себя мужчиной, но и насладиться времяпровождением с ним. Вспомнить детство и порадоваться за ребенка. В отношении с ребенком он действует от ситуации и где нужно строг, а где ситуация позволяет, пускает её на самотек, зная о последствиях. Во взаимодействии с детьми он всегда разный, так как пробует разные стили, манеру общения. Дети любят такого отца, и он старается сделать все, что в его силах и в пределах разумного.

Отцы с мотивационной направленностью на удовлетворении в признании «Мотивация социального одобрения» - 2 группа, составляют 18%.

Такие отцы проявляют активное взаимодействие с ребенком тогда, когда есть люди готовые и способные оценить правильность действий отца, а именно одобрить, поощрить, привести в пример. Такие отцы используют разные действия (игры, занятия) с ребенком, если они дома, на улице, в гостях. Отличия заключаются в стиле общения, его содержании. Если отец с подобной мотивацией вышел с ребенком гулять, то он будет больше стараться проявить себя как идеальный отец: много объяснять и разговаривать, показывать, описывать, Идти за руку, обсуждать общие дела и т.п. Ему это доставляет удовольствие, потому что на него смотрят и оценивают как примерного отца.

Отцы мотивация, которых направлена на «Самоутверждение» - 1 группа, составляют 26,6%. Такие отцы уделяют ребенку достаточно много времени. В их взаимодействии с ребенком может наблюдаться как непосредственность, так и целенаправленность действий, направленных внешне на развитие ребенка, а на бессознательном уровне,

как действия направленные на развитие отца (мужчины): отношении ребенка отец может проявлять жесткость, так как именно ребенок позволяет ему проявиться как мужчине, демонстрировать силу, власть, строгость. Однако и эти действия не являются систематическими и последовательными, количество их уменьшается, когда ребенок послушен или родитель уже удовлетворил свое мужское самлюбие.

Мотивация отцов на «Достижение успехов в развитии и отношениях с ребенком» - 3 группа, составляет 12%. Отцы с подобной мотивацией передают ребенка заботе матери, считая, что именно она должна посвящать ему время и силы. С дел ребенка они переключаются на дела матери и вместо разделения с ней родительской функции находят варианты или людей (бабушки, няня) которые помогут. Общения с ребенком минимальны, они стимулируются просьбами матери о помощи и внимании. Главную функцию отец определяет как материальное обеспечение семьи и ребенка. Он покупает много игрушек, старается ни в чем не отказывать взрослому ребенку, однако не умеет провести с ним время. Ребенку с таким отцом скучно и не интересно.

Таким образом, анализируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что для отцов воспитывающих ребенка дошкольного возраста характерна слабовыраженная мотивационно – потребностная сфера отцовства в отношении, того, что «Ребенок нужен, как что-то важное в жизни мужчины». Причинами этого могут быть возрастные особенности ребенка, личностные характеристики самих отцов, неумение взаимодействовать с ребенком, обнажается необходимость развития позитивной мотивации.

Анализируя результаты констатирующего эксперимента, по методике PARI выяснили, что оптимальный эмоциональный контакт отцов с ребенком составляет 28%, излишняя эмоциональная дистанция с ребенком (холодность отношений) наблюдается у 3% отцов и 10% отцов, которые проявляют излишнюю концентрацию на ребенке.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что большинство отцов (49%) не испытывают потребности в эмоциональных связях с ребенком. Отцы, не интересуются успехами и достижениями ребенка, не умеют строить с ним доверительные и партнерские отношения. Оптимальный эмоциональный контакт в отношении отца и ребенка, является, по сути, первым признаком мотивационной

не готовности отца к эффективному взаимодействию с ребенком. Далее, для более глубокого анализа подробно рассмотрим каждую группу отношений по основным признакам и параметрам методики. Так, побуждение словесных проявлений, «шкала вербализация» составляет 42%, т.е. у отцов с ребенком установлены доверительные отношения, любые высказывания своего мнения, личные проблемы ребенок может доверить отцу и быть уверенным в том, что его выслушают. Однако, высокий процент выраженности данного параметра у отцов детей дошкольного возраста, говорит об определенном рода неадекватности во взаимодействии, попустительстве и не контролируемости социального развития. Отец мало корректирует представления ребенка в случае их ошибочности или асоциальности. Партнерские отношения отцов с ребенком составляют 7%. Отцы, воспитывающие детей дошкольного возраста в большинстве, не считают детей равноправными по отношению к себе во всех вопросах жизни. 33% отцов развивают активность ребенка, считают, что ребенок должен научиться в жизни многим нужным вещам и пробовать свои силы для достижения успехов. Такие отцы учат детей находить полезные занятия, выполнять наложенные на них обязанности. Уравнительные отношения между отцом и ребенком установлены у 31% отцов, воспитывающих детей дошкольного возраста.

Итак, преобладающими признаками оптимального эмоционального контакта у отцов воспитывающего ребенка дошкольника, являются вербализация (42%), развитие активности ребенка (33%) и уравнительные отношения между отцом и ребенком (31%). Все перечисленные признаки благоприятно влияют не только на развитие отношений, но и на воспитательную практику отцов в целом. Только, 7% отцов испытывают раздражение к детям и 2% отцов применяют к детям излишнюю строгость. Оба признака относятся к типу воспитания «жесткое обращение». Для таких отцов характерны приверженность к применению строгих наказаний и чрезмерное реагирование даже на незначительные нарушения поведения. Обычно такое отношение проявляется при эмоциональном отвержении ребенка, а оно, как мы знаем, формирует и усиливает в дальнейшем черты акцентуации личности, ведет к декомпенсации и формированию невротических расстройств. Излишняя концентрация отцов, на ребенке характеризующаяся, прежде всего, созданием безопасности, опасением обидеть,

выявлена у 18% родителей, т. е. для этих отцов главной заботой является благополучие и безопасность ребенка. Чрезвычайную заботу к детям проявляют 13% отцов. Изучаемые нами отцы, стараются оградить ребенка от всех трудностей, обид, разочарований. 13% отцов стремятся ускорить развитие своего ребенка, прилагают много своих сил к развитию самостоятельности ребенка, не учитывая его возрастные особенности. 11% отцов исключают влияния вне семьи, т. к. вне дома, считают они, ребенок может научиться тому, что противоречит их взглядам. 9% отцов подавляют волю у ребенка, тем самым лишают их самостоятельности, а 7% отцов подавляют агрессивность ребенка, приучают избегать конфликтов любыми способами, строго осуждают тех, кто может сдать сдачи обидчик. Отцы, подавляющие сексуальность ребенка (4%), стараются любыми способами избегать разговоров о вопросах пола, считают, что с ребенком не все в порядке, если он много расспрашивает о сексуальных отношениях. В основном это отцы детей в возрасте 5-6 лет, в потребность которых входит данный вид интересов, игнорируемых отцом.

Результаты теста – Опросника родительского отношения к детям (ОРО) показали, что 49% отцов, воспитывающих ребенка дошкольного возраста, воспринимают своих детей неприспособленными, не верят, что ребенок может добиться в жизни успехов из-за низких способностей. Такие отцы испытывают к ребенку злость, досаду, раздражение и не уважают его. 29% отцов, заинтересованы в делах и планах ребенка, стараются во всем им помочь. Высоко оценивают интеллектуальные и творческие способности ребенка, гордятся им. Поощряют инициативу и самостоятельность ребенка, стараются быть на равных. 76% стремятся удовлетворять все потребности ребенка, ограждают их от любых трудностей и неприятностей жизни. Ребенок кажется им маленьким и беззащитным, поэтому такие отцы по своей воле не предоставляют ребенку самостоятельности никогда. В 51% выявлен авторитаризм отца. Отцы с высокими баллами по этой шкале требуют от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины. Навязывают ребенку свою волю, т. к. не в состоянии встать на его точку зрения и часто наказывают за своеволие. 62% отцов, имеют стремление инфантилизировать ребенка, приписывают ему личную и социальную несамостоятельность. Ребенок представляется им неприспособленным, неуспешным, открытым для дурных влияний. Они видят

ребенка младшим по сравнению с реальным возрастом, поэтому стараются оградить его от трудностей жизни и строго контролируют все действия ребенка.

Таким образом, анализ результатов родительского отношения отцов, воспитывающих детей дошкольного возраста показал, что в большинстве отцы воспринимают своих детей беспомощными, неприспособленными, беззащитными. Стараются оградить детей от трудностей и неприятностей жизни, навязывают им свою волю, досаждают за их неумелость, не доверяют им. Такие установки в отношении детей ведут в дальнейшем к таким последствиям, как несамостоятельность, безволие, несостоятельность, как личности [3].

Анализ стиля воспитания (методика АСВ) показали, что больше половины (55%) отцов демонстрируют гармоничное воспитание детей. То есть воспитательные воздействия отца соответствуют возрастным и индивидуальным особенностям ребенка.

Самым распространенным типом негармоничного воспитания является доминирующая гиперпротекция (18%). Отцы, которые реализуют данный тип воспитания, уделяют много сил и времени ребенку и в то же время лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. У 11% отцов наблюдается такой тип воспитания, как потворствующая гиперпротекция. Эти отцы склонны потакать желаниям ребенка, чрезмерно покровительствуют и обожают ребенка. Определено, что у 6 % отцов выявлена повышенная моральная ответственность по отношению к ребенку. Они требуют от ребенка честности, порядочности, ответственности, однако, чувство долга не соответствует его возрасту. Интересы и возможности ребенка игнорируются. Эмоциональное отвержение проявляют 10% отцов. Эмоциональное отвержение проявляется наказаниями в форме избиений и истязаний, лишением удовольствий, неудовлетворением потребностей ребенка.

Таким образом, воспитывая ребенка дошкольника, отцы лишают ребенка самостоятельности, ставя перед ним многочисленные ограничения и запреты. Ребенка не приучают к самостоятельности и ответственности. При этом может проявляться скрываемое отцами эмоциональное отвержение, проявляющееся в глобальном недовольстве ребенком, постоянным ощущении отца, что он не «тот», не «такой», например, «недостаточно мужественный для своего возраста, все и всем прощает, по нему ходить можно». У некоторых отцов повышенная моральная от-

ветственность маскируется преувеличенной заботой и вниманием, но выдает себя раздражением, недостатком искренности в общении, бессознательным стремлением избежать тесных контактов, а при случае освободиться от «обузы» [3].

Подводя итоги изучению воспитательной практики отца ребенка дошкольного возраста можно сделать вывод, что есть необходимость создавать специальные обучающие программы для отцов по формированию у них позитивного отношения к ребенку и воспитывающему взаимодействию. С целью повышения эффективности воспитательной практики отцов мы разработали детско-родительский тренинг «Формирование эффективной воспитательной практики отца».

Концептуальной основой программы формирования эффективной воспитательной практики, является идея сотрудничества, поэтому основная задача программы — способствовать установлению и развитию отношений партнерства и сотрудничества отца с ребенком.

Задачи детско-родительского тренинга: создание условий для формирования позитивного отношения к ребенку; формирование эффективных родительских установок, позволяющих принять и понять своего ребенка; развитие умения договариваться с ребенком, организовывать его время; формирование навыка контроля за поведением ребенка в обществе, побуждение к социально поощряемым формам поведения; умение увидеть причину нарушенного поведения ребенка и эффективно отреагировать на него; умение эффективно использовать различные методы поощрения и наказания.

Основные блоки программы: диагностический, информационный, развивающий. Содержание каждого занятия выстраивается по следующей схеме: Ритуал приветствия – Разминка (Проведение психогимнастических упражнений и игр для снятия напряжения, смены деятельности, создание ситуации объединения отца и ребенка) – Совместная деятельность родителей и детей – Ритуал обсуждения (Проводится в форме групповой дискуссии в большом кругу и включается всегда после совместной деятельности, вопросы подготавливаются ведущим (тренером) заранее по теме занятия) – Информационная часть. Работа с отцами. Ведущий (тренер) готовит сообщения на темы, которые помогают достичь выполнения цели и задач данного тренинга – Обсуждение домашнего задания – Ритуал прощания.

В результате проведения детско-родительского тренинга с 19 отцами, и их детьми дошкольного возраста, были получены позитивные результаты. Оценка статистической достоверности эффективности программы проводилась с помощью критерия знаков – G. С математической точки зрения критерий знаков является частным случаем биномиального критерия для двух равновероятных альтернатив. При вероятности каждой из альтернатив $P=Q=0,50$ критерий знаков является зеркальным отражением биномиального критерия (сопоставление частоты встречаемости какого-либо эффекта с теоретической или заданной частотой его встречаемости). В некоторых руководствах критерий знаков называют критерием Мак-Немара (Р. Макколл, Р. Рунион).

После проведения детско-родительского тренинга, количество отцов с мотивацией самореализации в детях и принятием ребенка как ценности в жизни мужчины, выросла, по сравнению с группой отцов, мотивированных желанием самоутвердиться. Напомним, что мотивация самоутверждения отца, включает в себя факты жестокого обращения к ребенку, необоснованную агрессию, чрезмерный контроль выполнения ребенком социальных норм и требований. Увеличилась группа отцов мотивированных получением социального одобрения, что может быть связано с самой ситуацией тренинга, которая подразумевала самооценку эффективности воспитательных действий и оценку успешности поведения с ребенком других отцов, участвующих в тренинге. Описанный выше результат, несомненно, позитивно характеризует основания воспитательных намерений отца и последующие воспитательные действия отца. Подобного рода мотивационные направленности исключают необоснованность выбора воспитательных средств и санкций в отношении поведения ребенка.

Сравнивая результаты по методике PARI, так же обнаружили значимые различия, связанные с увеличением количества отцов эмоционально принимающих ребенка без излишней концентрации или дистанции. В результате тренинга отца научились оптимальным образом организовывать контакт с ребенком. Сближение или отдаление от ребенка детерминировано потребностями самого ребенка, желанием получить поддержку или самостоятельность со стороны отца.

Изучая стили воспитания отца, после проведения детско-родительского тренинга, также были выявлены значимые различия,

связанные с позитивным изменением в стиле воспитания, а значит и в построение воспитательной деятельности в целом.

Заметно увеличилось количество отцов с гармоничным стилем воспитанием ребенка. В процессе тренинга отцы научились вести себя, полагаясь на особенности своего ребенка, опираясь на ведущие мотивы его поведения, отцы выбирают воспитательные мероприятия исходя из ситуации, а не из собственных когда-то сложившихся представлений. Пересмотр воспитательных позиций отца с ребенком, говорит об осознанности всего процесса взаимодействия и наличии устойчивых представлений отца о результате воспитания.

Исходя из изложенных выше результатов, можно утверждать, что эффективность программы тренинга «Формирование эффективной воспитательной практики отца» доказана, как на количественном, так и качественном уровне. Мотивация на самореализацию в отцовстве, привела к позитивным изменениям в отношениях отцов к детям. Отцы, проявлявшие ранее, эмоциональное отвержение установили с ребенком оптимальный эмоциональный контакт. Изменились и установки отцов так, если до тренинга отцы, приписывали ребенку личную и социальную несостоятельность, тем самым стремились удовлетворить все потребности ребенка, оградить его от трудностей и неприятностей жизни, не пытались понять ребенка, то после тренинга отцы проявляют искреннюю заинтересованность и участие в делах ребенка, используют сотрудничество, стремление понять. Все вышеперечисленные изменения повлияли на типы негармоничного воспитания. Если до тренинга в исследуемой группе самым распространенным типом воспитания была доминирующая гиперпротекция, то после тренинга отцы,

воспитывающие детей дошкольного возраста, демонстрируют гармоничное воспитание.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о том, что тренинг формирования эффективной воспитательной практики способствует установлению оптимального эмоционального контакта отца с ребенком, формирует позитивные установки по отношению к детям и гармонизирует стиль воспитания отцов, воспитывающих ребенка дошкольного возраста, подтвердилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кон, И.С. Этнография родительства. – М., 2000.
2. Липпо, С.В., Посохова С.Т. Роль отца в самоактуализации подростков // Материалы VII Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Психология в школе: зоны ближайшего развития». – СПб., 2002. – С.49-51.
3. Шнейдер, Л.Б. Основы семейной психологии. – М., 2003.

Y. Tokareva

THE FORMATION OF AN EFFECTIVE FATHER'S UPBRINGING PRACTICE

Abstract. Father's upbringing practice of a preschool age child is characterized by nonharmonious upbringing style, by lowering of a real child's abilities, and also by in consequence actions connected with communication to a child social norms and requests of society. The worked child-parents course let us increase a number of fathers upbringing their children harmonious, with a motivation to reach the success while developing a child and with his absolute acceptance.

Key words: paternity, upbringing practice, nonharmonious upbringing, in consequence upbringing, upbringing style, parents' attitude, parents' directives, a child-parents course, effective interaction.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В ПСИХОЛОГИИ

В феврале 2010 г. на сайте HR-Лаборатория Human Technologies <http://www.ht.ru/cms/> в блоге экспертов системы HT-LINE прошла дискуссия по важнейшей проблеме профессиональной деятельности психологов. Разговор шел вокруг статьи Н.А. Батурина и А.В. Минбалеева «Проблемы охраны авторских прав на психологические продукты». Статья с разрешения авторов повторно публикуется в этом номере журнала. Модератором дискуссии стал проф. Батурин Николай Алексеевич, декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). В дискуссии приняли участие ученые МГУ им. М.В.Ломоносова: проф. Леонтьев Дмитрий Алексеевич, проф. Шмелев Александр Георгиевич, проф. Кринчик Елена Петровна. Свое мнение по проблеме высказали проф. Булгаков Александр Владимирович (МГОУ), проф. Кроник Александр Александрович (Бефесда, США, Институт Каузометрии LifeLook.Net), редактор интернет-проекта www.psychologies.ru Орел Екатерина Алексеевна (г. Москва). Представляем некоторые наиболее интересные, на наш взгляд, моменты дискуссии.

Проф. Н.А. Батурин:

Дорогие коллеги! Одна из самых острых проблем, от которой зависит судьба российской психодиагностики и даже психологии – вопрос об охране авторских прав на психологические измерительные инструменты и прежде всего на психодиагностические методики. У любой науки нет будущего, если у нее нет точных проверенных и надежных измерительных инструментов. У любой практики нет будущего, если не созданы надежные,

валидные и стандартизированные диагностические инструменты. Это в полной мере относится и к психологической науке, и к психологической практике.

А кто будет тратить свои силы, время и средства на то, чтобы разработать, проверить и стандартизировать, например, психодиагностическую методику, если у него нет уверенности, что его труд будет надежно защищен законодательством? А кто из зарубежных коллег поверит нашей науке и позволит заимствовать лучшие образцы своих измерительных инструментов, если они не будут уверены, что их авторские права будут защищены, будут охраняться наравне с отечественными разработчиками? А что должен знать отечественный разработчик, чтобы, с одной стороны, не нарушать законы, а с другой стороны, чтобы использовать все возможности из международного опыта разработки тестов для создания отечественных измерительных инструментов, все то, что не запрещено законом?

Сегодня я предлагаю начать предметное обсуждение проблемы охраны авторских прав с моей статьи, подготовленной вместе с Минбалеевым А.В., юристом, специализирующимся в области авторского права, канд. юридических наук, доцентом.

Понимаю, что в статье удалось рассмотреть далеко не все проблемы. Всем нам вместе еще долго предстоит уточнять и дорабатывать формулировки, принимать коллективные решения, поскольку нет ни одной статьи закона, в которой бы упоминалось о психодиагностике. Есть только общие положения, которые нуждаются в адаптации под наши конкретные нужды.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ*

Аннотация. Предпринята попытка адаптировать базовые положения норм авторского права к психологической сфере, рассмотреть некоторые спорные для психологии вопросы толкования общих представлений о произведении, охраняемом авторским правом, прежде всего применительно к психодиагностическим методикам. Выделены компоненты методик, охраняемые и неохранные авторским правом. Проанализирован правовой статус переведённых и адаптированных зарубежных методик, в том числе охрана торгового знака методики.

Ключевые слова: авторское право, произведение, продукт деятельности психолога, психодиагностика, перевод и адаптации, товарный знак.

Одной из ключевых проблем современной психологии является защита авторских прав на психологические продукты, из которых наиболее распространёнными являются: а) научные работы, б) результаты научных исследований, в) различного рода инструменты измерения и оценки, г) процедуры и содержание воздействия (интервенции) и д) программы активных методов обучения (тренинги).

В настоящее время особенно актуальна проблема защиты авторских прав для психодиагностики, поскольку почти во всех сферах психологической практики, использующих психодиагностические методики, происходит массовое нарушение интеллектуальных авторских прав. Связано это с тем, что именно психодиагностические методики обладают наиболее выраженной имущественной ценностью.

Наиболее распространёнными нарушениями авторских прав в области психодиагностики являются неправомерное издание составных произведений (сборников тестов, «энциклопедий» лучших тестов и т.д.) и производных произведений (публикации незаконно выполненных переводов и адаптаций зарубежных тестов, «вольное» обращение с отечественными тестами), распространение контрафактных психологических продуктов, неправомерное распространение психодиаг-

ностических методик через Интернет и доведение их до всеобщего сведения через другие информационно-телекоммуникационные сети, сканирование и размножение тестов на бумажных и электронных носителях.

Многие из этих нарушений связаны с почти полной правовой безграмотностью специалистов-психологов. Осознание этого факта психологическим сообществом произошло сравнительно недавно.

В советский период авторские права в психодиагностике, как и в психологии в целом, осознавались и охранялись по аналогии с обычными литературными и научными произведениями. Поэтому довольно строго соблюдались в основном только личные неимущественные авторские права: право авторства, право на имя, права на обнародование и право на защиту произведения от искажения. Значение охраны имущественных авторских прав осознавалось и отстаивалось только в единичных случаях, а права зарубежных авторов практически игнорировались [14, 15]. В обществе их соблюдение считалось не обязательным.

Так, подавляющее большинство зарубежных тестов, разным путём попавших в СССР, были переведены без понимания необходимости охраны авторских прав и разработчиков, и издателей теста-оригинала. Многие годы они копировались всеми доступными для того времени средствами и распространялись из рук в руки, а позднее – через публикации в широкой печати. Появление после распада СССР первых в России издательств психодиагностического инструментария и фирм «Психодиагностика» и «ИМАТОН» было встречено в основном позитивно. Однако увеличение числа издательств, широкое распространение оснащённости учреждений и организаций цифровой печатной техникой и использование интернет-технологий для целей размножения и распространения таких методик породило существенные проблемы в охране авторских прав как отечественных, так и зарубежных авторов и правообладателей.

В современной России охрану авторских прав по сути дела можно исчислять с момента вступления в силу в 1993 г. Закона

* © Батури Н.А., Минбалева А.В.

Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» [3]. Однако только введение в действие с 01.01. 2008 г. IV части Гражданского кодекса Российской Федерации [ГК РФ, 2], включающей в себя в систематизированном виде все основные законы, определяющие судьбу интеллектуальной собственности, инициировало привлечение более пристального внимания психологов к охране авторских прав на психодиагностический инструментарий. Первое, что пришлось принять специалистам-психологам, – это отсутствие отдельных правовых норм об охране их специфических продуктов. Поэтому, с одной стороны, только понимание общего содержания норм об охране авторских прав позволит разработчикам психологических продуктов и пользователям-психологам использовать в регуляции своих взаимоотношений, возникающих в связи с созданием и использованием этих психологических продуктов. С другой стороны, анализ норм об охране авторских прав позволяет выявить неохранные авторским правом объекты и их отдельные части, которые на законных основаниях могут свободно использоваться в своей деятельности разработчики психологических продуктов.

В качестве иллюстрации вышеописанного можно рассмотреть сущность и содержание ключевого понятия авторского права – «произведение» и того, как оно может интерпретироваться в сфере психодиагностики.

В мировой истории авторское право охраняется уже более трёх веков: на государственном уровне – начиная со Статута королевы Анны (Англия, 1710 г.), на межгосударственном уровне – начиная с Бернской конвенции об охране литературной и художественной собственности (Швейцария, 1886 г.) [1]. Однако фактически до сих пор в законах не дано определение «произведения» как предмета авторского права. В ст. 1259 ГК РФ установлен лишь примерный перечень видов и признаков произведений.

Как и следовало ожидать, в этом списке психологические произведения не выделены в качестве отдельного вида произведения. Их можно отнести лишь к категории «другие произведения». Кроме того, очевидно, что психологические продукты являются чаще всего сложными, состоящими из нескольких элементов продуктов различных видов: «литературных произведений» (тексты опросников, руководств); «произведений изобразительного искусства» (фотографии, «чернильные пятна», картинки); «аудиовизуальных произведений» (видеосюжеты,

компьютерные анимации и т.д.).

Важным аспектом понимания законов об охране авторских прав являются *признаки произведений*, защищаемых законами. Во-первых, любое произведение должно быть *продуктом умственной творческой деятельности*; во-вторых, его содержание должно носить *индивидуальный характер*; в-третьих, оно должно восприниматься как специфический объект, имеющий *объективную форму выражения*.

Все эти признаки относятся ко всем видам произведений, защищаемым авторским правом, а именно: а) оригинальные авторские (исходные работы); б) производные (новые произведения, основанные на предшествующих работах); в) составные (составленные из **нескольких** исходных работ) и г) коллективные (продукт нескольких создателей).

Некоторые из перечисленных признаков произведений, определяющих границы охраны психологических продуктов, до сих пор остаются дискуссионными и неоднозначными. Поэтому более подробно рассмотрим главные из них.

1. *Произведение должно являться результатом творческой деятельности автора.* Категория «творчество» на первый взгляд может показаться достаточно простой для понимания, но в то же время в полной мере отразить ее в рамках единого понятия очень сложно. Как в дореволюционном и советском законодательстве, так и в современном понимании «творчество», «творческая деятельность» не нашли своего законодательного закрепления. В науке этот вопрос также вызывает дискуссии. Некоторые авторы под творчеством понимают сознательный и в большинстве случаев трудоемкий процесс, имеющий своей целью достижение определенного результата [10, 34]. Другие рассматривают «творчество» преимущественно как результат создания чего-либо нового. Так, по мнению Э.П. Гаврилова, творчество – это деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью [6, 83]. О.А. Красавчиков признавал творческой только самостоятельную деятельность, в результате которой создается произведение, отличающееся новизной [11, 447].

Представляется, что новизна не является неотъемлемым признаком творческого произведения. В большинстве случаев творческое произведение действительно будет новым, т.е. будет содержать ранее не существовавшие оригинальные мысли, идеи, худо-

жественные образы, композиции. Произведение рассматривается в качестве творчески нового и в том случае, если по-новому выражены замысел и художественные образы. Это имеет место, например, при переработке повествовательного произведения в драматическое и наоборот, а также в случае использования чужого опубликованного произведения для создания нового творчески переработанного самостоятельного произведения [8, 39]. Подобным образом можно подходить и к психологическим продуктам. Если в результате создания нового теста будут использованы оригинальные подходы или те или иные элементы, переработанные пункты для новых тестов, то можно говорить о новизне психологического продукта, и, следовательно, о возможности его признания в качестве охраноспособного произведения.

Достаточно спорным является вопрос и о самостоятельности признака *оригинальности произведения*. Оригинальность произведения означает, что оно не должно быть скопировано с другого произведения и должно содержать значительный объем собственного творческого материала [16, 45]. В ряде зарубежных стран (США, Великобритания, Франция и др.) оригинальность является обязательным признаком произведения. В России подобный признак объекта авторского права не находит отражения в законодательстве, но иногда закрепляется в судебной правоприменительной практике [4]. На наш взгляд, нецелесообразно рассматривать «оригинальность» как самостоятельный признак, если принимать, что этот признак полностью охватывается понятием «творчество».

2. Охране подлежат произведения, которые выражены в той или иной *объективной форме*. Объективность формы следует связывать преимущественно с тем, что произведение способно восприниматься человеческими органами чувств. Именно в таком смысле и следует толковать высказывания о произведении как «объективно воспринимаемом» [7, 60] результате труда и как «существующего самостоятельно от автора» [13, 76]. Несмотря на неразрывную связь произведения как объекта авторских прав с тем или иным материальным носителем, необходимо помнить, что произведениями всё таки являются «не материальные продукты, а творческая мысль, ставшая в них объективной реальностью» [9, 135]. В связи с этим и психологические продукты могут охраняться авторским правом только в случае объективного выражения творческого содержания на том или ином носителе.

3. В различных странах авторские права по-разному распространяются на психологические продукты в зависимости от способа их введения в оборот. В Америке, Англии и других англоязычных странах публичному обнародованию должна предшествовать процедура регистрации продукта (теста). При этом следует отметить, что в последние годы это требование становится необязательным.

В Европе и России авторские права распространяются как *на обнародованные*, так и *на необнародованные произведения*, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме. При этом необходимо учитывать, что в законодательстве содержится лишь примерный перечень форм выражения произведений. Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных *формальностей*, в том числе проверки *формальных* критериев охраны в каком-либо государственном органе.

В отношении программных продуктов для ЭВМ и баз данных возможна их регистрация, осуществляемая по желанию правообладателя в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатенте). Кроме того, по желанию автора психодиагностической методики она сама и её товарный знак могут также быть зарегистрированы в Роспатенте.

4. Произведения науки, литературы и искусства охраняются независимо от их достоинств и назначения, а также от способа их выражения. При охране произведения не должно приниматься во внимание, в какой области человеческой деятельности может быть оно применено, насколько эта область является актуальной и стоит ли вообще затрачивать на это произведение усилия. Не важным также является факт, может ли произведение соответствовать своему назначению либо оно вообще не имеет никакого практического назначения. Действующее законодательство четко исходит из того, что произведения охраняются независимо от их назначения и достоинства.

Применительно к этому признаку авторско-правовой охране будут подвергаться (при условии выполнения первых трёх описанных выше признаков охраны произведений) по сути любые экспериментальные и но-

ваторские психодиагностические продукты (даже если они кому-то кажутся абсурдными или неперспективными, поскольку нельзя заранее предсказать возможность их практического применения). Это очень важно, поскольку любой конечный психологический продукт, прежде чем он начнет профессионально использоваться психологом, проходит ряд исследований и апробаций. При этом разработчик психологического продукта, например, вопросника из нескольких утверждений, может быть уверен изначально, что независимо от возможности использования его продукта он будет охраняться законом.

Исходя из всех описанных признаков произведений, защищаемых авторским правом, а также сложившейся международной судебной практики, можно выделить несколько наиболее важных, специфичных для психодиагностики признаков произведений (тестов).

Защищаемые нормами об авторском праве признаки и компоненты психологического продукта (психодиагностического инструмента):

1. Полный текст всего стимульного материала (вербальный, рисуночный, аудиовизуальный и т.д.).

2. Индивидуальная конструкция каждого субтеста, раздела или шкалы, состоящая из полной совокупности пунктов (утверждений, заданий, картинок и т.п.)

3. Отдельные пункты, имеющие индивидуальные и специфические признаки и являющиеся продуктом творчества автора (авторов).

4. Руководство к методике как цельный и оригинальный текст.

5. Процедуры и результаты проверки методики на надёжность, валидность, достоверность.

6. Результаты стандартизации в виде таблиц с нормами и пересчётными шкалами.

7. Компьютерные программы, включающие в себя содержание любого из предыдущих семи пунктов признаков.

Не защищаемые нормами авторского права признаки и компоненты психологического продукта (психодиагностического инструмента)

1. Общенаучные понятия, теории, идеи и другие компоненты методологической основы продукта, а также всё, что относится к признакам метода, а не конкретной методики.

2. Выбранные для диагностики черты, свойства, качества, включенные в конструктор.

3. Тип заданий, вопросов, утверждений.

4. Отдельные пункты – вопросы и задания, не содержащие в себе творческие компоненты.

5. Бланки и формы для регистрации ответов, не содержащие сложных и (или) креативных графических элементов.

В случае соответствия психологического произведения всем указанным ранее критериям и перечисленным семи признакам и компонентам, оно будет охраняться российским авторским правом, если оно определенным образом связано с гражданством Российской Федерации или территорией Российской Федерации. В силу положений ч. 1 ст. 1256 ГК РФ исключительное право на произведения науки, литературы и искусства распространяется:

- на произведения, обнародованные на территории Российской Федерации или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме на территории Российской Федерации, и признаются за авторами (их правопреемниками) независимо от их гражданства;

- на произведения, обнародованные за пределами территории Российской Федерации или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме за пределами территории Российской Федерации, и признаются за авторами, являющимися гражданами Российской Федерации (их правопреемниками);

- на произведения, обнародованные за пределами территории Российской Федерации или необнародованные, но находящиеся в какой-либо объективной форме за пределами территории Российской Федерации, и признаются на территории Российской Федерации за авторами (их правопреемниками) – гражданами других государств и лицами без гражданства в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

При предоставлении на территории Российской Федерации охраны произведению в соответствии с международными договорами Российской Федерации автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется по закону государства, на территории которого имел место юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав.

Предоставление на территории Российской Федерации охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации осуществляется толь-

ко в отношении психологических продуктов, не перешедших в общественное достояние в стране их происхождения, вследствие истечения установленного в этой стране срока действия исключительного права на эти произведения, и не перешедших в общественное достояние в Российской Федерации, вследствие истечения предусмотренного ГК РФ срока действия исключительного права на них. При предоставлении охраны произведениям в соответствии с международными договорами Российской Федерации срок действия исключительного права на эти произведения на территории Российской Федерации не может превышать срок действия исключительного права, установленного в стране происхождения произведения. Напомним, что в соответствии с ГК РФ этот срок в России составляет в течение всей жизни и 70 лет после смерти автора.

Переход в общественное достояние произведений в области психодиагностики имеет свои важные особенности в связи с наличием в области психодиагностики профессиональной тайны. Кроме того, необходимо учитывать, что многие тесты могут использоваться только специально подготовленными, а в ряде случаев только сертифицированными специалистами. Любое широкое обнародование без соблюдения профессиональных правил ведёт к «гибели» психодиагностического произведения. Поэтому, на наш взгляд, сегодня должен быть разработан механизм перехода в общественное достояние психологических продуктов только в рамках профессионального сообщества. Например, тест Роршаха был разработан и обнародован в 1911 г., его автор Герман Роршах умер в 1922 году, т.е. в соответствии с законом его тест должен перейти в общественное достояние ещё в 1992 году. Однако профессиональное сообщество, чтобы не допустить его «гибели», выработало особые меры, противостоящие его непрофессиональному использованию.

Активное развитие психологии в целом и психодиагностики, в частности, за прошедшее столетие привело к созданию огромного количества психодиагностических методик. В связи с этим формирование полностью оригинальных тестов сегодня является достаточно редким явлением. Например, во всем мире сегодня собраны большие базы типов заданий и пунктов опросников. Поэтому при формировании тех или иных новых психологических тестов чаще всего происходит переработка уже апробированных элементов тестов или использование их частей для кон-

струирования собственных. Как отмечалось, с точки зрения авторского права чаще всего подвергается защите продукт переработки (изменение пунктов субтеста, добавления новых слов и выражений, вставки изображений, видеорядов и иных дополнительных элементов) или проводится специфическая расстановка пунктов и добавление в старом субтесте новых пунктов в соответствии с новым конструктом. Следствием этих действий является то, что современные вновь создаваемые психологические продукты зачастую являются *производными* или *составными произведениями*. Поэтому опишем специфику каждого из них более подробно.

К *производным* относятся произведения, представляющие собой переработку другого произведения. Обычно на режим охраняемого продукта претендуют адаптации тестов под новые задачи, новые способы обработки, компьютеризация бланкового теста и т.п. произведения. Однако переработанным произведением будет признаваться только то, в котором произведено творческое изменение существующих текстов и адаптация теста путём дальнейших изменений содержания утверждений в соответствии с культурой страны или региона. Автору нового производного произведения принадлежат авторские права на осуществленную переработку оригинального произведения, но не на само оригинальное произведение. Обязательным элементом в создании нового произведения путем переработки исходного произведения должен быть элемент творчества. Настоящая адаптация теста всегда должна строиться на основе творческого замысла психолога и должна порождать новый оригинальный по своей форме и сути продукт. При этом идея теста может быть сохранена, поскольку идеи, концепты, конструкты и др. общенаучные элементы не охраняются авторским правом.

Особого внимания заслуживает проблема охраны авторских прав при переводе зарубежных тестов на русский язык. В этом случае следует соблюдать ряд правил, принятых в международной практике.

1. Приобретение теста у зарубежной фирмы-издателя, как правило, дает право психологу, купившему тест, использовать его только на языке оригинала. Перевод теста допускается только для использования его в личных целях без каких-либо форм обнародования, в том числе в *научных публикациях*. Исключения составляют тесты, предназначенные для научных исследований, которые не издаются на языке оригинала для широко-

го практического применения. В этом случае для соблюдения закона достаточно получить письменное согласие автора на перевод, адаптацию и использование теста только в научных целях. Все авторские права при этом сохраняются за автором оригинального теста.

2. Для осуществления перевода теста с целью его дальнейшей адаптации и использования в коммерческих целях требуется заключение договора с правообладателем, например, фирмой-издателем или её дистрибьютором, наделённым соответствующими правами. Обычно правообладатели неохотно идут на подписание договора, дающего права даже на перевод (не говоря уже об адаптации), поскольку им очень сложно контролировать соблюдение переводчиками существующих авторских прав и возможность приобретения переводчиком по законам других стран авторских прав на перевод теста как на производное произведение.

3. Для законного перевода, адаптации и последующего издания или проведения тестирования компьютерных и компьютеризированных тестов в режиме on- или off-line в коммерческих целях необходимо заключать лицензионный договор, предоставляющий право распространять фиксированное количество тестов, или на дистрибуцию теста в ограниченное количество времени (лет или месяцев).

4. Наконец, существует возможность приобрести исключительное право на психологические продукты через договор об отчуждении исключительного права. В этом случае все права переходят к новому правообладателю.

5. В случае публикации и использования психологических продуктов, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, необходимо также приобретать исключительное право по договору об отчуждении или по лицензионному договору на использование торгового знака (торговой марки), зарегистрированного для обозначения психологических продуктов или услуг по психодиагностике.

Анализ легальных признаков охраноспособности произведений позволил выделить основные признаки психологических продуктов, которые охраняются авторским правом как целое произведение. Кроме того, та или иная часть психологического продукта также может выступить в качестве самостоятельно охраняемого произведения. В этом случае можно говорить о ней как о самостоятельном объекте авторского права. Под частью произ-

ведения понимается «как механически выделенная из него часть (фрагмент картины, отрывок кинофильма, строфа произведения, заглавие произведения, субтест или шкала опросника и т.п.), так и такая часть произведения (теста), которая создана с помощью другого лица [5, 46] (например, адаптация одного из субтестов, разработка статистических норм и т.п.)», при соблюдении определённых норм законов. Так, В.Е. Фридман предлагает под частью произведения понимать «элемент внутренней или внешней формы произведения при условии, что такой элемент обладает оригинальностью и потенциальной возможностью использования независимо от произведения в целом. Частью произведения могут являться название, персонажи, иные элементы внутренней или внешней формы произведения» [12, 8-12]. Охрана части произведения как объекта авторского права традиционно рассматривается в рамках общей проблемы юридически значимых (охраняемых) и юридически безразличных (неохраняемых) элементов произведения.

Особое внимание следует обратить на *название произведения* как его часть. В соответствии с четвертой частью ГК РФ авторские права распространяются на название как на часть произведения, так же, как и на другие его компоненты, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают другим признакам объекта авторского права. На том, что название психологического продукта, как и любого произведения, охраняется авторским правом, стоит остановиться особо.

В отечественной психологической практике распространено сохранение названия теста, несмотря на то, что автор производного от оригинального теста в соответствии со своими интересами произвёл в процессе адаптации настолько значительную его переработку, что тест значительно изменился. При этом автор переработки начинает настаивать на охране уже своих авторских прав на производную методику, но при этом продолжает сохранять название исходного теста и даже сохраняет в названии фамилию автора исходного теста (чаще всего зарубежного). Очевидно, что эти процессы несовместимы. Если разработчик претендует на статус автора нового производного произведения, то, охраняя авторские права автора исходного теста, он обязан изменить название нового производного теста. При этом очевидна причина, по которой автор производного произведения

стремится сохранить известное всем, «раскрученное» название, порой превратившееся в бренд – под старым названием новый продукт легче продавать.

Для предотвращения этого за рубежом обладатели авторских прав или правопреемники регистрируют название теста как торговую марку.

Отечественным разработчикам производных тестов нужно понимать, что знак R (registered) в круге – ® – или ТМ (trade mark), означает, что название или аббревиатура теста охраняются как товарный знак или знак обслуживания. В этом случае разработчики обязаны заменить название производной методики на новое либо приобрести право на использование товарного знака.

Составные произведения – это произведения, представляющие собой результат творческого труда по подбору нескольких произведений или новому расположению материалов внутри исходного произведения. Составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные им подбор и/или расположение материалов (составительство). Однако при этом он обязан соблюдать авторские права авторов составных материалов, получив соответствующее разрешение от них. К сожалению, уже много раз составители безнаказанно нарушали авторские права разработчиков тестов, выпуская всяческие «Энциклопедии тестов», книги «Лучших тестов» и т.п. без разрешения авторов-разработчиков.

Любой психологический продукт, в том числе и психологический тест, может быть составным произведением, если он представляет собой полностью или частично сборку из уже существующих тестов. Поскольку авторским правом охраняется часть произведения, обладающая творческим характером, то и новый тест может быть составлен из пунктов других субтестов, если только они не подлежат охране авторских прав.

Следует ещё раз подчеркнуть, что составитель либо иной автор производного или составного произведения приобретает свои авторские права *только при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения, за исключением использования неохранных авторским правом объектов*. Если это условие соблюдено, то авторские права составителя и иного автора производ-

ного или составного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов произведений, на которых основано производное или составное произведение. Автор произведения, помещенного в составном произведении, вправе использовать свое произведение независимо от составного произведения, если иное не предусмотрено договором с создателем составного произведения.

Авторские права на производное или составное произведение не препятствуют другим лицам перерабатывать то же оригинальное произведение, а также создавать свои составные произведения путем иного подбора или расположения тех же материалов, опять же только в случае приобретения необходимой части прав от правообладателей исходных частей.

Рассматривая производные и составные произведения, в том числе и психодиагностические продукты, следует подчеркнуть, что одним из наиболее актуальных вопросов при характеристике произведений является определение тех из них, или их компонентов, на которые авторские права не распространяются вообще.

В силу закона, как уже отмечалось, авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, факты, языки программирования и иные компоненты произведений, не обладающие правоохраняемыми признаками, а также на компоненты психологических продуктов, не охраняемые по другим основаниям (см. выше).

Кроме того, не являются объектами авторских прав:

- 1) официальные документы различных государственных органов, а также их официальные переводы;
- 2) государственные символы и знаки;
- 3) произведения народного творчества (фольклор), не имеющие конкретных авторов, в то числе пословицы, поговорки, «крылатые» выражения, которые в последнее время нередко используются в психодиагностических методиках;
- 4) сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер;
- 5) авторское право не распространяется на произведения, которые перешли в общественное достояние в связи с окончанием срока охраны авторских прав;
- 6) следует также отметить, что в мире

сегодня всё более активно распространяется практика отказа от авторских прав, который оформляется через лицензию Creative Commons. Знак CC – «права не охраняемы» предполагает, что произведение по желанию автора или по иным причинам стало всеобщим достоянием и может свободно использоваться без согласия автора и выплаты авторского вознаграждения. В России законодательно пока не установлена возможность подобного отказа. Авторские права распространяются и на произведения зарубежных авторов, даже имеющие подобный знак в силу международных обязательств. Однако де-факто такой отказ от авторских прав уже используется отечественными психологами, так же как принимается отказ от авторских прав зарубежных правообладателей.

Не охраняемые авторским правом произведения могут свободно использоваться создателями тестов, в том числе для разработки производных и составных произведений (методик), а также ранее охраняемые части или отдельные элементы тестов, на которые закончился срок охраны. Используя при этом психологические продукты, срок авторской защиты которых закончился, необходимо помнить о личных неимущественных правах авторов и, прежде всего, о праве на неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажений. Авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно. В России они могут принадлежать только физическому лицу и являются неотчуждаемыми, т.е. их нельзя передать другому лицу. Согласно ст. 1266 ГК РФ, не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями. Извращение, искажение или иное изменение произведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию автора, равно как и посягательство на такие действия, дают наследникам автора или иным лицам право требовать защиты чести, достоинства или деловой репутации автора в соответствии с правилами ст. 152 ГК РФ.

Автор вправе в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания, указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти. Это лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. При отсутствии таких указаний или в

случае отказа назначенного автором лица от исполнения соответствующих полномочий, а также после смерти этого лица охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами.

Особого внимания заслуживает возможность свободного использования произведения, которое распространяется и на психологические продукты. Во многих странах мира на свободное использование психологических продуктов накладываются ограничения профессиональными сообществами в связи с необходимостью защиты профессиональной тайны. Существует и законодательная поддержка в этом вопросе, например, за нарушение профессиональной тайны и разглашение содержания теста и ключей для обработки некоторых видов тестов в нескольких штатах США предусмотрено уголовное наказание (например, это касается тестов для обследования школьников и студентов – SAT, Geery и др.).

За исключением всех этих ограничений, допускается:

1. Заимствования из правомерно обнаруженных произведений без согласия автора и выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора и источника:

а) цитирование в объёме, оправданном целью цитирования;

б) использование произведений и отрывков из них в учебных материалах в объёме, оправданном поставленной целью;

в) предоставление во временное безвозмездное пользование библиотекам (в том числе библиотекам тестов – тестотекам) экземпляров произведений. При этом для произведений в цифровой форме свободное использование допускается только в помещении библиотеки при исключении копирования.

2. Заимствования в единичном экземпляре без согласия автора путём репродуцирования, но с обязательным указанием имени автора и источника:

а) для восстановления, замены утраченных или испорченных экземпляров библиотек (тестотеками) и архивами;

б) отдельных статей и малообъёмных произведений библиотеками (тестотеками) по запросам физических лиц в учебных и исследовательских целях;

в) отдельных статей, малообъёмных произведений и коротких отрывков образовательными учреждениями для аудиторных занятий.

ГК РФ предусматривается ряд способов защиты авторских прав. Так, защита личных неимущественных прав автора осуществляется путем признания законных прав, пресечением действий, нарушающих право, требованием компенсации морального вреда, публикации решения суда о допущенном нарушении и т.п.

В случае нарушения исключительного права на произведение (методику) правообладатель вправе требовать возмещения убытков или может требовать по своему выбору от нарушителя, вместо возмещения убытков, выплаты компенсации в размере от 10 000 рублей до 5 000 000 рублей, определяемой по усмотрению суда, или компенсации в двукратном размере стоимости экземпляров произведений, или в двукратном размере стоимости права использования подобных произведений. По решению суда подлежат изъятию и уничтожению не только контрафактные произведения, но и оборудование, прочие устройства и материалы, используемые для совершения нарушения.

Способами защиты авторских прав, которые в настоящее время приобретают все большее распространение в области психодиагностики, являются применение технических, электронных и программных средств защиты от нарушений. Однако это возможно в основном только в отношении компьютерных психодиагностических методик.

За нарушение авторских прав в российском законодательстве предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. *Гражданско-правовая ответственность* предусматривает лишение имущественного характера, при этом за неоднократное нарушение авторских прав суд может принять также решение о ликвидации юридического лица, совершившего правонарушение, или о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя. Причем, согласно ГК РФ, нарушитель несёт ответственность вне зависимости от наличия вины, а за факт самого нарушения. Доказательство отсутствия вины также возлагается на лицо, вызвавшее обстоятельство нарушения авторского права.

Мерой административного взыскания является наложение административного штрафа с обязательной конфискацией контрафактных экземпляров, материалов и оборудования. При этом нарушением авторских прав является ввоз, продажа, сдача в аренду (прокат) или иное незаконное использование произведений (в том числе тестов), охраняе-

мых законом.

Уголовным кодексом *предусмотрено несколько составов преступлений*, связанных с нарушением авторских прав. Прежде всего, это плагиат. Преступлением признается также приобретение, хранение и перевозка контрафактных экземпляров произведений с целью сбыта в крупном или особо крупном размере (50 000 рублей и 250 000 рублей, соответственно). Лицо, группа лиц по предварительному сговору или должностное лицо, совершившие подобное преступление, наказываются штрафом от 200 000 рублей до лишения свободы на срок до 6 лет со штрафом до 500 000 рублей.

Таким образом, в статье рассмотрена одна из ключевых проблем современной психологии – защита авторских прав психологических продуктов и, главным образом, прав на психодиагностические инструменты.

Острота проблемы объясняется, с одной стороны, попытками российских психологов войти в международное сообщество, что требует знания и соблюдения международных законов и практики в области охраны авторских прав. С другой стороны, кризис отечественной психодиагностики толкает отечественных психологов к поискам, переводу и адаптации новых зарубежных методик, что также требует учёта отечественного и международного права об охране авторских прав и интеллектуальной собственности.

В статье предпринята попытка адаптировать базовые положения норм авторского права к психологической сфере, рассмотреть некоторые спорные для психологии вопросы толкования общих представлений о произведении, охраняемом авторским правом, прежде всего применительно к такому виду произведений, как психодиагностические методики.

Очевидно, что в одной статье дать ответы на все спорные вопросы невозможно. Психологическому сообществу ещё предстоит тщательно изучить нормы об авторском праве и выработать общую позицию по многим вопросам. Сделать это необходимо, во-первых, чтобы избежать нарушений законов, а во-вторых, чтобы использовать знание законов для исключения излишней боязливости их нарушения в случаях, если они предоставляют возможность легально использовать всё то, что законами не охраняется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бернская конвенция по охране литературных

- и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров. – 2003. № 9.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. – 2006. 26 декабря.
 3. Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993. № 5351-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Ст. 1242. – 1993. № 32.
 4. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.03.2001 г. по делу А 56-10973/00 // СПС «Консультант Плюс».
 5. Гаврилов, Э.П. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об авторском праве смежных правах» с судебной практикой / Э.П. Гаврилов. – М.: Экзамен, 2003. – С. 46.
 6. Гаврилов, Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Э.П. Гаврилов. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
 7. Гордон, М.В. Советское авторское право / М.В. Гордон. – М.: Юрид. лит., 1955. – 232 с.
 8. Гришаев, С.П. Интеллектуальная собственность: учебное пособие / С.П. Гришаев. – М.: Юрист, 2004. – 221 с.
 9. Мартынов, Б.С. Права авторства в СССР / Б.С. Мартынов // Ученые записки Всесоюзного ин-та юридических наук. Вып. IX. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 131–142.
 10. Серебровский, В.И. Вопросы советского авторского права / В.И. Серебровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 283 с.
 11. Советское гражданское право. Т. 2. – М.: Высшая школа, 1985. – 544 с.
 12. Фридман, В.Э. Охрана частей и структурных элементов произведения как объектов авторского права в России и США: Дисс. ... канд. юрид. наук / В.Э. Фридман. – М., 2005. – 142 с.
 13. Чернышева, С.А. Правоотношения в сфере художественного творчества / С.А. Чернышева. – М.: Издательство Наука, 1980. – 150 с.
 14. Шмелёв, А.Г. Интернет-сообщество психодиагностов как инструмент профессиональной интеграции и охраны профессиональной тайны / А.Г. Шмелёв, А.С. Науменко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 6. № 30. – С. 31–45.
 15. Шмелёв, А.Г. Тест как оружие / А.Г. Шмелёв // Журнал высшей школы экономики. Серия «Психология». – 2004. – Т. 1. № 2. – С. 40–53.
 16. ЮНЕСКО. Азбука авторского права / Перевод и примечание В.В. Тарасовой. – М.: Юрид. литература, 1982. – 104 с.

N. Baturin, A. Minbaleev

PROBLEMS OF PROTECTION OF COPYRIGHT ON PSYCHOLOGICAL PRODUCTS

Abstract. An attempt to adapt the basic tenets of copyright in the psychological sphere, con-

sider some of the contentious issues of interpretation for the psychology of the general concepts of the works protected by copyright, particularly with regard to psycho-techniques. Allocate a component methods, protected and unprotected by copyright. We analyze the legal status of translated and adapted foreign techniques, including the protection of the trademark techniques.

Key words: copyright, a work product of a psychologist psychodiagnostics, translation and adaptation, a trademark.

Проф. Д.А. Леонтьев:

Уважаемый Николай Алексеевич, статья полна и точна, бьет непосредственно в цель. Есть, однако, некоторые частные вопросы.

Во-первых, к перечню защищаемых АП компонентов психологического продукта. Что имеется в виду: текст со стимульным материалом, или сам их подбор? Но последнее относится к идеям, которые, как прямо сказано в законодательстве об АП, объектом защиты АП не являются. Процедуры проверки методики на надёжность, валидность, достоверность относятся к категории стандартов, то есть анонимных универсальных требований; индивидуальные же способы их проверки, придуманные автором, – непонятно, как они соотносятся с авторским правом. Что касается результатов проверки, то, если они не опубликованы, их, строго говоря, нельзя рассматривать как результаты проверки – они подтверждают надёжность и т.п. только будучи опубликованы согласно профессиональным стандартам, а будучи опубликованы, они автоматически становятся объектом охраны АП как текст. Таким образом, этот пункт излишен.

Во-вторых, важная, но слишком беглая ссылка сделана Вами: «Исключения составляют тесты, предназначенные для научных исследований, которые не издаются на языке оригинала для широкого практического применения». Действительно, немалую часть психодиагностических продуктов представляют собой тесты, созданные прежде всего для научных целей, авторы которых не рассматривают их как коммерческий продукт и охотно допускают свободное и безвозмездное их распространение и использование. Надо сказать, что на тесте “на лбу не написано”, служит ли он для практического или исследовательского применения – одни и те же инструменты используются для научных целей, если их данные применяются в обобщенном виде для вывода общих законо-

мерностей, и для прикладных – если результаты тестирования служат для характеристики индивида (я, конечно, чуть упрощаю). Главное, что автор (и никто, кроме автора!) вправе отнести свой продукт к категории произведений, свободно обращающихся через механизм открытой публикации. Этому различению двух разных возможных легальных правовых режимов бытования методик, которые по внешним объективным признакам отнести к тому или другому не получается, следует уделить гораздо больше внимания, во избежание правовых коллизий. Например, в прошлогоднем решении Президиума РПО, принятом, если не ошибаюсь, в Вашей, Николай Алексеевич, редакции, значится пункт, что РПО вправе и даже должно применять санкции к авторам, нарушающим режим секретности и обнародующим свои инструменты, что входит в прямое противоречие с Гражданским кодексом, признающим только за автором право распоряжаться судьбой своего произведения.

Лет 30 назад, когда я начинал работу в психодиагностике, я тоже принимал близко к сердцу опасность опубликования тестов за пределами профессионального сообщества, как чего-то для них губительного, и даже опубликовал в одном из научно-популярных изданий некролог тесту Айзенка с подробным комментарием. Тест Айзенка, однако, жив до сих пор, и мои опасения оказались преувеличенными. Это не значит, конечно, что можно позволить публиковать профессиональные тесты на каждом углу, в общем и целом моя позиция совпадает с позицией Николая Алексеевича – в общем и целом, но не в частностях. Важно не перегнуть палку в другую сторону, приставив надсмотрщика к каждому автору и, по советской модели, защитив его от его прав....

Самое важное, как мне кажется, что нам нужно сделать сейчас – признав, что мы находимся в переходном периоде в плане правового статуса психодиагностических инструментов, и приняв идеальную модель конечного желаемого состояния (во многом обсуждаемая статья может быть взята за основу), наметить плавные пути перехода от нынешнего несовершенного состояния к светлому будущему. Именно в этих частностях видятся главные проблемы сообщества.

Проф. Н.А. Батурич:

... У меня нет иллюзий по поводу быстрого освоения правовой культуры психодиагностами, и тем более еще более сложного

– изменения реальных действий психологов. Статья написана не для того, чтобы продемонстрировать образец или идеал. Просто в ней написано то, как это выглядит с позиций закона. А есть еще жизнь, есть реальный уровень правосознания граждан, в том числе и психологов. Есть общая для всей страны убежденность: «Закон, что дышло, куда повернул – туда и вышло».

Теперь о вопросах, которые очень важны, т.к. только разбирая их и приходя к консенсусу, мы будем наполнять содержанием абстрактные формулировки законов.

Вопрос 1. Об охраняемости индивидуальной конструкции субтеста.

Действительно, «идеи не охраняются», а в тесте последняя инстанция «идей» – это конструкт. Он – порождение теоретических взглядов на исследуемое явление, иногда формулируемых в концепте. Это то, что не охраняется АП «сверху». «Снизу» не охраняются отдельные пункты субтеста или шкалы, если они не содержат индивидуальной творческой мысли. Так что же тогда охраняется АП в стимульном материале? Что остается охраняемым? На мой взгляд, «индивидуальная конструкция», т.е. авторский состав пунктов и их последовательность (структура) – это не идея, а то, чего удастся добиться автору кропотливым трудом в пилотных психометрических экспериментах, то, что на практике является не результатом реализации «идеи», а скорее результатом процессов проверки надежности, например, по согласованности. Или валидности, например, когда она оказалась неудовлетворительной и приходится возвращаться и изменять состав и структуру пунктов.

Вопрос 2. Процедуры и результаты...

На мой взгляд, к категории стандартов в надежности, валидности и достоверности относятся только уровневые критерии – величины показателей надежности (например, величина альфа-Кронбаха), валидности (заданная величина коэффициентов корреляции и т.д.). Например, необходимая их величина указана в стандартах BPS, а сейчас и ЕФРА.

А вот сама процедура проверки методики – это индивидуальное творчество разработчика. У нас мало об этом еще говорят, но психометрические эксперименты – это вышедший пилотаж в разработке теста, это настоящие эксперименты, являющиеся плодом индивидуального творческого процесса автора, результаты которого автор обычно приводит в Руководстве. Поэтому, на мой взгляд, Процедура охраняется АП.

Что касается результатов проверки,

то они могут охраняться как простой текст в виде таблицы, графиков или описания. У нас пока не очень принято оформлять все результаты расчетов в технические отчеты (в приличной компании – это норма), которые издатель обязан предъявить при первом же требовании грамотному покупателю, рецензенту или эксперту при прохождении процедуры сертификации. Например, технические отчеты проверки OPQ 32 (SHL) по каждому виду валидности – это 50-60 страниц текста, таблиц, графиков. Причем они, как правило, не публикуются. Кто будет покупать и читать 200-300 страниц сплошных расчетов? Кроме того, и процедуры, и технические отчеты, даже если они не опубликованы, но напечатаны и обнародованы (в кругу разработчиков) они охраняются АП.

Вопрос 3. Про тесты для научных исследований.

В сознании наших психологов и даже психодиагностов не разведены методики для исследовательских целей и психодиагностических целей, в том числе и с позиций АП. Хотя это различие «написано на лбу» методики и эта надпись – «стандартизация». Методика является только исследовательской, если ее автор не провел процедуру стандартизации. Для научных исследований она абсолютно не нужна, т.к. в расчетах правильнее использовать «сырые» данные, поскольку перевод в шкальные, расчет или установление норм – это всегда искажение исходных данных (хотя в итоге и получается более нормальное распределение).

Методика является психодиагностической (в узком значении этого слова), если проведена процедура стандартизации: установление каким-либо способом норм для выявления индивидуальных особенностей. Психодиагностическую методику можно использовать в исследовательских целях, отказавшись при расчетах от норм, а исследовательскую методику использовать в качестве психодиагностической – без стандартизации вообще-то нельзя. От автора (если он остался правообладателем своей методики), а не продал свои права издателю, полностью зависит судьба его методики. Он может даже отказаться от охраны АП и исследовательской, и психодиагностической методики и пустить ее в свободный оборот.

Почему мы с Александром Георгиевичем Шмелевым настаивали на введении у нас в стране «подневольной» нормы неопубликования в открытой печати тестов полностью, с ключами и интерпретациями:

1. В психодиагностике существует режим «профессиональной тайны» (А.Г. Шмелев), поскольку тест как вид оружия может нанести вред неподготовленному читателю и даже неподготовленному психологу. Только поэтому в отличие от других видов произведений автор психодиагностической методики не может принимать решения: что хочу, то и сделаю со своим произведением. Подобно тому, как изобретатель нового вида взрывчатки или лекарства с наркотическим эффектом не может опубликовать в открытой печати своего произведения, даже если очень захочет.

2. В России издательства книг, например, «Речь» и другие беззастенчиво печатают все подряд, не задумываясь об охране авторских прав, часто неведомых для них правообладателей. Так пусть хоть не вредят психологии и людям. При этом они, наверное, искренне считают, что совершают «благо» – снабжают по дешевке бедных психологов диагностическими методиками.

3. В России слишком мало разрабатывается методик, чтобы ими можно было «разбрасываться», публикуя их в широкой печати. Даже если автор сам не понимает, что творит. Конечно, никто не может автору запретить опубликовать свою методику, и мы в Постановлении не запрещаем – публикуй, но учитывай специфику своего произведения, публикуй, но по нашим профессиональным правилам: без полного текста, ключей и т.д. При этом в Постановлении мы предупреждаем его, что его методика, опубликованная не по профессиональным правилам, уже не может, а в перспективе и не будет, признана профессиональным сообществом как психодиагностическая, поскольку всегда будет существовать при ее использовании вероятность фальсификации ответов при отборе или экспертизе. Наконец, в Постановлении автора предупреждают, что его методика даже в перспективе не может быть сертифицирована, а значит, допущена для оказания услуг в области психодиагностики.

Проф. А.Г. Шмелев:

Дорогие коллеги! Мне очень нравится этот серьезный диалог. Мне кажется, что при таком формате дискуссии («на людях» и в письменной форме) мы более ответственно сами начали подбирать слова и аргументы и сами растем в качестве и точности постановки тех вопросов, которые нас волнуют как ответственных представителей нашей науки и нашего профессионального сообщества. ...

Постановление Президиума РПО 2008 года должно было вызывать хоть какую-то ориентировочную реакцию на проблему охраны авторских прав на психологические продукты (кстати, все еще довольно-таки вялую, по моим оценкам, так как у нас в РФ пока не начинают штрафовать, сажать ... трудно привлечь общественное внимание к событию).

В новой редакции надо было бы учесть права самого автора (только его самого!) на выбор судьбы своего детища. Это не было сделано, увы. Следовало бы разделить 2 типа методик: 1) публичные, 2) ДСП (устаревшая аббревиатура, давайте придумаем что-то более современное). Надо явно признать, что любые публичные методики (опубликованные в полном объеме без контроля за распространением) имеют риск **не работать** вообще, так как они становятся потенциально доступными испытуемым. И РПО (и его органы) в этом случае не должны отвечать за этот риск. Так решил автор, и это его право. Вообще-то если внимательно почитать сам текст постановления, то определенные предпосылки для предлагаемого различения в нем можно найти. См. в частности, последнюю фразу в п. 1: «Исключение составляют публикации открытых и развлекательных методик, авторы (или издатели) которых в примечании к самой публикации заявляют, что данные методики ориентированы на самопознание испытуемых и не могут использоваться в качестве инструментов оказания профессиональных психодиагностических услуг».

Проф. Д.А. Леонтьев:

Сравнение «тестов с видом оружия, которое может нанести вред неподготовленному читателю и даже неподготовленному психологу», мне кажется сильно преувеличенным и демонизирующим психодиагностику. Вред неподготовленному пользователю может нанести непрофессиональная, неработающая и даже развлекательная методика не меньший, а то и куда больший, чем профессиональная, да и в определении этого вреда я, как человек не понаслышке знакомый с вопросами судебной экспертизы спорных вопросов воздействия на личность, сильно затрудняюсь. Я, безусловно, не отрицаю, что вред «может быть» нанесен, однако утверждение, что вред от бесконтрольного распространения тестов заведомо больше, чем вред от свободной продажи учебников и популярных книг по психологии ни в одном суде доказать не удастся.... Аргумент «в принципе, может

принести вред» недостаточно убедителен. В нашей правовой ситуации, когда законодательно не определены люди, уполномоченные (кем?) ставить психологический диагноз (где его точные границы?) и, соответственно, остальные, такого права не имеющие. Пока же утверждения об «оружии» остаются лишь эмоциональным выплеском, а сравнение со взрывчаткой и наркотиком – эффектным риторическим приемом, лишенным, однако, логического основания.

Карать нарушения издательствами авторских прав позволяет и нынешнее законодательство более прямым и простым способом. Многие авторы, знающие о них (хотя бы я сам), просто не хотят связываться – хлопотно и себе дороже. Реальную пользу РПО могло бы принести, если бы в централизованном порядке, создав единую небольшую структуру, взяло на себя хлопоты по судебной защите нарушенных прав авторов – членов РПО, тем самым повысив привлекательность этого членства и получая долю от полученных от нарушителей штрафов в пользу авторов. Это было бы, между прочим, важным шагом по формированию соответствующего правосознания как психологов, так и издателей и читателей этих изданий, да и пиар для РПО был бы немалый.

Проф. Н.А. Батурин

.... На моей памяти наше уважаемое Общество ни разу не приняло (кроме этого Постановления) ни одного документа, регулирующего деятельность психологов в области психодиагностики. Для примера, в США еще в 1993 году по инициативе АПА и Министерств обороны, труда и образования был создан Государственный комитет по тестированию и оценке.

Кстати, в тексте Постановления нигде не сказано, что авторам методик не разрешается или запрещается публиковать свои методики так, как они захотят. В тексте только рекомендуется и авторам и издателям публиковать методики в соответствии с профессиональными нормами. И вы сами привели текст из Постановления, где разведены требования к публикации профессиональных методик и тех, авторы которых сами ОТКРЫТО заявляют, что их методики не годятся для оказания УСЛУГ в области психодиагностики (требования к подобным методикам в главном едины во всем мире.) Поскольку оказание услуг охраняется уже не только профессиональными нормами и правилами, а законами о Правах потребителя.

А вот когда издатель в анонсе к издаваемой книжке с тестами, ключами и нормами пишет, что они предназначены, чтобы их использовать в **практической работе психолога**, а в тексте нет ни слова о их проверке на валидность, надежность и достоверность, и возникает подозрение, что авторы о требованиях такой проверки вообще не знают, то здесь уже надо обсуждать не ущемление гражданских прав авторов, а говорить о защите прав граждан от нанесения им «возможного вреда». При этом, на мой взгляд, не стоит взвешивать величину этого вреда (то, что он есть, знают во всем мире), а принимать посильные профессионалам меры, чтобы его предотвратить.

О методиках для научных исследований или для самопознания.

Во-первых, сразу отмечу, что мы в последней части нашей дискуссии оставили область АП, определяемую законами РФ, и перешли в область, которая регулируется писаными и неписаными нормами и правилами социальных групп, в данном случае нормами профессионального сообщества психодиагностов (здесь я не имею в виду РПО). Отклонение от этих норм крайне редко становится предметом судебных процессов, а решается в рамках профессиональных сообществ. Отсутствие в сообществе норм, накладывающих, в том числе, и ограничения на своих членов, означает отсутствие границ сообщества и потерю членами сообщества своей идентичности.

Во-вторых, любые нормы в чем-то ограничивают гражданские права своих членов. Эти ограничения и самоограничения, на мой взгляд, необходимы, поскольку при всем желании ни один законодатель не может описать в законах все тонкости взаимоотношений профессиональных сообществ и их отношений с остальным обществом.

В-третьих, мы не «преувеличиваем и демонизируем психодиагностику». Напомню о Постановлении ВКП(б) 1936 года о педологии, в которой главной мишенью были тесты и тестологи. С чего бы это высшему органу государства обрушивать такой удар **по безобидной науке и практике**? Дело дошло до уничтожения всех тестов и физической расправы с некоторыми тестологами. А сколько лет потом тестология была на государственном уровне буржуазной лженаукой?

Это тоже о чем-то говорит. В США тоже был период серьезного государственного и общественного гонения тестологии и тестологов. Причем и в первом и во втором случае у общества и государства были серьезные и, на

мой взгляд, оправданные претензии и к тестам и к тестологам. А все по тому, что профессиональные сообщества психологов не сподобились вовремя выработать нормы и правила тестирования представителей разных «классов», национальных меньшинств, инвалидов, неграмотных и т.д.

В-четвертых, о практике, например, школьного психолога в провинциальном городе, которых теперь тысячи и тысячи. Известно к чему приводят безобидные книжечки с полным комплектом тестового материала. Какое возмущение в обществе вызывает поголовное тестирование всех и вся и психологами и «продвинутыми» педагогами, которые с беззащитной простотой тут же бегут поделиться полученной «информацией» (ведь и «нормы» у них под рукой) с начальством, учителями и одноклассниками. Вот о том, как ограничить гражданские права протестированных граждан, мы должны в первую очередь заботиться. Не случайно в одной из газет недавно увидел статью «Осторожно – психолог!».

Какие еще обоснованные аргументы нужно привести, чтобы показать, что неконтролируемое распространение тестов и вызванное этим бесконтрольное тестирование может нанести вред и гражданам и психодиагностам. Поэтому считаю, что задача профессионалов, чтобы уберечь свое сообщество от вполне возможных ударов, заключается в том числе и в выработке (в чем-то ограничивающих права психологов) норм, стандартов, процедур сертификации.

Во всей отечественной психологии и психодиагностике в частности крайне необходимы перемены. Например, все мы ответственны за то, что у нас в стране нет не только Этического кодекса психодиагноста и Кодекса хорошего тестирования (АПА), но по сути дела нет даже общего Этического кодекса психолога. Если не считать принятого на III съезде РПО (2003) Этического кодекса РПО, о котором мало кто знает и в котором есть, например, предписание какого размера (в см) по высоте и ширине должна быть табличка на кабинете психолога-консультанта.

Естественно, я поддерживаю предложение создать в РПО юридическую структуру, защищающую АП ее членов. Однако, неплохо зная реальную ситуацию, думаю, что это практически невозможно. ...

Проф. Д.А. Леонтьев:

Мне кажется, предмет разговора надо еще больше дифференцировать, чтобы минимизировать эмоционально-полемическую

составляющую и максимизировать предметно-содержательную. *Начну с того весьма обширного перечня пунктов, по которым есть согласие.*

1. Как и любые авторские произведения, психодиагностические методики подпадают под действие авторского права. Их бесконтрольная перепечатка теми, кто эти права не приобретал, часто даже без указания имен авторов тестов, переводчиков, авторов адаптаций и сопроводительных текстов, то есть с нарушением не только имущественных, но и неимущественных прав, противозаконна даже с позиций действующего сегодня в РФ гражданского права. Нет только практического механизма реализации защиты прав, и его надо пытаться создать. Думаю, начать работать эта структура может со штатом 3 человека (эксперт-психолог, юрист и секретарь-машинистка) и действовать может на самоокупаемости, ибо смысл ее работы – выбивание из нарушителей штрафов в судебном и досудебном порядке, доля которых может вполне обеспечивать функционирование и дальнейшее расширение этой структуры. Этот пункт относится к любым так называемым методикам, независимо от их профессионального качества и обоснованности, просто в силу их статуса авторских произведений.

2. Те продукты, которые заслуживают названия профессиональных, характеризуются психометрической обоснованностью, т. е. наличием проверки на надежность, валидность, достоверность, наличием корректно собранных норм и т.п. В любой сфере профессиональной деятельности психолога, по идее, должны применяться только такие методики. Здесь, правда, сразу возникает одна заковыка. Все эти требования были выработаны в русле психометрической методологии. Методики, построенные по другим принципам, например, проективные методики, испытывают большие проблемы по части соответствия этим критериям, например, ТАТ, тест Роршаха, проективные рисунки, в профессиональном статусе которых сомнений нет – во всяком случае, в профессиональном сообществе есть консенсус по поводу отнесения этих методик к профессиональным. Уже много десятилетий продолжаются дискуссии – то ли этим методикам приписаны вымышленные достоинства, то ли психометрические критерии не универсальны....

3. Неконтролируемое распространение продуктов, эффективность которых не подтверждена соответствующими проверочными испытаниями, в том числе развлекательных

“тестов”, потенциально вредно, ибо выводы, которые они дают, не связаны причинно-следственным образом с ответами индивида на вопросы “теста”, тем самым они дают заведомо ложную картину. Согласен. Но разве эта картина принципиально отличается от гороскопов, распространяющихся абсолютно неконтролируемо и в гораздо больших масштабах? От гороскопов вроде никто еще не умирал, как и от развлекательных тестов и от многих психологически токсичных телепередач. Вредно-то вредно, но настолько ли страшно? На фоне всей страшно загрязненной ноосферы?

4. Профессиональное сообщество может и должно вырабатывать особые нормы для своих членов, которые задают более узкие ограничения, чем обязательные для всех граждан законодательные нормы. В том числе и в области психодиагностики. ... Вот только дьявол в деталях – оно должно, действительно, сначала их вырабатывать в профессиональной дискуссии, а потом принимать как обязательные для своих членов. Не в обратном порядке, как сейчас происходит.

Теперь то, с чем я все же не согласен.

1. О преувеличении или преуменьшении значения психодиагностики. Наш высший орган ВКП (б), как все хорошо знают, не очень-то разделял безобидных и небезобидных, врагами были те, кто назначен таковыми. О причинах постановления есть разные гипотезы, например, неважные тестовые результаты Васи Сталина.... Во всяком случае, вывод о реальной вредности психодиагностики отсюда никак не следует.

2. ... Есть такой парадокс – наиболее широкое и бесконтрольное распространение получают методики, к категории профессиональных не относящиеся, вся нелегальная «лабуда», которая подпадает под действие законодательства об АП. Но предлагаемые меры не сильно затронут их, а больше осложнят жизнь как раз разработчикам профессиональных тестов. Не вижу, каким образом контроль РПО над своими членами – профессиональными психологами может помочь в решении данной проблемы. Ведь “продвинутым педагогам” абсолютно все равно, какими тестами всех поголовно тестировать – сертифицированными РПО или нет. Путь решения этой проблемы иной – через принятие этического кодекса, через контроль требований конфиденциальности. Сами инструменты, с помощью которых нарушают конфиденциальность, в этом контексте абсолютно не важны.

Подытожу. Важно дифференцировать,

не смешивать предмет разговора. О каких инструментах мы говорим, о нарушениях чего именно идет речь? ... Сегодня важно подумать о том, как стимулировать разработку профессионально качественных и юридически чистых методик, а не, наоборот, осложнять ее публикацию для разработчиков и получение для практиков-пользователей. Я беспокоюсь, как бы не получилось, как нередко бывает, что будучи ведомы благой целью контролировать распространение и ненадлежащее использование нелегальных и некачественных методик, мы создаем такую систему, которую прежде всего ощутят разработчики легальных и качественных, а пиратам все равно будет на все это глубоко наплевать.

У меня есть конкретное предложение, не заменяющее саму идею сертификации и рецензирования, а вводящее ее предварительный, облегченный вариант. Для этого надо принять за основу презумпцию доверия к авторам-профессиональным психологам. Предлагаю начать формировать на одном (или больше) из профессиональных сетевых ресурсов список психодиагностических ме-

тодик с точными библиографическими ссылками, опубликованных в профессиональных изданиях или издательствах известными сообществу авторами с соблюдением авторских прав и указанием рабочих характеристик методик (валидности и пр.) без того пока, чтобы проверять эти данные и оценивать достоинства методик. Мне кажется, что это уже принесет пользователям много пользы, сразу обозначив круг методик, вообще претендующих на профессиональный статус, и обозначит некоторую первичную границу. Критерии просты, однозначны, технически сделать такой пополняемый список несложно, в отличие от давно обсуждаемых нами сложных, хотя, конечно, необходимых процедур сертификации.

Ну и проблема этического кодекса, которая давно назрела и перезрела. С него, по большому счету, надо начинать, потому что он должен носить более общий характер по отношению к более частным профессиональным нормам, регулирующим отдельно психодиагностику, психотерапию, экспертизу и т.п., а не в обратном порядке.

НАШИ АВТОРЫ

Булгакова Екатерина Александровна, научный сотрудник научно-практической лаборатории проблем социализации, факультет психологии Московского государственного областного университета, г. Москва, e-mail: ea_bulgakowa@mail.ru

Воробьева Ксения Андреевна, аспирант кафедры психологии личности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: kseniaprimavera@mail.ru

Гаврилов Станислав Вячеславович, аспирант, Московский психолого-социальный институт (МПСИ), г. Москва, e-mail: ats1981@gmail.com

Дронова Тамара Петровна, учитель. Муниципальное общеобразовательное учреждение «Давыдовский лицей»; соискатель, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, г. Москва, e-mail: dan-td5607@yandex.ru

Евенко Сергей Леонидович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного областного университета

Жильцова О.Н., аспирант, Московский государственный областной гуманитарный институт (МГОГИ, г. Орехово-Зуево), e-mail: soldatovdv@list.ru

Иванова Алла Равильевна, врач-гинеколог, Муниципальное учреждение здравоохранения «Родильный дом № 3» (г. Калининград); e-mail: razvitiekafedra@yandex.ru

Ильясов Илья Имранович, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии образования и педагогики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, e-mail: Ilyasov-i@rambler.ru

Казьмина А.В., старший преподаватель кафедры защиты окружающей среды и промышленной безопасности РГСУ, г. Москва, e-mail: mantissa-m@mail.ru

Комкова Елена Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии Минского института управления (МИУ), г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: lena-komkova@yandex.ru

Крыжановская Ирина Викторовна, доцент кафедры педагогики и психологии Московского государственного университета леса, e-mail: kririna3@rambler.ru

Кузьмина Елена Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Военного университета МО РФ, г. Москва, e-mail: kuzminaell@yandex.ru

Мороз Олег Суренович, курсант 4 курса военно-психологического факультета Военного университета МО РФ, г. Москва, e-mail: kuzminaell@yandex.ru

Никишина Нина Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, г. Курск, e-mail: nan2008@mail.ru

Носс Игорь Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности факультета МГОУ, г. Москва. e-mail: innoss2007@yandex.ru

Панина Елена Владимировна, ассистент кафедры практической психологии, Омский государственный педагогический университет; e-mail: panina.ev@mail.ru

Потанина Лейла Тахировна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник научно-практической лаборатории проблем социализации, Московский государственный областной университет, e-mail: leila652006@yandex.ru

Сердюкова Елена Федоровна, соискатель кафедры общей психологии, Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ), г. Грозный, Чеченская Республика, e-mail: belana01@mail.ru, helena.serdyukowa@yandex.ru

Ситников Алексей Петрович, доктор психологических наук, профессор, президент ICCG (Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт»); заведующий кафедрой политического консалтинга и избирательных технологий ГУ-ВШЭ (Государственный университет – высшая школа экономики), научный руководитель Института коммуникационного менеджмента ГУ-ВШЭ, e-mail: <http://www.sitnikov.com/>

Скворцова Ирина Борисовна, НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, г. Москва, e-mail: ats1981@gmail.com

Славгородская Елена Львовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития и профессиональной деятельности, Московский государственный

областной университет

Солдатов Д. В., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Московский государственный областной гуманитарный институт (МГО-ГИ, г. Орехово-Зуево), e-mail: soldatovdv@list.ru

Токарева Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой практической психологии Уральского гуманитарного института (г. Екатеринбург); e-mail: tochka@planet-a.ru

Филатова Александра Фёдоровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета, г. Омск, e-mail: 89131428403@mail.ru

Филинкова Евгения Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного областного университета; e-mail: Jane421@yandex.ru

Цветков Андрей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования, Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Москва, e-mail: ats1981@gmail.com

Цыганкова Полина Васильевна, аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: polina_tsy@mail.ru

Шibaкова Татьяна Леонтьевна, кандидат медицинских наук, заведующая лабораторией психофизиологических исследований (г. Москва); e-mail: dan-td5607@yandex.ru

Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного областного университета; e-mail: Corona0mundi@mail.ru

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 06.07.2007г. (см. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу vest_mgou@mail.ru прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- ❖ фамилия, имя, отчество (полностью);
- ❖ ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
- ❖ адрес (с указанием почтового индекса);
- ❖ номера контактных телефонов;
- ❖ адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- ❖ желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**, с указанием места работы на английском языке

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7 слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Список литературы**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК

Фамилия И.О.

Университет или организация

с указанием в скобках города, если он не следует из названия

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

И. Фамилия (английский язык)

Наименование учебного заведения на английском языке с указанием в скобках города, если он не следует из названия.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Abstract.....

Key words:.....

Текст статьи.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах

- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркирован

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах

- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать»

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»

в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766 ; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (495) 723-56-31 (Беляева Людмила Валентиновна)

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Психологические науки»

№ 2

Подписано в печать: 05.05.2010.
Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBook C».
Уч.-изд. л. 15,5. Усл. п. л. 11,25. Тираж 260 экз. Заказ № 271.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а.
Тел. (495) 723-56-31

Bulletin
Of Moscow State Regional University

SERIES
«PSYCHOLOGY»

№ 2

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Chemistry, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Director of MSRU Press, Doctor of Philosophy, Associate Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor

Editorial Board. Series «Psychology»:

Bulgakov A.V. Doctor of Psychology, Professor (editor-in-chief)
Barabanschikov V.A. Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor
Kondratyev M.Yu., Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor
Hans Bigert, Honorary professor of MSRU (Germany)
Schneider L.B., Doctor of Psychology, Professor
Shul'ga T.I., Doctor of Psychology, Professor
Yasvin V.A., Doctor of Psychology, Professor
Firsov M.V., Doctor of Psychology, Professor
Kruk V.M., Candidate of Psychology, Associate Professor
Rezvantseva M.O., Candidate of Psychology, Associate Professor
Vaindorf-Sysoyeva M.Ye., Candidate of Pedagogics, Professor
Ivanova M.Ye., Candidate of Pedagogics, Associate Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series « PSCYCHOLOGY». – № 2. 2010. – M.: MSRU Press. – 180 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University » and requirements to the publications for authors are periodically updated with making necessary changes.

© MSRU, 2010
© MSRU Press, 2010